WARHAMMER
40,000
CROSSFIRE
MATTHEW FARRER

Annotation

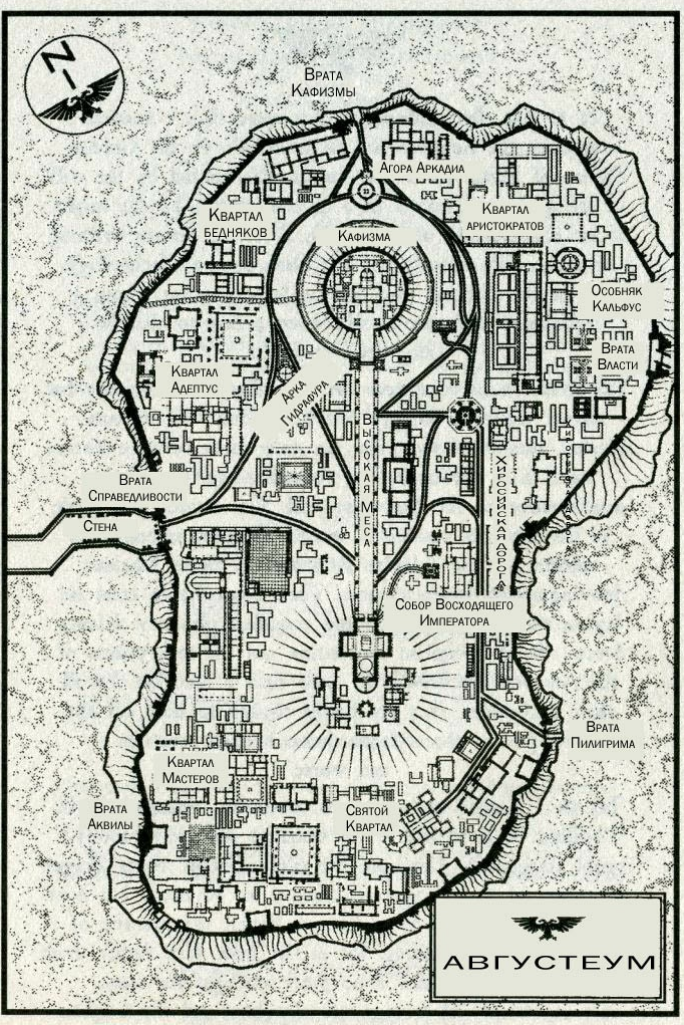
Оживленные верфи системы Гидрафура являются базой для могущественного Имперского флота, где он восполняет запасы, перевооружается и восстанавливается в бесконечном круговороте войны. Недавно назначенная офицером Арбитрес Шира Кальпурния оказывается в самой гуще событий, расследуя серию покушений. Посреди коррупции и обмана гидрафурской элиты, следящей за каждым шагом ее расследования, Кальпурния должна пережить этот перекрестный огонь и представить своих безликих врагов перед Имперским Правосудием.

- ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ОГОНЬ
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ

- ГЛАВА ШЕСТАЯ
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
- ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ОГОНЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ


N
Врата Кафизмы
Агора Аркадия
Квартал бедняков
Кафизма
Квартал аристократов
Особняк Кальфус
Врата Власти
Квартал Адептус
Арка Гидрафура
Высокая Месса
Христианская улица
Врата Справедливости
Стена
Собор Восходящего Императора
Врата Пилигрима
Квартал Мастеров
Врата Аквилы
Святой Квартал
АВГУСТЕУМ

Августеум

Шестой день Септисты

Двенадцать дней до Мессы святого Балронаса.

Фестиваль Семизнака. День Закрытой Десятины (Администратум).

До начала Вигилии святого Балронаса остается семь дней, и все, у кого есть обязанности, долги, поручения или иные государственные либо личные дела, должны стремиться к их завершению. Всегда надо помнить о том, что дела, не законченные к началу Вигилии, являются бесчестьем как пред Церковью, так и перед собратьями.

По обычаю, в этот день, когда хозяева объявляют своим слугам и работникам о выходных на период Вигилии, хозяину подобает быть щедрым, а слуге — благодарным. Начальники должны

устраивать скромные празднества своим работникам, а главы хозяйств — своим семействам; уместен обмен небольшими подарками и сувенирами. Традиционным даром является свиток чистого пергамента или пустой инфопланшет, символизирующий закрытие долгов.

В этот день залы Администратума должны быть заперты, так как эта организация совершает некоторые собственные обряды поклонения. Все десятины должны быть уплачены, а все дела, связанные с Администратумом, закончены, прежде чем залы будут заперты на рассвете.

Праздновать следует с умеренностью и почтением, рабочий день должно окончить службой или молитвенным

собранием, в одеяниях и при условиях, которые предписывает традиция согласно обязанностям и положению верующего. Вечером следует просмотреть свои запасы и удостовериться, что подготовлены правильные предметы и одежды для поклонения на весь предстоящий период, и что как личность, так и дом находятся в чистоте и порядке.

Члены культа Машины из Адептус Механикус не подвержены сильным эмоциям — даже те ордены Механикус, которые не заинтересованы напрямую в физической механике и постепенном преображении собственных тел в кибернетические конструкции, считают идеальную холодность Машины образцом для почитания и подражания. Генетор-магос Кайнез Санджа принадлежал к ордену Биологис и обладал большим пониманием плотских эмоций, чем иные,

но в этот вечер его слабо утешала способность точно каталогизировать вспышки мозговых нейротрансмиттеров, их реакции и взаимодействие мыслей и стимулов, не говоря уже о писаниях и псалмах культа Машины, восхваляющих чистый интеллект. Здесь, в своих собственных владениях, в самом святилище Адептус Механикус в округе Адептус, в том, что предположительно являлось наибезопаснейшим анклавом в столичном улье мира-крепости Гидрафур, Кайнез Санджа оказался под осадой. Он чувствовал неудовольствие, он был раздражен и — к собственному стыдению — зол.

Сквозь стены проникал шум от беспорядков, творящихся снаружи. Санджа стоял в тамбуре за огромными адамантитовыми вратами святилища и прислушивался, наклонив голову и закрыв глаза. Получасом ранее он прервал связь с внешними оптиконами, не желая более взирать на то, что там происходило, но сейчас из вокодера, встроенного в горло его ассистента, брата-кандидата Хаима,

раздалась четырехсекундная очередь ультразвукового машинного кода. Санджа неохотно распаковал и просканировал ее, и в мозгу аккуратно развернулись доклады и расшифровки сообщений.

И были они неприятны. Улицы, ведущие к башням Администратума, были перекрыты, дом учета и общежитие ординатов окружены. Мост над плавучими садами, что вел к Скриптериям, оказался отрезан, об отважной группе адептов из башни генерала-прокуратора, которая пыталась прорваться по безнадежно утраченной улице Перьев, никто ничего не слышал. Похоже, что Квартал Адептус более не принадлежал Адептус.

Словно для того, чтобы подчеркнуть все это, раздался громкий глухой стук, который как будто доносился и из-за стен, и из-под пола одновременно. Санджа нахмурился и прогнал через встроенные в череп тончайшие слои аугметики ряд точных изменений настроек, но стены все равно приглушали звуки настолько, что нельзя было разобрать ничего, кроме ритмичных, сотрясающих здание ударов и

очень слабых отзвуков грубых криков. Он снова задумался, почему же никто не счел необходимым поднять пустотные щиты.

Жрец открыл глаза и посмотрел вокруг, чтобы найти покой — насколько это было возможно — в том, что его окружало. Тамбур представлял собой укороченный четырехугольник, чьи измерения были высчитаны с точностью до миллионной доли миллиметра, чтобы воспроизводить пропорции, если не сам размер, тамбура в святилище высшего генетора на Марсе — в мире-средоточии Механикус. Пол из черной стали был инкрустирован золотом и рубинами, что образовывали залитые светом узоры электрических цепей и алхимические фигуры. Бордюры на стенах состояли из рядов поршней и клапанов из полированной латуни, чье постоянное беззвучное гидравлическое движение переносило туда и обратно записанные двоичным языком катехизисы, восхваляющие Бога-Машину. Откинув глухой капюшон на плечи и запрокинув голову, генетор-магос созерцал механизмы над собой: множество слоев

сцепленных друг с другом шестеренок, простейших, но при том наиболее святых символов жречества Механикус, которые невесомо парили и медленно вращались в воздухе, скрывая собой потолок.

Санджа пробормотал молитву и ощутил, как дрогнули электросхемы, вытатуированные вокруг глазниц, когда он соединил свое зрение с оптиконом, встроенным в стальную горгулью на стене, и осмотрел самого себя глазами духа машины.

Пышное алое облачение техножреца, в которое он был одет, как будто сверкало даже в тусклом свете, озаряющем тамбур. Позади, обрамленные очертаниями вторых огромных врат, что вели в центральный клуатр святилища, виднелись члены его свиты, с достоинством выстроившись в церемониальном порядке и ожидая его приказов. Хаим стоял в двух шагах за правым плечом Санджи. За ними находилось четверо скитариев, преданных воинов-храмовников культа Машины, в отполированных до блеска панцирях, пронизанных кибернетическими кабелями

и проводами, с силовыми секирами в руках. По бокам каждого скитария окружало двое стражников-сервиторов, неразумных, выращенных в чанах автоматов, вооруженных собственными механизированными имплантатами. Они держались рядом, сдержанно опустив стволы орудий. Два светящихся черепа, каждый из которых был наполовину окован листовым золотом и снабжен гроздьями воспринимающих устройств и техадендритов, парили в воздухе над плечами Санджи.

Тамбур был невелик, но его высокий свод терялся в тени над слоями незакрепленных шестеренок. Хоть свита и была мала, ее строй тянулся на всю ширину помещения.

Генетор-магос издал негромкий звук одобрения, почувствовав себя сильнее благодаря этому мигу созерцания. Его не запугать здесь, в его собственном храме. Что бы не происходило там, снаружи, они встретят это, как подобает их статусу.

— Пора, магос, — на сей раз слова Хаима донеслись из его собственного

горла, а не пластины вокодера. — Вы просили, чтобы вас оповестили.

Санджа не ответил, что было совершенно правильно для официального лица, но просто отключился от горгульи, помедлил мгновение, чтобы перестроиться на обычное зрение, а затем сделал шаг вперед и при помощи передатчика над правым виском приказал вратам открыться.

Первым, что ворвалось внутрь, была лавина шума, и Санджу едва не передернуло, прежде чем он успел притупить свои чувства и поставить фильтры. То, что при закрытых дверях казалось глухим стуком, оказалось оглушительным грохотом, который был физически ощутим — как будто кто-то быстро постукивал его в грудь и дергал за одежду. Сквозь этот грохот можно было различить крики, вопли, визг и, периодически, звук бьющегося стекла или разлетающейся в куски пластмассы. Воздух полнился дымом и испарениями, так что бесчисленные толпы, кишащие у подножия ступеней, становились

неразличимыми на расстоянии пятидесяти метров, а на сотне превращались в невидимый источник гвалта.

Санджа и не пытался гадать, сколько же их набилось на площадь, но он видел, как на ней размещались тысячи людей, когда крестные ходы Адептус собирались в этом полукилометровом круге из покрытых гравировкой плит. То было вдохновляющее зрелище — идущие ряд за рядом избранные слуги Императора, озаренные щедрым золотом гидрафурского солнца — но это... фактически, это выглядело почти как намеренное издевательство над теми процессиями. Санджа мог разглядеть отсюда ряд кричаще ярких грузовиков и платформ, которые явно съехались на собственный дьявольский парад. Они были покрыты нелепыми конструкциями из фольги и пластика, которые неубедительно придавали им облик «Лэндрейдеров» Астартес, махин-«Левиафанов», повозок с реликвиями Экклезиархии и каких-то других машин. В кузовах и на крышах

толпились танцоры и клоуны, разбрасывающие всякие безделушки и сладости. Санджа не испытывал ни малейшего желания отрегулировать имплантаты в коре мозга, чтобы разглядеть их более четко: двигаясь вперед вместе со своими спутниками торжественным церемониальным шагом и медленно ступая в унисон, он видел более чем достаточно.

У подножия рампы, ведущей к дверям святилища, возвышались два обелиска из алмазного стекла, каждый — на металлическом пьедестале высотой по пояс. На левом пьедестале стоял пухлый молодой человек со светлыми волосами, забранными в хвост, одетый в подобие комиссарской униформы с фуражкой, сбившейся на ухо. Он выгребал из карманов засахаренные нугаты или какую-то стимулирующую жвачку и швырял в радостно вопящую кругом толпу. Другой, тоже полный паренек в неубедительном подобии молитвенного платка Экклезиархии пытался вскарабкаться на пьедестал, схватившись за его лодыжки, но

был слишком пьян, чтобы подняться. Подножие правой колонны кишело телами в одеждах разных оттенков зеленого цвета — пародиях на флотскую униформу или мантии Схоластии Псайкана. Женщина, одетая в то, что, как она скорее всего думала, было униформой имперского легата, вытащила бутылку, отщелкнула пальцем крышку и облила содержимым своих весело визжащих и теперь к тому же липких товарок. Крепкий мужчина в мантии писца Администратума схватил ее за талию и впился ртом в ее губы.

В море тел не было ничего вселяющего надежду: повсюду виднелись отвратные, чрезмерно украшенные попытки воспроизвести одеяния Сестринства, шлемы арбитров, униформы военных и служителей Администратума самого разного толка. Несмотря на твердое намерение оставаться спокойным, Санджа вознегодовал, увидев быстро мелькнувшую в толпе щеголеватую, расшитую блестками пародию на его собственное алое кимоно Адептус Механикус с печатями и значками,

уродливо налепленными не на те места. А его гостьи все не было. Уже пора, или еще нет? Хаим просчитался, и Санджа не одобрял перспективу стоять тут и созерцать это зрелище хотя бы на секунду дольше, чем необходимо.

Один-два человека внизу заметили, что двери открылись. Они еще были не настолько пьяны, чтобы вознамериться подняться по рампе, но начали улюлюкать и приветственно кричать. Санджа собирался уже вернуться внутрь, когда увидел тех, с кем, судя по всему, должен был встретиться — сквозь стену блесток и шума проталкивался клин из дюжины Адептус Арбитрес в черных униформах, слишком строгих, чтобы быть бутафорией. Всего в нескольких шагах от нижней ступени они вдруг остановились. Сандже потребовался момент, чтобы сконцентрировать слух и понять, в чем проблема.

— Отойдите в сторону, — прозвучал голос главного арбитратора — она была на голову ниже своих спутников, а ее броню украшали знаки почета, которые Санджа

без колебания счел подлинными.

— Ууу! Есть, мадам! Дорогу ее справедливости!

Хихиканье. Другая женщина, гораздо моложе и значительно более пьяная. Санджа решил, что это была та, что стояла спиной к нему, с высоко взбитыми и выкрашенными светящейся краской волосами, одетая в аляповатое подобие форменного мундира, какой носит префект Администратума. Одежда была маловата на размер.

— Это не шутка, и я не в настроении шутить. В сторону, черт побери!

Санджа рефлекторно напрягся — его сенсоры уловили гудение заряжающегося силового оружия.

— О, настоящая? Где взяла? Это же натуральная штуковина арбитров, как ее там, ну... силовая палка, короче. А я — одна из этих, Администр... из Администратума, ну этот... Преф... перф... Хороший штришок, кстати.

Снова хихиканье. Кто-то другой невнятно повторял «Арестуй ее! Арестуй!». Девушка схватила какую-то склянку.

— Давайте-ка выпьем за эту арбитскую штуку и за мою новую подружку, хоть у нее, надо сказать, очень скучный костюм. Ну, ты знаешь... не, дай закончу, ты очень, ты вообще реально вошла в роль.

— Я не играю никакую «роль», женщина. Это — печать арбитра-сеньорис Гидрафура. Отойди в сто...

— Слушай, это, арбитр се... как тебя там, утомляешь уже. Надо те выпить и...

Хрясь. Санджа невольно поморщился.

Не обращая внимания на причитания людей позади, арбитр пошла, печатая шаг, по лестнице, к ожидающему наверху Санджа; отделение двигалось следом, в руке у нее шипела силовая дубинка. На верхней ступени женщина движением большого пальца отключила поле и с видимым усилием расслабилась; оба сделали шаг вперед, приветствуя друг друга. Санджа вытянул одну руку из рукава и сделал жест Великого Двигателя, а его гостья щелкнула каблуками и прикоснулась дубинкой ко лбу, после чего переместила правую ногу на полшага назад

и совершила легкий поклон — то был краткий салют старшему по званию Адептус.

— Именем искусного и непреходящего Бога-Машины я приветствую вас в его храме и под сенью его благодати. Да хранит вас чудо Машины, — Сандже пришлось повысить голос, чтобы преодолеть гвалт. — Я приветствую вас и собственным именем, именем Кайнеза Санджи, магоса и генетора великого культа Механикус, и клянусь в своем благоволении во имя Императора-Омниссии.

— Я принимаю и возвращаю ваше приветствие и скромно выражаю свое уважение к Механикус, — ответила гостья. — Шира Кальпурния Люцина, арбитр-сеньорис из Адептус Арбитрес, приветствует вас, служа Имперскому Закону и Богу-Императору Земли. Император хранит.

— Благодарю. Я полагаю, вы согласитесь с тем, что это не место для высоких церемоний. Не соблаговолите ли вы пойти со мной?

Санджа с нетерпением ждал, когда же врата храма снова отделят его от толпы. Арбитр наверняка чувствовала себя так же. Санджа вежливо отступил назад, пока она раздавала какие-то краткие инструкции своим подчиненным. Те разошлись полукругом, повернувшись спинами к вратам, и стояли на карауле, пока свита Механикус не вернулась в святилище. Арбитр-сеньорис прошла следом, когда он величаво проплыл между створками.

Когда адамантитовые плиты начали сдвигаться, Санджа ненадолго рискнул достоинством, бросив взгляд через плечо: примерно дюжина гуляк столпилась вокруг распростертого тела девушки со светящимися волосами. По большей части они пялились вверх, на храм, или заламывали руки. Санджа высокомерно повернулся к ним спиной и позволил створкам с грохотом закрыться.

Зиккурат Механикус, выстроенный в точных геометрических пропорциях, поднимался над их головами, а подножием

зарывался в стену Босфорского улья, но все, что Санджа хотел обсудить со своей гостьей, находилось в верхних залах.

Когда они шли через тамбур, где встроенные в притолоки внутренних дверей сервиторы-часовые пели благословения на двоичном языке, Санджа увидел, что его гостья сняла шлем и удивленно созерцала технические таинства вокруг себя. Он одобрительно кивнул: она была впечатлена и платила ему ответным комплиментом, демонстрируя свои чувства. Когда песнь закончилась, и они поднялись на лестницу с более ярким освещением, он рассмотрел ее немного подробнее.

Она была на голову ниже его и двигалась непринужденно и уверенно. Черты лица были правильными, зеленые глаза отдавали холодом, но ярко светились интеллектом. Темно-золотистые волосы, выбившиеся из-под шлема, ниспадали чуть ниже ушей, вокруг рта и глаз виднелись первые намеки на морщинки. Выражение ее лица было суровым, и Санджа подумал: то, что

вызвало эти морщины, наверняка было недобрым. Три параллельных шрама, давно затянувшихся и ставших не более чем прямыми аккуратными розовыми линиями, тянулись от левой брови и исчезали под волосами.

Они прошли сквозь внутренние двери в широкий клуатр, который уходил в центр башни. По обеим сторонам от него ответвлялись лестницы. Стены и пол здесь были из грубого серого рокрита, и контраст с богато украшенным тамбуром, похоже, слегка обеспокоил женщину. Она немного отстала, когда они прошли по длинному лестничному пролету и повернули в коридор, ведущий к девоторию генетора. Она выглядела сдержанной и полной почтительности, и он понял, что арбитр не уверена, можно ли ей говорить. Решив побыть гостеприимным хозяином, Санджа тоже замедлил шаг и пошел рядом с ней.

— Мы подготовили церемонию, еще когда вы только выехали, поэтому можно начинать, как только скажете. Однако ваша поездка сюда оказалась... несколько

менее безмятежной, чем обычно бывает в этом квартале. Если пожелаете очистить свой разум и подготовить себя, прежде чем мы начнем, мой помощник покажет вам, как пройти к кельe. Она маленькая, но тихая.

— Благодарю, мастер генетор, но я готова. То, что произошло снаружи, вызвало раздражение, но не нарушило равновесие, как я думаю.

— Достоинство и сдержанность — похвальные качества. Я это одобряю, арбитр Люцина. Сюда.

— Кальпурния.

— Прошу прощения?

— Арбитр Кальпурния. Извините, мастер Санджа. Я не подумала об этом. В формальных приветствиях я использую протокол Ультрамара. Фамилия идет второй, личное имя третьим. Здесь я — Шира Кальпурния, так же, как вы — Кайнез Санджа, — она с извиняющимся видом улыбнулась. — Простите еще раз. Я не хотела обидеть вас.

— Я не обижен, арбитр Кальпурния.

Он увидел, что она расслабилась, а

потом, к его тайному веселью, опять напряглась, проследовав за ним в двойные лакированные двери девотория. Это была небольшая узкая комната со стенами, покрытыми красными панелями, и потолком, на котором танцевали голографические скульптуры молекул аминокислот. Ее подготовили именно так, как приказал Санджа — два ряда сервиторов с медицинскими флягами формировали коридор, ведущий к подушечке-подставке для коленей, лежащей перед святилищем. Реликвии на алом алтарном покрывале — центрифуга, инъекторная перчатка, геномы святых Механикус, высеченные на свитках из тонкой, как бумага, стали — отражали мягкий золотистый свет ламп.

Кальпурния с порога отдала честь алтарю и немедленно пошла к подушечке, снимая на ходу свой полупанцирь. Санджа встал лицом к ней у другого края алтаря, Хаим взял у нее броню. Она расстегнула верх форменного обтягивающего комбинезона, не дойдя до груди, но оголив плечи и спину. Она все еще сохраняла

хладнокровный вид, но Санджа теперь смотрел на нее глазами люминантов вдобавок к собственным, и в мозаике образов, льющихся в аугментированную кору головного мозга, он видел опасение, демонстрируемое температурой тела, кислотностью кожи, мозговыми волнами. Люминанты полетели вдоль ряда сервиторов, щелкая дендритами, забирая и загружая сосуды биотической жидкости, вытянули инъекторы, а потом безмолвно подплыли к алтарю и повисли за плечами Кальпурнии, выставив из дендритов сверкающие веера иголок.

Санджа пробормотал короткое благословение на высоком готике, потом переключился на машинный код и приказал люминантам действовать. Кальпурния на миг задержала дыхание, когда иглы вошли под кожу, а потом люминанты снова поднялись в воздух, и дело было сделано.

— Идите за мной.

Санджа спустился с алтарного возвышения, но Кальпурния к тому времени уже встала и снова натянула комбинезон. Хаим подошел с панцирем в руках. Она

повернулась, втиснулась в броню и застегнула ее, едва поморщившись, потом снова пошла в ногу за Санджей, который вывел ее обратно в тамбур и в галерею, которая окружала центральный зал храма.

— Немного походим, — сказал он. — Движение поможет елею впитаться быстрее. Хаим должен был дать вам амулеты... — она подняла их. — Хорошо. Железное Колесо и Спираль Кадуцея — сильные талисманы Механикус. Сожмите их как следует, и они сделают благословение воистину могущественным.

Несколько минут они шли в молчании: покинули девторий, минули лестницу, по которой поднялись, обошли круглый зал, полный дверей, где с одной стены взирал непостижимый получереп-полушестеренка Механикус, снова мимо ступеней к дверям девтория и так далее. Скитарии и сервиторы следовали за ними первый круг, потом Санджа приказал им уйти. Периодически Кальпурния украдкой дергала исколотыми плечами, пытаясь более комфортно расположиться в броне. Хаим безмолвно волочился следом с ее

шлемом. Они наполовину прошли третий круг, когда Санджа заговорил:

— Рискну предположить, арбитр Кальпурния, что вы не в первый раз проходите ритуал вакцинации. Вы, похоже, знаете свою роль в нем так же хорошо, как я.

Она улыбнулась.

— В ходе карьеры меня назначали на разные посты по всему сегментуму Ультима, а теперь перевели сюда, магос. По большей части все эти переезды были на значительные расстояния, поэтому мне нужно было укреплять иммунитет перед новым местом работы, хотя настолько сложные церемонии никогда не проводились. Обычно это делал на борту корабля арбитров кто-нибудь из наших собственных медиков под присмотром младшего генетора, и они не использовали этих... — она кивнула назад.

— Люминанты? Это реликвии и слуги одновременно, вероятно, редкие на меньших мирах с менее выраженными традициями Механикус. Продолжать служение Богу-Машине после органической

смерти — возможность, которая выпадает не каждому, — он показал рукой позади себя. — Это — череп Клайда Ченкиса, который был верховным адептом этого святилища сразу после свержения Кардинала-Отступника. Другой принадлежал Бахон Сул-лейе, моей непосредственной предшественнице и наставнице. Я имел немалую честь лично подготовить ее череп к механизации.

Кальпурния бросила на люминантов еще один, несколько менее спокойный взгляд.

— Они могут действовать сами по себе?

— Я назначен их инструктором, ибо я — инструктор сервиторов. Эта привилегия соответствует моему рангу. Люминанты помогают мне в работе и исследованиях. Их точность и чувства весьма тонки, как и следует ожидать от идолов Бога-Машины. Обычно ритуал требует лишь одного из них, но вы прибыли из такой дали, а на мир, подобный Гидрафуру, попадают штаммы бактерий и вирусов со всего сегментума, поэтому вы

нуждались в гораздо более тщательной процедуре, и я призвал обоих своих люминантов.

— А также они отслеживают мой химический след и поведение, чтобы убедиться в том, что я — та, кем себя называю, и что во мне нет никакой психической или гипнотической скверны, которая могла бы вызвать сомнения в безопасности моего визита.

Санджа резко повернул голову и уставился на нее, а она громко рассмеялась.

— Я сказала, что процедуры отличались, магос, а не что я никогда раньше не имела дела со жречеством Механикус. Доступ в ваше святилище — большая честь, которая внушает смирение, но когда я прошла вовнутрь без обысков, без проверки на наличие оружия или осмотра охраной, то задумалась, как же вы удостоверитесь, что я не представляю опасности. Помните, я Адептус Арбитрес. Мы осуществляем закон Императора, творим правосудие Императора и храним Его мир. Нам

привычно думать о таких вещах. Вам не нужно подтверждать это, если не хотите.

— Ваш ум так же остер, как иглы моих собственных люминантов, ваша справедливость, — Санджа не был уверен, следует ли ему чувствовать гнев или веселье. — Я уверен, что арбитр-майоре не пожалеет о том, что послал вас из самого... Ультрамара, так ведь? Долгое путешествие. Это делает вам честь.

— Я выросла в Ультрамаре, да. Но последняя моя служба была на Эфеде, к северо-западу отсюда. Все равно это большое расстояние. Я далеко от дома.

В ее голос вкралась нота печали, и еще несколько минут они шли в тишине. Периодически какой-нибудь биоавгур на одном из люминантов издавал жужжание или щелчок, фиксируя новую деталь реакции организма. Прошло немного времени, прежде чем Санджа удовлетворился и повел арбитра обратно к дверям, ведущим в тамбур.

— Значит, все? Люминанты сказали свое слово?

— Сказали, и я подтвердил это,

посредством их глаз и духа. У вас не было отрицательной реакции на утащение, а их глаза показывают, что ваше тело приняло вакцины. Заблаговременные ритуалы и лечение, которое вы проходили до прибытия, заложили хороший фундамент. Мое искусство сложнее, чем у медиков, и процесс завершится сам собой через день или два. Мое доверенное лицо посетит вас сегодня вечером и проинструктирует, какие именно молитвы и тексты читать на закате дня и утром, чтобы удостовериться в этом. Вряд ли что-то помешает вам, арбитр, занять свое место в Мессе Балронаса и Сангвинале.

— Хорошо. Я жду их с нетерпением. По дороге сюда я читала «Записки пилигрима» Галимета, и он описывает мессу как нечто необычайное. Я, разумеется, ожидаю, что она будет несколько более душеполезной, чем это! — она кивнула на внешние двери. — Галимет создал у меня впечатление, что период до мессы посвящен самоотрицанию и покаянию. Досье, которое мне прислали, говорили о том же, — будто в ответ на ее

слова, сквозь стены пронесся быстрый синкопированный грохот баса. — Но я должна сказать, магос, что если это представление снаружи — то, что на Гидрафуре называют покаянными раздумьями, то я дальше от дома, чем думала.

Санджа безрадостно улыбнулся.

— Ваш первый урок в поведении гидрафурцев, леди арбитр. В наши дни это уже часть ритуала. Министорум с плачевными успехами пытается навязать аристократии более общепринятый идеал благочестивого поведения, но когда высокородные собираются и достигают определенной критической массы, как это произошло здесь, они подчиняются лишь своим нормам. Я так понимаю, что в менее утонченных кругах строже чтят поведенческие догмы Экклезиархии, если это вас утешит. Все это сдуется само собой через пару часов.

— Я бы предпочла, чтобы площадь расчистилась раньше, — Кальпурния нахмурилась. — Я застряла в центре треклятой толпы, когда все они начали

сбиваться в этот район, было уже поздно, чтобы вернуться и взять транспорт, но, уверена, со Стены уже вызваны отряды для подавления беспорядков ... Что?

Санджа смотрел на нее.

— Извините, магос. Я вас перебила?

— Говоря откровенно, арбитр Кальпурния, хоть я и из ордена, который известен своей отстраненностью от повседневных дел Империума, не могу удержаться от мысли, что Гидрафур устроен лишь самую чуточку не так прямолинейно, как вы, вероятно, считаете.

Прежде чем она успела спросить, что он имел в виду, двери широко распахнулись, и снова внутрь хлынул шум праздника.

Туман стал гуще. Неподвижный теплый вечерний воздух наполняла каша из разноцветных декоративных дымов, духов, какой-то отражающей дымки, из-за которой свет и все цвета неестественно блестели. Кальпурния поспешно вернула свой шлем на место, а Санджа опустил на лицо фильтр-вуаль. Никаких признаков девушки, которую ударила Кальпурния, не осталось, все остальные гуляки виднелись

лишь как размытые движения в тумане. Судя по звукам, накал вечеринки не угас.

— Есть проблемы, Баннон?

— Нет.

Кальпурнии и ее помощнику пришлось перекрикивать шум. Где-то позади рампы, сквозь туман засверкала пиротехника: дожди светящегося конфетти, миниатюрные шутихи, которые блестели и трещали над головами толпы, оставляя за собой размытые следы и клубы горячего дыма. Кальпурния пошла к своему отряду, потом повернулась, чтобы козырнуть Сандже на прощание.

Первая пуля врезалась в ее плечо под косым углом, с гудением срикошетила от панциря и ушла в стену храма. Крохотный осколок черного керамита искрой отлетел в сторону и обжег подбородок арбитра, стоявшего рядом.

Рефлексы вступили в дело, прежде чем Кальпурния поняла, что происходит. Она бросилась вниз и в сторону по рампе. Вторая пуля попала в шлем над правым глазом, не пробив броню, но оставила на ней трещину и заставила арбитра

отшатнуться и временно потерять ориентацию. Третья пролетела мимо уха. Отделение помчалось за ней по ступеням, отцепляя дробовики и щиты и выпуская громкие залпы над головами людей.

Толпа начала волноваться, как трава под сильным ветром. Ближайшие весельчаки завизжали и ринулись на тех, кто стоял дальше, пока толпа не уплотнилась настолько, что уже никто не мог пробиться сквозь нее. Люди отпрянули, наталкиваясь друг на друга, и бросились в три разные стороны, в то время как арбитры разделились на две группы и сомкнулись вокруг Кальпурнии. Она с трудом поднялась на ноги, пошатываясь и тряся головой. Щиты дрогнули, когда в них ударили еще две пули, одного арбитра отбросило назад — третий снаряд разбил ему часть шлема, прикрывающую щеку.

Кальпурния попыталась усилием воли избавиться от звона в ушах. Перед глазами все плыло. Понадобилась целая вечность, чтобы заставить ноги двигаться, и еще одна, чтобы убраться в строй, под щиты охранников. Они защищали подножие

рампы, выстроившись образцовой стрелковой шеренгой Арбитрес: те, что в первом ряду, стояли на одном колене, выставив в бойницы на щитах дробовики и ведя непрерывный огонь на подавление, второй ряд стоял позади, стреляя более точно и целясь поверх голов. Сейчас они стреляли высоко, стараясь оттеснить толпу, но в ответ продолжали лететь пули.

— Баннон! Видишь что-нибудь? Укажи цель!

Гул вокс-рожков затих, а уж шум толпы арбитрам перекрикивать было куда привычней.

— Ничего! Ни стрелков, ни оружия, ни звука, ни вспышек! — в голосе Баннона послышался оттенок страха.

Какой-то гуляка, скаля зубы и спотыкаясь от ужаса, попер на них, и двое бойцов умелыми толчками щитов сбили его с ног. Они разделились всего на долю секунды, но в этот миг третья пуля пронеслась между щитами и оцарапала панцирь Кальпурнии. Удар отдался по всей грудной клетке. Она выругалась и

притормозила. Стреляли по горизонтали, где-то на уровне земли, не снайпер на высоте. Никто из тех, кого она видела, не мог стрелять с такого угла. Они...

Слева раздался грохот — повалилась курильница с благовониями. Она бросила на нее взгляд, но заметила лишь пару перепуганных безоружных людей, удирающих прочь. Пригнувшись, Кальпурния продолжила спускаться по рампе к обелиску по левой стороне. Арбитры разомкнули строй щитов для большей подвижности в перестрелке, двое остались охранять упавшего товарища, остальные прикрывали Кальпурнию. Пуля врезалась в броню на плече, пустив трещину, и она снова пошатнулась и выругалась. Эти ублюдки были повсюду. Она пробежала последнюю пару шагов до пьедестала...

Но там никого не было. Пули были мелкокалиберные, пистолетные. Но в радиусе поражения пистолета не было ни одного человека.

Площадь ревела. Вечеринка перешла в сумятоху, и люди метались туда-сюда,

пытаясь выбраться из-под огня. Но слева их не было, там, где упала курильни...

Баннон высунулся из-за пьедестала, чтобы быстро оценить ситуацию. Пуля врезалась в край его щита и срикошетила рядом с ухом Кальпурнии, так что даже сквозь шлем с подкладкой она услышала ее визг. Она схватила Баннона за плечо и рывком вернула его назад. Вторая пуля выбила кусок из ободка щита.

Нет. Невозможно. Никто не мог рассчитать такой рикошет. Не мог же?

Надо двигаться.

— Идем. К той перевернутой курильнице. Прикрываться со всех возможных сторон. Считать, что враг может скрываться где угодно. Сейчас!

Они обогнули пьедестал и побежали вперед. Пространство перед ними было пусто, люди толклись по сторонам.

— Ничего! — она покрутилась на месте, пытаясь...

Что это? Движение?

Она уклонилась в сторону, вместо того, чтобы выпрямиться и стрелять, и это спасло ей жизнь. Пуля проборозди́ла бок

шлема и сбила его набок — секундой раньше, и она вонзилась бы в верхнюю губу. Она сорвала шлем и боком, как краб, поспешила удалиться от остальных. Кто бы это ни был, движущаяся цель не усложняла ему задачу.

Без поляризующих фильтров над глазами все источники света в отражающем тумане мерцали и искрились. Она сузила глаза и почти увидела... но тут ей пришлось отбежать на два шага вбок и перепрыгнуть через перевернутый стол, когда две пули пронизали воздух позади нее. Третья ударила в твердую древесину, и Кальпурния выпустила три громоподобных залпа туда, где ей померещились звуки выстрелов. Она неправильно поставила ноги, поэтому отдачей ее развернуло почти на четверть оборота. Попятившись, чтобы сохранить равновесие, она услышала рев еще трех дробовиков, открывших поддерживающий огонь.

Ничего. Туман, слабое эхо, хныканье гуляк, распростертых на земле. Голова

гудела — один из этих выстрелов в голову сделал свое дело, несмотря на шлем, и это ослабляло ее. Усилием воли она заставила себя остаться на ногах.

Во мгле что-то завихрилось. Она послала туда пулю, как раз когда ее догнало отделение. Кальпурния держала пистолет высоко, двигая им туда-сюда перед лицом. Хотелось бы, чтобы это был дробовик, но она хорошо понимала, чего будет стоить мгновение, которое уйдет на обмен оружием с одним из охранников. Стаббистолет гигантского калибра, который ей выдали, был оружием командира, наводящим шок и трепет. Из него арбитры-сеньорис могли производить мощные, разрушительные выстрелы в самые приоритетные цели, чтобы запугать бунтующую толпу и грубо продемонстрировать данную Империумом власть, в то время как другие арбитраторы и снайперы ведут настоящий огневой бой. Постепенно к Кальпурнии приходило неприятное осознание того, насколько ограниченны возможности этого оружия в реальной

перестрелке. Отсутствие шлема заставляло ее нервничать почти до тошноты.

Какая-то женщина, лежащая на спине неподалеку, резко вдохнула и дернулась, и Кальпурния едва не застрелила ее, подчинившись рефлексу. Понадобилось мгновение, чтобы понять: это вызвано не паникой, но физической болью, как будто на нее кто-то наступил. Арбитр съежилась в позе эмбриона, прижавшись к самой земле, прицелилась повыше и дважды выстрелила над распростертой женщиной, изо всех сил надеясь, что пули пройдут над любыми случайными встречными, которые могут оказаться рядом. От отдачи она перекатилась и поднялась обратно на ноги. Долю секунды спустя Баннон выпустил очередь в то же место, и вот тогда этой маленькой темноволосой девушке, похоже, пришло в голову, что пора что-то делать. Она завизжала и вскочила на ноги, напугав людей вокруг, которые тоже принялись кричать, и вдруг из дыма поднялось два десятка человек и побежало кто куда,

спасая свои жизни. Туман между ними клубился, как будто...

Как будто там был еще один человек, силуэт, пробивающийся сквозь толпу, расталкивая воздух и тела. Кальпурния быстро побежала в ту сторону. Звон в ушах превратился в вой, борющийся с воплями толпы. В отдалении раздался треск: рухнула одна из парадных платформ. Арбитр искала признаки врага и почти что уже могла их увидеть. Там дым двинулся не так, как должно, здесь толпа дрогнула и отхлынула, наткнувшись на нечто невидимое. Оно двигалось вдоль края отступающей массы людей, и Кальпурния практически чувствовала, как по телу ползет его прицел.

Отделение металось, отчаянно ища цель. Времени раздавать им инструкции не было — пока она объяснит, ее уже убьют. Надо положиться на то, что они откроют огонь следом, когда она заметит противника. Он мог сейчас двигаться на новую позицию или...

Теперь она знала, что ищет, и

держала пистолет наготове. Люди, бегущие перед ней, заколебались, толпа расступилась, и один мужчина наткнулся на нечто незримое. Теперь. На одних только нервах и рефлексах, прицелившись едва на миг, Шира Кальпурния выпустила пулю, которая промчалась сквозь пустое пространство и вонзилась прямо в сердце убийцы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Седьмой день Септисты

Одиннадцать дней до Мессы святого Балронаса. Празднество святой Рапанны и святого Скея. Поминовение Второго жертвоприношения колхан. Первая Конгрегация просителей.

В эти дни перед вигилией имперские храмы размещают священников за каждой уличной кафедрой, чтобы те читали проповеди на рассвете и закате. Никто и ни под каким видом не должен на них отсутствовать, кроме как в тягчайших обстоятельствах или из-за вмешательства свыше, ибо эти проповеди нисходят от самого епарха гидрафурского, дабы усилить ум, тело и душу для предстоящих физических и духовных трудов.

В это время Экклезиархия прислушивается к особым молитвам и прошениям. Все те, кому следует просить отпущения грехов, должны были уже обсудить это с местными проповедниками, и сейчас они готовы предстать либо в назначенном им святилище, либо в одной из имперских капелл на склонах Босфорского ущья, либо на Высокой Мессе, либо у врат Собора.

Также это первый день, в который пилигримы, остановившиеся ниже Собора, движутся через Августеум к пику ущья. Следует оказывать подобающее уважение всем, кто носит коричневую мантию паломника. Те, кто направляется к Августеуму через ворота Пилигримов или Аквилы, могут взять с собой небольшое подношение в виде простой пищи или

дистиллированной воды, чтобы предложить его пилигримам, идущим мимо по пути к Кварталу Мастеров или по Хиросийской дороге. Если пилигрим подберет еду, положенную кем-либо на обочине, это традиционно считается благим знаком, приносящим счастье. Небольшие сувениры и религиозные предметы, выставленные в Квартале Мастеров, предназначены для той же цели. Как-либо повреждать или перекладывать их считается постыдным и запретным делом.

Участники служб в память о Втором жертвоприношении должны носить на шее или талии маленький камень на шнурке. Образ святой Рапанны могут носить все, кто желает ей поклониться, но образ святого Скея в этот день священен, и к нему имеют право прикасаться

и носить его только представители Адептус Министорум.

Куча инфопланшетов наконец обрушилась с пуфа и рассыпалась по полу, постукивая друг о друга, потом раздался глухой удар, с которым упала груда факсовой бумаги, а затем в маленькой квартирке, три дня как новом доме Кальпурнии, снова воцарилась тишина. Она даже не стала убирать руки, прикрывающие глаза. Всего полчаса назад она пообещала себе, что поспит — лучше заняться всем этим утром на свежую голову, чем загонять себя ночью.

Кальпурния приоткрыла глаз ровно на столько времени, чтобы взять с пуфа бокал и осушить последний глоток выдержанного красного вина. Все еще полулежа в глубоком кресле, она ощутила, как вкус наполнил рот и постепенно перешел в послевкусие, затем нехотя поднялась и отставила бокал в сторону, чтобы его убрали коридорные. Сама идея

наличия слуг все еще казалась непривычной, но сегодня вечером арбитр лишь радовалась избавлению от обязанностей. Она чувствовала себя выжатой, как лимон. Формальные обязанности, раны, оставшиеся со вчерашнего — все утро над ней тряслись личные медики арбитра-майоре, — неотступная тошнота от вакцин Санджи. Она вспомнила, что не посоветовалась с генетором насчет вина, и задумалась, не могло ли оно как-то взаимодействовать с прививками. Это раздражало — она обычно не забывала такие вещи. Наконец она вздохнула, глянула в большое окно, где последний дневной свет постепенно покидал небо, рухнула обратно в кресло и потянулась за следующим планшетом.

Это были заметки с первой полной, формальной, рабочей встречи с новыми коллегами в качестве новопосвященного в должность арбитра-сеньорис Гидрафура. Они встретились в богато украшенных покоях арбитра-майоре на одном из верхних этажей самой высокой башни великой крепости Арбитрес под названием

Стена. Сидеть за столом с тремя верховными арбитрами, вероятно, самой знаменитой системы в целом сегментуме и без того было нелегко, но вот чего она и не представляла, так это то, что темой встречи будет исключительно она сама. Или, если точнее, подумала она, снова пролистывая свои заметки, темой был тот человек, который очень упорно и почти успешно пытался убить ее предыдущим вечером.

— Давайте устраним наиболее очевидный вариант первым, — начал Дворов, откинув назад спинку кресла и вытянув перед собой ноги в сапогах. Арбитр-майоре Криг Дворов, гранд-маршал и великий судебный претор Гидрафура, был человеком с длинным, изборожденным морщинами лицом и сухой отстраненной манерой речи. Почему-то Кальпурния ожидала другого. — Первым же делом я — как и вы, я уверен — предположил, что эта атака была просто местью за то, что наша коллега отправила в нокаут ту юную леди, которая не собиралась уступать ей дорогу. Как ее там звали?

— Кета Мерколи-Баллайн, — подсказал мужчина, сидящий за маленьким круглым столом напротив Кальпурнии. — Или, как она бы наверняка предпочла, благородная леди Кета из досточтимых Мерколи высокого дома Баллайн. Конечно, если бы она не настояла на полном церемониале и использовала краткую форму. Но, впрочем, поведение леди Кеты до того, как наша новоприбывшая коллега попыталась сделать ее чуть цивилизованней, говорит мне, что эта милая дамочка из высшего общества не отличается формальным складом ума.

На последней фразе Кальпурния бросила на него резкий взгляд, но, насколько она могла сказать, в ней не крылось никаких насмешек. Иногда судить об этом было сложно: арбитр-сеньорис Нестор Леандро, первый из троих помощников Дворова, имел утонченные повадки и любил приукрасить свою речь, в чем, по ее мнению, порой перегибал палку. Эта театральная манера хорошо сочеталась с раскатистым резонирующим голосом и красивыми волнистыми

волосами серебристого цвета. Кальпурния не удивилась, когда узнала, что Леандро — завсегдатай театров и опер, а также владеет целой библиотекой речей известных имперских ораторов.

— Что касается ее, — продолжал Леандро, — то нет причин, по которым вы должны были бы слышать о Мерколи или о самой леди Кете. Месса и связанные с ней празднества пришлись как раз на то время, когда Баллайнам действительно хотелось бы привлечь к себе внимание, чтобы компенсировать эффект, произведенный их недавним выходом из соревнования за контракты, связанные с перелетами на Контоскалион. Но среди Баллайнов было много споров по поводу того, как для них обернется значительное присутствие на Мессе — подорвет ли оно их усилия в этом аспекте или же уверит их союзников, что они сильны и держат ситуацию под контролем, чтобы те продолжали в них вкладываться. Все это было не более чем закулисным шепотом, вы понимаете, это то, что я открыл, содрав несколько слоев безразличия и

незаинтересованности. Суть, впрочем, в том, что если бы даже Мерколи-Баллайн имели возможность организовать столь профессиональную попытку убийства, и даже если бы они были настолько глупы, чтобы выдать себя, подстроив ее, и даже если бы они проявили еще большую глупость, избрав целью агента Имперских Адептус, нет никакой логики в том, чтобы делать все это ради никому не нужной дальней родственницы, вертихвостки вроде леди Кеты, которая, насколько я могу сказать, заработала привилегию съездить сюда на Мессу только потому, что семья не знает, что с ней делать, кроме как попытаться свести ее с относительно приличным местным пареньком в надежде на более-менее полезный политический брак. Принимая во внимание все обстоятельства, я подозреваю, что шлепок силовой дубинкой по носу должен быть наиболее интересным событием, которое произошло в ее семье за весь сезон.

— Вы бы, Нестор, время от времени останавливались да переводили дух. К

тому времени, как вы заканчиваете некоторые фразы, у меня уже голова кружится, — Дворов повернулся к четвертому сидящему за столом. — Итак, ты все поняли, кто не мог подослать убийцу. Есть идеи, кто мог?

— Нет.

На роль полной противоположности Леандро едва ли можно было подобрать более подходящего человека, чем арбитр-сеньорис Рё Накаяма. Он был коренаст, а Леандро — высок, и голос у него был грубый и хриплый, в то время как у Леандро — гладкий и медоточивый.

— Нестор прав, на это дело понадобилась куча ресурсов. Не только денег. Связи, доступ к редкому оборудованию и совершенно нелегальным лицам, — он перевел взгляд на Кальпурнию. — Вы помните, как передали труп генетору после того, как убили это существо?

Она кивнула. Воспоминания о вчерашнем вечере были несколько разрознены из-за легкого сотрясения мозга, нанесенного пулями, ударившими по

шлему, но это она помнила. Пространство между участниками празднества, заполненное лишь дымом и искрами, превратилось в бледное размытое пятно, оно, в свою очередь, стало серо-бурым силуэтом, тот — шатающимся контуром в дымке, а контур — падающим телом. Она смутно помнила, как поковыляла вперед и всадила еще две пули ему в спину, а следующим воспоминанием было, как она полулежала на инкрустированном полу святилища Механикус, а Санджа и Хаим созывали сервиторов.

— Механикус раньше уже помогали нам с подобными проблемами, — продолжил Накаяма, — хотя и нечасто. Их магосы-генеторы владеют наилучшими инструментами и умениями для того, чтобы извлекать знания из имеющихся улик. В этом их никто не превзойдет, даже наша собственная лаборатория-верискекс. На этот раз мастер Санджа взял останки и отдал на работу своим адептам, не дожидаясь, пока его попросят. Даже до того, как мы успели попросить его выдать тело нам. Думаю, он считает

это происшествие вроде как личным оскорблением, поскольку оно произошло прямо перед его храмом, и хочет это исправить. Я читал его доклад — он спрашивал насчет вас, Шира, но вы были на встрече с Кальфус-Меделлом.

Кальпурния на миг позволила себе надежду, прежде чем Накаяма загасил ее.

— Конечно, они ничего не добились. Они, очевидно, были в ярости, или, по крайней мере, так близко к ярости, насколько это для них возможно. Санджа сначала был уверен, что адепты что-то упустили, но они изучили нашего приятеля при помощи лучших авгуров и инструментов, и все равно сказать им практически нечего. Это мутант? Да. Тренированный псайкер. Так он и не давал себя увидеть. Аугментированный? Конечно. Глаза и моторные области мозга очень усилены, это чтобы сделать из него специалиста по быстрой стрельбе. Можно ли отследить его происхождение? Шансов ноль. После смерти активировался токсический имплантат в пояснице, который нанес огромный ущерб тканям.

Когда я попытался докопаться до деталей, Санджа довольно быстро воспользовался своей прерогативой секретности, но ясно как день, что мы уже не получим годного генетического отпечатка. Подобные меры против отслеживания требуют огромных ресурсов и умений, да к тому же незаконны. Пайкерская натура убийцы в любом случае гарантировала ему смертный приговор. Чертовски большие вложения в одного-единственного агента и одну-единственную атаку.

— Удивите меня, Рё, — сказал Дворов, глядя в потолок. — Скажите, что нам удастся отследить оружие.

— Мы попытаемся, но они, судя по всему, не соответствуют ни одному установленному архишаблону Механикус. Пока что, по крайней мере, так. У магоса Санджи есть довольно продвинутый медицинский кабинет, но это святилище, в конечном счете, не более чем дипломатический пост. Они хотели отослать эти вещи в один из более крупных цехов в улье Константа, но я решил, что не надо позволять им снова

помахать своими прерогативами и оставить бионику себе. Не думаю, что мы получим ее обратно, как она есть.

— Нам, наверное, лучше не давить. Будь с ними полегче, Рё, просто поблагодари их за помощь и вырази надежду, что они найдут бионику интересной. Оформи это так, будто мы делаем им услугу в обмен на быстрое исследование тела. Делегация четвертого уровня, — Дворов побарабанил пальцами по столу. — Рё прав. Мне становится дурно от одной мысли о том, сколько сил ушло на подготовку этого человека, на то, чтобы мы не могли его идентифицировать. Шира, если бы напали на любого из нас троих, то мы бы сразу пошли листать досье врагов, и у нас были бы какие-то идеи по поводу того, что могло сподвигнуть их на такие усилия. Но вы в системе всего — сколько там — две недели? А на самом Гидрафуре — считанные дни.

— Которые я провела здесь, в Стене, — добавила Кальпурния. — Вчера я, можно сказать, буквально впервые вдохнула

гидрафурский воздух. Я прокрутила в уме все свои действия и не нашла ни одной вещи, которая могла бы вызвать нечто подобное.

— Тогда я положусь на ваше суждение, — сказал Дворов. — Мы не можем исключить ни одну версию, но пока что следует в первую очередь ориентироваться на вариант оппортунистической атаки против нашего порядка в целом. Также мы не можем считать это делом исключительно ульевого или планетарного уровня. Месса святого Балронаса привлекает зрителей со всей системы и еще, насколько я могу сказать, дюжины других систем этого субсектора. Если учитывать все, что нам известно, это вполне может быть какой-нибудь минеральный барон со Шталь-Тэта, который мстит за конфискацию имущества, совершенную по приказу одного из наших коллег за четыре системы отсюда. Просто предположение, Шира, вот и все, — он заметил, что Кальпурния сделала заметку. — Вести уже разошлись. Я получил дюжину запросов на аудиенции

от самых разных сторон, которые хотят знать, что происходит, или желают провернуть какое-то дело в связи с этим. Кальфус-Меделл, пожалуй, пока самый важный из них, но определенно не единственный.

— С этим нам, коллеги, придется вести себя изобретательно.

Дворов закончил собрание такими словами:

— Думаю, мы все согласны, что это прерогатива Ширы — руководить расследованием собственного неудавшегося убийства. Не надо говорить, Шира, что вам надо будет тесно сотрудничать с этими двоими. Я уверен, что ваша репутация оправдана, но это будет не совсем рутинное расследование.

— Знание местности, сэр. Я понимаю, — так она ему ответила.

И она понимала. Она начала подозревать, что карьера, подобная ее собственной, неразрывно связана с невозможностью привыкнуть к постоянным кочевьям с одного мира на другой. Переехать с одной точки в другую

на той же планете было просто, как и перемещаться в пределах одной зоны: ее родители оба занимали высокие должности в органах власти Ультрамара, и до того, как пойти в арбитры, она путешествовала чаще, чем большинство людей. Тренировочная станция на Мачиуне была терпима, потому что там было еще семьсот девяносто девять других напуганных новобранцев, но на первом посту, в гарнизоне на Дрейд-73, жилось куда хуже. Она не могла привыкнуть к запаху, к постоянному шуму глыб пемзы, которые несло по каналам, к грубым местным манерам и вечной копоти и пеплу.

МГ-Диэл, Хазим, Дон-Круа, Эфеда. Она была уверена, что полностью прочитала все книги в их библиотеках к тому времени, как ее переводили в другое место, но не могла припомнить ни одного трактата об этом мучительном состоянии, когда тебя забрасывают на незнакомый мир, где нельзя принимать как должное твои самые фундаментальные представления обо всем

на свете. Может быть, она как-нибудь напишет об этом сама.

И вот на что она кровь из носу потратит целую главу, пообещала она себе, протянув руку за следующим планшетом, так это на культурный шок. «Факт, на который я хотела бы обратить внимание читателя, — мысленно написала она, — состоит в том, что, несмотря на то, что вера и преданность Адептус Арбитрес так же несгибаема, как сам свет Императора, вы, путешествуя по мирам Империума, можете обнаружить, что наш орден относится к своим обязанностям незнакомым вам образом, и вам надо быть готовыми к этому. Приведу в пример мой собственный опыт перехода с Эфеды на мир Гидрафур...»

Кальпурния скорчила гримасу, постучала по новому планшету и стала смотреть, как на него вытекает текст — заметки с двух других сегодняшних встреч. Две фамилии, двойные, как предпочитает аристократия Гидрафура: Таймон-Пер, Кальфус-Меделл. Один ответственен за катастрофу на площади

Адептус, другой — распорядитель великого религиозного фестиваля, одного из основных праздников гидрафурского года.

Она нажала на запись о Таймон-Пере и скривилась, когда увидела, что оставила пустое место наверху страницы, чтобы записать там, в какой камере будет происходить допрос.

— Культурный шок, — повторила она про себя. Для «допроса» вообще не использовалась камера. Леандро провел ее в гостеприимную комнату для аудиенций, где молодой человек, которого она ожидала увидеть в цепях, сидел на кушетке и вдыхал травяные испарения. Первым же импульсом было выбить этому щенку зубы, потом, когда Леандро поприветствовал парня, гнев перешел в изумление, и она поняла, что это будет совсем не похоже на те допросы, к которым она привыкла.

Атиан Таймон-Пер стоял за парадом-карнавалом «Адептус», и оба арбитра быстро поняли, что ему нечего им рассказать — все заметки Кальпурнии были помечены отрицательными

ответами. Нет, никто не подговаривал его к захвату площадей Адептус для проведения праздника. («Это была моя идея, понимаете, тему Адептус никто не поднимал уже годы, и я подумал, ну, это будет оригинально и дерзко, но к тому же и весело, а еще это будет, ну, вы знаете, смело... не правда ли...» — и его голос постепенно затих, пока оба просто молча смотрели на него). Нет, никто не подходил к нему узнать о времени или маршруте парада. Нет, никто не говорил ему, что через квартал Адептус будет двигаться высокопоставленный арбитр. Нет, он не проверял личные данные, и участников карнавала никто не регистрировал, если не считать чьей-то несерьезной попытки сделать список для конкурса на лучший костюм. Нет, он не знал, что атака была нацелена на саму арбитра Кальпурнию. Нет, нет, все нет.

— Ни повинной, ни помощи, ни подсказок, — шепотом выразила она свое мнение, когда они удалились посовещаться.

— Согласен, но час мы потратили не зря. Весь улей в это время года вечно

пребывает в брожении, и, как правило, наступает момент, когда нам надо зримо проявить свою власть. Слух об этом к вечеру распространится везде и всюду, и, независимо от ценности для расследования, известия о том, что мы подвергли молодого аристократа столь резкому допросу, покажет людям, что мы говорили совершенно серьезно, когда вводили комендантский час на время вигилии.

Кальпурния посмотрела мимо него, на Атиана, который нервно ковырял в носу и вытирал палец о нижнюю сторону кушетки.

— Это... со всем уважением, арбитр Леандро, но мне упорно кажется, что такие известия просто покажут, что мы относимся к этому делу, как к игре в шарады! Если люди позабыли, что Адептус, слуги самого Императора, обладают абсолютным авторитетом, тогда я посоветовала бы набрать побольше карателей и арестовать всех, кто присутствовал на вечеринке. Это бы куда эффективнее донесло мысль. Никому не

помешает, что столько потенциальных разжигателей беспорядков пару дней посидят за решеткой. Кажется, некоторым из этих людей очень нужен подобный урок, — она почувствовала гордость, что ей удалось сохранить голос столь же тихим, как у Леандро.

— В теории ваш совет совершенно рационален, арбитр Кальпурния, — мягко ответил тот. — Что же касается практического применения, что ж... видимо, положение дел на Гидрафуре более сложное и тонкое, чем на ваших предыдущих местах службы, и Арбитрес вынуждены быть более деликатными и осторожными. Мы подгоняем свои действия под обстоятельства, — добавил он, увидев выражение ее лица, — и наших действий здесь вполне довольно. Мы уже продемонстрировали свои намерения, когда арбитраторы разогнали этот парад анархии, которым этот молодой человек, как ему казалось, руководил, а теперь мы еще и освежили их заново. Элита Гидрафура привыкла, что арбитры приглашают их на дипломатическую

аудиенцию через герольда, с большим вниманием и отдавая должное их рангу, и все вопросы смягчают, завернув в дюжину слоев протокола. А то, что мы привезли этого паренька сюда и напрямую допрашивали без присутствия каких-либо слуг, будет иметь тот же психологический эффект, как и предложенные вами массовые аресты. Но при этом — без побочного эффекта в виде повышения враждебности со стороны нобилитета и других Адептус, что наверняка сотрет все следы тех, кто на вас напал.

С этими словами Леандро дал сигнал открывать двери. Трое молодых аристократов кинулись внутрь и, галдя, облепили Атиана, который покачивался в театральном волнении и шептал им что-то в ответ, пока не вмешался Леандро.

— Расследование более не требует вашего присутствия, мой досточтимый юноша из рода Пер. Однако никогда нельзя сказать наверняка, куда занесут нас повороты и изгибы судьбы. Вы должны быть доступны для нас в любое время, так

же, как и сегодня, пока мы не сообщим обратное. А пока что, со всем уважением, прощайте.

Эти речи показались ей непривычно мягкими, однако аристократы тут же зашелестели между собой и прекратили, только когда Кальпурния, не в силах сдержаться, легонько постучала дубинкой по краю кушетки.

— Прежде чем вы уйдете, Таймон-Пер, я была бы очень благодарна, если бы вы вытерли свои сопли из-под нашей мебели.

Все четверо удивленно таращились на нее, пока Атиан, наконец, не понял, что она не шутит, и наклонился с платком в руке и белым от негодования и унижения лицом. По крайней мере, Кальпурния почувствовала себя немного лучше.

Всему свое время и срок, подумала она, потянувшись за очередным файлом. Все должно было происходить гораздо медленнее. Изначально Дворов описал ей четко распределенный по времени период адаптации. Некоторое время, чтобы приспособиться к окружению, полная медицинская подготовка с помощью

Санджи, где-то неделя на знакомство с городом, формальное присутствие на Мессе, которое будет означать официальное вступление в должность, время узнать побольше о Гидрафуре и своем новом положении. Она фыркнула и включила новый планшет. Узнать, что подозреваемых тут гостеприимно встречают на галантных официальных аудиенциях и позволяют им держать руки свободными, пока их допрашивают. Понадобится ко многому привыкнуть.

Записки о втором слушании за день ссылались на одно из досье, которые ей выдали по прибытии. Первый экран был полностью занят титулами и почетными званиями, которые ей ни о чем не говорили, пока не было времени поискать, что они значат — и Кальпурния подозревала, что и тогда у них особого смысла не окажется. Страницу венчало имя: лорд Халлиан Кальфус-Меделл, властью епарха гидрафурского назначенный Распорядителем Вигилии.

Они с Дворовым встретились с лордом в одной из церемониальных галерей

над Вратами Справедливости через два часа после того, как выгнали Таймон-Пера. Он был не из десятого сорта, как тот же Таймон-Пер или леди Кета, но обладал таким могуществом, каким только могло обладать гражданское лицо в системе Гидрафур, где доминировал Флот, и это была достаточно весомая сила. Поэтому требовалось вести себя иначе и с несколько большей официальностью: Дворов оделся в старомодную формальную мантию и высокий головной убор судьи и восседал на кафедре, окруженной стражей из младших преторов и герольдов с посохами, на которые были прикреплены стальные таблички с выгравированными на них поучениями из Заповедей Справедливости. Протокол позволял Кальпурнии оставаться в простой черно-серой униформе арбитратора, но, когда она шла к кафедре и отдала честь, одежда показалась страшно неудобной. Дворов кивнул в ответ, а затем двое служителей широко распахнули двери.

Тут же широкими шагами вошел Кальфус-Меделл, крупный мужчина в

расцвете лет, с первыми зачатками ожирения на талии и подбородке и профилем, похожим на носовой таран одного из крейсеров линейного флота Пацификус, что кружились на орбите высоко в небесах. Весь в синих и пурпурных шелках, он двинулся прямо к кафедре, не переставая говорить пронзительным голосом:

— Мои дорогие Арбитрес! Самые ранние вести, которые я получил, гласили, что офицер, ставший мишенью этого злодеяния, выжил. Прекрасная новость, самое то, чтобы смягчить ужасающие известия о том, что такое нападение вообще произошло. Я ехал в улей Константа, когда услышал об этом, и прибыл ради аудиенции с вами, как только смог. Прошу прощения, что это заняло столько времени.

Этомы позволили тебе прийти на аудиенцию, хотела сказать Кальпурния. Кальфус-Меделл остановился, поставив одну ногу на край кафедры, но Дворов, похоже, решил это проигнорировать.

— Атака оказалась безуспешна,

многоуважаемый Кальфус из Меделлов. Арбитр-сеньорис Кальпурния получила легкие травмы, но, как видите, уже выздоровела и вернулась к активной деятельности.

Кальпурния кивнула. Она заметила удивление на лице аристократа и поняла, что тот, увидев ее должностную форму, принял ее за охранницу Дворова. Потом удивленное выражение сменилось на одобрительное. Глаза у Халлиана были зоркие, глубоко посаженные, и явно оценивали ее, подтверждая мнение, которое у Кальпурнии уже сложилось на основании данных из досье. Кальфус-Меделл мог быть помпезен, но не глуп.

— Арбитр-сеньорис, — он поклонился. — Позвольте мне выразить свое облегчение. Я не был связан с тем... беспокойством, которое совпало с нападением, но, будучи Распорядителем Вигилии в Босфорском улье, я чувствовал ответственность за полученные вами раны.

— Ценю ваше участие, сэр, но эти раны были несерьезны и быстро прошли. Неудавшийся убийца погиб от моей руки, и

ты идет по его следу. Кто бы ни стоял за нападением, он будет найден, в этом я могу вас заверить, и Арбитрес не потерпят никаких новых «беспокойств».

— По пути сюда я заметил перемены, — сказал Халлиан, когда Дворов спустился с кафедры. Несколько удивленная Кальпурния пошла следом за ними к дверям, отставая на шаг. — На каждом подходе к Августеуму — пост Арбитрес, по всем улицам — патрули. Надеюсь, это не подорвало вашу способность контролировать остальной улей и область вокруг самого Собора?

— Специфика нашей оперативной деятельности должна оставаться делом Арбитрес, господин посол от Меделлов, — ответил Дворов. Двое мужчин слегка свернули в сторону от дверей. Кальпурния повернулась и ускорила шаг, чтобы догнать их. — Но я бы не стал предпринимать никаких действий, которые поставили бы под вопрос нашу возможность защитить закон и порядок Императора и святой Мессы. Установлением контроля над ульем лично

руководит арбитр-сеньорис Накаяма, а он имеет превосходные навыки в данной области. Для большей бдительности во все края системы, что находятся под юрисдикцией Арбитрес, разосланы делегации. А арбитр Кальпурния, нисколько не замедленная травмами, приступила к службе на неделю раньше, чтобы возглавить охоту на тех, кто спланировал нападение. Она еще незнакома с нашей системой и ее обычаями, но обладает безупречными репутацией и послужным списком, а кроме того, поддержкой от меня и арбитра Леандро. Не думаю, что охота будет долгой, уважаемый Кальфус из Меделлов.

Они замедлились у выхода на лестницу. Халлиан бросил на нее еще один цепкий взгляд.

— Одна добрая весть тянет за собой другие. Вы живы, достойная леди арбитр, да к тому же здоровы, да и ко всему прочему преследуете своего врага с рвением, которым я могу лишь восхититься.

Они с Дворовым повернулись и

двинулись прогулочным шагом под новым углом, и дезориентированной Кальпурнии опять пришлось догонять их.

— Мне неудобно поднимать эту тему, достойная леди арбитр, — сказал Халлиан, — но плечи мои обременены обязанностями, которые требуют этого, — он прервался, чтобы дать Кальпурнии время ответить, но когда та просто молча посмотрела на него, лорд нахмурился и продолжил. — Несмотря на то впечатление, которое вы — и я вас вполне понимаю — получили за свое краткое пребывание здесь, время перед Мессой святого Балронаса и Сангвиналой свято и обладает большим значением. И, как я понимаю, Судьи Адептус могут преследовать свою добычу таким образом, который, как бы это выразить... — Кажется, я понимаю, куда вы клоните, лорд Кальфус-Меделл. Я знаю, что я совсем новичок в этой системе и не знаю многих деталей местного протокола. Уверена, что уже сделала дюжину небольших нарушений, просто разговаривая с вами, — она заметила, как на лице лорда

тельнулo довольное, самоуверенное выражение, прежде чем он спохватился и стер его. — Но я знаю и то, что вы пропустите их, так же, как я сделаю все, чтобы выследить убийц без всяких беспорядков, которые могли бы нарушить ход фестиваля. У нас одна цель, сэр. Празднование веры в нашего Императора и уничтожение любых угроз его единым и законопослушным владениям. В чем ты может друг другу противоречить?

При этом Халлиан улыбнулся, и Кальпурния немного расслабилась.

— Мне почти стыдно признаться, что я в чем-то сомневался, многоуважаемая арбитр, — сказал он. — Я невероятно рад возможности насладиться вашим приятнейшим обществом даже на столь краткое время, которое позволяет довлеющий над нами обоими долг. Вы облегчили мне душу, заверив, что ничто нас более не потревожит. Если все будет тихо и спокойно, то я гарантирую, что Сангвинала продемонстрирует вам настоящее гостеприимство вашего нового дома самой великолепной церемонией,

которую вы когда-либо видели!

Он начал поворачивать к выходу. Дворов остался на месте и едва заметно кивнул, сигнализируя Кальпурнии следовать за ним. Дальнейший этикет был ей знаком: важного гостя надо эскортировать к выходу, чтобы у него не возникло ни малейшего чувства, что его отсылают. Она прошла рядом с лордом Халлианом мимо двойного ряда стражников в униформе, а потом увидела то, что ожидало их в холле, и встала как вкопанная. Рука метнулась к оружию и остановилась, когда Халлиан спокойно подошел к чудовищу, которое возвышалось среди колонн густо-желтого дневного света, льющегося из высоких окон.

Сервитор-телохранитель был на голову выше Халлиана, а Кальпурния, даже со шлемом и всем прочим, едва достигла бы ростом семейного герба, изображенного на его нагруднике. Плоть, виднеющаяся между аугметическими пластинами и кабелями, имела болезненно-бледный, неестественный вид, характерный для тыщ, выращенных в чане и усиленных

генетическими и гормональными стимулами, а не тренировками и реальным использованием. Клонированная кожа и покрытая филигранью броня скользко блестели от благоуханного масла. Но, когда Кальпурния заставила себя приблизиться, то почувствовала под пряным ароматом тот же запах, который издавали почти все сервиторы — запах свежевымытого больничного коридора, обеззараженного и все же отчего-то вызывающего тошноту. Щель для обзора в его вычурно украшенном золотом забрале была затемнена, поэтому нельзя было сказать, куда оно смотрит.

Халлиан наблюдал, как она разглядывает это существо, и выражение его лица опять приобрело неуловимо самодовольное выражение. Больше они не сказали друг другу ни слова. Он выдал короткую рубленую фразу, сервитор крутанулся и побрел следом за ним. Его стопы были подбиты мягкими синтетическими подушечками, поэтому единственным звуком, который он издавал, постепенно удаляясь из виду по пятам

хозяина, был тихий шорох, как от мантий, волочащихся по полу.

Кальпурния едва сознавала, насколько повлиял на нее вид твари, пока через пару минут не поняла, что плотно стиснутые зубы уже болят.

«Больше похоже на бойца, чем на стрелка, — было написано в ее заметках. — Многочисленные адаптации для схватки, мощная аугметическая лапа с когтями, дендриты с лезвиями в панцире? Какое-то стрелковое орудие, вероятно, замаскированное и отключенное, чтобы дозволить доступ к нам. Голосовой триггер, странно — слабость. Продолжить наблюдение».

— Продолжить наблюдение, — сказала она вслух, уронила планшет на ковер и со стоном поднялась. Узел грубой шрамовой ткани, который скрутил кожу на ее правом бедре, отвердел и ныл, как было всякий раз, когда она уставала, мерзла или слишком долго сидела без движения. Она подвигала ногой, чтобы размять его, подошла к охладительной плите у двери и налила воды из кувшина, стоящего на ней.

Пока она стояла там, сзади шеи чувствовалось легкое покалывание от энергетических щитов по ту сторону окна. Нельзя, чтобы весь улей видел, что арбитр-сеньорис вынужден прятаться, это была бы катастрофа. Поэтому, несмотря на все просьбы каптенармуса Текира, не могло быть и речи о том, чтобы установить бронированный заслон. На самом деле ей все еще было непривычно, что ее покои окружены энергетическим занавесом — до Гидрафура она видела пустотный щит ровно один раз, во время путча на Дон-Круа, где элитные отряды силовиков вышли с самым лучшим снаряжением из всего арсенала, чтобы заблокировать улицы, ведущие к Горе Капитолий. И все равно она не сможет чувствовать себя полностью в своей тарелке, поворачиваясь спиной к окну, пока организатор нападений не будет пойман.

Организатор. Отвратительно. Организатор, инициатор, идейный вдохновитель. Неловко говорить и неприятно думать об этом, но Дворов прав. Они даже не в состоянии узнать имя

того трупа, что лежит сейчас в святилище Санджи. Она все еще не может догадаться, что могла сделать, чтобы на нее устроили подобное покушение, а Леандро, эксперт в политике и дипломатии, не знает никаких текущих интриг, которые выиграли бы от ее смерти. Конечно, учитывая, какое сейчас время года, делать выводы о нынешнем состоянии ульевого общества было не так уж легко. В куче распечаток рядом с ней была масса докладов от участков со всего улья и огромной городской агломерации, которая простиралась от него к побережью, и более подробных сообщений из Августеума, изолированного роскошного района, фактически города в городе на вершине Босфорского улья. От картины, которая из них складывалась, кружилась голова, а надежда на какое-либо упорядоченное расследование таяла. Кальпурния взяла наугад несколько листов и начала их просматривать, время от времени бросая взгляд на карты, которые свисали с дальнего подлокотника дивана.

Командир участка на отроге

Вастенер, что в Квартале Аристократов, доложил о ссоре между двумя семьями-картелями из заводских ульев на дальнем побережье, которая произошла из-за размещения в башне, снятой или обеими. Диспут происходил по большей части в форме замысловатых подначек, которые никто из присутствующих арбитров откровенно не понимал. Вчера после полудня двое молодых парней из этих семейств убедили себя в том, что были взаимно оскорблены, и настояли на проведении формальной дуэли. Они приехали к участку, каждый с хвостом из сочувствующих родственников, и начали громко требовать присутствия судьи, чтобы тот санкционировал всю затею. Когда Арбитрес отказали, оскорбились уже оба семейства и вообразили, что могут подать запрос на снятие полномочий с командира участка.

Семейство Риос-Каутир начало социальный сезон церемонией обручения одного из их сыновей с популярной дочерью уважаемой флотской династии. Молодой человек повел невесту осматривать

фицелиновую фабрику его семьи, расположенную в подножье улья, а там некая впечатлительная личность увидела ее униформу, и пошел слух, что вот-вот придут насильно загонять людей на флот. В результате произошло массовое бегство, которое вызвало беспорядки на двух основных транспортных артериях, а прибывшие восстанавливать порядок отделения арбитров только способствовали укреплению слуха. Местные командиры считали за удачу, что им удалось в течение дня вернуть район под контроль, но в лабиринте подземных туннелей и каналов еще только разгоралась охота за последними бунтовщиками и мародерами.

Произошла даже неприятность, в которую оказался вовлечен сам Собор Восходящего Императора. Во внучке вольного торговца Ранньера Квана, судя по всему, пробудилась вера, и она постриглась в монахини ордена Священной Розы. Кван впервые услышал об этом, когда спустя четыре года отсутствия вернулся в систему ради Мессы, и заявился в Собор,

где настаивал, что девушку удерживают силой, и требовал, чтобы Сестры отдали ему дитя. Теперь Кван продолжал попытки припарковать воздушные сани над Собором в нарушение законов, регулирующих воздушное пространство, а канонисса Феоктиста непреклонно стояла на своем, заявляя, что они из чистого принципа не позволят Кван отвлекать девушку от религиозного долга хотя бы визитом.

И это только три случая, о которых сочли нужным доложить арбитру-сеньорис. Должны быть более повседневные заговоры и раздоры, отдельные случаи насилия или кромолы, с которыми судьи из каждой судейской крепости могли разобраться и сами. Самые мелкие из преступников: вандалы, портящие имперскую собственность, симулянты, пьяницы, нарушители общественного спокойствия, участники убийств и избиений. Все это происходило в гигантских жилкомплексах, куда изредка заходили патрули арбитраторов и в случае надобности использовали простейшие уличные

наказания без всяких разбирательств. Заговорщики здесь просто не выделялись на общем фоне, как это было бы на процветающей и благочестивой Эфеде.

Она начинала понимать, насколько сложно все будет. В своем трактате Галимет концентрировался на экклезиархальных церемониях и затрагивал их историю. Он рассказывал, как народ Гидрафура годами жил в стыде за то, что их система сдалась Кардиналу-Отступнику, как Кай Балронас, проведя двадцать лет на Земле, вернулся на родину Понтификом Мунди и основал традицию ежегодного бдения, поста и покаяния, чтобы объединить всю систему искуплением и духовным очищением, и как кульминацией вигилии стала месса накануне великого празднества Сангвиналы, когда граждане прекращали свой долгий пост и оканчивали покаяние радостным чествованием Господа Ангела.

Также Галимет записал, что есть такой обычай, когда сильнейшие и богатейшие жители Гидрафура собираются на Мессу в грандиозном соборе

улья-столицы. Она помнила, как сочла это событие совершенно обычным и продолжила чтение. Тогда она решила, что, будучи арбитром, сможет разобраться, что там к чему. За месяц до Мессы улей оказался битком набит всяческими сановниками: всеми ответвлениями Адептус, вольными торговцами, могущественными негоциантами, офицерами выдающихся флотских династий со своими космическими поместьями и ленными флотами.

И, естественно, для религиозного собрания нашлись и другие цели. Ей уже предоставили показательный пример того, как улей лихорадило в месяц перед Мессой — манерной, изысканной, безупречно разыгранной лихорадкой, окутанной столькими слоями протокола, что даже половина коренных жителей не могла сквозь них проникнуть, и все же — лихорадкой. В эти три-четыре недели элита всей системы упаковывала такое количество насыщенных интриг, какого хватило бы на год. Семьи, владеющие

богатством, сравнимым с валовым продуктом целой планеты, торговались и обменивались услугами ради малейшего изменения рассадки на одном из банкетов Кафизмы; правильный поворот беседы на утренней прогулке мог означать союз, способный устраивать и разрушать жизни. С другой стороны, был и этот почти спонтанный вольный пьяный разгул, в который она вчера угодила. Кто бы мог воспользоваться всей этой суматохой, чтобы убить арбитра? Кальпурния глотнула воды и снова вздохнула. Кто знал, сколько там неизвестных, что они думают, что скрывают? Кровь Жиллимана, как снизить количество подозреваемых хотя бы до тысячи?

Она снова подобралась к окну и выглянула, не обращая внимания на гудение в основании черепа, которое было вызвано силовым полем. Ее покои выходили на сторону, противоположную Собору, на склон улья, который ниспадал к огромной плоской городской равнине. Кальпурния была знакома с огромными рукотворными ульями, которые порождали имперские

миры, когда их население становилось слишком большим и плотным, чтобы жить в обычных городах. В Ультрамаре ульев не было, но вокруг орбитальных шахт для запуска грузов на Хазите выросло два таких мегаполиса, а Дон-Круа, благодаря расположению между тремя довольно загруженными варп-течениями, обладал таким населением, что для его размещения понадобилось приличная дюжина ульев, торчащих подобно опухолям над его изрезанной пропастями поверхностью.

По сравнению с головокружительными громадами ульев Некромунды или Ванахейма Босфорский улей был скромным и мелким. Технически, он на самом деле едва имел право называться ульем — скорее, это было место, где беспорядочная застройка, покрывающая всю аллювиальную равнину внизу, добралась до отрога горного хребта и вскарабкалась по нему вверх. Он стоял на скальной породе, а не на искусственной основе, пустой и набитой людьми, как настоящий улей. И все же вид был достаточно впечатляющ —

огромный лес шпилей и башен, тянущийся по изгибам горного склона в более темные и скромные глубины города на равнине.

Под самым окном Кальпурнии вниз отвесно уходила высокая и широкая Стена, просторным башням и бастионам которой достало бы места, чтобы вместить целый город, и прочности, чтобы отбить нападение целой армии. Она соединялась со стеной Августеума у монументальных Врат Правосудия, местами расширялась огромными укреплениями, где находились дома и покои командиров и высшие суды, потом переходила в гребень из рокрита и адамантия с тридцатиэтажный дом, поднималась башнями, которые сами по себе были отдельными крепостями, и опускалась до самого подножия улья, где завершалась одинокой монолитной цитаделью и вратами.

В Стене находились залы суда, комнаты для допросов, камеры для казней и заключения, оружейные, казармы, тренировочные площадки, часовни, трансляционные вышки, генераториумы, ангары, полные БТР «Носорог» и танков

для подавления беспорядков «Репрессор», библиотеки с бумажными книгами и инфоковчегами, настолько обширные, что можно было потратить целую жизнь, разыскивая одну-единственную старую запись. Вокруг каждых ворот мерцали огни лагерей, где просители ждали неделями, месяцами, годами — сколько бы времени не понадобилось махине Адептус Арбитрес, чтобы выдать решение или передать весть о судьбе близкого, угодившего за эти стены. Охранники ворот в столь огромных крепостях-участках обязаны были регулярно прекращать войны, разгорающиеся из-за мест в очереди. Кальпурния даже знавала арбитров, которые родились и провели первые годы жизни рядом с воротами судов, где стали работать, когда выросли. В большинстве гарнизонов считалось, что такие люди приносят удачу своему отделению.

Ей понадобится месяц, а то и больше, чтобы научиться ориентироваться в районе Врат Справедливости и среди верхних башен. Но она научится, подумала

Кальпурния, понемногу избавляясь от трачного настроения. Она это уже проходила. Каким бы чужим сейчас не казался Гидрафур, вскоре все эти названия обретут смысл. Люди перестанут быть лицами, которые проходили мимо, и именами, которые надо было напоминать. Она начнет понимать, кто педантичен, а кто небрежен, кто может представить широкую перспективу, а кто теряется среди деталей. Она будет знать, кто преступно пренебрегает догмами священного Лекс Империа, а кто, ударившись в противоположность, прячет ущербность собственных суждений за буквой закона и сам себя связывает по рукам и ногам. Она узнает, кто истинно верует и действительно понимает доктрины, которым они следует, а для кого «За Императора» — не более чем пустая фраза, выкрикиваемая перед тем, как обрушить силовую дубинку на череп какого-нибудь случайного прохожего. Она работала со всеми этими типами людей и хорошо справлялась. Это доказывали Венок Провоста и три печати почета, что

висели на стене позади нее. Здесь она тоже справится.

Кальпурния повернулась, прислонилась спиной к стене и потерла шрамы на лбу, осматривая комнату. Главный эконом и его слуги посчитали, что человеку ее положения не подобает жить в столь простых покоях, но ей хотелось, чтобы хоть что-то вокруг было уже знакомым, и предпочла богато обставленной башне, где жил ее предшественник, маленькие свободные комнаты. Всего их было три, и имелись там только кровать, книги, небольшой алтарь Императора, икона Жиллимана, бюст судьи Траггата в нише над письменным столом, сундук для одежды и маленький личный арсенал. Стены были из ничем не украшенного темного камня, и она наслаждалась, чувствуя его холодную твердую поверхность сквозь мундир — камень напоминал о ее комнате в казармах Эфеды.

Там она тоже поразила всех тем, что оставила себе эту комнатушку даже после того, как ей доверили командование

гарнизоном. Она часто проводила там совещания, сидя на кровати или прямо на каменном полу, скрестив ноги, и пыталась собственным примером донести до них урок: их долг — хранить закон и мир Императора, а не наслаждаться собственной важностью ради нее же самой. Хотя, отметила про себя Кальпурния с печальной улыбкой, там у нее не было привычки оставлять кучи планшетов и распечаток раскиданными по половине комнаты. Но мгновение она задумалась, не оставить ли и их слугам, а потом мысленно дала себе пинка за лень. Понадобилось еще полчаса, чтобы все собрать и разложить по порядку на столе, и к тому времени глаза уже болели от усталости, а старая рана на бедре опять начала пульсировать. В краткой молитве у алтаря она попросила лишь отдыха и покоя, так как уже понимала, что завтрашний день будет утомителен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Восьмой день Септисты

Десять дней до Мессы святого Балронаса.

Вторая Конгрегация просителей.

Вигилия Икон Осиянных. Первое слушание Карминной Ассамблеи (флот).

Этот день зеркалом отражает предыдущий. Традиционно, после того, как завершены все молитвы и прошения к Министоруму, он посвящается поиску милости от равных по рангу и призванию. В этот день начальники, друзья, официальные лица на службе Монократа и те, что принадлежат к благословенным Адептус, как ожидается, благосклонно принимают прошения и ходатайства в обмен на молитвы и

благодарность. Те, кто ищет милости, обычно сигнализируют об этом, дуя в маленький бронзовый рожок у ворот или двери того, у кого желают ее получить, но также приемлемо запланировать встречу заранее. Однако никакие дела Меньших Просителей не должны мешать покаянию или обрядам, назначенным представителями Адептус Министорум в предыдущий день. Те, кому предстоит особый долг поклонения, может свершить его у храмов и кафедр Экклезиархии, и прохожим уместно будет остановиться и вслух помолиться за них.

В течение этого дня из Квартала Мастеров приносят портреты, иконы и статуи для Шествия Дальних Святых и расставляют их вдоль дороги, идущей под юго-западной стеной

Собора. Раздумывая о том, отправиться ли посмотреть на них, следует помнить, что Дальние Святые — те, чья жизнь прошла вдали от Гидрафура и самого сегментума Пацификус, и это возможность проявить уважение и преклониться перед теми благословенными служителями Императора, которых в иное время сложно увидеть. На самой дороге любой, кто считает определенного святого своим покровителем, может заботиться о его образе, поддерживая ночью свет фонарей и свечей, молясь и читая вслух соответствующие писания. Также есть обычай раздавать карточки с текстами молитв и религиозные памфлеты, и это считается уместным. Не стоит поощрять раздачу конфет, сладостей и

безделушек.

В этот день высокопоставленные должностные лица всех эскадронов Флота, находящихся в доках системы, собираются на космической станции, известной как "Врата Буколеона", чтобы произвести церемониальное закрытие долгов, по традиции проводящееся в форме переговоров, обменов почестями и церемониальных поединков. Сегодня с офицерами Флота на самом Гидрафуре следует вести себя тактично и предусмотрительно, имея в виду, что эти церемонии могут повлечь различные особые обстоятельства.

Те, кто избран для проведения служб на Святом Пути, проводимых на следующий день, должны поститься, начиная с пятнадцатого часа, а перед

тем, как покинуть дом и отправиться к Усыпальнице, прочитать вторую молитву Маклопина.

— Я просто хочу, чтобы вы еще раз объяснили мне эту штуку с хождением, — попросила Кальпурния.

Августеум, угнездившийся среди стен на пике Босфорского улья, не был ровным — его склоны тянулись вверх к Высокой Мессе, широкой улице, которая проходила через самую вершину улья. Отряд арбитров, который продвигался по крутым запутанным улочкам Квартала Мастеров, находился уже достаточно высоко, чтобы можно было заглянуть за стену Августеума и увидеть верхние этажи башен на более низких откосах улья. Слева возвышался Собор Восходящего Императора, копьем пронзающий медное небо Гидрафура. До его шпиля было двадцать минут ходьбы, но Кальпурнии уже приходилось задирать голову, чтобы разглядеть его. Они уже подошли

достаточно близко, чтобы можно было увидеть огромные статуи имперских святых, которые подобно колоннам поддерживали верхние ярусы. Каждая статуя была в пятьдесят метров высотой и высечена из чистого белого мрамора, который сиял словно золото в густом, масляно-желтом свете гидрафурского солнца.

Кальпурния и Леандро шли по узким улочкам между мастерскими с плоскими крышами, стиснутыми между изысканным Кварталом Адептус позади и бараками для пилигримов впереди. Вокруг суетились люди в строгих серых и коричневых одеяниях, многие с аквамариновой отделкой, отмечающей ремесленников, которым покровительствовали гильдии. Почти все прохожие щеголяли соответствующей их призванию аугметикой из полированной латуни на руках или глазах. Кальпурния искала глазами хотя бы следы религиозных предметов, которые предполагалось расставить по всему кварталу, но пилигримы, видимо, забрали

их все до последнего, оставив лишь пустые полки или козлы, там и сям разбросанные по улице или поставленные перед мастерскими. Металлический рев церемониального рога заставил ее подскочить.

— Традиция аристократов, — сказал Леандро, неспешно шагавший рядом. Он нес под мышкой увенчанный гребнем судейский шлем, а в другой руке держал посох, которым легко постукивал о мостовую. — То, как эволюционировал этикет и социальные нормы элиты, подробно описывается Дервиком и Понном в трехтомнике, который, несмотря на то, что последний раз его обновляли более пятнадцати лет тому назад, устарел незначительно. Похоже, что эта традиция уходит корнями в период, когда... — он поймал взгляд Кальпурнии. — А, понял. Буду краток. Дела не самой критической важности на Гидрафуре зачастую решаются в ходе прогулки по залу, или садам, или где бы то ни было еще, и легкие изменения в направлении и темпе шага несут определенный смысл.

Движение к выходу означает, что дело неважно, а тот, кто обращается — ниже по статусу. Движение в сторону сидений показывает, что дело сложное и запутанное, или, возможно, это предложение дружбы, что зависит от контекста и некоторых других действий. Если человек задержался перед произведением искусства или направился к таковому, то говорящая сторона предполагает доверительные рабочие отношения — но, как вы понимаете, необязательно дружбу. Хотя это, опять же, может иметь множество нюансов, как-то вид украшения, что именно говорится, интонация, язык тела, и все это составляет другой уровень методов, которыми можно интерпретировать сигналы движения.

— Я, значит, «дело не самой критической важности», да? — фраза оказалась резче, чем намеревалась Кальпурния.

— Ни на секунду, арбитр, и вы это знаете. Но представьте себя гидрафурским аристократом. Вы

спешите на переговоры с Арбитрес, которых только что атаковали убийцы, время сейчас такое, что решается ваше будущее. Как они смогут успокоить страхи, наполняющие ваше разгоряченное воображение, если, несмотря на все свои беззаботные уверения, что все под контролем, посадят вас за стол для конференций, как это делается при обсуждении самых серьезных и важных дел? Также, арбитр, постарайтесь, пожалуйста, убедить себя в том, что включение аварийной тревоги в Стене не имеет никаких реальных последствий, даже если увидите, как отделения арбитраторов в полном боевом облачении берут оружие и распевают псалом битвы. Арбитр-майоре просто удостоверяется, что все в порядке.

— Я так понимаю, что местный этикет — такая вещь, что мне понадобится вечность, чтоб его перенять, — сказала Кальпурния. Ответная улыбка Леандро имела оттенок жалости.

— Моя дорогая арбитр-сеньорис, «вечность» — это именно столько, сколько

вам понадобится. Я провел почти всю свою службу на Гидрафуре, и вы еще заметите, что лорд-маршал предпочитает выводить меня на передний план, когда ситуация взывает к дипломатическому, а не к силовому решению. И тем не менее, я знаю, что меня считают комично ущербным и неуклюжим в том, что касается этикета и манер. Уверяю, мне приходится использовать силу, данную моим положением, чтобы компенсировать эту неуклюжесть, и куда чаще, чем вы можете подумать.

— Я лично думаю, арбитр Леандро, что сила, данная нам Императором вместе с нашим положением, это все, что нам вообще может понадобиться, и единственная причина, по которой эти люди должны нас уважать. Я не какой-нибудь бандит, для которого побои — первый способ решить проблему, но я все-таки удивляюсь количеству усилий, затрачиваемых на умасливание людей, которые должны подчиняться нам по закону. Но... — вскинула она руку, едва Леандро открыл рот, — ...мы уже об этом

говорили. Давайте на этом закончим.

Идти пешком предложила сама Кальпурния, по той же причине, по которой отказалась закрывать броней окна в своем жилище — чтобы показать, что нового арбитра так просто в бункер не загонишь. Но теперь она обнаружила, что пытается разглядеть всю толпу со всех углов одновременно и постоянно выискивает то подозрительные движения, то блеск оружия, пытаясь при этом сохранять подобающее достоинство. Она поддалась на уговоры Леандро и позволила ему взять небольшой эскорт — с каждой стороны в ряд шли пятеро арбитраторов, а впереди маршировал проктор, расчищая путь — но все равно оставалась напряженной.

Улицы пересекались под острыми углами, образуя клинья, выдающиеся из склона горы. Это был один из самых крутых откосов улья, и дорожное движение здесь состояло из пешеходов и маленьких грузовых повозок, которые со стуком ездили по рельсам, проложенным в середине каждой дороги. Кальпурния и

Леандро остановились у перекрестка и оценили то, что увидели: на центральном рокритовом островке размещался контрольно-пропускной пункт, тяжелый стаббер с лентой патронов стоял, задрав ствол, а по бокам от него дежурили операторы кибермастифов, готовые атаковать под прикрытием орудия. На обеих дорогах небольшие группы арбитраторов наблюдали за движением и останавливали случайных путников для расспроса и проверки бумаг. Эта сцена повторялась на каждом пересечении, мимо которого они прошли с тех пор, как покинули Врата Справедливости, как и на каждом проспекте и в крупном общественном месте по всему улью, и то, что пока успела увидеть Кальпурния, ей нравилось. Арбитр Накаяма быстро и умело установил контроль над улицами. Дежурные арбитры отдали честь двум старшим по званию и с некоторым смущением вернулись к работе, когда Кальпурния и Леандро пошли дальше.

— Может быть, эта тема будет полегче, — наконец нарушила молчание

Кальпурния. — Почему семье лорда Халлиана так важно, чтобы во время мессы не произошло никаких неприятностей? Не буду притворяться, что у меня было время прочесть все досье от корки до корки, но в истории этого человека не нашлось ничего, что объясняло бы, откуда у него внезапно появилась связь с праздником. Не то что бы, конечно, подданному Императора не подобало беспокоиться о сохранении порядка, — совестливо добавила она.

— Что ж, как говорят в Константе, мост строится с обеих сторон реки, — улыбнулся Леандро. — Ответ кроется скорее в самой организации мессы, чем в личности этого человека. Думаю, вам стоит немного расширить спектр изучаемого. Вам дали планшет с введением в саму мессу? Я уверен, мы обсуждали ее с широкой перспективы.

— Арбитр Леандро, давайте просто предположим, что у меня есть пробелы в обучении из-за недавних покушений на мою жизнь, — сказала уязвленная Кальпурния. — На что мне обратить внимание в файле о

мессе, если у меня будет время изучить его сегодня вечером?

— Итак, месса, — весело ответил Леандро, нимало не задетый. — Ее ввел святой Кай Балронас через двадцать лет после того, как Гидрафур был освобожден от Чумы Безверия. Она... а, вы знаете эту часть? Прекрасно. Что ж, это входило в его план объединения системы верой в Императора. Святейший понтифик провозгласил, что месса не будет принадлежать какой-то одной части гидрафурского общества. Важно было, чтобы люди не сочли ее всего лишь еще одним пустым и напыщенным парадом, который никто из них не собирается посещать. Поэтому он объявил, что Вигилией не будет распоряжаться одна только Экклезиархия, и что всем составляющим общества до единой достанется своя доля в ней. В то время как Адептус Министорум всегда официально присутствует на мессе и всех формальных ритуалах, саму Вигилию и многие празднества Сангвиналы планирует назначенный Распорядитель,

который также приглядывает за их воплощением в жизнь. Он вообще не относится к Экклезиархии. Порядок, согласно которому должность передается из года в год, — вещь, назвать которую сложной значит сильно преуменьшить, хотя у нас есть небольшая контора, которая посвящена слежке за этим процессом и отчитывается лично передо мной — случается, хотя и редко, что для того, чтобы подтолкнуть выбор почтенного Министорума в ту или иную сторону, используются криминальные методы.

Вверх по улице, по которой они шли, вдруг раздались громкие крики. Кальпурния напряглась и положила руку на пистолет. Подойдя, они увидели, что пара плотных седобородых мужчин с блестящими аквамариновыми кушаками спорила с арбитраторами, очевидно, из-за того, что те перекрыли улицу. Спутники арбитров-сеньорис перестроились клином, чтобы лучше защищать своих командиров, но потом один из спорщиков зашел слишком далеко, и Арбитрес накинулись

на него. Двое из них сбили его с ног ловкими ударами дубинок и прижали к земле, еще двое ногами повалили платформу и начали взламывать их ящики. Кальпурния и Леандро остановились, где стояли, и Леандро продолжил рассказ.

— Назначенный Распорядитель Вигилии имеет определенную свободу действий в том, что касается празднеств, возможность поставить, некоторым образом, свою печать на них. Соответственно, ни один фестиваль не похож на предыдущий, потому что это, можно сказать, бесчестье — устроить плохой или слишком похожий на прошлогодний праздник. Это также важнейшее событие гидрафурского года после Сретения, поэтому, как понимаете, соревнование за титул идет довольно напряженное.

— Начинаю понимать, почему лорд Меделл боится, что может что-то пойти не так, — заметила Кальпурния. — Итак, в этом году Вигилией распоряжается Меделл...

- - - Кальфус-Меделл. Кальфус — фамилия, Меделл — приставка синдиката.

— Кальфус-Меделл, хорошо. В досье Халлиана говорилось, что у него довольно неудобная позиция в семье: поздний ребенок, родившийся меж двух поколений и не имеющий сверстников. Назначение Распорядителем Вигилии для него должно быть огромным достижением.

— Как и для его семьи, не то что бы она в этом нуждалась. Кальфус-Меделлы — один из сильнейших союзов семьи и синдиката в системе.

Они снова двинулись с места. Кальпурния чувствовала себя немного не в своей тарелке с эскортом впереди: у нее не было времени поговорить хоть с кем-то из них, а она привыкла знать членов своего отделения по именам. Двое мужчин на площади уже были закутаны в тяжелые стирительные плащи, которые закрывали головы и прижимали руки к талиям, и их утаскивали прочь. Четверо других арестантов, два мужчины и две женщины, были прикованы друг за другом и, молча и

дрожа, шли следом под прицелом дробовика. Они были в таких же одеждах и головных уборах, но без поясов, и Кальпурния решила, что они — слуги или помощники незадачливых спорщиков.

Она перевела взгляд на груз, раскиданный по мостовой. Узлы были развернуты, и молодой арбитратор пометил их зеленой краской, означавшей, что их уже проверили на яды. В большей части пластиковых мешков находились поблескивающие серо-бурые комья, которые напомнили Кальпурнии подтаявшие конфеты-яйца. В одном-другом была яркая металлическая стружка или нечто, похожее на минеральные соли. Она повернулась к арбитратору, который прошел позади нее.

— Изложите, в чем проблема, пожалуйста.

— Эти двое — из сообщества фабрикаторов, которое базируется ниже, у стены Августеума. Не знаю, чем конкретно они занимаются, но, как я думаю, они спешили...

— Изложите проблему, пожалуйста, —

повторила Кальпурния. Тот сглотнул. Наверное, он никогда раньше не разговаривал с арбитром-сеньорис, не говоря уже о двоих, стоящих плечом к плечу.

— Да, мэм. Эти люди возражали против закрытия улицы и требовали, чтоб их пропустили. Они не отступили, когда им приказали, и не убрали свои вещи. Э... свой багаж. Мэм.

— Вы видели, что мы поднимаемся. Вы понимаете, что на одну из этих повозок можно было нагрузить сколько угодно смертоносных устройств и скатить их на нас?

— Да, мэм.

— И при этом вы дозволили, чтобы владельцы подвели их к началу улицы, сохраняя управление, и мы должны были пройти мимо них. Вместо того, чтобы остановить или приказать направить их в другое место.

Повисла пауза.

— Да, мэм.

— Кто вы?

— Ведущий арбитр Мадулла, мэм.

Эшелон Зеленый-четыре, участок Холдарк.

— Благодарю, ведущий арбитр. Пожалуйста, приложите больше усилий к работе. Можете продолжать.

Покраснев, Мадулла распорядился, чтобы двух арестантов разместили на «Носороге», прицепив за кольца на спинах смирительных плащей к крюкам на ходовой части танка так, что ноги не касались земли. До приезда на Гидрафур Кальпурния не видела, чтобы узников перевозили и демонстрировали подобным образом. Слуги сидели жалкой кучкой в нескольких метрах в стороне под прицелом арбитров, и те немногие пешеходы, которые оставались на перекрестке, поспешно разбежались и попрятались. Кальпурния одобрительно кивнула. Всегда полезно показать пример.

— Правильно ли я догадываюсь, что если Вигилия будет нарушена, в то время как Халлиан начальствует над ней, это будет для него большим позором и отразится на семье и синдикате? — спросила она, когда они снова пошли. — Ц

предположим далее, попытка убийства старшего офицера Арбитрес может быть неплохим способом устроить проблемы, которые общественное мнение может счесть его виной, как бы нелогично это ни звучало?

— Отлично, арбитр-сеньорис! Вы начинаете думать, как местная.

Кальпурния заворчала и шлепнула себя по лбу рукой в перчатке.

— Уф, надеюсь, что нет. Эти люди безумны! Они празднуют Вигилию, посвященную искуплению грехов, погрязая в пьянках и политике, относятся к священной мессе как к очередному карнавальному спектаклю и интерпретируют все, что им говоришь, по тому, сделал ли ты несколько шагов во время речи! Не думаю, что я готова к этому месту, Нестор, — она пожалела о последней фразе в тот же момент, как она сорвалась с губ.

— Лорд-маршал Дворов думает, что вы готовы, моя сеньорис, — возразил Леандро, когда они начали взбираться по другой улице. — И, поверьте, лорд-маршал

знает, что делает.

Кальпурния бросила последний взгляд на перекресток позади и пошла за ним.

Еще два перекрестка, потом последний отрезок, где улица стала настолько крута, что перешла в ступени. Они поднялись мимо покрытых гравировкой железных плит, разделенных фризами работы знаменитых и давно умерших гидрафурских мастеров, мимо шестиметрового промежутка между ними и стенами мастерских, потом слева потянулись их крыши, а там и просто пустота. Кальпурния все восхождение думала только о том, какую отличную цель здесь собой представляет, и корила себя за то, что сочла хорошей идею идти пешком, порожденную исключительно бравадой. Так себя ведут любители, говорила она себе, так ошибаются новички и дети. Она отвлеклась от этих мыслей, сконцентрировавшись на словах Леандро. Тот говорил о Квартале Мастеров, который получил привилегированное место в Августеуме благодаря

покровительству Собора и изготовлению ритуальных материалов и предметов религиозного искусства, раскупаемых просителями и верующими по всему субсектору. Те невезучие арестанты, что остались где-то позади, везли раковины фио, смолистые коконы прибрежной амфибии, чьи едкие соки использовались для придания мягким металлам высоко ценимого блеска. Металлические опилки и соли, вероятно, нужны были для улучшения цвета, более гладкой полировки и лоска, как объяснил Леандро. Кальпурния мрачно кивнула и сосредоточилась на том, чтобы переставлять ноги и стараться не глядеть на пропасть справа.

Ступени изогнулись и устремились вверх через несколько ярусов с лестничными площадками к широкой мостовой у толстого обелиска. Внезапно арбитры снова оказались среди людей и на благословенно плоской земле. Сопровождающие разошлись в стороны. Миновав обелиск, они вышли на Высокую Месу.

Это был самый гребень Босфорского

улья, мощеный проспект, который шел от врат дворца Монократа на востоке до Собора на западе. Он возвышался над каменными джунглями, как лезвие топора — или, скорее, цепного меча, поправила себя Кальпурния, глядя на парные обелиски, стоящие на равных расстояниях вдоль его краев. Отсюда, сверху, можно было увидеть всю широко раскинувшуюся столицу: башни и крыши Босфорского улья, промышленный город, который ковром покрывал равнину, горы за Собором и огромный охряный простор неба. Даже при дневном свете можно было поднять голову и увидеть, что небо искрится от пересекающих друг друга огней звездолетов и великого Кольца Гидрафура.

Здесь уже не было вечно спешащих ремесленников или извозчиков. По высокой пешеходной улице фланировали представители гидрафурской элиты, принимая элегантные позы, тихо переговариваясь за веерами из медного кружева, кланяясь, флиртуя или созерцая размытый от смога горизонт. Людей здесь было меньше, они двигались медленнее, и

небольшие группы сохраняли большее расстояние меж собой, но от многообразия их одеяний и движений все равно рябило в глазах. Замкнутая группа Арбитрес двигалась меж них, как черный жук среди бабочек.

Кальпурнии не понадобилось много времени, чтобы начать отмечать некоторые тенденции. То распространенный стиль юбки и шали, то повторяющийся жест. Она увидела и запомнила некий особенный, более глубокий поклон, который, видимо, сопровождал приветствие, обращенное к человеку в верхней одежде определенного покроя, и тип ювелирных украшений, который носили только люди, сопровождающие офицеров Флота в их искусно сделанных зеленых униформах. (От них она ожидала обнадеживающе знакомого вида, поскольку знала о флотских традициях от старших членов своей семьи, но Линейный флот Пацификус в сравнении с Линейным флотом Ультима использовал куда более пышные и сложные знаки отличия и медали, которые она даже не узнавала).

Некоторые были экстравагантнее прочих. Кальпурния увидала людей, на чьей коже красовались драгоценные камни или сверкающие электротату, а дважды их путь пересекали стайки молодежи, вышагивающей в обуви с подпорками из скрученных полос металла, которая придавала им пружинистую, лихо гарцующую походку.

Она заметила особые ритуалы в том, как некоторые группы здоровались с другими, игнорировали их или перемещались, чтобы сохранить определенное расстояние. Наверняка это все было частью некоего головокружительно сложного социального механизма, который, как она решила, ей совершенно неинтересно было изучать — пока не оказалось, что этот малозаметный танец распространяется и на Арбитрес. Периодически одна из прогуливающихся групп поворачивалась и приветствовала их или позволяла себе замешкаться на их пути, чтобы потом можно было устроить показную суету, убираясь в сторону. После четвертой

такой встречи, когда им вслед усиленно помахала руками группа мужчин среднего возраста в разноцветных плащах, растянутых на запоминающей проволоке, словно изгибающиеся крылья, Леандро подтвердил подозрения коллеги.

— Похоже, дорогая арбитр Кальпурния, разговоры о вас распространились везде и всюду.

Молодой аристократ впереди, одетый в зеленый обтягивающий костюм и белую меховую мантию, жестом приказал остановиться своей свите — трем закутанным сервиторам и служанке, которая несла в сложенных чашей руках синюю свечу — и демонстративно шагнул назад, уходя с их пути.

— Я собиралась спросить, что вы имеете в виду, но у меня такое неприятное чувство, что я уже знаю.

— Удивит ли вас, моя Кальпурния из Ультрамара, тот факт, что удар, нанесенный вами некоему юному наследнику — хотя вернее будет сказать «наследнице» — произвел, в некотором роде, шумиху в высшем обществе Босфорского

ульи?

Кальпурния осмотрелась. Каждая пара глаз, с которой она встречалась взглядом, смотрела так же оценивающе, как Халлиан вчера. Или, может, ей просто казалось.

— Не слишком, полагаю. Я слегка удивлена, что все так перепугались за такую как-вы-там-ее-назвали.

— «Никому не нужная вертихвостка», как мне припоминается. Пусть это услышат любые подслушивающие устройства, которые только могут быть сейчас на нас направлены, — сказал Леандро, и Кальпурния подавила улыбку. — Они, моя леди арбитр, противоречивая порода: готовы приложить откровенно шокирующие по масштабу усилия, чтобы уничтожать друг друга самым беспринципным образом, и так же готовы встать единым фронтом, если почувствуют, что кто-то обидел одного из их числа, — он на миг задумался. — Хотя, на самом деле, я могу преувеличивать. Есть все шансы, что эта реакция — обычная осторожность. Вы старший

офицер Адептус, занявший место, связанное с большой властью и полномочиями. Вчера вы подтвердили, что провели здесь очень мало времени и никак не контактировали с гидрафурским обществом. Поэтому многие здесь впервые пристатриваются к неизвестному и потенциально важному новому игроку. Вероятно, они просто хотят узнать, что вы собираетесь делать.

Кальпурния поморщилась.

— Игрок. Значит, вот кто я для них, — она дотронулась до орденских планок на груди и шлема над тем местом, где был шрам. — Это я, стало быть, получила за игры?

— Такова их точка зрения, и ничего больше, — Леандро оставался столь же невозмутим. — Ну? — сказал он потом, указав вперед посохом, — что вы думаете?

Они прибыли.

Перед ними поднималась огромная рампа, ведущая к дверям Собора. Она была сложена из того же серого камня, как и мостовая, на которой они стояли, но он был весь покрыт полированными

барельефами, изображавшими деяния героев Экклезиархии: Урия Якобус, сокрушающий генокрадов на Солнцевороте, мастер Рейнард, возглавляющий Травианское Возжигание, другие, незнакомые Кальпурнии. Резные картины выглядели слишком ценными, чтобы ходить по ним, и она на миг-другой замешкалась. Впрочем, проктор, возглавляющий процессию, уверенно зашагал вперед, поэтому она, мысленно пожав плечами, пошла следом, стараясь не наступать на святых. Хотя камень и выглядел отполированным до скользкости, идти по нему было легко. Она подняла взгляд на отвесный фасад Собора, возносящийся в облака, и пожалела об этом: стена поднималась от рампы к самому острию шпиля, и от вида всего этого резного камня, нависающего над ней, у Кальпурнии закружилась голова, как будто она заглянула в перевернутую пропасть.

Врата Собора представляли собой стрельчатую арку в пятнадцать метров высотой, в отличие от аналогичных

сооружений в Ультрамаре, чьи строители предпочитали более гладкие изгибы. Кальпурния предположила, что внутри должны быть взрывозащитные заслонки и бронированные двери — Адептус Министорум были воинствующей церковью, и священные здания строились так, чтобы служить и военными крепостями — но все это, видимо, было убрано в пазы и запечатано, поэтому перед ними возвышалась пустая арка.

Арбитраторы вокруг встали смирно, и проктор трижды постучал посохом по камню.

— Достопочтенный Нестор Леандро, претор и арбитр-сеньорис Высшего участка Гидрафура, и достопочтенная Шира Кальпурния, арбитратор и арбитр-сеньорис Высшего участка Гидрафура.

Он обращался к облаченным в латы фигурам, которые стояли шеренгой, перегораживая арку. То были воительницы соборной стражи, Адепта Сороритас, члены боевого сестринства из Ордена Священной Розы, которые стояли прямо и горделиво в своих гладких белых силовых

доспехах и черных сюрко с золотой вышивкой, изображающей флер-де-лис Экклезиархии. Их болтеры были направлены на Арбитрес, столь же непоколебимые, как и их взгляды. Старшая сестра с лицом, скрытым капюшоном, вышла из-за спин своего отделения и жестом приказала им опустить оружие. Они приняли стойку смирно с грохотом керамитовых сапог о камень, который эхом отозвался во внешнем вестибюле Собора, и расступились, затем повернулись кругом и снова застыли. Старшая сестра сжала золотую аквилу под горлом, поклонилась, сделала жест младшему дьякону, который появился из ворот позади нее, и шагнула в сторону, влившись в ряд своих сестер. Кальпурния и Леандро прошли мимо стражниц внутрь Собора, проктор и другие арбитраторы отступили назад, ко входу. После того, как их представили, не было произнесено ни слова.

Дьякон был молодой, коренастый и беспокойный — постоянно нервно потирал свою тонзуру. Он провел их по длинным

коридорам, полным ниш с резными изображениями внутри, мимо стен, освещенных лампами и покрытых выгравированными именами имперских мучеников. Кальпурния отметила про себя еще одну особенность Гидрафуры: официальные здания здесь, как правило, располагали множеством тамбуров между входом и центром. Коричневато-золотистый дневной свет постепенно уступал место каменным стенам, лесам затейливых колонн и прохладному серому полумраку, статуям, строго наблюдавшим за ними с постаментов, и высоким галереям. Где-то в глубине здания слышался хор, репетирующий отдельные фразы и ноты, и отдаленные фрагменты церковного хорала мягко витали в воздухе. Кальпурния осознала, что пытается идти на цыпочках, чтобы приглушить шум от шагов.

Преодолев ряд вестибюлей и преддверий, Кальпурния наконец мельком увидела огромные, уходящие в небо пространства основной части Собора, от

чего у нее перехватило дыхание. Но уже через миг их безымянный проводник повернул в длинный узкий зал, завешенный темными гобеленами, подвел их под витражную мозаику, изображающую святую Саббат, и ушел, попросив подождать. Леандро сел на деревянную скамью и принялся любоваться витражом, а Кальпурния расхаживала взад-вперед.

— Все это часть обучения, я уверена, — сказала она чуть погодя. — Я прохожу ценный скоростной курс на тему прихожих и залов аудиенций в зданиях Адептус по всему улью. Интересно, когда я отсюда выйду, в меня тоже будут стрелять?

— Первая пара недель службы всегда проходит примерно так, моя арбитр. Такой центр деятельности Адептус просто не может быть одним из тех миров, где горстка Арбитрес выполняет свою работу, заперевшись в крепости-участке и выбираясь, только чтобы подавить бунт. Подождите, вас еще начнут представлять флотским властям. Их здесь великое множество — Гидрафур, в конце концов, фактически принадлежит

им. Если это хоть сколько-то успокоит вас, убедите себя, что та работа, которую мы сегодня проведем с кюре Дженнером, несомненно, будет весьма ценна для идентификации вашего убийцы.

— Он не стал моим убийцей.

Леандро отмахнулся от едкого замечания и продолжил:

— Сколько там осталось до Вигилии Балронаса, неделя? Даже меньше. Считанные дни до того, как прозвонят к началу, и весь Гидрафур будет связан ограничениями Вигилии. И если мы, арбитр Кальпурния, собираемся продолжать охоту, то нам тогда будет жизненно важно располагать благоволением Экклезиархии. Их эдикты распространяются даже на других Адептус, и если они дадут нам послабление, то у нас будет свобода действий, коей заговорщики, кем бы они ни были, скорее всего, не будут обладать. И, в любом случае, — добавил он и встал на ноги, услыхав шаги по ту сторону двери, — Клах Дженнер — человек, знакомство с которым пойдет вам только на пользу.

Возможно, он покажется вам слишком молодым, чтобы доверять ему, но как наставник он достоин только восхищения. И все же я чувствую необходимость заметить, — сказал он, подумав и поправив плащ, — что для него нехарактерно заставлять так долго ждать гостей, как я нескромно выражусь, нашего калибра. Это не очень дипломатично.

Каждый раз, когда всплывала тема «наставничества», Кальпурнии приходилось подавлять одну и ту же реакцию: сначала вспышка возмущения, потом мысль о том, насколько все-таки сложны религиозные обычаи Гидрафура. В конце концов она решила, что все, что помогает устранить чувство, будто она ребенок, волочащийся за читающим нотации дедушкой, того стоит.

Кюре Экклезиархии Клах Дженнер был худощавым человеком ростом чуть выше Кальпурнии, который выглядел несколько подавленным своей тяжелой парчовой ризой. Он не был молодым, как описал Леандро, и в нем не было мягкости, которую ожидала Кальпурния: его лицо

было грубым и угловатым, с дубленой кожей и щетиной. Голова кюре была так же гладко выбрита, как у дьякона, но от обоих висков за уши тянулось по тонкой металлически-серой косичке. Когда он поклонился, Кальпурния увидела, что косы были связаны сложным узлом на затылке.

— Вы не Клах Дженнер.

Леандро удивился, это было понятно по тому, что он утратил обычную цветистость речи. Мужчина снова поклонился.

— Вы правы, арбитр-сеньорис Леандро. А вы — арбитр-сеньорис Кальпурния. Или провост-маршал Кальпурния? Или арбитр-генерал? Мне говорили, что можно применять любой вариант. Ваш многоуважаемый орден имеет весьма сложную систему рангов.

— Любой из титулов подходит, но на Гидрафуре, судя по всему, наиболее распространен тот, что на высоком готике, — сказала Кальпурния, отдав честь. Леандро все еще созерцал собеседника с легким неудовольствием.

— Значит, арбитр-сеньорис. Хорошо. А я — Михон Барагрий, нунций епархи Гидрафурского и викарий-генерал Гидрафурской курии. Пойдемте за мной, пожалуйста.

Они прошли в настолько маленькую комнату с настолько высоким потолком, что она напоминала какой-то подземный застенок. Стены сплошь покрывали резные священные тексты, из стены выступала большая стальная статуя ангела-воина и держала канделябр над тремя низкими пуфами. Кальпурния не сомневалась, что где-то поблизости скрываются и подслушивают служители Экклезиархии.

— Я знаю, что вы должны были встретиться с кюре Дженнером, — сказал Барагрий, заняв сиденье и пригласив Арбитрес последовать его примеру, — но определенные обстоятельства, связанные с приближением мессы, не дали ему прийти. Поэтому я начну с того, что принесу вам наши сожаления по поводу столь внезапной смены планов.

— Внезапные смены планов, похоже, сейчас в порядке вещей, почтенный

Барагрий, — Кальпурния буквально чувствовала, как расслабляется. Как приятно наконец иметь дело с более-менее прямым человеком. — Я тоже хотела бы извиниться. Мне известно, что еще до моего приезда в систему было запланировано детальное обучение, касающееся не только специфики этой мессы. Дженнер должен был описать более пространный этикет меньших празднеств и церемоний, в которых участвуют Адептус, провести определенные тренировки вокала, и тому подобное.

— У меня не было времени полностью просмотреть записи кюре, но звучит верно. Тренировать голос нужно было для обрядов мессы. Пентатоническая шкала, которую мы здесь используем, требует некоторых нюансов мелодии и интонации. А юг галактики, как я понимаю, предпочитает полную октаву. Наверное, понадобится несколько уроков, чтобы вы привыкли к тому, что от вас потребуется петь. Я, наверное, попробую организовать сессию с одним из хормейстеров.

— Ваше преподобие, я имела в виду,

что запланированные уроки вряд ли удастся провести. Если вы не слышали, два дня назад на меня устроили покушение. Я могу поделиться деталями, но что касается уроков, то придется их отложить, пока не закончится расследование. Я попытаюсь выделить время на ознакомление с самой мессой, если получится, но это, пожалуй, и все.

— Мы воистину слышали, — сказал Барагрий, — и ваш ответ приводит нас к моему. Вы не единственная, кто желает, чтобы организатора этого нападения выволокли на свет божий. Я говорю от лица самого епарха: использование псайкера-колдуна — ха, да само присутствие псайкера-колдуна — практически в тени шпиля Собора, в столичном улье такого мира, как Гидрафур, — это удар по нам всем. Это время имеет огромное значение для Экклезиархии, и мы так же, как вы, заинтересованы в том, чтобы оно не было осквернено. Возможно, если я могу так сказать, сохраняя деликатность, даже больше.

Барагрий наклонился вперед, уперевшись локтями в колени и вглядываясь зоркими черными глазами в лицо Кальпурнии.

— Я хочу окончательно прояснить: Арбитрес получат полную поддержку Адептус Министорум во всем, какие бы меры они — то есть, вы — не предприняли касательно этого дела. Легальную, дипломатическую, силовую, все, что ни потребуется. Канонисса Феоктиста усилила охрану Собора, а епарх посовещался со своими охотниками на ведьм. Вы прекрасно провели работу по сохранению порядка в улье, теперь, я думаю, настало время пойти по следу.

Кальпурния и Леандро обменялись взглядами.

— Что ж, это была превосходная встреча, — заявил Леандро, — может, и не та, которой мы ожидали, но все же. Вы верно отметили, что необходимо поддерживать связь между Имперским Законом и Имперской Верой, и я не сомневаюсь, что подобные отношения наилучшим образом помогут ускорить

наше расследование. Могу ли я поинтересоваться, почтенный Барагрий, с вами ли мы будем контактировать в дальнейшем? Я так понимаю, что кюре Калефф из личного оффицио епарха...

— Работать с вами буду я, — Барагрий поднял маленький пласвосковой диск с отпечатком перстня в центре. — Это моя печать. Ознакомьте с ней своих подчиненных. Надо известить ваших привратников, что завтра после полудня я пришлю официальное приглашение на встречу от кабинета епарха, и тогда мы начнем планировать следующие действия. Гидрафурская курия назначила меня представителем Министорума и вашим личным помощником по всем религиозным делам на данный период.

— Ваше преподобие, мы почтены любезностью курии, и я уверен, что наш многоуважаемый арбитр-майоре встретит вашу делегацию со всем возможным благоволением, когда я, в свою очередь, передам ему ваше имя.

Леандро и Барагрий твердо смотрели друг на друга. Очевидно, на

каком-то уровне между ними шла борьба, поэтому Кальпурния не удивилась, когда всего через миг священник вдруг встал и поклонился им обоим.

— Итак, долг зовет. Нам всем нужно заняться своими делами, и вскоре мы снова встретимся. Ступайте с верой в Императора и благословением аквилы.

Барагрий прошел с ними до двери зала, где ждал дьякон — не тот, что раньше, но какой-то землистокожий помощник викария с электротатуировкой на лысине, которая проецировала в воздух над головой голограммы религиозных максим.

— Завтра в пятнадцатом часу. Можете ждать меня.

Он поклонился еще раз, теперь уже конкретно Кальпурнии, и дверь закрылась.

Они вышли из ворот и начали спускаться по рампе, и это вызвало такое резкое дежавю, что она содрогнулась. Это хорошо, что публика увидит, как она символично поднималась пешком к фасаду Собора, но в следующий раз, пообещала она

себе, она поедет в «Носороге». Леандро, похоже, подумал то же: он приказал проктору вызвать три этих приземистых черных бронемашины, пока они были в Соборе, и теперь первым поднимался по аппарели той, что стояла между двумя другими. Хорошо оборудованный интерьер «Носорога» поведал Кальпурнии, что это, видимо, личный транспорт Леандро, а шокированные лица прохожих, которые поспешно уходили с их пути — что бронетранспортеры не были привычным зрелищем на утонченных улицах верхней части Босфорского улья. Что ж, неплохо.

— Итак, — сказал Леандро, — как вы скажете, какую информацию мы можем почерпнуть из этого маленького обмена любезностями?

— Нам надо будет определиться, как мы будем вести себя при активном вмешательстве Экклезиархии. Он практически прямо заявил, что они обладают достаточным могуществом для этого, и мне совсем не понравилось упоминание их собственных охотников на ведьм. И Барагрий — никакой не набожный

преподаватель катехизиса и не наставник певчих, хотя, видимо, провел кое-какую работу, чтобы казаться таковым. Монашеством от него не веет. Он человек действия, я думаю, полевой агент.

— Собранный, деловитый, не боящийся использовать свои полномочия, — согласился Леандро. — Я бы не стал тратить много времени на идею, что курия приписала его к нам, думая исключительно о нашем же благополучии.

— Вы правы. Он нужен, чтобы следить за нами, и чтоб Экклезиархия точно знала, как идут наши труды. Заметили, он говорил о поддержании порядка в улье? Лорд Халлиан тоже это упоминал.

«Носорог» слегка накренился, и они начали изогнутый буквой S маршрут. Предстояло проехать через Торговый Квартал к вратам Кафизмы, потом снова пройти под Кварталом Адептус до самой триумфальной арки Врат Аквилы со стометровыми каменными орлами по бокам, повернуть обратно к Вратам Правосудия и подъехать к дверям

собственной крепости. Визит в Собор занял больше времени, чем думала Кальпурния, особенно в сравнении с краткостью самой аудиенции. Машины ехали относительно медленно, и потихоньку близился вечер. Сквозь обзорные щели можно было видеть, как светлый день постепенно переходит в оранжевые сумерки.

— Я подозреваю, — через какое-то время сказал Леандро, — что эта мысль может вызвать у вас досаду, моя арбитр, ибо она досаждает мне. Мысль о том, что, в то время как о желании агентов епархии сунуть нос в это дело еще надо переговорить с арбитром-майоре, сам факт участия Барагрия в нашем расследовании, вероятно, мы изменить не в силах, по крайней мере, прямо сейчас.

— Я этого опасалась.

«Носорог» замедлился, сдвинулся в сторону и снова набрал скорость. Водитель склонил голову набок, прислушиваясь к разговорам по вокс-рации Арбитрес.

— В смысле, меня это не удивляет.

Хотелось бы, чтобы они дали нам просто заняться своим делом, но что поделать, это же не Кальфус-Меделл хочет навязать нам своего сотрудника, калибр повыше. Если нам не удастся отстранить Барагрия, не вступая в конфликт, то пусть остается. Сущее безумие — устраивать ссоры, когда еще не найден тот, кто вырастил подконтрольного несанкционированного псайкера и использовал его для атаки на Адептус.

— Вырастил?

— Видимо, да, судя по отчетам Санджи и Накаямы. Убийца использовал очень тонкую, первоклассную аугметику. Под такую надо подстраиваться, и на это нужны годы тренировок. Он — часть организации, а не какой-то подзаборный вещун, который заработал услугу от подпольного медика.

Водитель снова наклонился над вокс-решеткой, и Кальпурния повернулась к нему.

— Что происходит?

— Какие-то помехи у Врат Аквилы, мэм. Думаю, это несерьезно, тревогу

никто не поднимал. Мы как раз туда подъезжаем. Ведущий «Носорог» докладывает о пробках и каком-то споре на пропускном пункте.

Кальпурния уже надевала шлем и проверяла заряды в пистолете. Леандро наблюдал за ней со своего сиденья, приподняв одну серебристую бровь.

— Арбитр Леандро, как насчет провести внеплановую инспекцию? Я не прочь посмотреть вблизи, как проводят мероприятия на основном въезде в Августеум.

Она выпрямилась, когда БТР затормозил и лязгнули механизмы, выпускающие аппарель.

— Жду вашего доклада, моя арбитр. Одного из нас, пожалуй, будет достаточно.

Кальпурния пожала плечами и сошла на землю, когда аппарель окончательно опустилась.

Врата Аквилы венчали собой Телепинскую дорогу, огромную транспортную артерию на юго-восточном склоне Босфорского ущья. Арка была столь глубока, что больше походила на туннель,

ярко освещенный натриевыми лампами цвета гидрафурского дневного света. Вдоль стен тянулись многоэтажные галереи и мостки, забитые пешеходами, которые толкались плечо к плечу с потертыми барельефными изображениями тысячу лет как мертвых Адептус, идущих парадом. Дорога к центру Босфорского улья была разбита на полосы, внешние были уже и полнились бето и техарикшами, а во внутренних шли гигантские грузовые повозки, грохочущие на гусеницах или толстых колесах почти цилиндрической формы. Всюду были Арбитрес, которые блокировали каждый пешеходный коридор и спрашивали документы, рылись в багажных полках техарикш, кишели на грузовозах, словно муравьи на кирпичах, или патрулировали, собравшись отделениями, пространство за воротами, где транспорт стоял в очередях. Водители высовывались из окон, орали, размахивали бумагами или идентификационными печатями, моторы ревели, сапоги арбитраторов грохотали. Гул стоял ошеломительный.

Кальпурния подумала было тихо просочиться в центр, но привычки пока не поспевали за рангом. Эскорт, который сопровождал ее к Собору, вдруг снова окружил ее, и проктор закричал в усилитель, который достал из «Носорога»:

— Адептус Арбитрес! Расступитесь перед Адептус! Дорогу арбитру Кальпурнии!

Они прошли сквозь толпу, как ледокол сквозь полярные торосы. Вот тебе и внеплановая инспекция, уныло подумала она.

Суматоха вокруг не давала понять, где что творится, но, похоже, центральная очередь повозок не двигалась. Кальпурния направила свой отряд в ту сторону и оказалась рядом с проктором, который распоряжался досмотром повозок. Он был розовый и вспотевший, то ли от спертого воздуха и нагрузок, то ли от вида ее знаков отличия.

— Грузовозы, — прокричал он ей в ухо, для чего пришлось сгорбиться, — сложно обыскивать. В их структуре слишком много внутренних полостей. Некоторые

водители — просто наемные работники и не могут впустить нас внутрь.

Кальпурния смотрела на вереницу грузовых повозок. Водитель той, рядом с которой они находились, стоял посередине короткой лестницы, встроенной в бок гигантской кабины, и вскрывал люк узкого лаза, ведущего к двигателю, а двое арбитров наблюдали за ним. Через повозку от них еще один водитель вместе с коллегой-рабочим листали кипу бумаг рядом с контролером Арбитрес в коричневой броне. А та повозка, что между ними...

— Почему эти двое все еще в кабине?

Проктор не расслышал вопрос полностью, и ему снова пришлось наклониться и переспросить. Под запахом полировки для брони резко чувствовался его пот. Двое рабочих в кабине пристально посмотрели на Кальпурнию, когда та ткнула в их сторону дубинкой.

— Все в очереди уже спустились и разговаривают с вашими бойцами. А эти почему нет? Они же следующие.

Проктор уже кивал, и Кальпурния

отступила в сторону. Он дал знак ближайшей группе арбитраторов, чтобы те вывели двоих мужчин из транспорта. Мимо по одной из внешних полос проехал бело, и визг его двигателя на мгновение отвлек ее, но, когда она снова подняла взгляд, кабина грузовоза уже была пуста.

Что-то кольнуло ее инстинкты. Слишком быстро. Что-то не так.

Она рефлекторно пустилась в бег, эскорт тоже сорвался с места, чтобы не отставать. Водитель спрыгнул с лестницы и побежал обратно, к выходу из арки. Его спутника нигде не было видно.

Понадобилось только взмахнуть дубинкой — ее отделение тоже их увидело. Они помчались следом, окликая дежурных у устья ворот. Смятение вокруг выросло вдвое.

Кальпурния приотстала на шаг, чтобы увидеть, как действуют отделения и проверить, в чем их слабые места. Она также позволила себе взглянуть вверх, на бок повозки, и поэтому оказалась единственной, кто увидел самый первый взрыв.

Он был маленький, просто вдруг бахнуло, и металлический бок грузовоза выгнулся наружу. Из щелей между панелями вырвалось грязно-желтое пламя. Этого хватило, чтобы Кальпурния стремительно развернулась и начала отчаянно расталкивать дубинкой и арбитраторов, и гражданских.

— Ложись! Ложись! Назад! Сейчас же!

Второй взрыв был мощнее. Повозка пошатнулась на своих опорах и выплеснула волну жара, от которой Кальпурния сжалась и отшатнулась, но именно третий сделал дело. Бока грузовоза задрожали, треснули и величественно распались на куски, и семя из обожженного металла породило прекрасный огненный цветок, который с ревом взметнулся вверх и наполнил Врата Аквилы воплями и бело-желтым светом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Девятый день Септисты

Девять дней до Мессы святого Балронаса. Поклонение пилигримов. Стоянки на Святом Пути. Шествие Дальних Святых. Мистерия Распорядителя.

В этот день паломники получают благословения в капеллах на западных склонах Августеума, а в определенных случаях их принимают во внешних помещениях самого Собора. Этот день специально выделен для тех, кто выполняет святой долг пилигрима, и вмешиваться в эти ритуалы для жителя Гидрафура — неприемлемо, оскорбительно и неблагочестиво. Те, у кого нет особых религиозных нужд в улье, должны оставаться дома или в казармах, если возможно.

Читать сегодня подобает «Размышления о путешествии веры» епарха Лидре или первую и пятую главу «Псалмов Звездоплавателя».

Благословленные епархом имеют право совершить Стоянки на Святом Пути. Дороги, ведущие к Усыпальнице и началу Пути, а также от врат Собора и конца Пути, охраняются Экклезиархией и должны оставаться свободными для просителей и пилигримов. Помните, что по декрету Экклезиархии единственным звуком, слышным на Пути, должны быть голоса просителей, читающих писания, что вырезаны на его поверхности, поэтому следует приглушать речь и звуки движения и не запускать двигатели в радиусе одного километра.

Атрибуты Дальних

Святых будут убраны с обочин дороги не позднее заката и унесены процессией при свете фонарей по Хиросской дороге к Престолу Исповедника. Их сопровождают те, кто пристатривал за ними в течение ночи, и те, кто чувствует в себе благочестивый порыв, могут присоединиться к ним. Когда все атрибуты размещены на своих местах, на площади начинается представление мистерии, подготовленной Распорядителем Вигилии. Те, кто не может наблюдать ее лично, должны постараться увидеть ее трансляции на пикт-экранах в местных святилищах и храмах. Главам семейств и начальникам следует дать всем своим подопечным возможность созерцать мистерию, как только она начнется, или как можно скорее после этого.

Очнувшись от короткого и беспокойного сна, Кальпурния обнаружила себя запутавшейся в простынях и заморгала от утреннего света, проникавшего сквозь штору и защищенное полем окно. Как сообщили часы на письменном столе, она проспала меньше пяти часов, но при этом чувствовала себя значительно более отдохнувшей, чем можно было подумать, а настроение было лучшим за несколько дней. Даже тишина в ее покоях оказалась неожиданно приятна, хотя в первую пару дней здесь она то и дело резко просыпалась из-за ощутимого отсутствия шума, к которому привыкла в казармах, с неясной уверенностью, что проспала.

Она потерла лицо рукой и скривилась. Хотя она и позволила бригаде медиков Арбитрес промыть ей глаза после того, как выбралась из пекла Врат Аквилы, кожа по-прежнему была в грязи, а волосы воняли густым, странным горько-пряным дымом. Этим утром предстоит много дел, столько всего надо проверить,

изучить первую зацепку касательно того, кто организовал эти нападения. Двое арестованных, которых нужно занести в каталог и допросить, затем начнется преследование, и она будет над всем этим надзирать. Криминалисты-вериспекс наверняка уже раздобыли что-то новое со вчерашнего дня, когда она с ними разговаривала. Во всяком случае, для них же лучше, если они это сделали, за пять-то часов. И она определенно должна прислать отчеты остальным трем генералам-арбитрам, но сначала надо собраться и поторопиться...

Она остановила себя. Если бы были какие-то срочные новости, ее бы разбудили. Соображение номер один: высокопоставленному арбитру не пристало приступать к новому рабочему дню грязной и вонючей, как помойная кошка.

Десять минут спустя она вышла из кабины аблютория, расположенного в задней части ее покоев, хватая ртом воздух от резких струй воды, но чувствуя себя заново рожденной. Осмотревшись, она

обнаружила свежую униформу, разложенную на кровати, и стопку записок на столе. Видимо, коридорные пришли, как только поняли, что она проснулась. К этому тоже надо привыкнуть, подумала она, раскладывая записки и читая, пока одевалась.

«АРБИТР КАЛЬПУРНИЯ — лорд-маршал Дворов получил от вас первый сводный отчет и запрашивает следующий в удобное для вас время этим утром и по мере развития событий. В данный момент я уполномочен подтвердить вашу делегацию четвертого уровня для продолжения этого дела. — Павлос Калапек, адъютант лорда-маршала». Она сузила глаза, застегивая ремень. Спать, пока другие ее ждут, — это как раз то, чего ей совсем не хотелось. Но, перечитав письмо, она почувствовала себя уверенней. Делегация четвертого уровня означала, что она может заняться этим в любое время.

«Шира, вы проделали великолепную работу прошлым вечером, ибо к тому времени, как вы увидите это, верно будет

именно «прошлым вечером». Что до меня, то на передний план вновь выходят дипломатические вопросы касательно тела убийцы. Министорум полагает, что за ним стоит наша поддержка, и он может попытаться вытребовать труп у Механикус. Я буду умиротворять беспокойства и не торопить события, пока не посовещаюсь с вами. ЛЕАНДРО». Подпись была такая же витиеватая, как его речь. Кальпурния сердито уставилась на нее. Политика, политика. Проклятый ублюдок-псайкер продолжал создавать неприятности даже два дня как мертвый.

«Арбитр-сеньорис, мы получили сообщение от епархии. Почтенный Барагрий передает свою радость по поводу того, что ночные взрывы вам не навредили, а также выражает надежду, что это не повлияет на встречу, запланированную на сегодняшний день. Арбитр-интендант Раф Дрэгер, клерк караула, Врата Справедливости». Значит, уровень защиты еще немного приподняли — похоже, будто посланника из Собора выслушали у ворот и отправили

восвояси.

Что ж, она рада, что Барагрий рад. Она и сама была рада, что осталась цела. В хаосе, который воцарился после взрыва, она постаралась отползти подальше от разлива горящего топлива. После первоначальной вспышки оно горело невысоким, дымным пламенем, и хотя это не был раскаленный огненный шар, как она ожидала, ничего хорошего из этого не вышло. К тому времени, как она оказалась на безопасном расстоянии, машины по обеим сторонам забрызгало, и они загорелись, а к тому времени, как поднялась на ноги, горящее масло растекалось по рокритовому полу туннеля желтым пламенным ковром высотой по лодыжку.

Едва контролируемый бедлам в воротах вдруг оказался совершенно неуправляемым. Пешеходы в ужасе ломились по мосткам наверху и под напором других с воплями падали через перила в огонь. Водители пытались пробиться наружу сквозь ряды транспорта, уничтожая всякую надежду на

упорядоченную эвакуацию. Взрывы застали арбитров врасплох, как и всех остальных, но Кальпурния могла гордиться бригадами, которые стояли на воротах. Не дожидаясь приказов, арбитраторы в масках-респираторах уводили или вытаскивали горожан через внешние двери, в то время как отделения у внутреннего конца туннеля немедленно сформировали двойную линию из щитов и броневиков, и ни один гражданский, сколь бы он не обезумел, не прорвался сквозь нее в Августеум. Если взрыв был прикрытием для какого-то вторжения через этот укрепленный пост, то он потерпел неудачу.

Она подобрала значки, обозначающие ранг. Кто-то отполировал их и очистил от сажи и уличной пыли, оставшихся с прошлой ночи, и она слегка вздрогнула: это она должна была сделать сама, неважно, насколько устала. И она до сих пор не знает, кто убирается в ее покоях.

«Вниманию арбитра-сеньорис Кальпурнии. Уважаемая арбитр, у меня под вашим именем занесено в каталог пять арестантов, которые уже

распределены по камерам предварительного заключения. Прилагаю детали первичного каталогизирования. Этим утром приведены в действие особые меры заключения двоих арестантов, которые вы затребовали прошлой ночью. Все арестанты теперь готовы к вашему суждению, а я жду инструкций по поводу дальнейшего обращения с ними. Номине Императора. Транио дю Туа, ведущий каратель, группа Августеума».

Она поразмыслила над этим, пока надевала и пристегивала кобуру и ремни для переноски оружия. Эти двое, упоминавшиеся отдельно, были водителями повозки, которые сбежали из своего транспорта за несколько секунд до того, как тот взорвался. Ярче всего она помнила их спины — обе мускулистые, с широкими плечами, над одной — бритая голова с татуировкой, по другой, скрытой коричневой рубашкой слуги, хлестала тонкая светлая косичка, пока ее владелец бежал и прыгал в толпе.

Ноздри Кальпурнии были забиты дымом и незнакомым сладким ароматом,

и это, вместе с толпой, которую приходилось расталкивать, вызывало неприятные воспоминания о событиях у храма Механикус. Оглянуться и посмотреть, следуют ли за ней другие арбитры, времени не было: она и так дала слишком большую фору, огибая края расширяющейся лужи огня, и теперь отчаянно пыталась не упустить беглецов из виду. Она попыталась криками заставить толпу расступиться, но те, кто мог расслышать ее в суматохе, были слишком напуганы, чтобы подчиниться, и через десяток шагов пришлось поставить дубинку на низкий заряд и расшвыривать ею людей, словно продираясь сквозь заросли джунглей.

Еще одно сообщение от Дрэгера, судя по штампу, менее чем двадцатиминутной давности.

«Арбитр-сеньорис, мы получили известия от ведущего вериспекса Барк у Врат Аквилы. Она сообщает, что первичное исследование события во Вратах завершено, и ждет вашего прибытия. Она также попросила передать,

что там присутствуют другие. Номине Император».

К нему было прикреплено:

«Арбитр Кальпурния, я так понимаю, что этим утром вам нужно будет лично посетить Врата Аквилы. Я беру на себя смелость предупредить арбитра Баннона и собрать небольшой эскорт у центрального дока. К тому времени, как вы туда прибудете, они будут готовы к отбытию. — Храсс, слуга».

Значит, так его звали, или ее, или по крайней мере кого-то из них. До конца дня, решила она, надо будет их навестить и поговорить с ними. Они этого, по меньшей мере, заслуживают.

Ее пистолет и дубинка находились на стойке перед алтарем.

Она прикоснулась оружием к серебряной аквиле, пробормотал благословение, потом поклонилась иконе Жиллимана, сунула шлем подмышку и ушла.

Вид ангара для транспорта во Вратах Правосудия подбодрил

Кальпурнию.

Яркие дуговые светильники, свисающие с потолочных балок, шквал шума, крики лидеров отделений, топот сапог, рев двигателей, скрежет и визг гусениц. На рельсах, которые крест-накрест рассекали высокий потолок, грохотали и лязгали краны, переносящие по воздуху ящики с боеприпасами, канистры с горючим или скованные цепями связки хнычущих узников. Перед арбитром-сеньорис возвышалась адамантитовая плита в пятьдесят метров высотой, которая стояла прямо перед самими воротами, чтобы любые въезжающие внутрь транспорты вынуждены были огибать ее, и любая возможная попытка штурма утратила бы скорость.

Хотя и более масштабное, это помещение походило на большинство других застав, где она раньше работала, и, как всегда, ей нравился этот баланс противоположностей. Наружу, на Августеум, выходили молчаливо-торжественные привратные столбы,

барельефы с аквилами и писаниями, статуи великих Арбитрес прошлого — строгий лик Имперского Закона. Внутри же царил уютный шум, производимый занятыми своим делом слугами Закона. Она вдохнула запах машинного масла, как аромат духов.

Длинный рокритовый хребет центрального дока тянулся от главного входа в казармы Стены через центр ангара, разделяя его на два полукилометровых пространства. По обе стороны от него, словно поросята, сосущие матку, рядами стояли десятки «Носорогов» и «Репрессоров», прикованные к грязно-серым стенам топливными шлангами и мостками для ремонтных рабочих. Идя по дорожке на вершине дока, Кальпурния глядела на их крыши. Мужчины, женщины и редкие сервиторы то влезали в транспорты, то покидали их, периодически останавливались, чтобы посмотреть вверх, и отдавали ей честь, когда она проходила мимо. Наконец, она увидела Дворова, который стоял, облокотившись на поручень вокруг турели

на окончании дока. Тот помахал ей рукой.

— Доброе утро, Шира, рад видеть, что вас не потрепало. Я так и думал, что встречу вас здесь. Всегда руководите прямо с фронта. Вы уже поели?

— Лорд-маршал. Да, спасибо, я перехватила немного хлеба и зерновых кексов у интенданта по дороге сюда... э... — она показала через плечо на двери, выходящие на док. — Прошу прощения, что не предоставила вам рапорт ранее, сэр. Я...

— Это не беда, но все равно спасибо за то, что извинились. Я достаточно доверяю вам, чтобы позволить отчитываться тогда, когда вам это нужно. Решить иначе значило бы усомниться в вашей профпригодности.

Кальпурния не удержалась от крамольной мысли, что это не помешало ему проверить копии доставленных ей сообщений, но она выбросила ее из головы, кивнула и прошла мимо орудийной платформы, чтобы посмотреть вниз на дожидающиеся ее «Носороги». Ведущий арбитр Баннон, стоявший на верхнем люке головного транспорта, отдал ей честь.

— Конечно, сейчас я противоречу сам себе, отдавая вам прямую инструкцию. Не то чтобы это приказ, но я хочу лично донести до вас суть процедуры, которую я ввел в действие.

— Более строгое соблюдение безопасности, — сказала она.

— Верно. Пожалуй, я понимаю, почему вы вчера решили пройтись пешком через Квартал Ремесленников, и вижу в этом смысл. Но это новое нападение больше смахивает на открытие кампании, а не на отдельное покушение. Поэтому хватит. Не стану притворяться, что вы можете делать свое дело в бункере, закутанном в пустотные щиты, но бродить пешком с другим генералом-арбитром и одним лишь пешим отделением в качестве охраны вы больше не будете, — он указал вниз, на вереницу «Носорогов». — Высокопоставленные Арбитрес ездят на транспорте с полным эскортом. Здесь представлен необходимый минимум. Младшие офицеры и патрули выйдут в больших количествах. Официально озвучу эту директиву позже утром, но сейчас я

хочу удостовериться, что конкретно вы ее усвоили.

— Потому что я — неизвестная переменная.

— Не совсем неизвестная, но да, и это тоже. Кроме того, вы были целью первой атаки и будете очень заметно выделяться, возглавляя ответные меры Арбитрес. Вы станете первоочередной целью, Шира.

— Понимаю, лорд-маршал.

Она прилежно отсалютовала ему и, поняв, что он закончил, отвернулась и спустилась к люку «Носорога».

Ночь была безветренная, и дым от пожара оказался заперт между стеной Августеума и круто уходящим вверх склоном. Бурая дымка вокруг Врат Аквилы делала желтый солнечный свет еще более мутным, и в нем висел тот странный густой горько-сладкий запах. Как только Кальпурния почувствовала этот грязный воздух, к ней вернулись мрачные воспоминания.

— Это доносится изнутри врат, —

сказал Баннон, когда увидел, как она принюхивается. — Горючее, которое вытекало из той повозки, оказалось ароматизированным лампадным маслом для каких-то ранних празднеств перед Конгрегацией.

Кальпурния кивнула и постаралась выудить термин из обожженной памяти. Сумеречная Конгрегация, когда колокола Собора звонят к началу Вигилии, и зажигаются фонари, чтобы осветить ночь.

Врата Аквилы все еще были заблокированы. Кальпурния слегка удивилась, что не увидела в гигантской арке туннеля никаких заслонок. Вместо этого с обоих концов стоял кордон из шеренги «Носорогов», стоящих полукругом на разъездах, между ними были натянуты сети из цепей и стояли бдительные арбитраторы, отгонявшие постоянно прибывающих зевак. С другой стороны ворот повторялось то же самое, только в большем масштабе — отсюда было слышно рев двигателей и клаксонов.

— Почему дорожное движение не

перенаправили к другим воротам? — спросила она. — Звучит так, будто по ту сторону образовалась та еще пробка.

— Не слышал никаких сообщений об этом, — ответил Баннон. — Конечно, должны были послать людей для этого, но могли возникнуть проблемы.

— Могли возникнуть?

Арбитраторы кордона начали размыкать цепную преграду, чтобы пропустить их внутрь, и она воспользовалась моментной задержкой, чтобы пристально посмотреть на него через плечо.

— С вашего разрешения, мэм, я пройду вперед и посмотрю. Мне кажется, дело в том, что к другим вратам нет свободного доступа. Улью не позволялось расширяться по юго-восточным склонам горы в сторону Врат Пилигримов, а Стена тянется прямо вдоль склона улья, поэтому любому грузовику придется сначала спуститься по Телепинской дороге, обогнуть нижнюю часть Стены, и только потом встать в очередь идущих вверх на другой стороне. Думаю, там затор до самой равнины.

— Может быть, тогда соизволишь пройти туда и посмотреть, верны ли твои догадки и есть ли что-то еще, о чем мне следует знать?

Кальпурния заметила долговязую женщину средних лет со знаками отличия, соответствующими руководителю бригады вериспексов, и пошла к ней, в то время как пристыженный Баннон умчался прочь.

Вериспекс стояла в тени под аркой. Вдаль тянулась мешанина из пятен краски и мигающих маркеров-пикетов, расставленных среди колес выгоревших тягачей и повозок. Несмотря на шум, доносящийся снаружи, это место напоминало гробницу в сравнении с суматохой предыдущего вечера. Кальпурния нахмурилась, как только ей пришло на ум это сравнение, и подумала, каким в конечном итоге оказалось количество погибших. Еще одна вещь, которую надо выяснить.

Барк стояла между двумя остовами рядом с высоким человеком в толстом синем комбинезоне, и их разговор

записывал сервитор с торчащими из лица антеннами вокс-приемника, которые покачивались туда-сюда, улавливая слова. На мужчине не было отличительных знаков Арбитрес, и Кальпурния в любом случае не испытывала угрызений совести по поводу прерывания беседы.

— Ведущий вериспекс Барк. Благодарю за извещение.

Высокий мужчина не перестал говорить. Голос у него был низкий и хриплый, и он все еще стоял, повернувшись спиной. Кальпурния скрипнула зубами и уже собиралась постучать по ней дубинкой, когда увидела выражение лица Барк. Так выглядят люди, когда оказываются между двумя представителями высшей власти. Она обошла мужчину, чтобы взглянуть ему в лицо, и увидела алую розетту, приколотую чуть ниже его двойного подбородка.

— ...нужно привести ко мне, прежде чем след остынет, — он еще миг продолжал смотреть Барк в глаза, пока та не отступила на шаг. Перед тем, как повернуться к Кальпурнии, он выдержал

ровно такую паузу, чтобы подчеркнуть, что это он решил, что пора с ней поговорить. У него был высокий костистый лоб и хрящеватый нос, но мягкие складки на щеках и шее, которые странно контрастировали с худым телом. Каштановые волосы по-военному коротко подстрижены, глаза бледные и холодные.

— Вы — арбитр-сеньорис Шира Кальпурния.

Сказать собеседнику его имя и умолчать свое. Если и был более старый и примитивный трюк, то она его не помнила.

— Стефанос Жоу, — добавил он после паузы.

— Из Имперской Инквизиции.

— Из, как вы и сказали, Имперской Инквизиции.

Записывающий сервитор, видимо, принадлежал инквизитору. Он не был создан по какой-либо известной Кальпурнии модели. Культи его рук оканчивались пучками закутанных в ткань коннекторов, на талии висели инфоковчеги, которых хватало, чтобы он мог служить ходячей

библиотекой. Позади него, как теперь видела арбитр, стоял другой член свиты — пухлый мужчина в таком же синем костюме, с бритой головой, покрытой массой аугметических проводов и кабелей. Над каждым разъемом в черепе торчала булавка с приколотым к ней клочком пергамента, образуя странный бутафорный нимб над головой.

Кальпурния оценила все это, потом повернулась обратно к Жоу.

— Приветствую и приношу свои комплименты, инквизитор. Я полагаю, Адептус Арбитрес оказали вам всю необходимую помощь в том, что вам понадобилось от нас?

— Пока что — да. Я и мой персонал обследуем место происшествия, — Жоу быстро обвел рукой свой комбинезон, поясняя, почему одет в костюм рабочего. — А пока что вам, вероятно, следовало бы заняться проблемами с затором на Телепинской дороге.

Кальпурния ощетинилась.

— Разумеется, я уделила этому внимание, инквизитор, но не надо думать,

что я неспособна делать два дела одновременно. Я расследую попытки нарушить Вигилию и Мессу Балронаса, которые начались с покушения на меня и продолжились взрывом, случившимся вчера вечером.

Уголком глаза Кальпурния видела, что Барк взволнованно сплетает и расплетает пальцы. Толстый слуга Жоу смотрел как будто прямо сквозь нее.

— Я прибыла, чтобы посовещаться со своими коллегами о вчерашней атаке. Если вы заняты тем же самым, тогда, полагаю, мы можем друг другу помочь.

— О, я полностью осведомлен о вашей ситуации, арбитр, — взгляд Жоу стал тверже. — И я собирался как можно скорее поговорить лично с вами именно об этом деле — и, будьте уверены, уже поговорил бы, если бы не было этого происшествия, — он указал на остовы и дым, наполняющий врата. — Но, впрочем, общайтесь. Нам все равно понадобится переместиться в менее публичное место для беседы.

Они разделились: Кальпурния и Барк ушли к каркасу взорванной повозки, Жоу —

к еще одному ассистенту в синем, который углубился в разговор с двумя прокторами. Кальпурния дождалась, пока они не отойдут на такое расстояние, чтоб инквизитор не слышал, и зарычала на Барк уголком рта:

— Было бы очень неплохо заранее знать о его присутствии. Что, никто не мог связаться по воксу с моим транспортом, или он только что приехал?

Это выглядело маловероятным: осмотревшись в поисках других темно-синих комбинезонов, она, даже не поворачивая головы, насчитала еще четыре человека, суетившихся среди выгоревших машин. Похоже, они тут уже были какое-то время.

— Мэм, я вас предупредила.

— Нет, ведущий вериспекс, не предупредили. И хватит уже руки ломать. Давайте-ка пройдем в этот проезд.

Здесь все еще стояли испарения, и им обеим пришлось надеть фильтрующие маски. Над ними нависала разрушенная повозка, выжженная взрывом и скользкая

от жидкостей для тушения. Барк запрыгнула на выступ, тянувшийся вдоль ее бока, и жестом позвала Кальпурнию за собой. Той пришлось встать на цыпочки, чтобы заглянуть в дыру, прорванную в боку машины, куда уже всматривалась Барк.

— Здесь везли партию масла, но это не просто цистерна для перевозки жидких материалов. Посмотрите, — кузов повозки был набит металлическими бочками, возле дыры в корпусе в их тесных рядах зияла пустота. — Ближайшие бочки не сгорели, мы их просто убрали. Но те, что были прямо рядом с дырой, были довольно-таки сильно разрушены. Из того, что нам удалось выяснить, можно заключить, что огонь вспыхнул не в самих бочках. В грузовом отделении проскочила какая-то искра и зажгла протекающее масло, если судить по следам распространения огня, которые мы нашли. Само по себе масло горит довольно холодным и низким пламенем.

Кальпурния кивнула, вспомнив расширяющуюся лужу невысокого огня. Впрочем, этого хватило, чтобы

поджарить ноги тем жителям улья, которые пытались убежать, и поджечь остальные грузовики и повозки, когда пламя добралось до них.

— Получается, что взрыв произошел из-за возгорания испарений, и, судя по разным веществам, оставшимся после огня, я думаю, что одновременно с созданием утечки был добавлен какой-то дополнительный элемент, чтобы эти испарения стали еще более горючими.

— Утечку создали? — переспросила Кальпурния.

Барк прервалась и покачала головой.

— Извините, мэм, я забегаю вперед. У некоторых бочек есть повреждения, которые нельзя объяснить одним только взрывом. Герметичность нарушена, металл истончен, — по мере того, как она говорила, ее речь становилась более быстрой и уверенной. — Я послала вам то сообщение, потому что Лакан и его металлурги подтвердили, что ущерб был нанесен до взрыва, но относительно свеж. В остатках горения вокруг бочек нашлись даже частицы металла, из которого они

были сделаны, и когда мы рассмотрели их под микровизором, они выглядели как соскобленные, не обгоревшие.

— Значит, кто-то намеренно испортил бочки, чтобы из них вытекало горючее масло, потом каким-то образом подстроил искру, когда повозка была здесь, — Кальпурния спустилась с выступа на скользкую от сажи мостовую.

— Именно так, — Барк слезла за ней и подозвала к себе еще одного вериспекса. — Люксом, ты нашел то, что хотел?

Тот кивнул и нервно покачнулся, держа в руках круглую керамическую затычку.

— Герметик вокруг этой затычки скорее запекся, чем растаял, тэм, э... тэмы. Поэтому проще было отчистить пепел и грязь, чем мы и... э... занимались... заканчивали заниматься, пока вы сейчас вот разговаривали.

— Спасибо, Люксом, — сказала Кальпурния, забирая предмет из его рук. — Тут есть следы порчи?

— Эти, э, линии прямо поперек краев. Проходят сквозь остатки герметика. Да,

правильно, эти. Может быть, придется смотреть под микровизором, чтобы полностью убедиться, э, у меня пока не было времени. Но похоже, будто кто-то проткнул герметик иголкой или чем-то таким, пока он был еще мягкий, то есть вскоре после того, как бочки заполнили и запечатали, чтобы содержимое медленно сочилось наружу.

— Кто-нибудь из вас может сказать, откуда взялась искра?

Двое вериспексов переглянулись.

— Мы не нашли следов повреждения повозки, — ответила Барк, — по крайней мере, такого, которое случилось бы до взрыва. Только Механикус могут сказать наверняка, но мы пришли к разумной идее насчет того, какое повреждение машины может заставить ее дух шипеть и искрить. В данный момент я думаю, что мы имеем дело с каким-то сигнальным амулетом, неким механизмом, спрятанным среди бочек, который вызвал взрыв и либо выгорел, либо самоуничтожился таким образом, что мы еще не нашли ни одного достаточно

крупного куска.

Кальпурния кивнула, помрачнела и снова начала мерить шагами пространство между остовами. Барк и Люксом последовали за ней. Она начала задавать новые вопросы — вопросы о распространении взрывов и огня, о движении толпы, о том, сколько людей погибло и как они умерли. Понадобилось больше часа, чтобы она наконец решила, что услышала достаточно, и начала пробираться обратно среди останков машин и маркерами.

— Ведущий вериспекс Барк, — заключила она, — я понимаю, что вы официально оформите свое суждение, только отослав письменный рапорт по возвращении в Стену. Но сейчас, в данный момент, когда вы уже несколько часов здесь проработали — есть ли у вас какие-то сомнения в том, что это был намеренный саботаж?

— Учитывая то, что я здесь увидела... никаких сомнений, арбитр-сеньорис.

— Спасибо. Когда будет готов ваш рапорт?

— К концу следующей смены, мэм. Я пошлю курьера, он доставит его прямо вам.

— И снова благодарю.

Баннон догнал ее, когда она шагала обратно к «Носорогам».

— Арбитр-сеньорис, все улицы, ведущие к Телепинской дороге, перекрыты. Управление обеспечения мобильности в городе сообщает, что последняя баррикада была установлена час назад.

— Так недавно? Ясно.

— Новости распространяются с некоторым запозданием. Повозки, которые пытаются вернуться вниз по дороге, скорее всего, застрянут здесь по меньшей мере до завтра. У основания Телепинской дороги уже происходят случаи насилия, и Хакаро на Восьмом-западном мобилизует в полтора раза больше патрульных. Он говорит, пришла пара-тройка сообщений о том, что на застрявшие грузовики нападают бандиты.

— Есть у нас схемы дорог вокруг основания Стены?

— Мэм? Э... по крупным есть, конечно.

Вы хотите, чтоб я достал...

— Когда вернемся, да. Я решу, что именно мне нужно. Инквизитор тоже немного меняет общую картину. Хотелось бы мне, чтобы Барк сообщила, что он тут.

— Она не предупредила?

— Говорит, что предупредила. В ее первоначальном сообщении говорилось только, что «присутствуют другие».

— А.

Она остановилась и сердито уставилась на Баннона. Арбитры быстро учились понимать язык тела друг друга, читая его сквозь броню и шлемы, и он невольно шагнул назад.

— Мне следует знать что-то еще, Баннон?

— А, да. Это местное кодовое обозначение. «Присутствуют другие» означает, что люди, не относящиеся к Арбитрес, вмешиваются в нашу работу. В Августеуме это обычно агенты Монократа, а в верхних доках это, как правило, Флот. Иногда это кто-то необычный, например, Администратум

или...

— Или Инквизиция, — она оглянулась на Жоу, который говорил со своим округлым ассистентом. Инквизитор поднял руку, и оба затерли в ожидании, пока сервитор настраивал какие-то связи между своими инфоковчегами. — Поскольку мне снова приходится выслушивать, какой я новичок в этом огромном куске Империума, может, ты мне скажешь — это нормальное поведение для здешнего инквизитора? Все мои немногочисленные взаимоотношения с Ордо сектора Пацификус сводились к слухам, загадочным приказам и каким-то странным директивам от нашего высшего командования. Не помню, чтоб кто-то из них просто подкатывал к нам и совал свою розетту.

— Наверное, это потому, что вы теперь — высшее командование.

Кальпурния фыркнула, но фыркнула польщенно.

— Наверное, так. Ладно, они идут сюда, хватит о них. Передай, пожалуйста, эскорту, чтоб готовились снова занять

«Носороги».

Жоу приближался. Кальпурния подавила вздох и стала рассматривать отметки на земле. Стрелки и линии показывали, где Арбитрес сформировали сплошную шеренгу, и демонстрировали, как распространялся огонь и двигалась толпа. Пикеты отмечали места, где лежали трупы после того, как закончилась давка и потух пожар. Их было немало. Многие люди уже горели, когда сталкивались со стеной щитов, и в конце концов Арбитрес пришлось стрелять по толпе, чтобы отогнать ее.

Ее левая рука поползла к голове, чтоб потереть шрамы, но она заметила движение и сдержала его. Кальпурния терпеть не могла эту привычку, которая проявлялась даже при надетом шлеме — это говорило ей об отсутствии концентрации, отсутствии контроля. Она снова посмотрела на пикеты, но на них были только фотоэлементы да номера, и больше ничего, что могло бы рассказать о людях, погибших на этой земле.

— Планируете свой следующий ход? —

Жоу умудрился произнести это так, что звучало как приказ.

— Я знаю свой следующий ход, инквизитор. К этому времени двое рабочих, которые сидели во взорвавшейся повозке, уже довольно долго просидели в предварительном заключении. Благодаря этому визиту я узнала именно то, что нужно для их допроса, — следующую фразу пришлось выдавить сквозь зубы, но делать было нечего, кроме как пригласить его с собой. — Инквизитор Жоу, если вы желаете при...

— Вы правы, лучше, чтобы я присутствовал на допросе. Перераспределите свой эскорт по другим машинам конвоя, пожалуйста, — сказал он, — и убедитесь, что найдется место для моего персонала. Если настаиваете, с нами может ехать ваш ассистент, но это все.

И он вышел из ворот. Толпа снаружи тут же зашепталась.

— Я думаю, это я ваш ассистент, арбитр-сеньорис, — с готовностью подсказал Баннон. Остальные Арбитрес

уже услышали приказы инквизитора и рассаживались по другим «Носорогам». Все три машины уже запускали двигатели и опустили аппарели. — Он все-таки инквизитор, мэм. Я слышал это имя, хотя никогда и не встречал его. По-моему, у Жоу резиденция где-то в Гидрафурской системе. Предположительно, они превратили старое поместье адмирала Инвистикона в свой собственный форпост. Слыхал, что Жоу раньше имел дела с лордом-маршалом и епархом. Он, ну, ему позволено...

— «Позволено» — с этим я еще могу смириться, я знаю, что значит розетта. Но, Баннон, есть еще такая вещь, как банальные, черт бы их побрал, манеры. Ну ладно, пошли.

«Носороги» делались не для того, чтоб в них болтали, и инквизитору Жоу, похоже, не доставляло удовольствия то, что ему приходилось наклоняться вперед, чтобы его было слышно через звук двигателя. Аудиоустройства записывающего сервитора постоянно

щелкали и двигались, пытаясь вычленить слова из шума.

— Это довольно-таки неудовлетворительно, — объявил он. Кальпурния пожала плечами.

— Этого мне достаточно, уважаемый инквизитор.

— Действительно? Большинство знакомых мне арбитров-генералов обзаводятся личным транспортом и добавляют к нему определенные усовершенствования. Вот, например, звукоизоляция, чтобы можно было на ходу проводить инструктаж или обсуждение операции. Я бы посоветовал вам подумать насчет этого.

Он снова откинулся назад, повернулся вполоборота к смотровой щели в корпусе и больше ничего не говорил. Кальпурния пожалела, что не надела шлем: она чувствовала, что лицо снова приобретает то выражение, как будто ей дали пощечину. На этот раз ее рука добралась до трех швов на лбу, и пальцы все еще проводили взад-вперед по шрамам к тому времени, как они вкатились обратно во

Врата Справедливости.

Баннон был прав: Жоу явно раньше работал с Арбитрес. Он не бросил и мимолетного взгляда на ангар и просто пошел к лестнице, дав пузатому слуге знак следовать первым. Толстяк с болезненной осторожностью и частыми остановками вскарабкался по шершавым металлическим ступеням. Сервитор взобрался со скоростью и ловкостью, которой Кальпурния от него не ожидала, учитывая отсутствие кистей рук. Следом поднялся сам Жоу. Когда за ним последовала Кальпурния, они уже удалялись к дверям дока. Пройдя внутрь и повернув к Башне Карателей, Кальпурния догнала инквизитора, который снизошел до того, чтобы слегка замедлить свой шаг.

— Вы думаете, что подрыв масловоза был нацелен на вас? — спросил он у нее. Кальпурния миг поразмыслила, прежде чем ответить.

— Нет. Сначала я так думала, потому что после нападения стрелка это не выглядело совпадением. Слишком близко ко мне, слишком скоро. Казалось...

— Думаете, в это вовлечены одни и те же лица? — перебил он. Она глубоко вдохнула.

— Мы все еще почти ничего не знаем о том, кто стоял за первой атакой, поэтому сложно сказать. Но в этом-то и дело, вот что вызывает у меня сомнения.

— Объясните.

Они завернули за угол и повстречали двойную колонну марширующих арбитраторов. Кальпурния замедлилась и шагнула в сторону, Жоу же прошествовал прямо сквозь строй. Бойцы пошли не в ногу и расступились, когда увидели его розетту. Сервитор, пытавшийся удержать обоих в радиусе сенсоров, неловко топтался между ними, пока Кальпурния, беззвучно ругаясь про себя, не догнала инквизитора.

— Атака у святилища Механикус была скрупулезно подготовлена. Убийцу тщательно натренировали, а в его снаряжение входили одни из лучших образцов машинного ремесла, которое когда-либо видели адепты этого храма. Кроме того, были приложены огромные усилия, чтобы скрыть все улики.

— Генетические отпечатки уничтожены, след затерт и выжжен так, что даже мой авгур не в силах его определить, — Жоу дернул головой в сторону своего помощника, — и личность убийцы остается загадкой. Я обзавелся копиями рапортов об этом событии, хотя и не смог присутствовать на встрече, где вы впервые все это обсуждали, — он бросил на нее веселый взгляд. — Вас это не удивляет? Убийца напал на офицера Адептус в самом сердце важнейшей флотской крепости целого сегментума? Что вас должно удивлять, так это то, что я так поздно связался с вами напрямую.

— Уверена, у вас были на то причины, уважаемый инквизитор.

— И вы видите, какой контраст с инцидентом во Вратах Аквилы, верно? — спросил он, проигнорировав замечание.

— Саботаж во Вратах был поспешным и неряшливым, сделанным, скорее, наудачу. Порча бочек сработала достаточно эффективно, но по сложности на порядок уступала подготовке того

стрелка. Откуда им было знать, что я остановлюсь у Врат Аквилы? Как они могли рассчитывать, что я подойду именно к той повозке?

— Вы отреагировали, как мне говорили, на побег двух рабочих. Кажется, у вас есть привычка устремляться в гущу событий, так что убийцам довольно легко воспользоваться этой чертой.

— И как бы они об этом узнали? Они должны были знать, что я буду пробегать мимо именно в нужный момент, как? Дорога была загружена из-за повышенной строгости проверок, и рассчитать так, чтобы повозка оказалась рядом со мной, было просто невозможно. Даже если предположить, что она смогла бы проехать мимо места инспекции. И если эти двое рабочих — убийцы, то настолько некомпетентные, что это даже странно.

— Замечательно! Ваши выводы совпадают с моими.

И Жоу опять замолчал. Теперь они шли вдоль самой Стены, через внутренние посты, которые отмечали границу каждого отсека. Кальпурния добросовестно

останавливалась на каждом и проходила полную идентификацию, в то время как Жоу, постучав по розетте, проходил мимо, вставал по ту сторону и нетерпеливо глядел на нее, пока его толстый прислужник переводил дыхание. Они прошли через внутренние врата, главное пересечение, откуда поднималась огромная лестница, ведущая к высокому открытому залу, проходившему через все верхние этажи по всей длине Стены, потом, через серию меньших порталов, в преддверие Башни Карателей.

Там их уже ждал каратель дю Туа. Его глаза слегка расширились при виде розетты Жоу, но Кальпурния с удовлетворением отметила, что он обратился именно к ней.

— Двое, арестованные в Квартале Ремесленников, находятся в общих камерах и ожидают рассмотрения их дела. Двое с прошлой ночи сидят в индивидуальных «смягчающих» камерах, и это, судя по всему, сработало. Один все еще молчит, но он не спал и явно страдает, второй сломался довольно быстро. Он

боится за свою душу — рыдает и просит встречи с исповедником уже где-то два часа.

Кальпурния одобрительно кивнула.

— Почему бы нам не начать с него, инквизитор?

— Не вижу причин этого не делать. Полагаю, у вас есть копии всех документов на обоих арестантов и их транспорт?

— Скоро будут, — ответил дю Туа. — Эти бумаги использовали, чтобы вычислить поставщика, которому принадлежала повозка. Их должен вскоре доставить ведущий каратель Ли. Что же касается узника, он хочет совершить полное покаяние Министоруму, поэтому...

— А у вас есть дыба для бичевания? — спросила Кальпурния. — Не из стандартных, а такая, которую исповедники ставят на площадях, когда устраивают очищение.

— Да, мэм. Есть одна во второй ротонде, что на южной стене, выше нашего уровня. Для наказаний capita secundus.

— Хорошо. Тогда... как зовут этого кающегося арестанта?

— Хиель Якуш.

— Тогда пусть приведут Якуша и заодно доставят документы. И сопроводите туда нас с инквизитором.

Жоу приподнял бровь, когда она закончила говорить, но, к счастью, ничего больше не сказал.

Ты — узник, арестованный праведной рукой Адептус Арбитрес. Ужасное путешествие в сковывающем смирительном плаще, в глухом тугом холщовом коконе, втиснутом в «Носорог» модели «Похититель» или просто подвешенном на крюки, торчащие из бортов. Плащ снимают в одной из камер гигантских, похожих на соты подуровней Башни Карателей, где коридоры и комнаты намеренно узки и тесны, стены из темного камня, потолки высокие, а освещение плохое — чтобы постоянно казалось, будто за тобой наблюдают сверху. Как долго ты проживешь здесь, сколько пищи получишь, сколько воды или сна, будет рассчитано по точным правилам «ломания» заключенных,

которым следуют Арбитрес.

И наконец, наступает момент, когда в тебе, согбенном, слабом, истощенном, окруженном суровыми карателями в коричневых перевязях, голосами и фонарями, что-то поддается. Ты молишь об исповеди — и выходишь из тесного полутрака, спотыкаясь в своих кандалах, и вот ты стоишь в красивой сводчатой стеклянной комнате, полной свежего воздуха и солнечного света, и видишь оттуда весь город и горы. Проповедник обращается к тебе с добротой, и ты знаешь, что после того, как избавишься от бремени, тебя ждет бичевальная дыба в центре этого траморного пола, и там, как с детства учил Министорум, боль очистит твою душу перед тем, как она покинет тело и предстанет перед Императором. Как можно не возрадоваться? Как можно не извергнуть все секреты, что ты запер внутри себя?

Кальпурния понимала психологический эффект этой комнаты и ценила его. Часто ключом к наиболее сокровенным тайнам становилось

обещание одного последнего проявления достоинства и раскаяния после долгого томления в камерах. Если стоять у окна спиной к дыбе, то помещение выглядело, можно сказать, мирным, несмотря на непривычный солнечный свет. Даже после нескольких дней на Гидрафуре Кальпурния подсознательно искала источник дыма или песчаной бури, которые могли придать свету такой оттенок. Все, что может подвигнуть Жоу на конструктивный диалог — благо, решила она, и, судя по всему, созерцание пейзажа во время ожидания этому способствовало.

— Предполагаю, этот человек нам подтвердит, что взрыв был кем-то устроен, но не нацелен именно на вас. Сомневаюсь, что он вообще знает, кто вы такая.

— Согласна. И если это не нападение на меня, то, согласитесь, это означает атаку против Вигилии и мессы. То масло предназначалось для лампад, а вечером должна быть большая процессия с горящими лампадами. Как это называется, дальние святые?

Он кивнул.

— Да, их статуи и иконы вчера расставляли по Кварталу Пилигримов, и сегодня вечером, перед Мистерией Распорядителя, их перенесут к Престолу через другой склон Августеума.

— Но причина взрыва была в самой повозке, в ее грузовых контейнерах. Не в масле. Если цель была как-то подорвать этот парад... но я забегаю вперед. Дайте мне немного поразмыслить вслух. Атака необязательно должна быть направлена на парад, фактически, даже лучше, если это не так. Судя по тому, что рассказывал Леандро, нарушение Вигилии — вещь, требующая тонкого расчета. Надо, чтобы саботаж вызвал какие-то беспорядки, чтобы повредить Распорядителю, но если он нанесет слишком большой урон, то ударит по собственному организатору. Если бы шествие не состоялось, это была б катастрофа, но вот вызвать чудовищные транспортные проблемы по всему боку улья — этого как раз достаточно, чтобы подмочить репутацию Кальфус-Меделлу. Черт, да мы, наверное, даже подсобили им,

закрыв Врата Аквилы. Это не было покушение на убийство и это не была попытка прорвать кордон Арбитрес, чтобы проникнуть с группой людей в Августеум, была у меня такая идея. Я думаю, что цель этих преступлений состояла в них же самих. Инквизитор, вы лучше разбираетесь в Гидрафуре, чем я. Что вы думаете?

— Вы явно хорошо проводите время за этими измышлениями, Кальпурния, но это больше ваша проблема, чем моя.

Снова это ощущение пощечины.

— Любая попытка подорвать мир Императора на Гидрафуре подпадает под вашу юрисдикцию, а не мою, и точно также любая прямая атака на Экклезиархию — дело Церкви и Адепта Сороритас. Мое дело — выследить убийцу и уничтожить того, кто им управлял, и всех, кто имел с ним дело, далее мои интересы не распространяются.

— Со всем уважением, инквизитор, я бы скорее подумала, что...

— Ну конечно, но в настоящий момент, если хотите знать, Орда

Гидрафура стараются по минимуму вмешиваться в дела Экклезиархии. Я немного удивлен, что вы решили так глубоко в них нырнуть.

— Не уверена, что понимаю вас, инквизитор.

— Разве Леандро вам еще не рассказал о конфликте между епархией и так называемыми «флагманскими кюре»?

Кальпурния упала духом. Только не снова.

— Нет, уважаемый инквизитор, это для меня новость.

— Что ж, пожалуй, лучше вам узнавать об этом не от меня, и...

— И это действительно будет правильно.

Арбитр и инквизитор развернулись на голос перебившего. Они оба не расслышали мягкие шаги того, кто вошел внутрь.

Примерно в десяти шагах за ним стоял, сложив руки на груди, Михон Барагрий, а по бокам от него — два проповедника из гарнизона Арбитрес с красными поясами и сомнением на лицах

— Арбитр Кальпурния, всегда благоразумно добывать информацию из первых рук, — продолжил эмиссар курии. — Я бы, к примеру, не стал и думать о том, чтобы получать информацию о делах Адептус Арбитрес от третьей стороны. Просто попросите, и я ознакомлю вас со всем, что сам знаю по этой теме.

— Смотрите, куда ступаете, Барагрий, — прорычал Жоу. Пренебрежение к Инквизиции Бога-Императора имеет свойство возвращаться. В наших записях уже значится давление, оказанное Экклезиархией на Арбитрес по поводу тела того убийцы.

— Давление? — переспросил Барагрий, спокойно подойдя к дыбе. — Я только что пришел с весьма цивилизованной аудиенции с арбитром-сеньорис Леандро, где объяснил, по какой хартии действуют охотники на ведьм, подчиненные епарху. У нас есть совершенно законное право осуществить уничтожение тела в соответствии с законом Министорум, с которым, как я знаю, вы имеете прекрасное представление, инквизитор.

— Эта хартия исходит от епарха и не имеет веса в... — успел проговорить Жоу, прежде чем между ними двоими встала Кальпурния.

Эффект был слегка подпорчен тем, что они просто продолжали свирепо глядеть друг на друга поверх ее головы.

— Я уверена, что весь этот диалог мог бы вылиться в нечто конструктивное, но, джентльмены, давайте пока что сконцентрируемся на чем-то другом? Почтенный Барагрий, вскоре должен прибыть узник, который желает совершить покаяние.

— Истинно так, и я пришел в качестве исповедника. Он ждет снаружи в компании ваших карателей.

— Вы? — громыхнул Жоу. — Что вы замышляете, Барагрий? Кальпурния, что вы знаете об этом?

— Ровно столько, сколько сейчас услышала от почтенного Барагрия. Ваше преподобие, может быть, это просто говорит моя неопытность, но обычно ли это для дипломатического представителя епархии — прибывать без объявления и

брать на себя такую роль в расследовании Арбитрес?

— Как я уже говорил, я прибыл сюда ранее для аудиенции с арбитром Леандро, — Барагрий наконец перевел взгляд с Жоу на Кальпурнию. — Завершив ее, я воспользовался возможностью посетить своих коллег в часовне Врат Справедливости, чтобы помолиться и пообщаться с ними, естественно, с согласия арбитра-сеньорис. Во время нашего разговора прибыло сообщение, что некий заключенный попросил встречи с исповедником Экклезиархии, и капелланы гарнизона удостоили меня чести, пригласив исполнить этот долг. Поскольку этот заключенный числится в каталоге за вами, арбитр Кальпурния, и поскольку мы с вами в любом случае работаем вместе, это выглядело счастливым совпадением. Я уверяю вас, что никоим образом не вмешивался в процесс.

— Вы сотрудничаете с Барагрием по делу о попытках нарушить мессу, Кальпурния? — обвиняюще спросил Жоу из-

за ее правого плеча.

— Мы встречались по этому поводу. Вы говорили, что заинтересованы в расследовании, — ответила ему Кальпурния с некоторой долей удовольствия. — Почтенный Барагрий, чтобы заработать искупление, Якуш должен рассказать нам все о своей роли в заговоре. Только когда мы будем уверены, что получили всю информацию до последней крупицы, ему будет позволено бичевание и все, что за ним воспоследует.

— Совершенно ясно, — ответил Барагрий. — Он говорил со мной по пути наверх. Я уверен, он будет с вами сотрудничать.

Жоу фыркнул.

По сигналу Кальпурнии каратели у двойных дверей распахнули створки. Хиель Якуш оказался тем рабочим, что с татуировкой на голове. У него было мощное телосложение, однако талию и бедра скрывал слой жира. На лице виднелись обильные следы слез, и он с тоской посмотрел сначала на дыбу, а потом на Барагрия.

— Исповедник?

Его голос был хриплым и высоким от эмоций, а повышенное внимание карателей сделало его походку шаткой. Приближенный Жоу вразвалку подошел к Якушу и наклонился так близко, что едва не дышал на него, потом повернулся, вернулся к инквизитору и что-то прошептал ему.

— Видимой псайкерской порчи нет, — объявил Жоу, и от этих слов Якуш дико заозирался.

Двое младших преследователей принесли табуреты и тубус со свитками. Кальпурния села и вынула документы, чтобы просмотреть их. Арестант шлепнулся на другое сиденье, дрожа и таращась на дыбу. Кальпурния смотрела на него, пока он не встретился с ней глазами и заскулил — она подбавила во взгляд холод вечной мерзлоты Макрагга.

— Дыба ждет, Хиель, — мягко произнес Барагрий. — Очищение, которого ты жаждешь, и наказание, которое ты заслужил. Но перед этим ты должен заговорить. Расскажи все.

Судя по виду, Якуш задумался над этим. Через несколько секунд он поднял трясущиеся руки в знаке аквилы и начал говорить.

— «Санктус». Пошло... не так... мы сделали неправильно.

— Говори яснее. Быстро, — это был Жоу.

— Предполагалось... это должно было случиться, когда он уже ушел. Ушел из... ушел с орбиты. Покинул мир.

— Корабль, — догадался Барагрий.

— Пусть начнет с начала, Кальпурния, — сказал Жоу.

— Он начнет, — ответила та, — и мы услышим все по порядку. Только сначала просто скажи мне, Якуш. Корабль, отбытия которого вы должны были ждать. Название корабля, Якуш.

— «Санктус», мэм. «Санктус». «Аурум Санктус».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Десятый день Септисты

Восемь дней до Мессы святого Балронаса. Фестиваль Ухода и Вигилия Перевозчика. Поклонение Мореходов и Поминовение Чиласте Полусвятой. Декларация Наставлений.

В этот день пилигримы, движущиеся к священным стоянкам на Хиросе и в иных местах, традиционно покидают Босфорский улей и поднимаются на орбиту, чтобы сесть на корабль. Хотя, как правило, остается много тех, кто не в состоянии уехать в этот день или до него, к закату дела пилигримов в Августеуме считаются завершенными, и после этого времени они не принимаются. Поклонение Мореходов традиционно

совершается у Арки Скариев и в часовнях Коннемаля и преподобных Винафиев, что на Высокой Мессе. Многие проповедники за пределами Босфорского улья также посвящают этому свои службы, поэтому те, кто желает помолиться за уходящие корабли, должны заранее определить время, когда это будет возможно.

В момент заката все благочестивые люди должны находиться в своих домах или в ближайшем месте поклонения, ибо в этот час звонит колокол Собора. Дороги ко всем храмам, святилищам или часовням должны быть свободны, чтобы герольды, назначенные Распорядителем, могли по ним перемещаться. В каждое место поклонения в Босфорском улье и рядом с ним отправится по герольду, поэтому нужды

отправляться далеко не будет. Те, кто окажется далеко от дома без должной причины, могут быть остановлены Адептус Арбитрес, Адепта Сороритас или отрядами блюстителей порядка, назначенных Распорядителем Вигилии. Те, кто ждет дома, должны прислушиваться к звуку колокола или рога из ближайшего места поклонения, который просигнализирует о прибытии герольда. Тот объявит, какие конкретно наставления и писания Распорядитель избрал в качестве основы для празднеств последующих нескольких дней.

Пикт-передача Распорядителя Вигилии, лично совершающего эту Декларацию у врат Собора, предназначена для блага остальной планеты и системы и ни в коем случае не должна извинять отсутствие

гражданина в его церкви во время объявления.

Они подлетели к «Аурум Санктус» быстро и тихо. Кальпурния, Накаяма и Жоу. Без их быстрый крейсер Арбитрес типа «Обвинитель» под названием «Горн Правосудия», угловатый, тупоносый бронированный монолит с двигателями по сторонам от толстого брюха инженариума. Его палубы служили домом преданному гарнизону, чьим участком был их корабль, а специализацией — абордаж и захват космического транспорта преступников. Накаяма и его персональная бригада быстро и легко установили свое командование. Кальпурния не взяла с собой никого и большую часть поездки провела в попытках отдохнуть, уничтожении первой нормальной пищи за почти двадцать один час и избегании инквизитора Жоу.

Раньше ей никогда не приходилось участвовать в абордаже. Ее тренировали для таких ситуаций, и она водила свои отделения через тесные промышленные

стеки на Дон-Круа в условиях, которые, по ее мнению, были настолько близки к корабельным, что разницы почти не было. Но вот настоящее столкновение кораблей, штурм другого судна за пределами атмосферы, скафандры, абордажные шлюпки, декомпрессионные буры, постоянное мучительное разделение внимания между сражением с врагом и сохранением хрупких драгоценных абордажных шлюзов от шальных выстрелов или ударов, пока, наконец, пробоина не будет зачищена... Нет.

Поэтому она понимала, почему руководит Накаяма, почему штурм «Аурум Санктус» возглавляют именно он и фаэ, эдил-сеньорис со впалыми щеками, вторая после него. Почти всю свою карьеру Накаяма провел на кораблях флота Арбитрес, которые выходили на патрули длиной во много световых лет по всему Империуму, готовые в любой момент поддержать какой-нибудь осажденный планетарный участок. Это была простая жизнь арбитратора, военизированная часть их профессии в самом чистом виде,

и Накаята преуспел в каждом ее аспекте. Разумно было, что он здесь присутствует.

Правда, это значило, что Кальпурнию отстранили от руководства, и ей это совершенно не нравилось, как она ни пыталась сдерживаться. Ей не нравилось стоять в стороне от собственного расследования, не нравилось, насколько все слаженно и эффективно работало при Накаяме, не требуя ее участия, и больше всего не нравился тот факт, что она ясно понимала, почему все должно быть именно так, и все равно не могла справиться со своим отношением к этому.

Ее боевой дух, оживший после запоздалого обеда, снова упал, когда Жоу объявил о своем участии в абордаже. Она все вспоминала давний разговор с Хейд Маликвой, старым судебным маршалом с Хазима. «Хотя моему сердцу и горько хранить неблагочестивую мысль о столь прославленных и героических слугах Императора, я четырежды сталкивалась с ними, когда служила на Южной окраине, и скажу тебе, Шира, никто не в силах превратить расследование Арбитрес в

такую неразбериху, как инквизитор. Прости меня Император за такие слова, но это правда. Я надеюсь, что тебе не придется иметь с этим дела, что для этого не найдется причин. Но как только они шагнут на твое поле, оно становится их собственностью, и потом ты окажешься где-нибудь на регулировании дорог, вне зависимости от того, что знаешь или умеешь. И помоги тебе Император, потому что ты ничего не сможешь с этим сделать». Кальпурния с тревогой прислушивалась к словам, окрашенным горловым хазимским акцентом (И помогхи теббе Имп'рратор, потму шшто ты...), и думала, не нужно ли ей об этом кому-нибудь доложить. Она и представить не могла, что эти слова окажутся настолько правдивы.

И вот теперь пришел Жоу — прошествовал в комнату совещаний, опоздав, демонстративно протолкнулся между руководителями бригад в передний ряд и сел на скамью, где двое арбитров поспешно потеснились, чтобы освободить для него место. Когда Жоу устроился,

Накаяма сделал жест, привлекая внимание к голографической сфере у своего плеча.

— «Аурум Санктус»! — указал он на болезненно-желтую иконку. — Торговый корабль, действующий по хартии от Адептус Министорум. Капитан — Вардос дель Бьель, ранее был офицером торгового флота, подчиненного Мунитораму, пока не был разжалован за некий дисциплинарный проступок. Три года спустя он появляется в списке пассажиров «Аурум Санктус» в доках Экклезиархии на Авиньоре и значится капитаном во время недавних перелетов на Гидрафур. Однако записи, которые предоставили арбитру Кальпурнии системные управленцы флота, когда мы проходили Кольцо, демонстрируют, что за последние восемь лет «Аурум Санктус» руководило по меньшей мере три капитана, а экипаж менялся и того быстрее. Мы знаем по меньшей мере дюжину различных брокеров, торговцев и юристов, которые вели дела посредством этого корабля в пределах Гидрафурской системы за последние полдесятка торговых кварталов. Главной

константой остается навигатор, некий Пешто Васк Эрде, который, как подтверждают записи Адептус Астра Телепатика, является навигатором этого корабля как минимум последние сто двадцать лет.

Накаяма бросил взгляд на факсовую бумагу, лежавшую у края его кафедры.

— Последние десять лет торговую хартию корабля подписывал Адептус Министорум. Четыре раза за последние два с половиной года «Санктус» применял особые хартии Экклезиархии, чтобы избежать инспекции или значительно ускорить ее протоколы. Корабль также несколько чаще обычного вступал в разногласия с Флотом, неоднократно пользуясь санкцией Церкви на такие вещи, как смена курса, карантинные проверки или доступ к докам. У нас есть сообщения даже о вооруженном конфликте между экипажем «Санктуса» и службой безопасности Флота, но об этом мы знаем немногое — обе стороны решили оставить это между собой. Нам известно достаточно, чтобы быть уверенными в

наличии вооруженной обороны на «Санктусе» и в том, что он будет ее использовать, если сочтет нужным.

Накаяма сделал короткую паузу перед тем, как приступить к последнему пункту.

— Мы мало что знаем о навигаторе Эрде, но и наши архивы, и источники инквизитора Жоу подтверждают одну и ту же информацию о его семье. С 874.M41 до 912.M41 три других члена семейства Эрде были вовлечены в крупный заговор контрабандистов, действовавших в сегментумах Обскура, Пацификус и Соляр. Они работали посредством подставных капитанов и поддельных контрактов, благодаря чему выглядели невинно, но практически во всех случаях можно было отследить связь самих кораблей с владениями Эрде. Они перевозили материальную контрабанду через барьеры карантинных и военных зон, а доверительные письма и поручения позволяли им переносить ресурсы из одной системы или сектора в другой, обходя большую часть протоколов мониторинга

Адептус. В итоге огромные богатства оказывались в самых скверных руках. Отслеживание информационных следов и допросы информаторов позволяют предположить, что они занимались всем этим на протяжении целого столетия. В конце концов, заговор был уничтожен в 915.М41 при участии Адептус Арбитрес, Линейного флота Пацификус и Лиги Черных Кораблей, капитаны и экипажи на следующий год были церемониально казнены арбитром-майоре Дэйном Финегаллом, но что касается Эрде, то они — Навис Нобилите, и потому неприкосновенны. Нешто Эрде тогда еще не поступил на службу, но кто знает, что ты найдем на корабле, навигатор которого принадлежит к этой семье? Это подводит нас к настоящему моменту.

Он указал на цепочку ярко-изумрудных точек, вытянувшуюся возде «Санктуса».

— Уже два дня боевая группировка кораблей-носителей, прикомандированная к Линейному флоту Пацификус, ведет учения истребителей-бомбардировщиков в астероидных полях вокруг Псамафийских

Ворот. Шесть часов назад «Санктус» воспротивился приказу Арбитрес сменить курс для перехвата «Претором Катериной», приведя обычный список неприкосновенностей Экклезиархии, опосредованно распространяющихся и на него. Тогда же капитан-коммодор Эстериан связался с нами через представительство флота в Августеуме и предложил направить свои эскадроны на блокировку «Санктуса», пока мы не прилетим. Последний час капитан дель Бьель пытается протолкнуться через блокаду, но ему пришлось сбросить скорость практически до нуля, когда Эстериан пригрозил направить на боевой вылет бомбардировщики. Теперь все дело за нами.

— Что бы ни воображал капитан этого судна о том, каким авторитетом или неприкосновенностью он обладает, вам, Арбитрес, не стоит и думать об этом.

Все головы повернулись к Жоу, когда он заговорил. Он успел сменить потрепанный синий комбинезон на

элегантный зеленый панцирь и мантию, и розетта виднелась под маленькой крышкой из бронестекла, прикрепленной к центру груди. Кальпурния вынуждена была признать, что он выглядит впечатляюще.

— С этого момента перехват корабля санкционирован моей властью — властью святой Имперской Инквизиции. Я поставил свою печать на это предприятие.

Это вызвало краткую волну тихих разговоров, пока Накаяма не продолжил речь.

— Я распространил всю информацию, которая у нас есть о вооружении и внутренней защите корабля — ее не так уж много, но все равно, пожалуйста, уделите ей внимание. Мы надеемся на добровольную сдачу, но должны готовиться к противоположному. Сложно предугадать их намерения: они не попытались остановить наше приближение, но никак не признали наше присутствие или подчиниться. Помните также, что командование штурмом возложено на меня, но расследованием, которое привело нас сюда, руководят арбитр-сеньорис

Кальпурния и инквизитор Жоу.

На этот раз головы повернулись к Кальпурнии. Жоу нахмурился, уязвленный либо тем, что его упомянули рядом с арбитром, либо просто тем, что его назвали вторым.

— Итак, займите свои места, — закончил Накаяма. — За тридцать минут до начала вы услышите гудок, и у вас останется время, чтобы закончить построение и проверку оружия. Корабельные капелланы будут на своих постах, молитвы и благословения будут производиться по отделениям, а не поодиночке. Номине Император, Номине Легис.

Когда Кальпурния повторяла за ним эти слова, она с удивлением почувствовала дрожь, проходящую сквозь нее, потом удивилась своему удивлению. Трон Земной, как же приятно в кои-то веки делать что-то полностью на условиях Арбитрес.

Они шли во второй волне: эдил-сеньорис Фаэ, Кальпурния, Жоу, восемь арбитров из гарнизона «Горна», два авгура

из свиты инквизитора и шесть его бойцов. Эти неуклюже передвигались в своих полностью герметизированных панцирях и волокли картечницу и бронепластины высотой в человеческий рост, которыми со всех сторон защищали Жоу и его сплошь укрытых доспехами ассистентов, что было бы комично, если бы не так сильно замедляло отряд.

— Эти люди — ветераны на службе Инквизиции и лично мне, — сказал Жоу Кальпурнии, когда увидела, как та их разглядывает, — и эксперты в том, что касается защиты меня и моего персонала.

На это мало что можно было ответить.

Главный проход, соединяющийся с передним вентральным шлюзом, разветвлялся во всех направлениях, так что штурмовые бригады могли выстроиться колоннами и устремиться по коридорам в любой последовательности, не мешая друг другу. Кальпурния стояла в своей колонне второй сразу после Фаэ, стараясь не обращать внимания на вибрацию, вызванную столкновением

абордажных шлюзов со шлюзами «Аурум Санктус». Потом инженеры в вакуумной броне прыгнули в сужающийся промежуток между двумя кораблями, приземлились на обшивку и начали подбирать подходящую комбинацию захватов и герметичных зажимов, чтобы сформировать проход. Это походило на то, как нежеланный жених насильно целует невесту, подумала про себя Кальпурния, а потом потрясла головой и подивилась, откуда вообще у нее могла появиться такая мысль.

Люки распахнулись со звуком «хрупБАМ», потом раздался рев врывающегося воздуха, и давление выровнялось, что отдалось в ушах. Турбулентность на грани двух искусственных гравитационных полей создавала странные ветерки и завихрения. Первое подразделение побежало по проходу вглубь «Санктуса».

— Вторая пошла!

Услышав крик по воксу, еще одна двойная колонна устремилась в свое ответвление коридора, потом еще одна. Кальпурния пробормотала в адрес каждой

«Император защити» и услышала, что фаэ делает то же.

— Четвертая пошла!

Если они все правильно спланировали, то под этим шлюзом будет одна длинная палуба, и два первых штурмовых подразделения уже двигаются вдоль нее в обоих направлениях. Коммуникационный обруч, встроенный в ворот ее брони, не транслировал ни переговоры, ни красные руны столкновения. Пока что все шло хорошо.

— Первая. Заняли первую точку маршрута. Планировка соответствует данной. Чисто.

— Вторая. Прошли первую точку маршрута. Пока чисто.

Дальше последовала третья бригада, потом четвертая. Первая волна прошла. Командные подразделения возглавят вторую, более крупную волну, вериспексы и кибермастифы войдут в третью.

— Вторая волна может идти, все чисто. Командная один, пошла! — донесся из обруча голос Накаямы, и Кальпурния с фаэ устремились из бокового коридора в

проход. Приятно было забыть все мысли и раздумья в простом ритме бега по палубе, в весе дробовика и щита. Полукруглый шлюз всосал их в себя. Запахло горелым, засвистел воздух, а потом был прыжок, миг свободного полета и резкий поворот под прямым углом, когда они вышли из гравитации «Горна» и вошли в поле «Санктуса». Она приземлилась, пошатнулась и убралась в сторону, чтобы освободить место для Арбитрес, которые прыгали через то, что теперь, при новой ориентации в пространстве, было отверстием в потолке длинного и высокого коридора. Она ожидала, что Жоу и его маленький обвешанный вещами отряд кучей свалятся на пол, но инквизитор, охранники и даже толстый авгур со своим товарищем аккуратно спрыгнули в коридор и через миг встали в строй.

Фаэ достала инерционный ауспик, и Кальпурния, которая раньше не видела в нем нужды, теперь поняла, насколько дезориентирующим мог быть этот переход между гравитационными полями.

Когда они устремились по коридору, она услышала «Командная два, пошла!» и звуки, говорившие о том, что отделение Накаямы начало спрыгивать в люк. Отверстие находилось на расстоянии примерно в две трети корпуса от носа двухкилометрового, увенчанного крепостными зубцами корабля, между двигателями и мостиком. Накаяма должен был идти в сторону кормы, проверить трюмы и машинный сектор, в то время как Кальпурния, Фаэ и Жоу шли в другом направлении, к приземистому зиккурату, где находился мостик.

Освещения здесь практически не было, но при свете фонарей, закрепленных на щитах и плечах арбитров, Кальпурния могла разглядеть, что стены богато украшены, даже несмотря на то, что это был внешний проход. Их покрывал непрерывный узор из святых символов и резных мрачных лиц, окруженных надписями на высоком готике. Внешняя стена, за которой находились обшивка и космос, была увешана хоругвями с цитатами из священных писаний и

печатями чистоты, чтобы оградиться от опасностей варпа, и пахло от них старым пергаментом и застоявшимися благовониями. Они как будто шли по катакомбам какого-то заброшенного монастыря, подумалось Кальпурнии на ходу, и ее разум зацепился за это слово — «заброшенный». Почему никто не выходит навстречу? Ни чтобы сразиться, ни для чего-то еще? Она заметила, что внизу всех резных, украшенных переборок скопился толстый слой пыли, но к центру коридора он истончался, а там и вовсе исчезал.

— Эти коридоры патрулируются, — прошептала она фаэ. — За писаниями на стенах давно никто не ухаживал, но достаточно посмотреть на пыль. Передовые отряды не могли ее так распределить. Кто-то здесь регулярно ходит.

— Вижу, — ответила фаэ. — Группа командования всем бригадам, опасайтесь возможных патрулей.

Вереница подтверждающих ответов еще не затихла, когда идущие впереди

повстречались с аркофлагеллантом.

Сначала вокс взорвался криками: «Контакт! Одиночный контакт! Первая! Щиты, прикрыться!», а потом в полутраке впереди загромыхали дробовики и раздался потусторонний, жуткий гневный вой. Затем — бессловесные вопли, лязг металла, шипение и треск в воксе, которые означали, что силовое оружие разряжается слишком близко к передатчику. Группа командования двигалась медленной трусцой, прикрываясь и стараясь подавить желание как можно быстрее устремиться вперед.

— Огонь по слову «геенна», — послышался голос одного из охранников Жоу позади Кальпурнии. — Если вы его услышите, ложитесь. «Геенна» плюс три секунды, и мы открываем огонь.

— Спасибо, что предупредили, — ответила Фаэ. Они прошли под аркой, после которой коридор расширялся вдвое против прежнего и превращался в последовательность арочных проходов, тянущихся вдаль, в темноту. Теперь крики слышны были и без вокса: «Загоняй

его! Загоняй! Толкай его в...», и стало видно прерывистые дульные вспышки и два танцующих, описывающих круги синих огня, которые сыпали искры и хлестали туда-сюда.

Кальпурния уже зарядила свой стаббер специальными низкоскоростными хрупкими снарядами, предназначенными для операций на кораблях, но прихватила с собой также дробовик и щит из арсенала «Горна» — они так спешили взлететь в космос, что она не успела упаковать свое собственное оружие. Теперь она встала в строй позади Фаэ, с удовлетворением услышала щелчок, с которым ствол встал на место в амбразуре щита, и увидела в уголке смотровой щели красную искру, обозначающую снаряд «палач».

Но авангард ее опередил. Половина отделения образовала неровную шеренгу, встав лицами к твари, когда та пробилась сквозь другую половину, и теперь она оказалась среди широкого полукруга щитов. Это был ударный отряд, в их щиты были встроены устройства подавления, и их сверкающие разряды

сбили существо с ног. Оно упало вперед, на арбитра, которого схватило лапами, потом искрящаяся вспышка дубинки отшвырнула его в другую сторону. К этому времени группа командования подобралась достаточно близко, чтобы разглядеть массивный бледный силуэт, чьи руки с серповидными лезвиями метались и кромсали все вокруг с нечеловеческой скоростью. Наконец выстрелы из дробовиков в упор разорвали его и раскидали конечности и внутренности по полу и стенам. Арбитры вогнали в него еще один залп, когда отряд Кальпурнии нагнал их и занял позиции для прикрытия, но теперь-то тварь была определенно мертва.

— Оценить урон, перегруппироваться, — коротко приказала Фаэ, но в этом не было нужды: уцелевшие Арбитрес уже перестраивались в меньшие отделения, а медики склонились над стонущими фигурами на палубе. В центре месива, оставленного их стрельбой, лежала серебряная табличка, поблескивающая в свете фонарей.

Кальпурния перевернула ее носком. «ОСКВЕРНИТЕЛЬ ПИСАНИЯ». Табличка все еще была привинчена к тому, что напоминало грудину флагелланта. Логично. Аркофлагелланты не выращивались в баках, их изготавливали — изготавливали из осужденных еретиков, чьи тела изменялись при помощи химии и аугметики и превращались в не чувствующие боли машины убийства. Разумы при этом стирались, и оставались только инстинкты хищного животного и полная преданность Министоруму.

Кальпурния заговорила в свое вокс-устройство.

— Кальпурния, командная группа-один. Найден один аркофлагеллант, уничтожен при сближении. Потери, — она окинула их взглядом, — трое погибших, еще трое раненых, которые не могут идти дальше. Пошлите за нами бригаду подкрепления.

— «Горн». Бригада подкрепления направлена. Пятеро идут, шесть остаются.

— Командная группа, — послышался

голос Накаямы. — С нами никто не дрался, но мы нашли две недавно порванных и сброшенных рясы, покрытых изречениями и печатями. Одежда флагеллантов. Должен быть по крайней мере еще один. Двигайтесь дальше. Побыстрее, пока они не успели организовать сопротивление.

Второй аркофлагеллант появился через двести метров, там, где расширившаяся галерея разделялась на две рампы, ведущие вверх и вниз, к другим палубам. Они начали взбираться вверх, выстроившись аккуратным квадратом, когда эта тварь большими беззвучными скачками выбежала из нижнего коридора и совершила невероятно высокий прыжок, целясь во внешний ряд Арбитрес. Одному из них удалось подстрелить флагеллланта в воздухе, тот развернулся, потерял равновесие и упал на щиты. Арбитры уже были готовы и налегли плечами, чтобы сбросить его наземь. Пучки электрокнутов, торчащие из культей его рук, выжигали следы на краях щитов, хлестали по шлемам и бронированным спинам. Существо извернулось в воздухе,

словно кошка, приземлилось на пальцы, и Кальпурния увидела, как оно напрягает ноги для очередного скачка, когда от отряда Жоу донесся крик «Геенна!». Защитные бронепластины распахнулись в стороны, грохнула пушка. Тварь изогнулась, прыгнула и умудрилась увернуться от двух первых выстрелов, прежде чем четырехсекундная очередь покрошила ее. Кальпурния на миг выглянула с рампы, но если у этого и была табличка, то оттуда ее не было видно. Они начали подниматься.

Накаяма нашел своего флагелланта в то же время, как отряд Кальпурнии обнаружил первый портал, ведущий в глубины корабля. Дверь была наглухо заварена, следы сварки — старые, холодные и залеплены печатями Экклезиархии. Кальпурния прощупывала швы, когда в воксе раздался треск. Флагеллант проломился через два ряда щитов и добрался до командного отделения, прежде чем рухнуть под слаженным залпом из снарядов «палач». Один погибший, еще трое раненых, которые уже никуда не пойдут.

Третья волна штурмовых бригад прошла в люк и следовала за ними, четвертая готовилась к выходу.

— Я не понимаю, почему такое слабое сопротивление? — вслух поинтересовалась Фаэ. — Они заварили двери, чтобы между корпусом и используемыми помещениями получился сплошной слой проходов и коридоров. Потом пустили бродить по нему аркофлагеллантов как перманентный патруль, ищущий и уничтожающий чужаков. Но у них нет никаких шансов против какого бы то ни было полномасштабного абордажа. Мы рвем их на куски...

— А им и не надо, — ответила Кальпурния. — Они ведь так уверены в защите Экклезиархии. Это не боевой корабль, в худшем случае им могут угрожать пираты, а большая часть пиратов не устраивает абордажных операций военного уровня.

— Но все равно им надо выходить, чтобы позаботиться о флагеллантах — заново освятить их машинные части, удостовериться, что человеческие тела

накормлены и правильно работают. Должен быть путь внутрь. Одна из этих дверей не запечатана.

— И все же это странный ответ на прибытие официальных лиц. Они позволили нам пристыковаться, не сигналили, не сопротивлялись, но при этом не обуздали этих тварей. Какого черта?

— Инквизитор желает знать, почему вы остановились, — донесся вокс-сигнал из-за защитных пластин позади. Кальпурния скривила гримасу, и они пошли дальше.

Флагелланты как будто двигались без какой-либо закономерности и не пытались организоваться. За следующие двадцать минут бригады Накаямы прикончили еще двоих, и еще одно существо взбежало по рампе позади Жоу, налетело на бригаду поддержки, которая сформировала арьергард, и убило двоих. Арбитрес мельтагорелкой, вживленной в плечо, прежде чем его уничтожили. К тому времени, как они прошли две большие наглухо закрытые арки и нашли третью, все еще работающую дверь, без следов

сварки и пыли, никто так и не напал на них, кроме этих шатающихся бывших людей, берсерков, появляющихся из сумрака.

Прорыв на обитаемые палубы «Санктуса» оказался несколько разочаровывающим. Жоу просто вышел из портативного бункера, который несли его охранники, и прикоснулся печатью Инквизиции к распознающей пластине у люка. В тот же миг в переборке и палубе заурчали скрытые моторы. Толстая металлическая плита укатилась вниз, в пол, и наружу хлынул золотисто-белый свет. Группа огневой поддержки из первой волны перебралась через люк еще до того, как тот полностью утонул, и Кальпурния последовала за ними, в то время как Фаэ послала на «Горн» вокс-запрос еще одной волны поддержки.

Сводчатые клуатры, по которым они бежали, сворачивая то налево, то направо соответственно указаниям локатора Фаэ, были сложно украшены и покрыты резьбой, подражающей интерьеру экклезиархальных строений, входящих в

комплекс Собора в Августеуме и вокруг него. Все время чувствовался запах благовоний, которые, видимо, были намеренно добавлены в систему циркуляции воздуха. Были даже окна, встроенные в верхнюю часть каждой ниши, и за ними находились светящиеся панели, имитирующие золотистый солнечный свет.

Сопротивление по-прежнему было слабоорганизованным. Кальпурния боялась, что им может повстречаться корабельная стража из Адепта Сороритас, но здесь были лишь кучки обыкновенных бойцов, отчаянно, но неумело пытавшихся удержать то какую-нибудь лестницу, то грузовой лифт. Арбитрес расправлялись с каждым препятствием, почти не замедляясь: ударные бригады переходили в наступление, отражая щитами шипящие лазерные лучи, выпускали краткий залп на подавление через бойницы или метали гранату, пока второй ряд целился, потом на обороняющихся обрушивались быстрые точные выстрелы дробовиков, а выживших, если они были, настигали снаряды «палач».

Кальпурния уже слышала в вокс-канале голос Фаэ, которая приказывала операторам кибермастифов из волн, идущих позади, начать охоту на тех немногих, кому удалось сбежать и рассеяться по кораблю.

Только под зиккуратом мостика они вступили в единственный полноценный бой. Две дюжины бойцов, часть которых уже побывала в предыдущих схватках, окопалась среди тесных рядов реликвариев и дыб для покаяния, и к ним присоединилось пять напоминающих подъемные краны сервиторов-погрузчиков, чьи мясистые квазичеловеческие головы и туловища нелепо болтались среди ног-ходуль и щелкающих рук с захватами. Они поставили у дверей сервиторов и людей с огнеметами, но, когда наступление Арбитрес докатилось до них, вся их организованность быстро скатилась в никуда.

Кальпурния возглавляла атаку, и как только она ворвалась в дверь, на нее обрушился удар клешни сервитора, от которого щит погнулся, рука онемела, а

сама она растянулась на полу. С проклятьем она оттолкнулась каблуками, отползла за тяжелый стальной шкаф с реликвиями и попыталась сорвать треснувший и деформированный щит с руки. В следующий миг фаэ вбежала внутрь, нырнула в то же укрытие и трижды выстрелила из дробовика в бойцов, которые жались за сервитором и палили из тонких лазпистолетов. Сервитор покатился вперед — один его ножной мотор уже был попорчен и дымился от попаданий — и попытался выдернуть фаэ из-за шкафа. Кальпурния подскочила и ударила по клешне-захвату дубинкой, чтобы механизм закоротило. Парализованная клешня так и повисла в воздухе, словно рука слабоумного, дающего благословение.

Через миг машина пошатнулась и рухнула, когда залп фаэ разнес ее органическое тело на куски, и бойцы с криками обратились в бегство. По другую сторону прохода второй сервитор разлетелся на части от взрывов крак-гранат, а третий начал наматывать безумные круги, бороздя клешнями стены, —

– какое-то несильное повреждение органики ввело его пустой, выращенный в баке мозг в стятение.

Кальпурния переложила дубинку в левую руку, а правой вытащила стаббер. Без лишних слов она и Фаэ смешались с остальными Арбитрес, которые веером расходились по затянутому дымом лабиринту реликвариев. Члены экипажа сбежали недалеко и начали нападать из засад, но их усилия были недостаточны, а меткость оставляла желать лучшего. Сначала от щита в переднем ряду со звоном отлетал лазерный луч или пистолетная пуля, потом сразу же раздавался грохот дробовика и, порой, единственный крик.

Лишившись щита, Кальпурния обнаружила себя во втором ряду и без дела: любой приказ, который она собиралась озвучить, уже выполнялся остальными арбитрами. Они разделили помещение на четыре части, осыпали перекрестным огнем и уничтожили последних обороняющихся в яростной перестрелке на лестнице у дальней стены зала.

Четвертого сервитора методично забросали крак-гранатами двое Арбитрес, которые прибыли со следующей волной, а пятый просто перестал двигаться и обмяк, когда рухнул последний боец, и его контрольный амулет со стуком покатился по полу.

Едва он успел затихнуть, как покрытые вмятинами от выстрелов двойные двери наверху лестницы начали открываться. Более тридцати Арбитрес тут же навели на них оружие, и Кальпурния, выйдя в первый ряд, опустилась на одно колено и подняла свой стаббистолет.

Но, прежде чем они успели разглядеть фигуру по ту сторону двери, из вокс-динамиков на потолке раздался голос — мягкий, усталый голос старика:

— Опустите оружие, люди Адептус Арбитрес. Я не буду сражаться с вами, а вы не можете сражаться со мной. Пусть это бессмысленное разрушение хотя бы на время прекратится.

Кальпурния встала и с некоторым усилием воли опустила пистолет.

Скрытая одеянием фигура была неестественно высокой, плечи под пурпурно-золотым плащом слишком узкие и покатые, пальцы на поднятой руке — слишком длинные и толстые. По бокам от нее стояли, преклонив колени, двое мужчин в униформах унтер-офицеров, протянув перед собой руки. На их коленях лежало оружие, завернутое в белую ткань, что символизировало сдачу. Взгляд Кальпурнии вернулся к человеку в плаще. Из-под капюшона виднелись только длинный щетинистый подбородок и дрожащие старческие губы, но она догадалась:

— Навигатор Пешто Эрде.

— Да, это я, и я не желаю, чтобы... это... продолжалось, — тяжелые пальцы обвели жестом комнату. — Вам не нужно нападать на меня, чтобы узнать то, что вы хотите. Иди за мной, женщина из Арбитрес, и я покажу тебе то, чего ты, судя по всему, жаждешь узнать.

Они в безмолвии поднялись на мостик в великолепном, украшенном драгоценными

капняли паланкине, который беззвучно взмыл вверх по гравитационной шахте, омытой белым светом. На каждом уровне зиккурата шахту окружала решетка из золотой филиграни, изображающей вечно преследующих друг друга вычурных горгулий, и за ней были видны этажи — освещенные, но тихие и пустые.

Накаяма остался внизу, чтобы организовать прочесывание всего корабля, но Фаэ отправилась вместе с Кальпурнией. Хотя они обе стояли перед Эрде, чтобы показать доверие, двое прокторов с оружием стояли позади массивной фигуры навигатора, где на них не мог подействовать его варп-глаз во лбу, если бы тот внезапно решил открыть его. Их окружали Арбитрес, которых по просьбе Кальпурнии отобрала Фаэ, — они были натренированы в космических полетах и могли взять корабль под управление в случае надобности. Жоу, который оставил свою стражу позади и выглядел так, будто жалел об этом, пристально глядел на Эрде и сжимал свой болтпистолет с накладками из зеркально-гладкого серебра.

Поездка была напряженной — прекрасно отделанные и совершенно тихие помещения и без того навевали жуть, но навигатор был просто противоестественен. Все его пропорции были ненатуральны, как будто каждую из них случайным образом изменили, сделав больше или меньше. Подбородок был слишком вытянут и заострен, под низким капюшоном выпирал угловатый бугор лба. Пальцы были толстые, но сами кисти и запястья — тоньше, чем у Кальпурнии. Но даже сильнее, чем его внешнее строение, шатающаяся походка, дыхание с присвистом и странный, едкий, дымный запах, действовало нечто, исходившее от него, нечто раздражающее и мысли, и чувства. Кальпурния подумала, что даже если бы отвернулась, то все равно знала бы, с какой стороны он находится, по мурашкам, которые бы там пробегали. Может быть, именно так авгуры инквизитора чувствовали присутствие варповства. Может, так они его и вынюхали.

Сам мостик тоже, в определенной

мере, дезориентировал. Это не был неприветливый, резко освещенный бункер корабля Арбитрес, но внушительный траторный бельведер с бронестеклянными окнами в изящных арочных рамах, сплетенных из проволоки драгоценных металлов. По обе стороны капитанского трона стояли чаши с благовониями, подогреваемые снизу слабо горящими свечами, под потолком пересекались серебряные цепи, с которых свисали лампы — пустые стеклянные фигурки херувимов и странных геральдических животных. Контрольные постаменты были изготовлены в форме музыкальных инструментов, миниатюрных зданий или стволов деревьев, а панели за стеклами имели вид растений и лоз с медными листьями, которые были запрограммированны медленно двигаться, как будто волнуясь на ветру. Несколько мгновений после того, как они поднялись на мостик, было слышно чириканье механических певчих птиц, сидящих на металлических ветвях. Кальпурния покачала головой. Подобная роскошь была

чрезмерна даже для частного дома, и как будет выглядеть это место во время аварийной ситуации?

Эрде вышел наружу шаткой походкой, от которой у нее перехватывало дыхание: казалось, что его голова перевешивает и он вот-вот упадет. Сервиторы продолжали кивать и гудеть в контрольных ямах, но люди, обслуживающие мостик, облаченные в роскошные красные и золотые полумантии, выстроились полукругом вокруг мертвого тела в пышной униформе, которое лежало ничком на палубе. Кальпурния оценила эполеты мертвеца и цепь, говорящую о статусе, и пришла к выводу, что нашла несчастного Вардоса дель Бьеля. Она снова посмотрела на его офицеров. Ни у кого не было пистолетов или сабель, и у всех были странно пустые глаза, осунувшиеся лица и затравленное выражение во взглядах. Их уши закрывали механические наушники, и, присмотревшись, Кальпурния разглядела в их ноздрях фильтровые затычки.

Технически, эта команда превосходила Арбитрес в числе и могла

считать их попавшимися в ловушку, но, рассматривая их, Кальпурния не чувствовала никакой инстинктивной тревоги, несмотря на оказанное ранее сопротивление. Офицеры стояли в одинаковых позах наказанных детей, сложив руки и опустив глаза.

Она прошла за Эрде, Фаэ и Жоу следовали за ней, и сделала жест остальным арбитрам, чтобы они разошлись между контрольными панелями. Экипаж мостика слегка зашевелился и забормотал, потом кто-то заметил розетту Жоу, и между них прокатился низкий стон. Эрде воздел руки, призывая к молчанию, и Кальпурния тревожно отметила, что руки эти разной длины и соединяются с туловищем слишком низко.

— Ну? — требовательно спросил инквизитор, пытаясь перехватить инициативу у привлекшего к себе внимание навигатора. Он всего на миг опередил Кальпурнию. Эрде кивнул и указал на одного из офицеров, бледного мужчину с желтыми глазами и обвислыми усами.

— Я — Яссала Крейт, мастер аспиков «Аурум Санктус». Мои мать и дядя сговорились, чтобы дать кров и поддержку нечестивцам, которые обманом завладели долей трехлетней десятины, принадлежащей суб-епарху системы Бейши. Когда заговор был раскрыт и праведно очищен, мою мать казнили. Я живу в стыде за свою порченую кровь и служу как раб Императора на борту «Санктуса» за предательство, совершенное моей семьей.

— Я — Шахт Эрамо, главный астрограф «Аурум Санктус», — сказала коренастая женщина со впалыми щеками и гладкими светлыми волосами. — Имперская Миссионария на Ашеркине обучала меня и предоставила мне честь совершить паломничество на Хирос, Махарию, Гаталамор и святейшую Землю. Я поклялась, что, если закончу паломничество до конца своей жизни, то вернусь и буду проповедовать о том, что видела. Меня соблазнили лень и безверие, и я показала себя недостойной столь священного дара. Когда слуги Императора

выследили меня в трущобах Иаты, я покаялась и молила о казни, но, чтобы заработать эту милость, я служу «Аурум Санктус» в его путешествиях.

Слова произносились как будто нараспев и больше походили на цитирование, чем на признание. Более внимательно приглядевшись к экипажу, Кальпурния увидела, что из-под манжет и воротников едва выглядывают края покаянных власяниц.

Жоу щелкнул пальцами помощнику капитана, который отвечал прерывающимся голосом. На его лбу выступил легкий пот, и даже под тяжелым форменным кителем было видно, что он едва не трясется от напряжения.

— Я — Аттон Гинзан, старший помощник капитана и, э... — он бросил взгляд на труп у своих ног. Последовав его примеру, Кальпурния заметила, что из ушей мертвеца сочится кровь и скапливается под его глазницами. — ...исполняющий обязанности капитана «Аурум Санктус». Я командовал кораблем

«Голос Деакиса» на Авиньоре и Лодеше. Мой брат был священником, кюре епархии Крадо, и позвал меня выступать в качестве свидетеля на его облечении в сан. За мои грехи Император наказал меня скверным прохождением через варп, и я пропустил церемонию. Мой корабль был передан в управление Экклезиархии на три года, но на второй год службы его разграбили ксеносы-корсары. Из-за двух своих неудач я отказался от претензий на капитанство и взошел на борт «Санктуса» в качестве помощника капитана дель Бьеля, под руководством кюре Мадджии.

Религиозные украшения во внешних помещениях, реликварии, сквозь которые им пришлось пробивать себе путь. Мостик, полный лишенных звания офицеров, окруживших себя красотой и отрезавших себя от нее. Благоуханный воздух, не пропускаемый затычками для носа, красивые, роскошные униформы с власяницами, терзающими кожу под тканью...

— Это покаянное судно, — сказала Кальпурния вслух, прежде чем подумать,

но Жоу согласно кивнул и заговорил, как будто тут никого, кроме них, не было.

— Значит, вам знакома эта концепция? Это объясняет сменяемость офицеров и наличие аркофлагеллантов во внешних коридорах. Видимо, экипаж назначают и убирают, когда начинается и заканчивается искупление их грехов. Чего я не понимаю, — и он повернулся к Эрде, — так это вашей роли, мастер Эрде. Вы — навигатор корабля еретиков и грешников, чья покорность продиктована желанием избавиться от собственной вины. Но семьи навигаторов стоят выше любых законов Империума, сэр, они вольны делать все, что хотят. Вам не надо бояться Церкви, а Церковь считает вас уродом, чье существование лишь в какой-то мере оправдано хартиями Навис Нобилите. Тот факт, что вы рискнули собой и вышли прямо к нам, вместо того, чтобы запереться в навигаторской башне и игнорировать все, что мы делаем, вызывает вопросы, не правда ли?

— Тогда позвольте мне исповедоваться самому и ответить на

эти вопросы, — сказал навигатор. — Я — Пешто Васк Эрде из дома Эрде, внучатый племянник Новатора Эскола Эрде. Мое изуродованное тело — ясное свидетельство грешному наследию. Семейство мое полно гордыни и алчности. Они хотели вскарабкаться к вершинам могущества, хватаясь за глотки своих соперников. Бесславная междоусобица Велизариев и Феррачи, устроенный вашей же братией погром D'Карк, все это создало смятение среди нашей породы, которое, как решили Эрде, открыло пред ними врата к власти. Моя семья отчаянно искала средства для спонсирования своего прорыва и обнаружила их среди богатых и влиятельных кругов, нуждавшихся в быстрых тайных перевозках. Мои коррумпированные сородичи были праведно уничтожены, но их позор остался. И то, что моя семья смеется над их осуждением и плюет на само понятие покаяния, только добавляет камни на фундамент, заложенный беззаконными предками. Я рассказываю вам о бесчестье, о котором знают весьма немногие за пределами нашей породы,

чтобы показать, почему я живу с этим наследием, и почему я продолжаю терзать и разрушать великий монумент, воздвигнутый преступлениями моей семьи.

— Навигатор, имеющий совесть, — голос Жоу был ровным и недоверчивым. — Навигатор, который проникся религией. Навигатор, отверженный семьей и всем своим племенем, которому осталось лишь бремя искупления, чтобы утешать себя им.

Кальпурния осознала, что голос Эрде был хриплым от эмоций.

— Разве это настолько удивительно, инквизитор? Со своего высокого насеста я взираю в имматериум и вижу тень, которую наша собственная вселенная отбрасывает в бесконечную бездну. Это око, — и он прикоснулся к капюшону над выпирающим лбом, — это око видит слабые течения материи душ там, где иной разум застыл бы и умер среди штиля, приливы и завихрения гениальности и ненависти. Варп насмехается над силой слов, неспособных описать его. Но есть то, на что я не могу закрыть глаза, и это

сила и красота Императора. Я вижу, как Его душа сияет на Земле, и Его присутствие заполняет каждый уголок имматериума. Надо мной глумятся из-за того, что я говорю о своих видениях, глумится моя семья — и пусть. Некоторые говорят, что каждый из нас видит иной лик варпа, предназначенный только лишь для него, варп, который никто больше никогда не увидит, но это не имеет значения. С первого же раза, как я увидел этот свет, я знал, что могу лишь всем сердцем устремиться следом за ним.

На долгий миг на мостике повисло молчание, которое нарушила Кальпурния.

— Если это покаянный корабль, и если весь его экипаж всецело отдался искуплению своих грехов, как ты говоришь, почему вы сражались? И где священники, которые должны были остановить вас?

Она не чувствовала, как гнев незаметно овладевает ей, но тут он внезапно заполнил ее, и руки сами сжались в кулаки. Огромная голова Эрде повернулась и уставилась на нее.

— Вардос дель Бьель ушел во тьму, —

показал он на распростертое тело. — Его приказы более не причинят вам вреда.

— Достаточно загадок, навигатор, — сказал Жоу, чуть приподняв пистолет. — Что он сделал? Что ты сделал?

— Мы должны были отправиться на приливе варпа к галактическому северу, — медленно проговорил Эрде, — а потом удерживаться на волнах, пока не будут отосланы сообщения на Авиньор, в епархиальные цитадели. Потом я должен был выследить противоидущее течение ниже в плоскости галактики, чтобы оно унесло нас на юг к Ранне, Колхе, темному Гаталамору, благословенному Хиросу. На каждый из этих миров мы везли по одному посланцу от гидрафурской епархии. Все они заперлись в своих покоях, и мне не сказали, что у них за дела, но на каждый пункт назначения должен быть только один и не более, и на борт они поднялись втайне.

— Думаю, остальное я могу заполнить, — сказал Жоу. — Это все глупая, проклятая свара между Экклезиархией и Флотом. Старшее

духовенство Хироса и Офелии протолкнуло Базле на трон здешней епархии, поскольку он верен более строгим терранским фракциям, но священники флота терпеть его не могут, потому что его посадили в обход кого-то из них. Все его коммуникации за пределами системы обычно проходят через одну из флотских станций астропатов или отправляются флотским кораблем. Даже если отправить посланников гражданским транспортом, это не ускользнет от внимания флота.

— Поэтому, если он хочет отправить отчеты и запросы о помощи и политической поддержке, — добавила Кальпурния, — отослать их в другие мощные церковные центры в окружающих секторах, и сделать это без постороннего вмешательства, то это надо сделать не просто через корабль Экклезиархии, но через судно, способное выбраться из системы без всякого обыска или наблюдения. Покаянное судно, весь экипаж которого фанатично предан священникам и проповедникам, — она могла понять эту

логику, пусть та ей и не нравилась. — Перелет к Гидрафуру, значит, был просто поводом, чтобы встать на орбите и принять челнок.

— Неудивительно, что флот был так готов помочь, — вставила Фаэ. — Они даже пришли к нам с предложением еще до того, как мы попросили разрешения на перехват. Они, наверное, что-то подозревали насчет «Санктуса», но у них не было возможности сделать свой ход. Я не удивлюсь, если улики, связывающие «Санктус» со всем этим дерьмом в Босфорском улье, были подброшены, чтобы подтолкнуть нас на то, что мы в итоге и сделали.

— Дель Бьель так думал, — сказал Эрде. — Кающиеся должны быть покорны и кротки, но дель Бьель разгорячился. Я пытался напомнить ему о долге и советовал подчиниться, но в конце концов он отверг меня и приказал сражаться с вами. Когда я посмотрел на него, то увидел разум, раскаленный словно уголь, — навигатор пожал косыми плечами. — Не всякий дух достаточно силен, чтобы

вынести покаяние. Я взглянул на него открытым оком и исторг из него жизнь. Теперь он сгинул в темных волнах. Не думаю, что Император будет милостив к нему.

Так значит, это все-таки политика. Теперь злилась не только Кальпурния, гнев чувствовался в воздухе. Арбитрес погнали экипаж мостика в сторону, и тот подчинился, безрадостно шаркая ногами. Люди фаэ заняли места у консолей и начали отключать протоколы безопасности, которые удерживали корабль на месте. Кальпурния отправила сообщение Накаяме, тот передал приказ арбитраторам, которые все еще переходили с «Горна» на «Санктус».

«Кюре Мадджия. Другие представители Министорума на борту. Пассажиры, вероятно, вместе с кюре, вероятно, офицеры Экклезиархии. Найти их».

И их, разумеется, нашли. Арбитрес устроили эффективную и безжалостную зачистку Техножрецы в инженариуме

собрали своих людей и сразу же сдались, рабочие бригады на грузовых уровнях были быстро арестованы. «Санктус» путешествовал с небольшим экипажем и не обладал таким чудовищным количеством людей, как военный корабль, поэтому на все понадобилось менее часа. Потом палубы начали прочесывать кибермастифы со своими операторами, вооруженные генетическими следами из дормиториев проповедников и множеством высокоточных аспиков-ищеек.

Каждую маленькую группу выгоняли из укрытия и отводили на мостик, в то время как арбитры удерживали «Санктус» в центре кольца из кораблей Флота. Проповедники были напуганы, но держались гордо, а последние оставшиеся бойцы, охранявшие их, просто были напуганы. Произошло три перестрелки, все — панические и краткие. Погибло еще четверо корабельных бойцов и два арбитра получили ранения, прежде чем все священники оказались на мостике одной возмущенной толпой.

И в последние часы уходящего дня

Кальпурния, Накаяма и Жоу снова отправились на Гидрафур, все — с пустыми руками и поганым настроением. Толстого одышливого авгура Жоу несколько раз прогнали взад и вперед по всему кораблю, и он клялся, что не нашел ни малейшего следа колдовской скверны. Если не считать учтенной им ауры навигатора, корабль был чист. Кибермастифы с загруженными в мозги запаховыми сигнатурами с Гидрафура прочесали те же туннели, резервуары и трюмы и ничего не нашли. Ни ароматического лампадного масла, взрывчатого или нет, ни запахового отпечатка невидимого стрелка, ни следа арестантов, оставшихся в Стене. Кальпурния была уверена, что найдет ответ, но теперь у нее стало лишь больше вопросов.

Тупик.

Кальпурния сидела, опустив подбородок на руки, в обзорной галерее на внутренней поверхности Кольца, огромного адамантинового пояса, который висел над экватором Гидрафура. По обе стороны от

окна изгибалась стена, усеянная турелями и причальными башнями, и сверкала, словно город, которым, фактически, и являлось Кольцо. Морщинистый лик Гидрафура простирался под ними, и окно было достаточно высоким, чтобы можно было посмотреть и на Галату, гидрафурскую луну, которая с поверхности выглядела как призрак персикового цвета, но в космосе становилась яркой, льдисто-серебряной, усеянной множеством поблескивающих оборонных станций.

Вокруг высились стены из темного железа, обшитые деревянными панелями, и закрученные металлические узоры украшали мебель, двери и перила. Все помещения Кольца, которые видела Кальпурния, имели странный антикварный вид, нехарактерный ни для одного иного корабля или здания, где она успела побывать, но неспокойная атмосфера быстро отвлекла ее от размышлений об этом.

Чтобы конструкцию столь огромного размера не разорвало приливными силами солнца, Галаты и другими объектами на

причудливой двойной эклиптике Гидрафура, понадобились труды, которые едва ли превосходили само создание Кольца. Его секции, достигавшие десятков километров в длину, были выстроены так, что могли растягиваться и скользить, благодаря чему Кольцо плавно меняло форму вместо того, чтобы сохранять жесткость и разрушаться из-за этого. Через равные интервалы лента Кольца проходила сквозь огромные квадратные бастионы, наиболее мощно укрепленные и защищенные части конструкции, которая сама по себе была гигантской цитаделью. В них находились генераторы гравитационного поля, помогавшие компенсировать напряжение, не вмешиваясь в работу гравитации на внутренних палубах. По пути на Гидрафур Кальпурнии рассказали, что обучаемые здесь адепты Механикус славятся своим знанием гравитационной инженерии по всему сегментуму, и учатся они этому благодаря одной лишь работе с управлением Кольцом.

Постоянное изменение и движение

станции обеспечивало ее существование, но при этом создавало постоянный шумовой фон из тихих стонов, погромыхиваний и редкого пронзительного визга. Ветераны Кольца шутили, что оно болтает или поет колыбельные, и бытовал целый ряд суеверий, связанных с тем, что означали определенные шумы для тех, кто их услышал. Кальпурния знала только, что они действуют ей на нервы.

Пристыкованные друг к другу «Аурум Санктус» и «Горн Правосудия» все еще висели где-то в космосе, где и будут оставаться, пока не закончатся все юридические проволочки. Кальпурния старалась не думать, сколько времени это может занять. С другой стороны, капитан-коммодор Эстериан пребывал в отличном настроении с тех пор, как ему доложили о взятии «Санктуса» на абордаж, и сразу же приказал отправить скоростной корабль-дромон, чтобы тот на всех парах отвез их обратно на Гидрафур. Дромоны были небольшими внутрисистемными судами, тесными, забитыми, без тех огромных

просторов, какие можно увидеть в межзвездных кораблях, но это вполне подходило под настроение Кальпурнии.

— Мы устранили одну из альтернатив, арбитр, — сказал ей Жоу, — и это ценно.

Звучало так, будто он пытался себя убедить. Кальпурния думала, что инквизитор по-прежнему хотел верить в виновность «Санктуса» — он оставил на борту авгуров, чтобы они продолжали прочесывать палубы, несмотря на заверения, что они их уже тщательно вынюхали.

— Я не знаю, что у нас еще есть. Совпадение по времени все же подозрительно. Может, этот корабль и не привез незаконного псайкера, но все равно могут найтись какие-то связи со взрывом.

Жоу фыркнул.

— Мое дело — исключительно псайкер, — заявил он. — В первую очередь я должен был подтвердить, что корабль с ним не имел дела.

— Понятно, — сказала Кальпурния. — Вам не кажется, что зависимость

навигатора от Экклезиархии — это немного странно? И почему они так боятся флота? Почему посланники епархии были так напуганы? Если подумать об этом, то возникает вопрос, почему флот так быстро встал на нашу сторону? Я поняла все эти разговоры о секретных посланиях и силовой поддержке, но я не понимаю, почему.

— На это я, по крайней мере, могу ответить, — Жоу повернулся спиной к окну, сцепив за собой руки. — Этот корабль служил Собору, то есть высокочтимому епарху Базле, высочайшему представителю духовенства на Гидрафуре. На самом деле епарх имеет власть лишь над самим миром Гидрафур и над некоторыми отдаленными доками и воротами, которые контролируются гражданскими лицами. То есть просто над анклавом в центре системы. Это наделяет священников, приписанных к флотским эскадрам, немалой силой: они отвечают только перед собственной военно-религиозной иерархией и имеют собственную вертикаль командования,

вплоть до понтифика-милитас на борту адмиральского корабля. «Флагманские кюре», так их называют, хотя этот титул чисто обиходный и не имеет веса в официальной иерархии церкви. Это одна из могущественных фракций системы, так как положение позволяет им легче, чем другим, пересекать рубежи между флотскими и гражданскими зонами. И поскольку они сами рекрутируют и назначают себе преемников, они — самоподдерживающаяся структура.

— Звучит как отличная причина для того, чтобы Министорум и Флот работали вместе, а не подрезали друг друга подобным образом. Но ведь есть что-то, чего я не знаю, да? Конечно же, есть, — проворчала Кальпурния.

— Когда убили лорда-адмирала Инвистикона, — Жоу с укором посмотрел на нее, — Министорум на Терре очень быстро предпринял меры. В то переходное время должно было состояться назначение нового епарха, и в отсутствие официально назначенного лорда-адмирала они увидели возможность протолкнуть на должность

кого-то из своих. Кого-нибудь, у кого жесткие взгляды в том, что касается традиционной власти Экклезиархии, кто станет противовесом для флагманских кюре, которые, с точки зрения кардиналов, впитали слишком много флотской культуры, чтобы всецело им доверять.

— И поэтому вы знаете обо всем этом? — спросил Накаяма с другого конца комнаты.

— Это часть моей подготовки. Мы... — Жоу прервал то, что собирался сказать, и снова начал читать лекцию Кальпурнии. — Базле назначен сравнительно недавно, много времени ушло на внутренние споры по поводу того, кто будет выбирать епарха, и на само назначение. С тех пор он ведет агрессивные попытки укрепить власть Собора. Вот поэтому, как я думаю, его агенты опасались грязной игры со стороны флотских кораблей, и поэтому Флот так быстро решил помочь нам с операцией, которая, как они знали, чревата унижением для кабинета епарха. Вы, наверное, в курсе, — продолжил он, когда

Кальпурния поднялась на ноги, — что Барагрий, назначенный вашей тенью на Гидрафуре, из круга приближенных Базле. Он, несомненно, приставлен к вам, чтобы следить за ходом расследования и направлять его туда, куда им удобно. Уверен, ему найдется что сказать по поводу того, что его оставили на планете. Если вы меня извините, я пойду проверю, что там с нашим обратным рейсом в Босфорский улей.

— Спасибо за брифинг, инквизитор, — отозвалась Кальпурния. — Если я вам понадоблюсь, то буду в холле, колотить себя по голове шоковой дубинкой.

Жоу странно на нее посмотрел, но ушел, не сказав ни слова.

— Не принимайте близко к сердцу, Шира, — сказал Накаяма. — Сколько ни старайся, а заставить всех гидрафурцев тянуть в одном направлении не получится.

Она вздохнула, и рука снова потянулась к шрамам: вверх, вниз, вверх.

— Худшее во всем этом, что я постоянно забываю, что это только

начало моей работы, — ответила Кальпурния. — Босфорский улей — уже испытание. Думаю, я бы еще десять лет могла учиться и узнала бы лишь половину того, чем живет этот улей, а сколько их тут еще?

— На Гидрафуре восемь, не считая меньших агломераций, укрепленных храмов и кузниц. Вдвое больше по остальной системе, снова не считая крепости, флотские комплексы и поселения в космосе.

Кальпурния уже привыкла к цветистой речи Леандро и лекциям Жоу, поэтому после кратких ответов Накаямы она ждала продолжения. Коренастый невысокий арбитратор сел в кресло, которое покинул Жоу. Отдыхая, он чем-то походил на мощную машину, которую собрали и выключили.

— Двадцать пять ульев, кто знает сколько других поселений, шестнадцать планет, сотни космических доков и крепостей, более сорока миллиардов людей. Это постоянное население. Перемещения флота и миграция граждан могут

добавлять еще где-то от одного до десяти процентов.

— Впечатляет, — сказала она. — Я знала о размере этой системы, еще когда ехала сюда, но только сейчас осознаю его нутром. Как вы вообще поддерживаете закон в настолько сложной местности?

Она внутренне содрогнулась от этого вопроса, как только задала его: это был вопрос новичка, и она сразу же задумалась, как он прозвучит, когда дойдет до Дворова. Но Накаяма, похоже, воспринял его не так.

— Пытается не делать все самостоятельно, — просто ответил он. — Смотрите, как вы разобрались с инцидентом во Вратах Аквилы. Быстро, точно и тщательно. Но все вы сделали лично. Идеальный пример: беспокоиться о движении и порядке на Телепинской дороге, одновременно пытаясь посовещаться с вериспексами, решить, как обрабатывать арестантов, и скоординировать свои действия с инквизитором Жоу. Четко вписывается в ваш стиль. О да, вы изучали эту систему, — добавил Накаяма, когда она повернулась и уставилась на него, — но

и мы изучали вас. Вы удивлены, что мы изучаем тех, кого к нам шлют? Вы же не думаете, что мы вас выиграли в «семь колод»? Ваша репутация безупречна, не помню, чтоб читал о многих людях, которые в вашем возрасте имели лучшую карьеру. Черт, да не было лучших карьер. Но у вас также репутация человека, который все делает сам. Готов поспорить, что за все время командования на Эфеде у вас не было и дюжины случаев, чтоб вы кому-то давали делегацию ниже третьего уровня, и что вы можете вспомнить любой из них. Для участка это прекрасно, здесь — нет. Здесь у вас не будет даже слаженной команды. Майоре посылает нас в любые точки системы, если чувствует, что там нужны наши конкретные преимущества, и мы занимается именно этой точкой столько, сколько потребуется. За год вы объездите весь Гидрафур, не сомневаюсь — Криг намеренно подберет для вас такие задания.

Кальпурния не удержалась от того, чтоб удивленно заморгать от походя упомянутого имени лорда-маршала, но

пропустила это. Небо за окном по-прежнему было забито сотнями и сотнями движущихся световых точек, каждая из которых представляла собой гигантский многовековой корабль или цитадель обороны. За ними виднелись другие точки – ближайшие планеты.

Она еще недостаточно хорошо знала гидрафурское небо, чтобы распознать их или хотя бы определить их эклиптику. Кальпурния видела раньше карты и модели этой системы и прилежно старалась понять астрографические трактаты о ней, но большая их часть имела технический характер и создавала кашу в голове. Она решила принять как факт, что на самом деле никто не знает, каким образом могут сформироваться и оставаться стабильными две пересекающиеся плоскости движения планет, что они просто есть и что надо делать свою работу, поддерживая на них порядок.

«Держись этой мысли», – посоветовала она себе и повернулась, чтобы снова взглянуть на Гидрафур. Скоро

они сядут на челнок и отправятся в путь, потом изгиб горизонта начнет теряться из виду, а на желтовато-коричневой поверхности проявятся горы, мелкие моря, ульи и города-кузни, полные людей, заговоров, вражды и соперничества. Внезапно спуск обратно на планету показался ей падением в трясину, которая только и ждала, чтобы втянуть ее в себя и погубить.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Одиннадцатый день Септисты

Семь дней до Мессы святого Балронаса.

Поклонение Распорядителя и Обряд всеобщего оплакивания.

Покаяние Затворников (Экклезиархия).

Сегодня начинается последняя неделя подготовки к великой мессе и началу Сангвиналы. Первым из религиозных обрядов, устраиваемых в этот день, является Поклонение Распорядителя, и тем, кто не может прийти на саму эту службу, следует посетить одну из «заменяющих» служб, проводимых в иных местах проповедниками Экклезиархии и Флота в то же время, как Распорядитель Вигилии и

Флотская курия производят Поклонение. Хотя те, у кого есть неотложные дела, могут не участвовать в Поклонении, все набожные граждане должны быть готовы к Обряду всеобщего оплакивания, который состоится в полдень, и им следует надеть по меньшей мере одну зеленую деталь одежды, в идеале, руки должны быть закрыты зеленой тканью или сеткой. В качестве замены годятся зеленые перчатки или обмотанные вокруг кистей зеленые цепочки или шерстяные нити.

К сегодняшнему дню должны быть подготовлены праздничные одежды для Сангвиналы. Их недопустимо надевать до самого утра мессы, поэтому этот день — последняя возможность убедиться в том, что одеяния чисты и хорошо сидят. Это следует делать

вдали от посторонних глаз, если возможно, после чего одежду надо аккуратно упаковать. Те, кто заботится о детях или немощных, должны оказать им всю возможную помощь в этом деле.

Оружие покоилось на густом полночно-синем плюше, прикрепленное тонкими серебряными проволочками под диаграммами и схемами фабрикаторов, нарисованными и вышитыми на шелке того же насыщенного синего цвета. Сами орудия убийства были простого металлически-серого цвета, без каких-либо украшений, и этот контраст делал их силуэты на толстой ткани еще более угрожающими.

Микропроволочный резак, встроенный в браслет и способный за долю секунды выскользнуть из рукава и спрятаться обратно. Токсиновый жезл, чтобы вычислять ядоискатели и автоиммунизаторы и подбирать именно

ту смесь ядов, которая могла бы их преодолеть. Стреломет, выпускающий смертоносные крылатые флешетты, которые могли лететь по феромонному следу жертвы целый час, прежде чем ускориться и нанести смертельный удар. И длинноствольный дозвуковой пистолет, тихий, точный и убийственный. Кальпурния знала, что относится к таким вещам слишком щепетильно, но ее удивило, насколько сильное беспокойство и отвращение у нее вызывал вид этого оружия.

Оружейники разместили свою выставку в холодной серой комнате для совещаний крепости-участка Крест-Четыре, расположенной вдалеке от Босфорского улья — на другом конце городской равнины, у прибрежных утесов.

Эта укрепленная башня, что служила посадочной площадкой Арбитрес, возвышалась над окружающими трущобами на огромном рокритовом холме, обвитом бритвенной проволокой и утыканном шипами для обороны, и была усеяна вокс-динамиками, которые каждые

несколько минут оглашали всю округу одной из строгих максим «Первого часослова» Арбитрес. Кальпурния одобряла идею, но не могла удержаться от мысли, удается ли выспаться тем, кто обитает в жилблоках внизу.

Через полчаса после вылета из Кольца Накаяма достал инфопланшет и попросил Кальпурнию зажмуриться и ткнуть в него пальцем. Она неуверенно протянула руку, открыла глаза и увидела, что показывает пальцем на карту, отображенную на дисплее. «Крест-Четыре, — сказал Накаяма, — сойдет». Они резко свернули с назначенного курса и приземлились в Крест-Четыре. Кальпурния понимала, что случайный выбор курса разумен с точки зрения безопасности, да и к тому же воздушное пространство сейчас стало строго регулироваться, чтобы огромный столб атмосферы над ульем постоянно оставался чист, и лучше всего было облететь его стороной. Так совпало, что эта крепость также находилась недалеко от фабрикаториев и жилых башен,

принадлежащих семейству Тудела, члены которого считались одними из лучших производителей эксклюзивного оружия в Империуме. Накаяма воспользовался возможностью, чтобы приказать поднять их из постелей и отвезти в участок.

Теперь обычно пустая комната выглядела, как ярмарка. Тудела уже оправились после смятения, которое вызвало у них требование собрать товары и уехать в ночь, и устроили настоящую выставку, словно в приемном зале какого-нибудь ульевого аристократа. Принимали их Кальпурния и Накаяма — Жоу вызвал «Носорог» сразу после посадки и исчез в направлении далекого улья, не сказав никому, что собирается делать, и не выказав особого интереса к оружейникам. Кальпурния с этим смирилась, но лишь когда полное отделение арбитраторов промаршировало внутрь, окружив собой моторизованную каталку, она полностью поняла, в чем состоит план Накаямы. Она-то уже настроилась на очередные трачные раздутья о том, как бережно гидрафурский гарнизон обращается с подозреваемыми. Но

Судела не были подозреваемыми, они были экспертами.

У Кальпурнии не было проблем в том, что касалось консультаций с иными Адептус — Механикус, Администратум, Телепатика и всеми другими, кто также, как и она, клялся в верности Трону Земли. Более того, она знала, что многие ее коллеги считают чрезмерно романтичным ее взгляд на Адептус как на безусловных союзников. Но идея того, что можно идти на поклон к обычному имперскому подданному (несомненно, достойному подданному, виновато добавила она про себя, верному и набожному гражданину, на каких зиждется Империум), была ей чужда. Что ее беспокоило, поняла она, когда ей наконец удалось ухватить эту мысль за хвост, так это убеждение, что все, что стоит знать, уже должно быть известно Адептус. Ее беспокоила мысль о том, что это может быть не так.

Арбитраторы перенесли контейнер с каталки на середину комнаты и откинули крышку. Группа Судела, сгрудившихся в

сплошную массу полночно-синих бархатных мантий, изящных серебряных украшений и скрывающих лица воротов и капюшонов, начала бормотать и зашаркала вперед. Видимо, Дворов или Леандро уговорили Адептус Механикус расстаться с уликами, по крайней мере на время.

На развернутых панелях лежал другой набор орудий убийства. Тяжелое аугметическое оптическое устройство, прикрепленное к изогнутой стальной пластине, которая должна была прилегать к черепу; от него тянулись жгуты, присоединяющиеся к нервам. Диадема, покрытая шипами-перцепторами и направленными внутрь проводами, которые подавали данные в мозг и ускоряли его работу. И, наконец, на отдельной панели возлежал сам пистолет, напоминающий часть скелета, с длинным стволом и загнутой назад рукоятью, как у флотской сабли, усеянный, как и две другие вещи, коннекторами и контактами, благодаря которым он срастался с носителем. Из такого оружия практически невозможно было

промахнуться, и Кальпурния в который раз мысленно сказала спасибо жаркий дымам и пиротехническому представлению, которые подпортили меткость этому аугметическому глазу. Имперская догма считала само собой разумеющимся, что над любым оружием витают духи прежних владельцев, поэтому на каждом предмете виднелась алая печать чистоты и пленка священных бальзамов, которые изгоняли любое остаточное присутствие стрелка-колдуна.

Оружейники собрались вокруг контейнера, переходя то на имперский готик, то на какой-то странный квакающий диалект, который, должно быть, был языком их дома или техножаргоном. Двое из них, женщина-подмастерье в филигранной маске и мужчина, которого Кальпурнии представили как старейшину дома Макрисса Тудела, с гривой белых волос и в тунике, чьи плечи и рукава были неброско осыпаны крошечными самородками платины, склонились над оружием и поглаживали его тончайшими

аугметическими микрокистями, встроенными в кончики пальцев, чтобы сделать точные замеры и определить его состав и метод изготовления. Остальные Судела с серьезным видом наблюдали за ними из-под капюшонов из дорогих тканей, высоко поднимающихся над головами. Их аугметика была поразительно тонкой и элегантной, сделанной из серебра, как у Макрисса, а не латуни, как у обитателей Квартала Мастеров. Кальпурния не знала, символизирует ли это что-то или нет. Скорее всего, символизировало.

Анализ не занял много времени. Макрисс и его помощница отошли от орудий убийцы, и вся делегация столпилась рядом со стендом с выкидными подкожными лезвиями, чтобы посовещаться. Кальпурния подступила поближе к Накаяме.

— Вы что-нибудь услышали, чего не услышала я? — спросила она его.

— Услышал, но не понял, — слегка покачал он головой. — Но я думаю, что разобрал достаточно, чтобы понять: они в тупике и не хотят в этом признаваться.

— Я пришла к тому же выводу, — согласилась Кальпурния. — Ха, они, наверное, гордятся своим тайным арго, но скрывать язык тела пока не научились. Насколько это значительно?

— Что они не могут опознать эти вещи? Очень значительно.

Некоторые Тудела теперь достали инфопланшеты, и Макрисс с помощницей проводили аугметизированными кончиками пальцев по их поверхностям. Глаза Макрисса были закрыты, губы подрагивали, а женщина-подмастерье начала слегка покачиваться.

— Одной из первых вещей, которые мне сказал старый Макрисс, было то, что если он и его люди не знают модель оружия, значит, это нестандартная модель, потому что все стандартные им известны.

— Он прав?

— Подозреваю, что да, — сказал Накаяма. — Тудела — лучшие из лучших, самые умелые оружейники в системе, а следовательно, и секторе, и даже, возможно, сегментуме. Они настолько

уважаемы, что сохраняют свое положение, даже не заключая союз с каким-либо торговым синдикатом.

— И поэтому у них нет двойной фамилии, да? Я удивилась.

— Да, именно, — Накаяма кивнул на оружие вокруг них. — Командование Линейного флота Пацификус заказывает оружие Тудела, чтобы преподносить его офицерам за боевые заслуги, если вам это о чем-то говорит. И при этом их старейшина смотрит на набор того стрелка и говорит, что эти вещи настолько чужеродны, что он даже не может вычислить их архишаблон или школу, которой следовал их изготовитель. Даже я, не обладая его познаниями, вижу, что они привезли образцы, представляющие большинство основных школ оружейного дизайна Гидрафура, и это оружие имеет мало общего с какой-либо из них.

Он прервался, когда делегация снова подошла к ним, и Макрисс Тудела поклонился.

— Арбитр-сеньорис Накаяма, арбитр-

сеньорис Кальпурния. От лица семейства Тудела я подтверждаю, что это оружие и устройства подобны тем, что конструируем мы — можно сказать, они их собратья по уровню мастерства. Но мы вынуждены со стыдом признаться, что не смогли отыскать в них даже следов архишаблонов, завещанных нам благодетельными Механикус, и каких-либо признаков, указующих на кузнецов нашего рода и даже, дерзну я предположить, кузнецов наших конкурентов.

— Ваших конкурентов? — переспросила Кальпурния. — Вы можете поручиться, что это оружие не сделано в Гидрафурской системе? Или вы говорите о большем или меньшем масштабе?

Тудела сморгнул и уставился на Кальпурнию тем взглядом, который она про себя начала называть «а, так это ты та, что не отсюда».

— Наши ли это конструкторы? Нет, — ответил он. Кальпурния почувствовала, как он на порядок снизил витиеватость речи. — Тудела унаследовали определенные аксиомы дизайна и конфиденциальные

архишаблоны, не буду углубляться в подробности, но это оружие под них не подходит. Что же касается тех, кто занимается нашим родом ремесел, то есть лишь горстка тех, кого я счел бы способными на столь тонкую работу. Одни из них, Зафраои, связаны договором с Крэген-Меделлами и используют только стали, полученные от этого картеля. В изученных нами орудиях не было характерного для них привкуса металлов. Дарска-Хагганы умеют делать столь же качественную зрительную аугметику, но недостаточно искусны в огнестрельном оружии. Чтобы связать механизм пистолета и аугметику его владельца нужно иметь познания и в механических, и в биометрических таинствах, которыми, как я знаю, они не владеют, — Макрисс на миг задумался, проводя большим пальцем по тонким серебряным нитям, вплетенным в его усы. — Оружейные мастерские дока Бескалион — чтобы вы знали, они работают под прямым контролем Флота в Круговороте Мартареа. У них, я думаю, достаточно

мастерства, чтобы произвести эти вещи, так как или непосредственно руководят посвященные Механикус. Но все основные фабрикатории Бескалиона работают при нулевой гравитации. Используемые или микроинженерные процессы во многом зависят от этого фактора. А все компоненты этих образцов были созданы под гравитацией.

— Вы это точно можете сказать? — спросила Кальпурния.

— Определенные очень малые отклонения в плотности и равновесии точно соответствуют аналогичному оружию, которое делаем мы сами. Это значит, что ваши образцы были сделаны при гравитации, эквивалентной гидрафурской. Изготовление оружия в невесомости именно для этого и предназначено — чтобы избегать этих отклонений.

— Это практически полностью убирает из списка подозреваемых Флот, — вставил Накаяма. — Они любят выставлять гравитацию на своих кораблях и станциях так, что она чуть-

чуть ниже стандартной гидрафурской. Вы этого даже не заметите, но на тех приборах, которые использует мастер Тудела, это видно.

— Именно так, — подтвердил польщенный Макрисс. — Думаю, мое первичное предположение верно. Я подозревал, что эти вещи прибыли со значительного расстояния. Ни один из наиболее известных оружейников системы не приложил руку к их созданию.

Он завершил свою речь небольшим галантным поклоном, и внезапное изменение манеры поведения, в свою очередь, заставило Кальпурнию удивленно сморгнуть.

— Тогда благодарю вас за потраченное время, мастер Тудела, за вашу помощь и за пищу для размышлений. Проктор организует для вас возвращение домой.

— Я и моя семья были всецело рады услужить, — ответил Макрисс, снова поклонившись. — Единственное, что я попросил бы у вас, если я могу осмелиться...

Накаяма едва заметно кивнул.

— Дерзну отметить, мне не стоит даже подчеркивать тот факт, что, хотя о наших умениях и талантах лучше всего говорят наши произведения, положение, подобное нашему, в отдельных случаях требует, как бы это мне выразить... знания о...

— Пожалуй, я вас понял, — сказал Накаяма. — Если мы выясним, кто и где сделал это оружие, я посмотрю насчет того, чтоб поделиться с вами информацией.

Удовлетворенный Макрисс снова поклонился. Его свита повторила жест и оставалась в поклоне до тех пор, пока двое арбитров-сеньорис не повернулись. Уходя из комнаты, Кальпурния услышала, как сзади внезапно, тихо и деловито засуетились: Судела начали разбирать свою выставку.

— И вот мы опять там же, где начинали, — проворчала она, когда двери захлопнулись, и они начали подниматься по огромному спиральному колодцу, пронизывающему центр крепости. Сейчас было тихое время, промежуток между ночной и рассветной сменой, и лестницы

были настолько безлюдны, что можно было услышать эхо своих шагов.

— Не совсем, — поправил Накаяма. — Мы можем вычислить некоторые вещи. Я не верю, что убийцу тайно привезли откуда-то еще. Скорее, это Судела убеждали сами себя, что в это системе нельзя изготовить оружие так, чтобы они об этом не узнали.

— Я думала насчет этого. Разве он не подтвердил, что оружие делали при гравитации, равной гидрафурской? Как можно настолько точно это подделать?

— Хорошо сказано. Итак, у врага есть доступ к частному мастеру, настолько засекреченному, что он может изготавливать высококачественные образцы, которые не может идентифицировать лучший оружейник Гидрафура.

— И этот мастер настолько беспринципен, что готов встроить эти образцы в нелегального псайкера-колдуна, — добавила Кальпурния. — Оружие слишком уж хорошо сочеталось со способностями самого убийцы, оно явно было

предназначено именно для него.

— И мы знаем, что они были готовы пойти на риск, что все это раскроется при покушении, — закончил Накаяма.

Они вышли на самую верхнюю лестничную площадку, откуда расходились галереи, ведущие в разные углы крепости. Кальпурния остановилась, чтобы поднять взгляд на огромную стальную аквилу, свисающую на цепях с купола, и с ужасом поняла, что тяжело дышит. Служа в гарнизоне, она могла бегать по таким лестницам вверх и вниз и едва замечать нагрузку. Она задала себе вопрос, когда это расследование наконец даст ей время заняться физическими тренировками. Еще одна мелочь, которая ускользает из-под контроля.

— Итак, наш враг, — подытожила она, — даже более могущественен, чем мы думали, и даже больше стремится увидеть меня мертвой, чем мы осознавали.

— Если это не прогресс, то что тогда прогресс? — спросил Накаяма. Его лицо по-прежнему сохраняло каменное выражение, и Кальпурнии просто оставалось

надеяться, что он пошутил.

Прежде чем исчезнуть, инквизитор Жоу долго и красноречиво возмущался, почему у Арбитрес не нашлось скиптера, чтобы отвезти его в Босфорский улей, и потребовал предоставить надежно защищенную комнату с вокспатом, где он мог бы посовещаться со своим персоналом. Кальпурния решила, что причиной этому вполне могло быть уязвленное самолюбие из-за того, что его не оповестили о смене курса.

На лестничной площадке им повстречался клерк гарнизона с сообщением для нее. Он передал, что вокс все еще на связи: Распорядитель Вигилии святого Балронаса, Халлиан Кальфус-Меделл, получил известия, что Кальпурния находится в участке Крест-Четыре, и изъявил желание, чтобы она переговорила с ним при первой же возможности. В обычной ситуации она бы специально выдержала паузу, прежде чем ответить, но сейчас ей надо было как-то отвлечься, чтобы не чувствовать досаду

по поводу до сих пор неясного происхождения оружия.

Комната связи находилась в самом верхнем бастионе крепости, под самым куполом, среди леса металлических антенн, которые передавали зашифрованные вокс- и пикт-сообщения, поддерживали пустотные щиты крепости, когда те активировались, или просто ничего не делали, маскируя действующие антенны от потенциальных нападающих или диверсантов. Сама же комната предназначалась для приватных разговоров высокопоставленных Арбитрес и могла в случае надобности служить укрытием для одного-двух арбитров, которые заперлись бы там и продолжали передачи, если бы вся остальная крепость была каким-то образом захвачена врагами.

Кальпурния обнаружила себя в узкой каменной полости с простой вокс-панелью, установленной на уровне головы (ее головы, если на то пошло) на дальней стене. Путь к ней частично преграждал стул с неуместно мягким кожаным сиденьем. Должен он был тут стоять, или Жоу

заставил кого-то его принести, оставалось неясным.

Кальпурния заметила, что от панели доносится слабое гудение, собралась и подумала, с чего начать. Пора уже вести себя с этими людьми, как подобает, вежливо, но не услужливо. Она подумала, что ей...

— Арбитр Кальпурния.

Она подскочила, когда голос Халлиана с треском вырвался из панели. Совсем невысоко, но достаточно заметно, чтобы порадоваться тому, что вокс не передает изображение.

— Лорд Халлиан, — ответила она. — В вашем сообщении говорилось, что вы не можете ждать, пока я вернусь в улей. Если вам пришлось выходить на связь в такую рань, чтобы поговорить со мной, это должно быть нечто срочное.

— Значит, вы здесь, арбитр. Я так и подумал, что это вы там ходите. Я должен обсудить с вами

это так называемое расследование событий, которые явно являются попытками осквернить самый

благочестивый и священный период года для всей Гидрафурской системы, как для флота, так и простых граждан. Уж в этом-то вы должны смыслить. Вы все время были в центре всех этих беспорядков, с того самого момента, когда все пошло не так.

Лорд Халлиан явно был в ярости. Красивые речи, обходительность, с которой он говорил на первой встрече, просто исчезли, и в его голосе потрескивал гнев, что только усиливалось благодаря металлическим тонам вокс-аппарата.

— Отвечу вам вашими же словами, лорд Халлиан: все эти события имели довольно-таки личную связь со мной, — она знала, что Халлиан ее не видит, но все равно приняла официальную позу, расставив ноги и заложив руки за спину. — Такие маленькие личные события, вроде покушений на убийство, имеют свойство запоминаться. О чем еще вы хотите напомнить мне касательно моего «так называемого» расследования...

— Я бы хотел напомнить вам об одной простой вещи, — заговорил Халлиан,

прежде чем она закончила. — Это ключевой период нашего религиозного календаря, и Адептус Министорум назначили меня ответственным за его проведение. Полагаю, арбитр, что я и члены Министорума, помогающие мне, заслуживают лучшего обращения, чем то, которое вы, судя по всему, считаете допустимым. Меня и достопочтенного Барагрия проинформировали о том, как вы поступили с «Аурум Санктус», судном, которое действует под прямыми указаниями Экклезиархии и которое, по каким-то причинам, Адептус Арбитрес сочли нужным подвергнуть столь возмутительно грубому захвату! Это...

— Будьте осторожны, милорд, — перебила Кальпурния. — Помните, к кому обращаетесь. Ваше временное положение позволяет вам некоторую фамильярность в манерах, но вы не Адептус и не арбитр.

Повисла пауза, достаточно долгая, чтобы вокс снова начал трещать и шипеть. Кальпурния даже смогла разобрать отдаленное жужжание и пощелкивание молитвенных колес

Механикус внутри устройства.

— Хорошо, — наконец послышался голос Халлиана. — Я... я приношу извинения за резкость. Надо мной тяготеет долг. Вчера на закате я декларировал Наставления, сегодня буду участвовать в руководстве Всеобщим оплакиванием, а также исполнять определенные церемониальные обязанности, возложенные исключительно на меня, — говорил он устало, но все же явно был доволен возможностью подчеркнуть свое положение. — Но я бы попросил вас припомнить, — продолжил он, — что Экклезиархия в своей щедрости предоставила вам советника, его преподобие Барагрия, ибо в это время даже малейшие действия Арбитрес могут вызвать серьезные осложнения религиозного плана. И я не в силах понять, почему вы подобным образом отстранили от себя Барагрия. Я так понял, что вы намеренно оставили его на планете, когда вылетели на перехват «Санктуса». Это правда?

Кальпурния удивилась этому вопросу.

Если бы Халлиан имел дело с Экклезиархией, то знал бы, что это так. С другой стороны, если принять во внимание его временную околорелигиозную должность, то будет глупо прямо отвечать ему, что им вовсе не нужен был путающийся под ногами агент Экклезиархии, пока они гнались за кораблем, действующим по экклезиархальной же хартии. Еще при подготовке к полету Накаяма настоял на том, что Барагрия нельзя допускать до операции, и Кальпурния оставила с ним Баннона, чтобы это выглядело менее подозрительно.

Она подумала о разодетых аристократах, которых видела на Высокой Мессе, и о том, что бы мог придумать один из них, и как бы она это сформулировала.

— Лорд Халлиан, в тот момент мы посчитали, что это было наилучшее, что мы могли сделать для Экклезиархии в данных обстоятельствах. Как я вижу, между Экклезиархией и Флотом имеются определенные трения, касающиеся

некоторых аспектов религиозной юрисдикции. Мы не были уверены в наличии связи между кораблем и Вратами Аквилы — сейчас она выглядит неубедительной, но тогда мы не могли это определить. Учитывая вероятность, что абордаж «Санктуса» мог смутить Экклезиархию, мы решили оставить почтенного Барагрия — а также и вас — чтобы Экклезиархии было проще, в случае надобности, дистанцироваться от «Санктуса» и объявить его вышедшим из подчинения.

Она не гордилась этой историей. И выдумка, и легкость, с какой она сотворила ее из воздуха, оставили у Кальпурнии неприятный привкус во рту. Но, судя по реакции Халлиана, это был правильный ход.

— Я все же остаюсь несколько не удовлетворен, — сказал он после секундной паузы, — хотя и одобряю это тактическое решение. Однако, возможно, вам следует информировать нас об изменениях в будущем, леди арбитр. Я уверяю, что мы могли бы сыграть нужную роль, если бы

потребовалось отстраниться от этого дела, как вы говорите.

Ей понадобилось мгновение, чтобы понять, о чем он говорит, и дурное послевкусие только усилилось.

— Кроме того, — продолжал Халлиан, — нам с вами надо оценивать последствия, которые любые ваши действия могут оказать на проведение священной мессы, являющейся делом первостепенной важности. Во многих случаях я лично руководил приготовлениями. В любой момент я, будучи хорошо проинформирован, могу посоветоваться с вами насчет тех действий, которые вы сочтете нужными предпринять в процессе расследования, о том, могут ли они нарушить религиозные церемонии предстоящей недели, и, следовательно, о том, стоит ли их совершать.

— Вы говорите о том, чтобы давать приказы Адептус Арбитрес, сэр?

— Какие вы даете приказы своим людям и как устраиваете расследования — это, пожалуй, только ваше дело, — походя

отмахнулся Халлиан. Либо он не заметил резкость в ее голосе, либо ее затерла вокспанель. — Я одобряю работу, которую вы проделали в расследовании подрыва масла, а также погоню за нечестивым убийцей, который нацелился лично на вас. Но, имея немалый опыт в том, что связано с гидрафурским обществом, я могу указать вам на последствия, которые вы, мадам арбитр-сеньорис, возможно, не предусмотрели. Например, диверсия во Вратах Аквилы, свидетельницей которой, как я слышал, вы стали случайно. В целом, уничтожение груза с маслом не имело значительных последствий, и к началу Шествия Дальних Святых в Августеум успели поставить дополнительные запасы. В общей схеме событий это происшествие могло бы быть не столь важным — урон оказался невелик, как и количество погибших. Но вы, арбитр, наверняка знаете о серьезных затруднениях— скорее даже, полной остановке — дорожного движения и грузоперевозок на всем склоне улья и беспорядках, которые случились из-за этого. Сейчас непростое время, арбитр

Кальпурния. Уважаемые граждане из верхнего улья и Августеума стремятся исполнить свой благословенный долг и завершить все мирские дела вовремя, чтобы начать поклонение. Я не в силах поверить, неужели вы не желаете помочь им, устранить с их пути любое препятствие, какое вы только в силах устранить?

— У нас была причина закрыть Врата Аквилы, — сказала Кальпурния. — Уничтожение этого масловоза было не просто досадным недоразумением, которое подпортило приготовления к мессе, как вы, похоже, его видите. Это, сэр, было преступление, акт разрушения, массовое убийство, дерзкое нарушение закона и мира Императора, и, следовательно, мы имеем полное право расследовать его так, как считаем нужным. Я понимаю, как это злодеяние могло повлиять на вашу мессу, и мы уже говорили вам, что наша первостепенная цель — сохранять порядок, но Арбитрес — это не частная охрана, которую можно нанять на время мессы. Пожалуйста, поймите это. Мы — Адептус,

как и Министорум, который выделил вам эту временную должность, и власть дарована нам Императором точно так же, как и им.

Вот и вся тонкость и дипломатия. На этот раз ее чувства, несомненно, дошли до Халлиана.

— Мне говорили, арбитр-сеньорис, что вы уже хорошо знаете, какова жизнь на Гидрафуре, — сказал он холодным голосом. — Мне кажется, на своих следующих встречах с вашими коллегами, командующим и самим епархом, я вынужден буду охарактеризовать ваши знания как несовершенные.

— Я никогда не притворялась, что это не так. Однако я кристально ясно понимаю, что должна делать. В остальном же можете говорить обо мне что угодно. Сегодня утром, когда я буду докладывать о своих последних находках арбитру-майоре, я непременно сообщу ему о ваших чувствах и с радостью подчинюсь любым директивам, которые он сочтет нужным мне дать.

— Находках? — требовательно

переспросил Халлиан. — Каких находках? Мне сообщили, что вся эта история с «Аурум Санктус» оказалась тупиком.

«Тупик ли это на самом деле? — подумала Кальпурния. — И кто это сообщил?» Но она не стала задавать эти вопросы.

— Вы знакомы с семейством Тудела? Они руководят шпилем-фабрикаторием на городской равнине и владеют наследственной хартией на использование определенных оружейных архишаблонов Механикус и мирских технологий машинной обработки.

— Не надо мне объяснять. В прошлом году семья Кальфус выступала главным патроном павильона Тудела на Военной экспозиции в летних дворцах Монократа, — его тон поменялся. — Вы и на них оказали давление? Разве можно подумать, что они могут быть вовлечены во что-то подобное, это выходит за всякие рамки. Я бы мог вам сказать...

— Ничего подобного не было, лорд Кальфус-Меделл, успокойтесь, — прервала его Кальпурния. — Я и арбитр Накаяма

лишь проконсультировались у них по поводу оружия, которое использовал колдун-убийца при первом покушении на меня.

— Я думал, что Механикус забрали то, что от него осталось.

— Нет. Сегодня ночью мы представили оружие делегации Тудела. Макрисс Тудела изучил его и сказал, что оно не могло быть изготовлено каким-либо известным ему гидрафурским мастером. В системе есть лишь горстка машинных кузнецов, способных на такое, и они этого не делали. В конечном итоге, информация оказалась полезна лишь для исключения, чтобы расширить наш список людей, которые, по нашему мнению, не могли стоять за всем этим. Но теперь можно предположить, каковы будут следующие один-два шага.

— И каковы же? — спросил он.

— Это пока что решается, — схитрила Кальпурния. — Уверяю, вам будет предоставлена любая информация, которая может оказаться для вас полезна, лорд Халлиан. Мы должны продолжать сотрудничество, сохраняя мир

Императора на протяжении всей Вигилии, и я уверена, что мы также будем сотрудничать в том, что касается расследования. Почему бы нам не обсудить это дело, когда я вернусь в Босфорский улей? Я надеюсь прибыть туда сегодня в течение дня.

Раздался краткий двойной выстрел статики, и повисла еще одна долгая пауза. Кальпурнии даже показалось, что связь разорвалась, но тут Халлиан ответил.

— Похоже, нам есть еще что обсудить и выяснить, арбитр Кальпурния. Хорошо. Я извещу вас.

Ничего не щелкнуло, просто повисло молчание, которое длилось минуту, две, три, пока Кальпурния не решила, что это означает конец разговора.

Транспортный ангар Крест-Четыре находился на платформе, расположенной между сваями под основным массивом крепости и снабженной множеством рамп и цепных подъемников, связывающих ее с улицами и воздушными дорогами города. У Кальпурнии было немного времени, чтобы

поразмышлять над таким устройством, и она успела прийти к неодобрительному выводу: и сам ангар, и рампы выглядели крайне уязвимо для снайперских пуль и реактивных снарядов, которыми их могли бы обстреливать из башнеобразных жилблоков вокруг.

Вереница «Носорогов» с грохотом скатилась по рампам в пять часов утра, прямо посреди смены патрулей. Дождавшись окна в потоке транспорта, они выехали один за другим, потом в унисон повернули и помчались по широкой магистрали, поднятой на эстакаде. Одно отделение в ведущей машине, еще одно в замыкающей, скатьи средней же были полностью предоставлены в распоряжение Кальпурнии, которую сопровождал лишь экипаж из двух водителей.

Накаяма остался в Крест-Четыре, чтобы проинспектировать процедуры по регулированию воздушного пространства. Кальпурния согласилась с этим решением, но теперь ясно чувствовала его отсутствие — ей хотелось снова поговорить с ним. От воспоминаний о

предыдущих нескольких днях едва не кружилась голова: Собор, Врата Аквилы, «Аурум Санктус» и обратно. Тупик на «Санктусе» означал, что след остыл сильнее, чем она считала, и с каждым мгновением холодел все больше. Она даже начала сомневаться, что атака во Вратах вообще имела отношение к колдуну-убийце.

Были и другие побочные эффекты, о которых она еще толком не задумывалась. Второй рабочий с повозки, необходимость выяснить, кто владел этой машиной. Проверка безопасности всех ворот Августеума, чтобы убедиться, что Арбитрес подготовлены к подобным ситуациям в будущем. Парализовавшие дорожное движение заторы по всему юго-западному склону улья, которые только начали рассасываться два дня спустя. При всей своей статусности и странностях, Босфорский улей и прилегающий к нему мегаполис не отличались от любого другого плотно населенного имперского города, поэтому заторы создавали напряжение, напряжение создавало

беспорядки, и вдоль основных транспортных артерий подобно лесному пожару вспыхивало насилие.

Во Вратах Аквилы также погибли невинные имперские граждане, затоптанные бегущими или настигнутые огнем. Кальпурния знала, что если бы этот ужасный инцидент повторился заново, она бы отдала те же приказы, и эти люди все равно бы погибли. «Ut iusta esse, lex nobis severus necesse est, — как часто повторяли в Схола Арбиторум, — чтобы быть справедливым, наш закон должен быть жесток». И, как еще говорили, «Lex Imperatoris, quia via vitarum nobis, obiesquat — закону Императора нужно подчиняться, пусть даже ценой жизни». Размышлять над этим было нелегко, особенно сидя в одиночестве на трясущейся стальной скамье в грохочущем по чужому городу танку, в предрассветных потемках, но каждый арбитр знал, что власть Имперского Закона дается определенной ценой.

«Право командовать покупается

выполнением долга», такова была ультрамарская максима, которую Кальпурния усвоила уже к десяти годам. Эта надпись была вырезана на полированном кварце над дверью главного особняка семейства Кальпурниев и начертана под печатью в кратком напутственном письме от отца, когда она получила поощрительное звание в командовании гарнизона на Эфеде. Во многих гарнизонах сегментума Ультима, где действия арбитров неизменно вызывали гибель гражданских, были специальные проповедники, которые посещали семьи погибших для особых служб, которые должны были ускорить путь этих несчастных душ к престолу Императора. Кальпурния не знала, распространялась ли эта традиция настолько далеко (маленькая, безропотная часть ее разума отметила еще одну деталь службы на Гидрафуре, которую она не знала), но если нет, тогда ей хотелось бы взрастить здесь этот кусочек своей родной культуры.

В смотровые щели проник свет и

быстро исчез, и Кальпурния выглянула наружу. Они только что проехали под рокритовой аркой, залитой светом посреди городского сумрака, и по ней ползали бригады рабочих, стывая отложения грязи. Она вспомнила, что в горах файлов ей попадалась информация о стройках и работах по благоустройству в Босфорском улье и равнинном городе, которые спешно производились чуть ли не в последние минуты перед мессой. Теперь вокруг можно было увидеть множество других очагов активности, разбросанных по всему городу, словно пятна света. Работы велись в лихорадочном темпе, невзирая на рань, чтобы закончить все дела до того, как начнутся обязательные дни отдыха.

Маленькие освещенные участки попадались все чаще по мере приближения к яркому массиву Босфорского улья, возвышающемуся над окутанными дымом городскими кварталами. Через полчаса они проехали мимо вереницы статуй имперских мучеников, которых Кальпурния не узнавала. Их раны были изваяны с подобающим натурализмом, а

глаза благочестиво устремлены в небо. Дальше появился миниатюрный город, множество временных амфитеатров из мостков и укрепленных плит, которые стояли вплотную друг к другу на пустой площади. Потом — пара триумфальных обелисков в память давно умерших адмиралов. Рабочие закутывали их в темные ткани и осторожно устанавливали автоматические механизмы, которые должны были сбросить с них траурный покров и наполнить воздух алыми фейерверками в тот же миг, как прозвонят к началу Сангвиналы. Дальше, там, где улицы сужались, были установлены огромные щиты с картинами, а между зданиями висели знамена; во время празднеств после мессы они станут яркими и радостными, но сейчас они придерживались общего торжественного, призывающего к покаянию духа Вигилии. Гигантские образы были просты, если не сказать примитивны, но все равно впечатляли: страдающие еретики с дикими глазами бродили во тьме, которая

символизировала их души, стилизованные изображения Императора, отвернувшего свой лик, святых и ангелов, плачущих вокруг Него. Эти отдельные ярко освещенные участки активной деятельности создавали странное ощущение, как будто город вокруг то включался, то выключался по мере движения. Кальпурния осознала, что видит их столь часто лишь потому, что едет по одной из главных транспортных артерий, ведущих к подножию улья, и у нее появилась идея.

— Рандомизируйте маршрут, пожалуйста, — сообщила она в отделение водителя. — Выберите какой-нибудь патрульный маршрут, ведущий к основанию Стены, и следуйте по нему, а не по главной дороге. Сообщите остальным двум «Носорогам», только кодом, даже если вокс-частота закрыта.

Меньше чем через минуту они свернули с шоссе и устремились вниз, в похожий на ущелья лабиринт стеков и шпилей. Нижние улицы были узкими, как щели, стиснутыми среди башен,

нависающих над их краями. Кажется, на Гидрафуре было модно строить дома со сплошными стенами, поднимающимися минимум на двенадцать этажей, а улицы оставлять глухими и плохо освещенными. Теперь, когда они съехали с главной дороге, стало видно больше людей — суетливых, шарахающихся ночных людей, которые избегали встречи с «Носорогами» Арбитрес, страшась проверки документов или отлова нарушителей комендантского часа.

Но даже здесь, внизу, к искреннему удивлению Кальпурнии, шли приготовления к празднествам. Бригады рабочих были меньше, и она с одобрением отметила, что некоторые из них были облачены в шипастые венки и безрукавки из грубой мешковины, какие носят каторжники, и ими руководят надсмотрщики в униформах Арбитрес или Экклезиархии. Работа у них тоже была поскромнее: меньше гигантских статуй и строительных площадок, больше обычный ремонт дорог и зданий и простенькие религиозные знамена.

В кабине водителей раздался треск вокс-решетки, и Кальпурния сдвинулась вперед, чтобы услышать передачу.

— Путь вперед заблокирован, мэм, — сказал ей второй водитель. Это была женщина с узловатым шрамом, который зигзагом проходил вдоль щеки под челюсть, и из-за этого у нее как-то странно двигались губы. — Контролеры из башни Нижнего дока только что сообщили по воксу. Там ведутся работы, не законченные в срок. Мы об этом не знали, пока не доложил один из пеших патрулей. И нам сообщили только потому, что контролеры поняли, где мы находимся.

— Откуда они знают, что мы здесь?

— Все транспортные колонны отслеживаются, и мы объявили о въезде в их зону, когда свернули с магистрали.

— Выберите случайный альтернативный маршрут. Сейчас же.

Женщина кивнула и что-то пробормотала в вокс узкого диапазона, и через миг они круто повернули на еще более узкую улицу, зажатую меж рокритовых утесов и освещенную

тусклыми цепочками фонарей.

— И больше ничего не транслировать на широкий диапазон. Мне все равно, поприветствует нас диспетчер или нет. Только узкий, и только чтобы держаться рядом при смене маршрута и передавать инструкции.

— Есть, мэм.

Кальпурния любила правила и порядок, и, когда еще занимала низшие арбитраторские должности, очень недоверчиво относилась к тому, какое значение ее тренеры и командиры придавали интуиции и чутью. Это суждение ей позже пришлось переоценить, а также добавить новый пункт в свой список главных орудий Арбитрес: страх и благоговение; шоковая дубинка, ловчий ястреб и снаряд «палач»; «Носорог», кибермастиф и Книга Закона... и это чувство, когда вроде бы невинный факт странно давит на сознание, когда чувства воспринимают его как нечто самую малость неправильное, словно косо висящую картину, которую ты видишь уголком глаза, тихий тревожный голосок,

шепчущий «Подожди... здесь что-то не так».

На втором повороте это чувство усилилось. Новую улицу почти полностью перегородил гусеничный краулер, припаркованный посреди дороги и поддерживающий плотную сеть лесов, примыкающих к стенам. Водитель головного транспорта вовремя его увидел и свернул, пока еще была возможность, но Кальпурния успела посмотреть на машину через прибор ночного видения. На платформе краулера были люди, которые устанавливали леса, но у них не было никаких других вещей — ни знамен, ни картин — и все они перестали работать, завидев приближающиеся «Носороги», и следили за ними, пока те поворачивали.

Они устремились дальше по настолько узкому переулку, что Кальпурния могла бы высунуть руку через смотровую щель и ободрать подушечки пальцев о стены зданий. Потом они выехали на пересечение с другой, широкой улицей, путь впереди преграждали рычащие машины оранжевого цвета,

которые только что начали взламывать дорожное покрытие, и рампы, ведущие вниз в обе стороны, были ярко освещены, но пусты. На той, что слева, было двое мужчин, которые пригнулись, когда «Носороги» проезжали мимо. Среди общего чувства тревоги Кальпурния ощутила быструю, острую, как боль в зубе, вспышку удовлетворения. Они совершили оплошность.

— Повернуть. Полный разворот, сейчас, до перекрестка. Обратно тем же путем, которым мы приехали, по собственным следам. Двигайтесь. Сейчас же.

Понимание, что нечто идет совершенно неправильно, возникло в голове уже полностью сформировавшимся, и Кальпурния не стала тратить время на сомнения. Она с трудом удержала равновесие, когда три БТР крутанулись практически на месте и снова ускорились, въезжая обратно в переулок. Это впечатляло: «Носороги» делались крепкими и надежными, а не быстрыми и маневренными, но водители заставляли их

огибать углы с таким изяществом, словно это были багги для преследования. Они выехали из переулка, промчались мимо лесов с рабочими, потом Кальпурния заставила их еще раз повернуть и через какое-то время остановиться. Ее с силой качнуло вперед, к водительскому отделению, когда машины затормозили. Они находились на тихой пустой улице, настолько тесной, что она напоминала тоннель из почти дочерна закопченного и грязного асфальта и рокрита, стены которого покрывали граффити и потрепанные листовки. Кальпурния приказала отключить световые сигналы, взяла пистолет и потянулась к люку.

Понадобилось три минуты, чтобы определить, что рабочие не следуют за ними, и еще две, чтобы твердо пресечь протесты проктора-руководителя конвоя, настаивавшего, что надо вызвать подкрепление. Через восемь минут после того, как арбитры остановили и выключили «Носороги», они начали работу. В первом и третьем транспорте

находилось по десять вооруженных арбитраторов, и вместе с ними наружу вышло трое вторых водителей в более легкой броне, которые заметно нервничали по поводу того, что им пришлось оставить своих товарищей одних.

— Вы трое с нами не пойдете, — тихо сказала Кальпурния, глядя на женщину из своего собственного «Носорога» со шрамом на лице. — Откройте верхние люки своих машин, установите орудия и зарядите их. Что у нас есть? Картечные пушки, стабберы?... Штурмболтеры. Хорошо. «Носороги» будут второй волной. Все остальные, слушайте сюда. Эти рабочие — ненастоящие. Они должны были поймать нас в ловушку, когда мы съехали с шоссе, но мы их перехитрили, сменив маршрут. Поэтому они вынуждены были двигаться дальше, пытаясь опередить нас. Они достаточно хороши, чтобы шпионить за нами или угадывать, какой дорогой мы поедем, чтобы перегородить ее, но все это они проделали слишком быстро, чтобы это выглядело как совпадение.

— Мы атакуем их, мэм? — спросил

один из прокторов отделений.

— Только не в лоб. Что бы они ни задумали, они подготовлены к тому, чтобы справиться с тремя «Носорогами», потому что именно их они ожидают. Замки всех дверей в этом городе должны быть оснащены мастер-системой Арбитрес. Так? Хорошо. Мы войдем в это здание и выйдем... где-нибудь, где сможем выбраться через те леса или за ними. Понадобится приличное количество шок-гранат, у вас есть?.. Хорошо. Как только ты дезорганизуем эту засаду, «Носороги» завернут на ту улицу и предоставят нам огневую поддержку. Кроме того, в этот момент вы сообщите в ближайший участок, чтобы они высылали подкрепление.

— Арбитр-сеньорис, вы уверены, что нам не стоит вызвать поддержку сейчас, чтобы ударить по ним с превосходящей...

— Нет. Даже если они не перехватят сигнал и не услышат, что они едут, то к тому времени, как подкрепление сюда доберется, они ударят или найдут нас и атакуют на своих правилах, а не на наших.

То, что предлагаю я, рискованно, но если мы не пойдем на риск, это не сработает. Мы и так уже много времени потратили, — она надела шлем. — Закон приказывает, Император хранит. Пойдем.

Главный вход в башню, отделяющую их от краулера, находился в дальнем углу здания, в тени под навесом. У Кальпурнии пока еще не было ключа-печати, но печати проктора хватило, чтобы открыть замки, и защитные скобы с лязгом убрались в стены. Через миг они уже взобрались по узкой лестнице в галерею, огибающую огромный зал, который занимал первые три этажа и, судя по виду, еще и подземный уровень. Это место было резиденцией какой-то курьерской службы: в свете фонарей виднелись горы коробок с пристяжными лямками, чтобы их могли навьючить на себя люди или сервиторы, и вся галерея была забита рядами узких письменных столов с наклонными крышками, за которыми, будь сейчас день, горбились бы диспетчеры и учетчики.

Они прошли полгалереи, когда навстречу вышел охранник. Это был

мужчина среднего возраста с косыми глазами, который нервно сжимал в руках длинноствольный лазпистолет. Кальпурния сомневалась, что он распознал ее знаки отличия, но охранник, видимо, понял, что она гораздо выше по званию, чем ведущие арбитры и прокторы, к которым он привык.

— Мне очень жаль, сэр арб... э... мадам арбитр. Я не знаю, по какой причине вас сюда вызвали, я ни о чем таком не слышал. Не то что... не хочу сказать, что вы здесь нежеланные гости, конечно, но...

— Нам ничего не нужно в вашем здании, нам надо лишь пройти сквозь него. Мы должны выйти к... — она попыталась сориентироваться. К западной стене, к южной?... — К стене, которая нависает над узкой улицей, где рабочие устанавливают какие-то леса.

— О. Я за ними приглядывал, мэм, ничего подозрительного. По-моему, нашей охране ничего не сообщали о том, что они тут будут ночью работать, что немного необычно, но я понимаю, что процедура информирования...

— Хорошо. Нам нужен доступ к окну, балкону или любому другому выходу рядом с этими лесами. Сейчас же.

«Кровь Жиллимана, неужто все гидрафурцы так любят попусту болтать?»

Охранник поспешно отвел арбитров к большому лифту, который с гудением поднял их вверх, на какую высоту — оценить было невозможно. Потом они осторожно прошли сквозь запутанный лабиринт коридоров и каморок, забитых едва различимыми горами инфопланшетов и бумаг. Арбитраторы позади Кальпурнии вполголоса ругались, проталкиваясь со своими щитами через тесное пространство. Она едва не дрожала от возбуждения к тому времени, как охранник открыл заслонку в стене и жестом пригласил их в наполненную эхом полость между внутренними помещениями и внешней стеной.

Кальпурния ничего не слышала. Если люди на лесах действительно вели какие-то работы над зданием вместо того, чтобы просто создавать иллюзию

деятельности, то они их прервали.

— Здесь можно выйти на карниз, который мы используем для ремонта внешних воздуховодов, — сказал охранник, стоявший на маленькой металлической лестнице под люком, встроенным в стену. — Замки уже открыты. Карниз идет вдоль всего здания, но он узкий, мэм, и перил нету. Вам бы там поосторожнее, — он моргнул, когда его посетила идея. — Может быть, я туда первый пойду, разведаю все, и...

— Нет, — прервала его Кальпурния. — Эти люди будут только рады пристрелить вас, как только увидят человека на карнизе.

Было забавно видеть, как под удрученным выражением его лица проскальзывает облегчение. Кальпурния, в свою очередь, чувствовала облегчение от того, что он не стал настаивать. Остальные уже собирались вокруг люка, благословляя свое оружие и обмениваясь знаками аквилы. Кальпурния прошла между ними, приложила ладонь к открывающему рычагу, пробормотала

благословение на битву и распахнула люк.

Они вышли из здания на высоте десяти этажей, на дальнем краю лесов. Краулер на улице внизу служил опорой для раздвижного крана, от которого расходились в стороны поперечины, прикрепленные к рокритовым стенам специальными крюками. Какой-то частью разума она отметила лежавшие на балках трубы и подставки и предположила, что они предназначены для чистки, чтобы обезвредить и смыть загрязняющие вещества, осевшие на здании. Но все ее сознание ликовало от того, что она оказалась права. Люди, неподвижно стоявшие на лесах, не были чистильщиками: они застыли в настороженных позах, сжимали оружие и наблюдали за улицей на случай, если «Носороги» вернутся из-за угла.

«Карниз» на самом деле оказался выемкой в боку здания высотой с человеческий рост и шириной в метр, но благодаря темноте Кальпурния могла не обращать внимания на высоту и легко двигаться по нему. Они все еще находились

на том уровне, где стены были глухими, лишенными окон и вообще какого-либо обзора. Остальные следовали за ней так тихо, насколько могли, но сапоги Арбитрес не слишком способствовали скрытности, да и лязг люка заглушить никто не мог. Некоторые из людей, сидевших в засаде, начали поворачиваться на звук за спиной. Хватит скрываться, хватит торчать здесь, словно птицы на насесте. Пора быть Арбитрес.

— Поприветствуем их, — сказала она, и арбитры, идущие гуськом позади, включили фонари, подняв их повыше и подальше от себя. Силуэты на лесах превратились в людей — коренастых мужчин, похожих на рабочих в ничем не выделяющихся спецовках цвета хаки — которые удивленно заморгали на свету.

— АДЕПТУС АРБИТРЕС! — объявила Кальпурния в приемное устройство своего вокс-обруча. В тишине утренней улицы хватило бы и ее собственных легких, но голос подхватили и приумножили маленькие вокс-передатчики, пристегнутые к краям щитов Арбитрес

позади нее. — Во имя Лекс Империа, бросьте оружие и сдайтесь для праведного суда.

И, конечно же, люди на лесах тут же вскинули оружие.

Слепящие лучи сбили наводку первому, кто атаковал, и его крак-граната попала в стену над головами арбитров, выбив из нее кусок. Кальпурния прицелилась, прислонилась спиной к стене и метким выстрелом сбила его с насеста, думая про себя, что все это ее совершенно не удивляет.

Арбитрес хорошо знали свои роли. Стоящие сзади держали фонари и продолжали целить лучи в лица врагов. Те, что были спереди, прижимались спинами к зданию и выставляли перед собой щиты, чтобы выставить стволы дробовиков в амбразуры и вести непрерывный огонь на подавление. В воздухе шипели и визжали снаряды. Кальпурния двинулась дальше по карнизу с полудюжиной арбитров за спиной, засунув пистолет в кобуру и отцепив дубинку с

пояса.

Тех, кто устроил засаду, самих взяли врасплох, и это обернулось для них скверно. Чрезмерно полагаясь на свой план — стрелять сверху в «Носороги», катящиеся по улице — некоторые из них даже привязали себя к лесам для большей устойчивости и теперь пытались высвободиться. Другие запаниковали и начали спускаться на краулер, бросая оружие или оставляя его болтаться на балках и перекладинах.

— «Носороги», вперед! — крикнула Кальпурния в вокс-приемник. — Накрыть основание крана!

Они ждали приказа и тут же выехали из-за угла, почти заглушив перестрелку тревожными сиренами. Штурмболтеры, торчащие из люков каждой машины, осыпали нижнюю часть крана смертоносными микроракетами, снесли верхнюю часть водительской кабины и ударили, будто молоты, по опорным балкам.

Противник попал в ловушку, но не собирался сдаваться. Ответный огонь с

лесов стал более концентрированным. Осколочная граната разорвалась над карнизом, шрапнель застучала о шлемы и щиты, и двое арбитраторов, сбитые с ног взрывной волной, с воплями рухнули вниз.

— Берегись, шок! — раздалось за спиной Кальпурнии. Она пригнулась и как могла втиснулась в стену, и откуда-то сзади вылетело три трубчатых гранаты. Миг они описывали дугу в воздухе, она ясно услышала, как они со звоном ударяются и отскакивают от крана, а потом шоковые гранаты издали «ка-ванн», от которого заложило уши, несмотря на подкладку шлема. С лязгом и треском задевая леса, тела оглушенных людей посыпались вниз, на улицу.

Забыв о высоте, Кальпурния побежала к месту, где кран соприкасался со стеной, схватилась за перекладину и запрыгнула на него. Арбитраторы позади двигались вперед немного медленнее, подняв щиты и обстреливая все вокруг нее. Они зарядили оружие самонаводящимися «палачами», которые теперь с характерным гудением пролетали мимо Кальпурнии и огибали

леса в поисках жертв.

Мимо просвистела граната, отскочила от щита арбитратора за ее спиной и взорвалась в воздухе. Взрывом Кальпурнию бросило вперед, и она использовала импульс, чтобы схватиться за очередную балку и спрыгнуть вниз, на платформу из стальной решетки. С крюка для вещей неподалеку свисала разгрузка с гранатами. Человек с гранатометом, которому она принадлежала, отступил в переплетение лесов внизу и теперь пристально глядел на Кальпурнию, перезаряжая оружие. Она бы не успела добраться до него вовремя, поэтому, ухватившись за перила, она выбросила руку вперед и ударила дубинкой по одной из перекладин. Синяя вспышка энергии заставила его взвизгнуть и отдернуться, и, пока в его глазах еще плясали пятна, она спрыгнула вниз, восстановила равновесие, и едва мужчина поднял гранатомет, врезала ему незаряженной дубинкой по колену. Он завопил и попытался что-нибудь схватить для опоры, но рубящий обратный удар сломал ему пальцы, и он слетел с

платформы вниз.

Позади него в полутраке возник еще один силуэт, раздался щелчок автоганного магазина, встающего на место. Кальпурния схватилась за столб рядом с собой, выбросила ноги вперед и упала, сев верхом на балку, на которой раньше балансировала. Очередь с грохотом прошла сквозь леса. Под аккомпанемент ругани и криков Арбитрес наверху она проползла вперед на два шага, поднялась на ноги — скорее за счет рефлексов и веры, чем чего-либо еще — и сделала длинный фехтовальный выпад дубинкой, угодив стрелку в живот. Грохнул разряд энергии, полетели искры, человек согнулся пополам и рухнул наземь.

«Носороги» встали прямо внизу и включили прожекторы. Внезапно леса из темной паутины теней, фонарных лучей и цепляющихся силуэтов превратились в ярко озаренную решетку из желтого и черного металла. Это окончательно сломило противника. Арбитрес на карнизе все еще находились в тени, добросовестно выпуская снаряды-«палачи», и перестрелка

превратилась в беспорядочное бегство: последние участники засады прыгали и карабкались вниз, будто спугнутые обезьяны, крича от страха или гнева. Один-два еще пытались лихорадочно отстреливаться, пока беспощадно точные очереди штурмболтеров не разнесли их на куски. Еще двое приземлились на краулер и попытались сбежать, но шоковая граната отбросила их назад с кровью, текущей из ушей и ноздрей. Еще горстка остановилась на месте и подняла руки в жесте сдачи. Рядом на платформе лежали их товарищи, сбитые вниз во время боя, и те, кто еще мог, стонали и звали на помощь.

Чувствуя, как болят руки и плечи от нагрузки последних нескольких минут, Кальпурния увидела, как женщина-водитель со шрамом на лице высунулась из верхнего люка ее «Носорога», держа в руках охапку кандалов. Она шагнула с крыши машины на платформу краулера, и в этот миг Кальпурния, все еще стоявшая в нескольких метрах над ней, услышала, как кто-то ахнул, и сдавленный крик, что-то вроде «Она!»

Снова это нервное состояние, это чувство«что-то не так», буквально закричало внутри. От его внезапного натиска руки и ноги как будто отяжелели, заскользили по балкам, и она закричала, чтобы женщина вернулась, ушла под прикрытие штурмболтеров. Слишком поздно. Арбитрес на карнизе открыли огонь для предупреждения, двое человек, прижавшихся к лесам, задергались и упали, и все же один из раненых, лежащих на земле, схватил висящий на шее хеллпистолет и выстрелом снес женщине полголовы, прежде чем тройной поток добела раскаленных снарядов штурмболтера с пронзительным воем стел все живое с платформы краулера.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Двенадцатый день Септисты

Шесть дней до Мессы святого Балронаса. Поминовение Невинных из Суэл.

Религиозные ритуалы для этого дня должны быть заранее назначены Распорядителем Вигилии и переданы герольдами во все места поклонения. Таким образом, в этот день проводятся три службы, соответствующие выбранным в этом году поучениям и текстам, и к ним можно дать лишь немного общих указаний. Службу у Врат Пилигримов в память о Суэлах могут посетить только прямые потомки Невинных из Суэл, чье родство подтверждено Экклезиархией. Памятуя о

пиршестве, которое произойдет завтра, сегодня следует быть умеренным в пище.

Перестрелка на лесах стоила Арбитрес четырех жизней: три арбитратора упали с карниза, еще один погиб от удачного выстрела противника, прошедшего сквозь смотровую щель в щите. Убитая женщина-водитель — Кальпурнии понадобилось больше часа, чтобы выяснить, что ее звали ведущий арбитр Вассбин — округляла счет.

Другие препятствия на пути тоже были засадами, как она и думала. Тройная ловушка на перекрестке, из которой кавалькада «Носорогов» вовремя выскользнула, была подстроена так: техника перегородила улицу, а под рампами прятались стрелки, готовые в нужный момент подняться и захлопнуть капкан. Та засада, о которой их предупредили по воксу, стартовала как настоящий дорожный ремонт, но к тому времени, как к ней приблизились шесть

отделений арбитраторов, захвативших это место вооруженные люди уже давно сбежали, оставив после себя только защитный вал из вырытой земли, коробку стаб-патронов и гранатомет, который все еще стоял на сошке дулом в том направлении, откуда должны были ехать «Носороги».

Засада на перекрестке распалась не столь бесследно. Они не знали, как отреагировать на звуки перестрелки, доносящиеся с соседней улицы, и начали колебаться и спорить. Некоторые сбежали, когда арбитры разделались с последними участниками засады на лесах, а другие оставались на своих постах, пока не прибыл первый из отрядов поддержки и порвал их на мелкие кусочки.

Поймать удалось восьмерых — шесть мужчин и двух женщин, однако никто из них не был руководителем и не знал ничего о том, кто стоял за планом. Некоторые из них были настоящими рабочими, даже входили в те бригады, чье оборудование было использовано для создания импровизированных баррикад;

приказы они получили от своих начальников, а из тех никто не выжил. К рассвету все места, где были назначены ремонтные работы, кишели арбитрами, которые выстраивали ничего не понимающих рабочих вдоль бортов «Носорогов» и обыскивали тележки с инструментами и кузова грузовиков.

Этот приказ поступил от кого-то из командующих городскими участками, не от Кальпурнии. Она бы могла им сказать, что смысла в этом не было — в засадах сидели низкопробные наемные бойцы, чье преимущество было в быстрой доступности и дополнялось недостатком моральных принципов и уважения к Арбитрес. «Крюкоспины», так их здесь называли — словечко пошло от обычая подвешивать преступников на борта «Носорогов». Но к тому времени Кальпурния уже вернулась в Башню Карателей и наблюдала, как привозят арестованных. По пути вниз, к камерам, всех их протаскивали мимо нее, и она специально сняла шлем, чтобы каждый мог ясно увидеть ее лицо. Реакция арестантов

дала твердое обоснование для уже имевшихся у нее подозрений.

Кальпурния узнала о второй партии арестованных только тогда, когда перед ней положили их бумаги, и потребовала ответа, почему она должна расписываться за людей, захваченных в ходе какого-то «Телль-Керлиганского рейда». Выяснилось, что пока она преследовала «Санктус», целевая группа Арбитрес атаковала отгрузочный склад Телль-Керлиганов, к которому была приписана взорвавшаяся повозка, и притащила оттуда две дюжины перепуганных клерков и водителей. Вместе с ними прибыл рапорт от Барк, которого не было времени читать, поэтому Кальпурния просто сунула его в карман на поясе.

Несмотря на шум и тряску, ей удалось немного подремать во время пути обратно к Стене, но она все же добралась до собственных покоев, прежде чем позволить усталости овладеть собой. Растянувшись на кровати, скинув панцирь и выставив ноги в сапогах с краю постели, Кальпурния на миг прикрыла глаза, чтобы

дать им отдохнуть, и неожиданно для себя проснулась через целых два часа. На столе в большой комнате обнаружились фрукты, кофеиновый сироп и охлажденные полотенца. Жадно проглотив еду и с наслаждением вытеревшись, она задумалась, возможно ли приставить к медалям персонал, с которым она никогда не встречалась лично. Потом зазвучал дверной сигнал.

Это был Павлос Калапек, главный адъютант Дворова, с серьезным лицом, в безупречной униформе с официальной перевязью и с сообщением о том, что арбитр-майоре желает принять ее в своих покоях. Она начала придумывать ответ, что-нибудь насчет того, что надо подготовить доклад о взятых под стражу арестантах, чтобы взять его с собой, но адъютант отступил назад и сделал вежливый жест, как бы уступая дорогу. Стало очевидно, что это дело не относится к делегации четвертого уровня, она же «когда вам будет удобно». Кальпурния безропотно нацепила панцирь поверх прилегающего к телу костюма и

последовала за ним.

Калапек, видимо, предпочитал не топтать коридоры ногами, и поэтому Кальпурния терпеливо стояла за ним на маленьких моторных салазках, которые провезли их через жилые уровни в высокий сводчатый зал в самом сердце бастиона Врат Справедливости. По дороге она вылавливала важные детали из доклада Барк, насколько это было возможно. (Следуя истинно гидрафурскому духу, никто из тех, кто обитал в этом месте, не начинал свои рапорты с краткого резюме). Под строгими взглядами арбитраторов и судей, изображенных в мозаике, мраморе и стекле, она сошла с салазок и поднялась на запертом, хорошо охраняемом лифте в первый из нескольких тамбуров, которые вели в комнату для аудиенций арбитра-майоре. Пробираясь сквозь них, Кальпурния отметила, что они чрезмерно вычурно украшены, и им недостает внушительности, типично для Гидрафура. Это не слишком улучшило настроение, и то, что последнюю пару дверей перед ней открыл сам Дворов, уже

не так ее удивило.

— Заходите, Шира. Думаю, вам надо привыкнуть, что вы будете встречаться со мной здесь. У вас уже довольно высокий чин, так что не надо стоять и ждать у моих дверей, как какой-то новобранец, ждущий лекции от командующего схолой.

Маленький круглый стол для совещаний, за которым она сидела, когда в первый раз была в этой комнате, теперь исчез, вместо него стояла накрытая белой скатертью скамья, на которой был разложен завтрак Дворова. В окне виднелось солнце, нижний край которого едва приподнялся над горизонтом, и утреннее небо цвета абрикоса, где выделялись яркие булавочные головки низких орбитальных станций и рассекающая небосвод серебряная полоса Кольца.

— Шира, вы обладаете редким умением находить проблемы в совершенно неприличное время суток, — сказал Дворов из-за спины, увидев, что она смотрит на рассвет. — Я уверен, именно это скажет Нестор, как только увидит вас в

следующий раз. Что до меня, то я скажу одно. Ни мне, ни кому-либо еще нет пользы от того, что вы терзаете себя попытками все время оставаться на ногах.

Возле скамьи стояло два табурета, вырезанных из какого-то темного, черно-красного дерева. Дворов жестом пригласил ее занять один из них, подцепил второй ногой, подтянул к себе и сел.

— Я выполняю свой долг, как могу, сэр, — несколько сухо ответила Кальпурния. — Кажется, за мной сложилась репутация человека, который не умеет толком делегировать полномочия, но я думаю, что у меня есть хорошая причина стремиться на передовую. Я веду дело о покушениях на мою собственную жизнь, арбитр-майоре. Хотя я уверена, что на Гидрафуре есть всевозможные запутанные протоколы, диктующие, как разбираться с такими проблемами в общественно приемлемой манере.

После всех этих событий Кальпурния чувствовала себя уже немного другим человеком — она и припомнить не могла, когда последний раз так разговаривала с

вышестоящим офицером. К ее довольно удивленному облегчению, Дворов только улыбнулся и указал на стол.

— Хороший ответ, — сказал он, наколов на серебряную иглу пропитанный сиропом кусочек какой-то выпечки. — Но я тоже знаю, что делаю. Я знаю, что, если бы не вызвал вас сюда, вы бы весь день без передышки допрашивали людей, которых только привезли, и наблюдали бы за обыском строительных бригад. И упали бы замертво еще до того, как солнце снова сядет. Поверьте, я беспокоюсь за вашу жизнь не меньше, чем вы сами.

— Понимаю, сэр, — сказала она, разглядывая пищу. Как это уже было во время полета на «Санктус», она внезапно осознала, что ужасно хочет есть и крайне устала, но на столе не было ни одного блюда, которое она могла бы распознать, и к тому же она уже чувствовала себя слишком пристыженной, чтобы начать поедать завтрак арбитра-майоре у него на глазах.

— Во-первых, Шира, я бы совершенно не хотел терять столь достойного и

многообещающего молодого арбитра, как вы, особенно после того, как вас привезли из такой дали. И даже если не затрагивать лично вас, мне совершенно не нравится идея того, что кто-то смог произвести настолько хорошо организованную атаку против Адептус Арбитрес и порядка, хранимого нами. И особенно мне не нравится то, что это произошло в такое время, когда рабочие отношения между имперскими властями Гидрафура столь натянуты, как сейчас.

Он с любопытством перевел взгляд со стола на Кальпурнию, и она запоздало поняла, что завтрак был подан явно не на одного человека.

— Вы говорите об этих конфликтах между Министорумом и Флотом, — сказала она, склонилась над едой и попыталась идентифицировать наименее подозрительно выглядящее блюдо.

— Да, сейчас главный очаг напряженности — это Министорум и скоропалительная кампания, устроенная епархом, чтобы получить контроль над распределением должностей во Флоте. Но

это лишь поднимает больной вопрос о том, какую роль Адептус вообще играют на Гидрафуре. Гидрафур выглядит как самый обыкновенный имперский мир, когда ты на нем находишься, но не стоит заблуждаться. Это — система Флота, и Флот всегда был недоволен, что ее главная планета ему не принадлежит. Так, разумеется, повелось с самой Эпохи Отступничества. Бухарис и его приспешники оставили глубокий след на всем сегментуме. Указ о разделении, выпущенный Администратумом, был попыткой создать в системе гражданский противовес флотским властям, чтобы они уравновесили друг друга.

— Это как Имперская Гвардия, которая не имеет права владеть собственным флотом, или как разделение Астартес Жиллиманом, — вставила Кальпурния, взяла ломтик какого-то белого фрукта и осторожно попробовала его. Тот оказался до ужаса кислым.

— Да, пожалуй, один и тот же принцип, — сказал Дворов и потянулся к кофейнику, который стоял на маленькой

спиртовой горелке в центре стола. — Планета всегда была оплотом не-флотских сил, практически всех, какие есть — святилище Экклезиархии, монастырь Адепта Сороритас, перевалочная станция Навигаторов и тому подобное. Даже большая часть того, что здесь создал Флот, не имела отношения к военной сфере. Фермы, чтобы снабжать офицеров качественной провизией, поместья для благородных офицерских династий. На Флоте есть такое выражение, которым до сих пор называют семьи, утратившие свои планетарные владения — «выселенные роды». Точно так же флотские семейства, из тех, что понадменнее, называют Монократа и новое аристократическое сословие планеты «саженцами». Но они нашли великое множество способов оттянуть и затормозить действие указа. Владения Флота на Гидрафуре просуществовали вплоть до убийства лорда-адмирала Инвистикона двести лет назад. После этого его крепость, которая находится в другом полушарии, забрала

себе Инквизиция, и с тех пор планета Гидрафур является анклавом не-флотской власти, каким ей и предназначено быть.

— Это сработало? — Кальпурнии понадобилось секунду помедлить, чтобы перейти с разговоров о наемных убийцах на историю Гидрафура, но она невольно испытывала все больший интерес к разговору.

Дворов закончил переливать кофеин в странную чашку, которая выглядела как уплощенный медный шарик с просверленной в нем полостью размером со стопку, и потянулся за каким-то другим сиропом, чтобы добавить его туда.

— Не слишком, — сказал он. — Мне всегда нравилось представление Империума в виде ледника. Огромный, прочный, он торит себе путь вперед, и никто не в силах его остановить. Но если взять все общество в целом, то это, по большей части, просто вода. Ее трудно удержать, и она все время стремится пробраться туда, куда хочет, и как хочет.

— Не уверена, что понимаю, сэр, — Кальпурния собралась с духом и еще раз

куснула фрукт.

— Ну что ж, как и предполагалось, на Гидрафуре начали укрепляться иные ветви власти. Увеличился объем гражданских перевозок, присутствие Адептус значительно возросло, Навигаторы и Схоластия Псайкана обзавелись более крупной постоянной базой в Башне Слепцов, и Собор сам по себе стал довольно важным центром власти, пересечением множества паломнических маршрутов из северных секторов через Гаталамор и на юг. Проблема в том, что это не создало настоящий противовес флоту, как подразумевалось. Все это лишь дало флоту повод настаивать на еще более строгом контроле над остальной системой. Они покрыли крепостями и верфями все другие миры и все основные орбиты в обеих эклиптиках — и, конечно, имели на это право, совершенно справедливое право, но правила разделения позволили им управлять всей этой территорией еще более автономно, чем раньше. И, разумеется, есть еще множество лазеек в самом указе, о

котором я уже говорил: политические браки, договоры и гильдии. Тому, у кого есть какие-либо владения или интересы на планете, не позволено иметь власть за ее пределами, а торговым картелям нужны граждане Гидрафура, с которыми они могли бы торговать...

— Синдикаты? — вставила Кальпурния, когда Дворов прервался на глоток кофеина. Тот кивнул и налил ей вторую чашку.

— Вы найдете это в своих ознакомительных досье, когда у вас будет время. Каждый синдикат номинально спонсируется лицами, имеющими общие интересы, из-за пределов системы, по хартиям от Администратума. Это предоставляет им доступ к гражданским перевозкам, которого нет у Флота, доступ к межпланетным коммерции и путешествиям, которые запретны для планетарной аристократии, а также навигационным привилегиям и правам прохода в некоторые районы, которые есть только у Флота и которые необходимы двум другим сторонам. Эта комбинация и

создала институт синдикатов за те двести лет, что действует указ о разделе.

— И он так силен, что отношения с синдикатами стали так же глубоки, как родственные. Никто не представляется как «лорд Кальфус из синдиката Меделл», он сразу «Кальфус-Меделл».

— Именно так, хотя вы еще прочтете, что этот обычай существует лишь у гидрафурской стороны соглашения. Для внесистемных картелей отношения с синдикатами не столь всеобъемлющи, а для флотских семейств чрезмерное сближение со всеми этими делами считается несколько неприличным. И, разумеется, в то же время, как синдикаты постоянно борются между собой за власть — возможности для этого на Гидрафуре больше, чем предусматривалось разделением, но они все равно конечны — семейства тоже все время дерутся за ведущее положение в синдикате. Интересно, кстати, что вы спросили, — добавил он, сгребая ложкой фруктовое пюре на ломтик хрустящего хлеба, — о правилах защиты от покушений на

убийство. Действительно, существуют довольно сложные традиции касательно того, как должны вести себя стороны в подобных войнах, в зависимости от того, происходят они внутри синдиката или выходят за его пределы, от относительного положения сторон и так далее. Ну а насколько твердо следуют этим традициям, когда они перестают быть удобны, это, конечно, уже другой вопрос, — Дворов заметил кусок плода в руке Кальпурнии и показал ей на супницу с тушеными ягодами. — Начинать следует с этого.

— Надеюсь, от меня не ожидается выполнение тех же правил? — спросила она, взяв одну из маленьких эмалированных мисочек, стоящих рядом с супницей. — Адептус Арбитрес отвечают лишь перед Императором и Законом и ни перед кем иным. Мы что, должны связывать себя каким-то идиотским сводом правил для аристократов? Ну да, разумеется, это же Гидрафур.

Наверное, все это говорила усталость. Кальпурния успела на миг

ощутить шок, не в силах поверить, что сказала это таким тоном и такими словами, а потом поставила миску с ягодами и повернулась к арбитру-майоре.

— Сэр, прошу прощения за эту вспышку. Я забыла, с кем я... — но Дворов уже улыбался и махал рукой, требуя не продолжать.

— Не извиняйтесь, Шира, — сказал он, прожевав свою порцию. — Это не ваш старый пост. Мы разговариваем, как два старших офицера Адептус, и это не какая-нибудь казарменная головомойка, где вы стоите смирно и смотрите в стену, пока я на вас ору, — он кивнул на миску, стоящую на столе. — Это блюдо надо есть, пока оно горячее. Возьмите одну из этих ложечек.

Перейдя на более ровное дыхание, Кальпурния взяла ложку и попробовала содержимое своей миски. Ягоды имели кисловатый привкус, несколько напоминающий тот фрукт, но были протушены в каких-то пускусно-сладких пряностях, от которых ей захотелось чихнуть.

— На самом деле, все эти разговоры о том, как вы приспосабливаетесь к новому положению, а я кричу на вас, напоминают мне о том, зачем я вызвал вас к себе.

— Не для того, чтоб спасти меня от круглосуточного самоистязания допросами?

— В том числе. Но есть еще кое-что, о чем мне, пожалуй, следует рассказать вам, и я предпочитаю доносить подобную информацию лично, — он перехватил взгляд Кальпурнии. — Да ешьте же ягоды, Шира, я не собираюсь вас разжаловать или сделать выговор. Вы не нарушили свой долг. Фактически, можно сказать, что я хочу поговорить с вами о прямо противоположной проблеме.

— Противоположной? Я слишком усердно выполняю свой долг? Я понимаю, что, наверное, немного перенапрягаюсь.

— Меня беспокоит один конкретный нюанс, который вышел на первый план во Вратах Аквилы и во время контратаки на засаду, устроенную на окраине города. Шира, в Империуме существует благородная и почтенная традиция

руководить напрямую с фронта. Когда вы проходили через тамбуры по дороге сюда, то должны были видеть образы мужчин и женщин, таких же, как мы, чьи статуи прославляют именно этот подход. Не то что бы я не одобряю этот принцип, но я не могу не спросить: если враги потратили столько усилий на ловушку, которая должна была повлечь вашу смерть, то, может быть, было несколько необдуманно устремиться прямиком в капкан и предложить именно то, чего они хотели?

— Вы думаете, мне надо было отступить от места засады?

Дворов отмахнулся.

— Я не люблю задним умом додумывать каждое решение, которое только приняли мои подчиненные. Я не собираюсь доставать карту и заставлять вас оправдывать все свои действия. Я даже не стану говорить вам, что лично руководить своим отрядом — всегда плохо. Вы ведь стараетесь продемонстрировать своим людям, что вы готовы сами встретить лицом к лицу любую опасность, в которую их направляете,

так?

Кальпурния кивнула и съела еще ложку невкусных ягод — она как раз собиралась сказать то же самое.

— Не буду утверждать, что знаю все мысли, которые приходят вам в голову, — продолжал Дворов, — но я могу кое о чем догадаться. Вы очень явно ощущаете новизну своего ранга и положения. А также то, что вы на новом мире, в новой области галактики, где вам почти все незнакомо. Это естественно, что вы хотите вести себя безупречно, что для вас означает никогда не отступать от опасности и стоять плечом к плечу с теми, кем командуете.

— Большую часть времени я даже не знаю, как их зовут, — сказала она скорее про себя, но Дворов расслышал.

— Итак, для вас это сложная ситуация, но вы хорошо с ней справляетесь. Это правда. И я не собираюсь сажать вас на цепь и не давать проявлять те способности, которые, в первую очередь, и привлекли мое внимание. Но я не думаю, что вам сильно помешает — по крайней

тере, когда вы к этому привыкнете — если я скажу вам, что, пока дело об убийцах не прояснится, вам лучше сдерживать себя. Риск — часть работы Арбитрес, бои — часть работы арбитратора, но если вы будете бросаться прямо в пасть хищника, вас ждут новые нападения.

— Вы хотите сказать, сэр, что я должна послать другого арбитратора под пули, а сама держаться на безопасном расстоянии? — она контролировала свой голос, но внутри все так и сжималось от гнева. Замечания о безрассудстве от непосредственного начальства звучали не лучше, чем от Жоу.

— Я говорю, что, хотя это может показаться вам неприятным...

— Неприятным!

— ...против вас действует враг, который хочет вашей смерти, и наше дело — не дать врагу добиться своего, а не подать ему это на блюдечке. Если так нужно, считайте это приказом.

— Понимаю, арбитр-майоре, — Кальпурния положила в рот еще одну порцию теперь остывших ягод и заставила

себя их проглотить.

— Если вы закончили с ягодами, пора переходить на кинжальный фрукт, — снова сменил тему Дворов. Кальпурния взяла ломтик того, что она попробовала первым, и снова откусила его. Кислый вкус немного смягчился за счет остаточного аромата ягод, и она отметила, что фрукт очищает рот от лишних вкусов.

— Вот так. А теперь выберите сироп для своего кофеина — рекомендую «геркус», это тот бледно-желтый на углу — и расскажите мне, что вы смогли выяснить о нападениях, совершенных на вас этим утром.

Она моргнула, налила сироп и глотнула — у кофеина от этого появился дымный, похожий на солод привкус, который она с осторожностью признала приятным — после чего начала описывать события, начиная с отъезда из участка Крест-Четыре и заканчивая привозом арестантов. Дворов молча слушал, отрезал от дыни небольшие ломтики и вдумчиво жевал их, глядя в окно на улей. Когда рассказ закончился, он несколько

секунд переваривал его за компанию с дыней, а потом спросил:

— Почему вы не взяли эскорт побольше?

— Чтобы смутить того, кто мог наблюдать за транспортом, выезжающим из крепости. Три «Носорога» — размер обычного ночного патруля. Это было до того, как мы поняли, что они могут отслеживать наш настоящий маршрут.

— И вы выбрали леса... хотя нет, не обращайте внимания, я сказал, что не буду управлять вами в таких мелочах, и так я и буду делать. Как вы считаете, есть ли прямая связь между саботажем во Вратах Аквилы, «Аурум Санктус» и нападениями на вас?

— Она выглядит малоубедительно, и, возможно, мы еще выясним, что ее вообще не было. Лестно, конечно, думать, что кто-то невероятно сложным образом подстроил взрыв во Вратах Аквилы, чтобы убить меня, но я думаю, это был просто саботаж. Контейнеры содержали ароматизированное лампадное масло, предназначенное для отгрузки на складе в

Квартале Пилигримов. Оно было либо для шествия дальних святых, либо для большого собрания при свете ламп завтрашней ночью.

— Так я и понял. Здесь тоже есть новости, правильно я понимаю? — Дворов протянул ей серебряную иглу, такую же, как та, что он использовал ранее, и кивнул в сторону пирожных.

— Взорванные контейнеры с маслом, судя по всему, скорее связаны не с «Санктусом», а со складом, где они хранились. У меня не было времени детально просмотреть отчет вериспексов, я получила его только этим утром, когда вернулась в Стену. Но этот склад был полон, практически набит этим маслом. Там не было никаких бомб, как в первой партии, но вериспексы нашли несколько запечатанных сосудов, на которых, как они говорят, видны следы вскрытия. Барк продолжает работать над этим.

Дворов вопросительно посмотрел на нее.

— Ведущий вериспекс Барк, сэр,

Начальник бригады криминалистов, работавшей во Вратах Аквилы. Она также руководит расследованием на складе Телль-Керлиганов.

— А. Спасибо. Я обычно не работаю на уровне руководителей бригад. Если вы закончили с выпечкой, переходите на дыню.

Дыня была водянистая и без ярко выраженного вкуса, но приятно сочеталась с насыщенным послевкусием пирожных. Кальпурния съела два кусочка и прикончила кофеин. Странная сферическая чашка казалась тяжелее, чем раньше, и она поняла, что ее снова нагоняет усталость. Сделав несколько глубоких вдохов, она стала созерцать озаренные утренним солнцем крепостные зубцы Стены и смог, который уже накрывал толстым слоем город внизу. Ей были знакомы эти первые неясные признаки утомления, которое незаметно нарастало во время долгих напряженных операций. Но оно было не таким уж скверным, если знать его симптомы и заранее подготовиться к ним.

Кальпурния поняла, что лгала себе,

осознав вдруг, что пропустила мимо ушей то, что только что сказал Дворов.

— Простите, сэр?

— Я сказал, вам нужно запомнить, в каком порядке вы сейчас ели эти блюда. Этот набор ассоциируется со священными праздниками Вигилии, и его подадут во время молитвенного завтрака, который вы посетите со мной завтрашним утром.

— А на это будет время? — это было первое, что пришло ей в голову.

— Я полагаю, да. Давайте рассмотрим, что мы имеем по делу в настоящий момент, Шира. У вас есть бригада вериспексов, которые выясняют детали происшествия во Вратах Аквилы. Исследование «Аурум Санктус» после перехвата, произведенного вами и Рё, судя по всему, готово убрать корабль из-под подозрения. Организованное покушение на вашу жизнь прошлой ночью провалилось, и его участники находятся под арестом. Первый убийца мертв, и хотя его происхождение оказалось сложно отследить, теперь в этом нам помогает Имперская Инквизиция, так?

Кальпурния только сейчас поняла, что даже не вспоминала о Жоу с тех пор, как они расстались в Крест-Четыре.

— Инквизитор отказался встретиться со мной, когда вернулся, но снизошел до того, чтобы известить меня, что он хочет быть единственным, кто идет по следу нашего невидимого друга. Мы должны прекратить деятельность в этой области, пока он не потребует нашего вмешательства и даст на него добро, — Дворов поднял бровь и поднес к губам медный шарик-чашку. — Патрули у квартала Адептус сообщают, что последние три часа он находится там вместе со своим савантом, ходит туда-сюда по улочкам, ведущим к Кафизме, и часто вступает в тихие споры.

— Так у нас есть люди, которые следят за ним?

— Нет, — весело ответил Дворов. — Говорю же, нас отстранили. Но так получилось, что патрули в том районе возглавляют лидеры чуть повыше званием, чем обычные прокторы и ведущие арбитры, и так вышло, что они считают

своим долгом посылать рапорты через определенные прямые линии связи непосредственно арбитру-майоре.

— Понятно, — это было разумно. — Вы приглядываете за инквизитором так же, как епарх, который назначил одного из своих людей следить за нами. Лорд Кальфус-Меделл тоже пытался такое провернуть. Еще одна часть местного порядка вещей, да?

— Часть всеобщего порядка вещей. Думаю, вы это еще увидите. Признаться, я слегка удивлен, что вы никогда раньше не встречались с чем-то подобным. Вы же командовали гарнизоном на Эфеде, разве нет?

Кальпурния вздохнула.

— Мне бы хотелось думать, что там все было устроено иначе. Может, я просто не тот человек, чтобы увлекаться подобными вещами.

— Да, звучит похоже на правду. Что ж, вы тут для того, чтобы учиться, как и мы все, — Дворов допил свой кофеин. — Вы что-нибудь думали по поводу собственного штаба?

— Нет. Времени не было. Помню, Жоу что-то говорил о том, чтобы переоборудовать под себя «Носорог». Он имел в виду что-то типа этого?

— Помимо прочего. Я это всецело поддерживаю. Вы теперь арбитр-сеньорис, Шира. Вам надо потребовать транспорт из ангаров, выбрать самый лучший, определить, что требуется вам и вашим подчиненным, и взять это из арсенала, назначить людей, которые понадобятся вам в каждодневных операциях. Арбитры, судьи, каратели, гарнизонные проповедники, техноадепты. И опять-таки я не могу поверить, что это первый раз, когда вы встречаетесь с идеей, что командующий сам формирует собственный штаб.

— Я знаю эту идею, сэр, у меня просто мало времени. Стандартный транспорт и люди, которые уже прикомандированы ко мне, это пока все, что мне нужно.

— Как пожелаете. Что насчет ведущего арбитра, который сопровождает вас с самого первого нападения? Годится в адъютанты?

— Баннон? — она подумала. — Нет. Он стал моим помощником в расследовании случайно, потому что возглавлял отделение, которое эскортировало меня, когда все это началось. И он как-то сам собой привязался ко мне после этого. Он достаточно послушный, но не для этой работы. Я бы не стала держать его на такой должности.

— Хм. Вигилия Балронаса начинается через два дня, это последняя подготовка перед мессой. Вы готовы к тому, что религиозные ограничения будут мешать вашим операциям?

— Я буду готова, — ответила Кальпурния. Она постепенно привыкала к тому, как Дворов внезапно менял темы — сначала ей казалось, что так он ее проверял, но, похоже, это на самом деле отражало ход его мыслей. — Я сфокусировалась на той стороне дела, которой занимаются Арбитрес, но если мы сможем снова заполучить почтенного Барагрия, чтобы он продолжал советовать мне, что делать и что не делать...

— Это будет интересная попытка.

Как вы умудрились не взять его с собой на «Санктус»?

— Как? Он сам себя назначил исповедником одного из заключенных, который, собственно, выдал нам название корабля. Мы оставили его с заключенным и... э... в общем, так и не сказали ему, что собираемся вылететь на «Горн правосудия»!

— Шира, я уверен, что в вас куда больше хитрости, чем вы готовы признать. Хотя был и побочный эффект: Барагрий невероятно разозлился, что его оставили на планете. Моим адъютантам пришлось провести с ним весьма бурную аудиенцию, а я получил два официальных порицательных письма от кабинета епарха. Я их вам как-нибудь покажу. Я говорил, что, пока вы были в космосе, Нестор потратил немало сил, чтобы всех охладить и утихомирить?

— Я извинюсь, когда в следующий раз увижу его, сэр.

Дворов махнул рукой.

— Это его работа, — сказал он. — В любом случае, я имел в виду, что нам, похоже, надо смириться с тем фактом,

что вы встретите свой первый священный сезон на Гидрафуре с несколько меньшей подготовкой, чем мы рассчитывали. Вы запомнили, в каком порядке мы ели эти блюда?

— Ягоды, кинжальный фрукт, пирожные с сиропом, кофеин с другим сиропом, дыня.

— Отлично. Есть еще определенные нюансы, которые... неважно, вы знаете, что нужно делать. Эта пища подается на рассвете в начале Вигилии и в первый день Сангвиналы. Кстати говоря, предполагается, что ее употребляют только в эти дни, так что не пытайтесь заказать ее в любое другое время. Мои слуги были возмущены, когда я приказал приготовить сегодня такой завтрак, даже несмотря на объяснение, что это для вашего религиозного просвещения. В коем, как мне кажется, помощи от почтенного Барагрия нам ждать не приходится.

— В этом я согласно с арбитром Леандро, — сказала Кальпурния. — Ну, по крайней мере, мы можем положиться на Барагрия в плане советов о том, как

продолжать наши операции. Я становлюсь уверенней и думаю, что смогу отсеять политические помехи и выделить основные детали. Если я смогу получать самые минимальные указания, вроде вот этого, от вас и других арбитров, ровно столько, чтобы не ударить в грязь лицом, то, думаю, как-нибудь смогу продержаться до конца года. Я всегда предпочту того, кто хорошо делает свое дело, тому, у кого безупречные манеры за столом.

— Хорошо сказано. Итак, арбитр-сеньорис, у вас есть ваша делегация, что вы теперь собираетесь делать?

Кальпурния усмехнулась.

— Сэр, мне надо отдохнуть и набраться энергии, а также немного сбросить напряжение. Я собиралась сказать, что планирую поразмыслить, как бы это совместить в один день, но, кажется, только что придумала, как это сделать.

Она не могла ясно разглядеть, что в нее выстрелило, но мельком увиденного движения было достаточно, чтобы

определить его направление и скорость, и рефлексы взялись за дело. Ее дробовик был приткнут к щиту. Рукоять дернулась от отдачи, плечо и бедро ощутили, как содрогнулся весь щит. Глаза не подвели ее: зажимы, крепившие стрелковую платформу к рельсам, разжались, и та с лязгом повалилась на пол.

Кальпурния тут же крутанулась в другую сторону, готовая снова стрелять, но в краткой вспышке фонаря, закрепленного на верхнем краю щита, не было видно никакого движения. В четыре длинных шага она оказалась в конце узкого прохода и нахмурилась, глядя вверх: арбитраторов учили взбираться по стенам несколькими различными способами, и все они были чертовски неудобны, если ты был сам по себе, но это ничего не значило. Она отцепила дробовик, закинула его в чехол на спине, а потом забросила щит наверх так, что он лег на угол, образованный стенами.

Держась одной рукой за стену, а второй за рукоять щита, она подпрыгнула, на миг зависла, рыча от натуги —

физическая подготовка оказалась хуже, чем она думала — потом перебралась и соскользнула с другой стороны, на лету забрасывая щит обратно на руку и поворачиваясь лицом к силуэту, слепо движущемуся навстречу из темноты.

Это было отдаленно человекоподобное создание, автоматический торс на закрепленных по кругу моторизованных катках, который все время кренился в разные стороны. Цепи и управляющие кабели выходили из его головы и змеились куда-то вверх, во тьму. Одна тяжелая рука оканчивалась тупоносым стволом, другая — толстым поршнем. Два выстрела со звоном ударили в щит, а затем в него врезалась поршневая рука, край щита угодил Кальпурнии в лицо, и она отлетела на стену.

Времени вытащить дробовик не было, не говоря уже о том, чтобы снова вставить его в амбразуру и стрелять одной рукой с щитом в качестве опоры. Хотя эта штука была слишком быстра, чтобы увернуться с ее пути, Кальпурния успела быстро шагнуть вбок и подставить

щит под следующий удар поршня, чтобы тот отбросил ее в сторону. Приземлившись, ей пришлось еще отскочить назад, чтобы компенсировать инерцию, и надеяться, что сзади ее не поджидает очередной противник. Она выхватила стаббер и сразу ощутила облегчение, как только перчатка-захват с щелчком замкнулась вокруг рукояти. Ей понадобилась секунда, чтобы отставить одну ногу за спину и выстрелить. Прицелилась она идеально. Снаряд с грохотом врезался в шов брони под рукой автомата, и через миг тот обмяк: тот, кто управлял им, решил, что машине уже нечего делать на поле боя.

Кальпурния ненадолго остановилась, чтобы перевести дыхание и поводить вокруг фонарем, потом снова двинулась вперед. Полдюжины осторожных шагов. Она только что вернула пистолет в кобуру и потянулась через плечо за дробовиком, когда ее залил резкий свет нескольких прожекторов. Она рефлекторно пригнулась, отбежала в сторону, окончательно высвободила дробовик и

приготовилась сбросить щит — амбразура в нем была полезна для стрельбы в упор и огня на подавление, но сейчас ей понадобятся две руки, чтобы целиться. Несмотря на то, что визор шлема затемнился, чтобы противостоять яркому свету, она все еще моргала от смены освещения, когда пол начал двигаться.

Ей понадобилось мгновение, чтобы отметить лязг шестерней и лебедок и отдаленные крики инженерных бригад на нижнем техническом уровне, но теперь она почувствовала, что пол вибрирует и качается, подталкивая ее в направлении источника света, а стена, к которой она прижималась спиной, скользнула вниз и скрылась в полу.

План изменился. Когда пол вздыбился, она снова схватила пистолет и позволила склону увлечь себя вниз, сжавшись за щитом, чтобы, если что-то окажется впереди, в него сначала врезалась тяжелая пластина брони. Прожекторы по-прежнему светили прямо на нее, из-за чего все, что было дальше расстояния руки, окутывали тени. Поэтому она опустилась на колени,

припав к склону, и дважды выстрелила наугад поверх края щита.

Она не попала в фонари, но шанса прицелиться уже не было. Из-за опустившейся стены послышался новый лязг, и она увидела там движущиеся красные и зеленые огни, которые проходили друг перед другом, как будто их несла толпа людей. Она выстрелила один раз, другой. Отдача ударила через перчатку в плечо с такой силой, что должен был остаться синяк, но выстрелы сделали свое дело: четыре красных огня погасли, каждый снаряд пробил два силуэта из тех, что толпились рядом со склоном.

Со скрежетом пол наклонился еще круче, и ей пришлось бежать по нему боком, словно торопливый чернопанцирный краб, краб, который отчаянно пытался запихнуть пистолет в кобуру и вооружиться силовой дубинкой. Она соскочила со склона за секунду до того, как тот успел окончательно свалить ее, и ввалилась в толпу грубых человекоподобных фигур, которые свисали

с цепей с протянутыми перед собой руками и фонарями красного и зеленого цвета вместо лиц. Четверо неподвижно лежали на земле: захваты на цепях выпустили их, когда операторы увидели, что в них попали.

Кальпурния увернулась от первого здоровяка, который попытался сомкнуть на ней руки, но наткнулась на другого, с красным фонарем. Она ударила нижним краем щита в то место, где у него должны были быть колени, и когда тот закачался, она наконец-то высвободила свою дубинку и ткнула ей снизу вверх. Полетели искры, цель рухнула с цепи, и красный огонь угас. Сзади в нее вцепились серворуки, еще один красный фонарь вспыхнул над плечом, но она, уже восстановив равновесие, крутанула дубинку и вогнала ее конец за спину. Цель, которая схватила ее, повалилась на пол. Кальпурния повернулась, быстро обогнула залитый зеленым светом силуэт и устремилась в самую гущу.

Она слышала собственное хриплое дыхание и чувствовала, что щит

начинает тяжелеть в руке. Она поднесла его ближе к телу, чтобы меньше напрягаться, но это тоже вызывало проблемы, пока она отмахивалась дубинкой от целей и их цепких рук: щит стало труднее использовать, как оружие, бить им по телам или отбивать атаки, и кроме того, теперь с того бока у нее образовалось слепое пятно. Этих громил, в отличие от людей, нельзя было сбить с ног, врезавшись в них щитом: они попросту отлетали в сторону на цепях и снова возвращались. Она попыталась компенсировать, постоянно двигаясь вокруг своего щита, держа его справа и вдвое активно работая дубинкой, но другая рука тоже уставала, а ноги натыкались на громил, которых она уже свалила на пол. Цели наседали, хотя их ряды и поредели.

В конце концов она попала в зеленого, сразив его отчаянным взмахом дубинки, который должен был отогнать красную цель подальше от щита. Гудок, сообщающий об ошибке, сбил ее с ритма, и вскоре две пары покрытых резиной рук вцепились в щит. Его пришлось

выпустить, и хотя она успела быстро поменять руки, перехватив дубинку и пистолет, и воспользоваться ими обоими, в считанные минуты ее полностью окружили. К давившей на Кальпурнию усталости присоединилась одна из целей, рухнувшая на нее. Ее с грубой силой стиснула пара рук, и запах горелой резины от целей, которые она сбила, смешивался с запахом пота на протяжении двадцати секунд, которые прошли, пока не зазвучал звонок.

Когда она посмотрела вниз с платформы, где подводились итоги тренировок, небольшая яма, где ее «убили», выпустила наружу стены и стала башней с орудиями. Кальпурния стояла на прозрачном участке платформы за рабочим местом операторов и смотрела, как это огневое сооружение поливает высокоскоростными снарядами с краской кучку арбитраторов, которые пытались пробиться через кладбище разбитых бутафорских «Носорогов», чтобы закидать механизм гранатами. Пока что они

недалеко продвинулись.

— Новобранцы? — спросила она оператора, который наблюдал за сценой посредством одного из подчиненных ему духов оптики на башне и передвигал рычаги и упоры, наводя стволы на цели.

— О да, это видно, не правда ли, тэм? — со смешком ответил он, выпустив еще один дребезжащий поток пуль, и вниз поднялись крики тревоги и боли. Отовсюду из окружающего их полумрака доносились иные шумы: грохот огнестрельного оружия, треск и вой болтеров, потрескивание и шипение силового оружия, сирены, голоса и непрекращающийся лязг тяжелых цепей, поршней, патронных лент и кабелей под полом и над головами, которые управляли всем этим. Стены и полы двигались, автоматы атаковали, сервиторы или тренировочные манекены опускались на цепях, отдельные зоны заполнялись дымом, дождем, светом, искусственным градом, песчаными бурями или дезориентирующим шумом.

Кальпурния снова выбилась из сил, тело болело, а волосы висели лохмами, но

это была хорошая усталость. Слишком много времени прошло с тех пор, как она тренировалась в Лабиринте Клавир. Она только сейчас поняла, что не чувствовала себя настолько отдохнувшей с самого момента прибытия на Гидрафур. Завтрак с Дворовым, несколько часов сна и пробежка через Лабиринт пошли на пользу, именно так, как она и надеялась.

— Пожалуй, после того, как юнцы разберутся со своим злейшим врагом — изрыгателем краски, в разбор итогов можно будет включить обзор вашего наипохвальнейшего выступления, уважаемая арбитр-сеньорис, — раскатился над ними глубокий голос Нестора Леандро. Он взошел на платформу в роскошной униформе судьи, сверкающей при свете ламп.

— Оно было не лучшим, арбитр Леандро.

В руках у него была распечатка тренировочного сеанса, который Кальпурния только что завершила, и ей пришлось приподняться, чтобы указать на процентное соотношение попаданий и

целей.

— Я действовала небрежно и необдуманно, — сказала она, — это видно в записях по восьмой минуте, по двенадцатой и с семнадцатой по двадцать третью, и я непростительно запустила свою физическую подготовку, пока ехала на планету. Но спасибо вам за добрые слова.

— Не за что. В гарнизонах сегментума Ультима конфигурация Лабиринта такая же, как у нас?

— Могу сказать лишь про те системы, где я служила, — сказала Кальпурния, собрав свои вещи, прежде чем они оба направились к выходу, — но, по большому счету, да. Упор там больше делается на подвижность и рефлексы, а в этом лабиринте скорее нужно умение принимать решения и выбирать цели, для чего мы использовали стрелковые полигоны.

— Совершенно верно.

Они вышли в выложенный плитками коридор, который связывал аблютории с главными входами в Лабиринт, находящийся уровнем ниже. Весь

тренировочный комплекс был вырублен в скальной породе примерно на середине высоты Стены. Из-за душевых, располагавшихся в конце коридора, воздух был влажный, и среди униформ арбитраторов и карателей судейская мантия Леандро выглядела неуместной и чрезмерно пышной.

— Арбитр Кальпурния, я долго искал подходящего момента, чтобы сделать остроумный переход к новостям, которые у меня для вас есть, но оказался в тупике, не найдя такового, из-за чего я вынужден преподнести известия о развитии событий прямо, прежде чем мы достигнем аблюториев и уважение к скромности коллеги-командира заставит меня удалиться.

«Обожаю эти новости, которые все время доходят до меня, когда я занята другими вещами, — подумала она. — Ну, по крайней мере, на этот раз я хоть не сорвалась на него». Вслух же она ответила:

— Я признательна, что вы спустились, чтобы рассказать мне это

лично.

— Не за что. Итак, буду краток, — он прочистил горло. — Та повозка с лампадным маслом ехала от склада Телль-Керлиганов, компании, которая занимается фрахтованием и находится у подножия Телепинской дороги. Телль-Керлиганы специализируются на торговле религиозными артефактами и расходными материалами, и именно через них прошел экспорт партии икон и специально изготовленных переплетов для религиозных текстов, предназначенных для частных миссий и колледжей у границы сегментума, который стал для «Санктуса» официальным поводом сойти с орбиты и направиться на выход из системы. Дом Телль-Керлиган предоставил «Санктусу» часть его груза, но их связи были на самом деле несколько шире, хотя посредническая торговля произведениями искусства и транспортными услугами всегда была именно той частью деятельности синдиката Керлиган, которой семейство Телль уже давно хотело завладеть, и то,

что они добились этого, для них было чем-то вроде прорыва.

— Разве «Санктус» не действует по хартии Экклезиархии?

— Такие хартии, — ответил Леандро, довольно неловко уйдя с пути группы куда-то спешащих Арбитрес, — оставляют промежуток между церковными складами, разбросанными по улью, и погрузкой на принадлежащие Экклезиархии корабли, промежуток, которым довольно-таки успешно пользуются многочисленные компании, специализирующиеся на перевозках и подъеме грузов на орбиту и тесно связанные с кабинетом епарха.

— Понятно.

— К целевой рабочей группе оцепления присоединилась команда сыщиков, — продолжал он, — и они неоднократно производили разнообразные запросы, требуя лекстехников, савантов и доступ к инфофабрикам Стены. Впрочем, я должен проинформировать вас, что наиболее значительный прогресс совершила наша коллега, с которой вы уже знакомы — ведущий вериспекс Барк и ее бригада — она

взяла на себя задачу исследовать погрузочный склад, продолжая ту работу, которую вы назначили ей после события во Вратах Аквилы. Первоначально они искали те же свидетельства машинной обработки, которые ранее обнаружили на месте саботажа, едва не погубившего вас. Но порча была не механическая, арбитр Кальпурния. А химическая.

Они добрались до двери аблютория. Пар и брызги изнутри несколько подпортили драматическое заключение Леандро, хотя люди расступились по обе стороны двери, чтобы пропустить командиров.

— Что вы хотите этим сказать, арбитр Леандро? — спросила она, поняв, что он ожидает этой фразы.

— Лампадное масло. Склад был полностью, до самого потолка забит лампадным маслом. Если точнее, то освященным и ароматизированным елеем, специально подготовленным для церемониальных лампад, которые зажигают в это святое время, но в таком количестве, которое превосходило все, что

могло понадобиться. И каждый бочонок, из которого взяли пробу вериспексы, прежде чем отрапортоваться, был испорчен. Яд, моя леди арбитр. Тщательно смешанный и намеренно добавленный в масло. Яд.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Тринадцатый день Септисты

Пять дней до Мессы святого Балронаса. Пир Реторов. Канун Вигилии. Тихая Конгрегация.

Сегодня последний день перед тем, как начнется Вигилия святого Балронаса, и по всему Босфорскому улью и окружающей местности вступят в силу ограничения Экклезиархии. День следует посвятить созерцанию и укреплению духа. Пир Реторов начинается через час после восхода, и хотя позволительно использовать его для подготовки к предстоящему посту, чревоугодие является знаком духовной слабости, о котором следует доложить проповеднику или духовнику.

Когда устроитель приема объявляет пир завершенным, оставшуюся пищу следует немедленно убрать. Время между окончанием Пира Реторов и Тихой Конгрегацией предназначено для одиночной молитвы дома, хотя можно и искать укрепления духа у Экклезиархии, если возникнет срочная необходимость. Следует выделить время, чтобы удостовериться в чистоте и опрятности одежды, а также в том, что лампады готовы и наполнены ароматизированным маслом, предоставляемым Министорумом. Одежда должна выглядеть неброско и воздержанно; разрешено носить официальные уборы или униформы, если их яркие цвета приглушены верхним платьем или платком. При движении на Высокую Месу следует свести разговоры к абсолютному

минимуму и сохранять тишину вплоть до звона колокола. Следует погасить свет в зданиях, где не будет никого, кто мог бы его погасить при звуке колокола. Этот день имеет особое значение для Имперского Флота, поэтому сегодня со служащими Флота нельзя даже пытаться контактировать, ни для простого общения, ни для чего иного. Сделать подобное, или, к примеру, пригласить офицера Флота на мероприятие, которое приходится на этот день, означает нанести личное оскорбление.

Яд. Эта мысль по-прежнему давила на ее сознание на следующий день, во время молитвенного завтрака, отмечающего Пир Реторов. Яд в лампадном масле.

Хозяйкой на завтраке выступала префект гидрафурского Монетариата,

худая как жердь женщина с нервно бегающими глазами. Служба происходила в часовне Монетариата, галерее, отходящей вбок от главного счетного зала, настолько узкой, что в проходе между скамьями было тесно даже для одного человека, а сами скамьи были не больше стульев. Ритуальные благовония на Гидрафуре были приторными и чрезмерно сильными, поэтому от их запаха Кальпурния снова возвращалась к мрачным раздумьям об отравленном масле и не находила себе места среди странного ритма читаемых нараспев имперских молитв, которые в остальном были ей хорошо знакомы. Снаружи доносилась монотонная речь савантов, которые обрабатывали финансовые алгоритмы, бормоча числа и инициирующие фразы. С их помощью каждая частица данных проводилась сквозь сложные формулы, гипнотически имплантированные в самих савантов. Эта речь, контрастирующая с проговариваемыми здесь священными литургиями, показалась ей довольно-таки

непочтительной.

Сам завтрак прошел не столь неловко. Они ели на балконе-дендрарии, который опоясывал башню Монетариата на пятом этаже и был окружен сверкающей, отделанной драгоценными камнями занавесью из бронестекла, превращавшей желтый дневной свет в странную бледную радугу.

«Лучше не упоминать, что вчера мы ели ту же самую пищу, — сказал ей еще до этого Дворов. — Если никто не узнает, что мы чуток нарушили религиозный протокол, это никому не повредит».

Кальпурния знала, что лгать она не умеет, и не была уверена насчет его совета, но эта тема так и не всплыла. Впрочем, она вспомнила порядок блюд, и, похоже, ей было вполне достаточно не допускать никаких очевидных промахов — остальные Адептус, видимо, чурались ее арбитраторской униформы и поэтому разговаривали с Дворовым. Она не возражала: благодаря этому она смогла подойти к стеклянной стене, выглянуть в один из прозрачных участков и

посмотреть вдаль, через лес башен на склоне, туда, где над вершиной улья поднимался шпиль Собора. За массивным основанием здания располагались улицы, усеянные святилищами и статуями, и паломнические бараки Святого Квартала, что на крутых юго-западных склонах Августеума. Квартала, который заговорщики, сидящие теперь в камерах, пытались наполнить ядом.

Кальпурния полностью поняла природу этого заговора только предыдущим вечером, когда у нее появилось время, чтобы перечитать досье о богослужениях священной Вигилии. (И если бы, с горечью подумала она, епарх счел нужным послать наставника, которого ей обещали, а не агента и информатора, ей бы не пришлось самой собирать все это по кусочкам). Поначалу ей показалось странным, что столь невероятное количество горючего для таких старомодных светильников притягивало к себе столько внимания, но теперь она поняла. Во время Вигилии все огни и в улье, и в городе — более того, по всей

планете и на множестве кораблей и станций Гидрафурской системы — приглушались или гасились, поэтому ночи оставались темными в память о духовной тьме во времена Чумы Безверия.

Морские и космические порты, доки и военные базы сохраняли освещение, городские патрули Арбитрес и стража Agenta Сороритас в Августеуме освещали себе путь на улицах. Но большинство обитателей системы могло развеивать тьму Вигилии лишь крошечными свечами или тусклым огнем маленьких латунных ручных лампад, в которых горело священное масло, предназначенное только для этих ночей, масло, горящее низким и теплым пламенем, с горьким запахом траурных благовоний.

Повозка была только началом. В ней было не так уж много испорченного масла. Но склад Телль-Керлиганов был огромен, и почти все его пространство занимали большие бочки с отравой. Трон единственный, если бы это масло действительно развезли и использовали...

Эта мысль настолько поглощала ее,

что она почти полчаса провела у стеклянной занавеси, глядя на комплекс Собора и гребень Высокой Мессы, усеянный зубцами обелисков, и размышляла о последних нескольких днях, время от времени спрашивая себя, почему ее так раздражает, что районы Августеума называются «кварталами», хотя их больше, чем четыре.

Последнюю пару дней ей было жаль времени, которое нужно было потратить на завтрак вместо того, чтобы посвятить его расследованию, но, когда Кальпурния закончила есть, придумала повод уйти и ускользнула, она только радовалась. Завтрак сделал для ее ума то же, что пробежка через Лабиринт Клавир сделала для тела: вытащил из почти полного погружения в расследование, отряхнул и счистил паутину. Но перерыв подошел к концу. Пора снова навестить камеры.

Карьера любого молодого арбитра включает в себя службу на охране заключенных, и Кальпурния не была исключением. Она провела восемнадцать

месяцев в круговом рейсе транспорта, который вез штрафников с Дрейда в батальоны смертников, собирающиеся на границе с ксеносами-тау, и закончила путешествие на Дон-Круа как командир отделения на борту одного из дозорных кораблей Арбитрес, сторожащих адские внутрисистемные миры-тюрьмы. Рекомендации и безупречная репутация даже позволили ей провести шесть месяцев на овеянной дурной славой космической тюрьме, известной как Клетка Двадцать-Двадцать, где содержались самые злокозненные еретики, которых следовало допросить или подвергнуть ритуальным карам перед казнью.

И все же она никогда не видела такой системы, как на Гидрафуре. Ее впечатлили не сами тюрьмы — она сомневалась, что планетарные лагеря могут чем-то сильно отличаться от подземных комплексов на внутренних мирах Дон-Круа, а Клетка была настоящим образцом продвинутых космических технологий. Кальпурнию

завораживала Серая Тюрьма.

«Пенитенциал Калькулус», так она правильно называлась. Узники Гидрафура содержались в лагерях, вытянувшихся длинной цепью по поверхности планеты, на двух гигантских, выступающих из Кольца космических станциях, пространство вокруг которых хорошо охранялось, а также на бортах бесконечного потока челноков и курьерских кораблей, которые связывали все это сетью перевозок, тщательно лишенной любой упорядоченности. Этой системой управлял Калькулус, код, лабиринт, кошачья колыбель криптографии, анонимности и рандомизации. Там шифр для заключенного, здесь обозначение камеры или тюремного корабля, приговоры, время перевозок и места назначения — все это плавало глубоко в темном море ложных данных и все время изменяющихся кодовых ключей. Даже если бы великий провост-маршал подал весть из своего дворца на Земле, что ему требуется узнать, где находится нижайший из заключенных на Гидрафуре, ему бы пришлось ждать, пока

имя будет обработано Калькулусом и придет зашифрованный отчет, и только тогда можно будет понять, на Гидрафуре ли этот узник вообще. На протяжении своей карьеры Кальпурния никогда не встречалась ни с чем подобным, но ей было очевидно, почему это так устроено: в подобной системе одним из лучших способов уберечь заключенных от каких-либо вмешательств было создать такие условия, чтобы даже сами заключенные не были уверены, куда и когда их собираются перевезти.

Передающуюся по наследству роль мастера Калькулуса двести лет назад даровали некоему арбитру-консулу Нарранзе, и с тех пор этот титул и звание носили поколения его потомков, проводивших свои жизни в самом глубоком чреве под самыми низкими катакомбами Стены. С ними работали лучшие логисторы, которых могли создать Адептус Механикус, и три семьи савантов и лекстехников, чьи дети от рождения становились служащими Калькулуса. К настоящему времени коды и

формулы стали настолько сложными, что каждое поколение савантов начинало тренироваться и подготавливать свой разум вскоре после того, как обучалось говорить и считать. Должности тех, кто передавал в ублиет еду и сообщения, тоже переходили по наследству, этих людей также связывали присягой и приставляли к ним охрану.

Суда дожидались рабочие с повозки, персонал отгрузочного склада Телль-Керлиган и выжившие участники неудавшейся засады на краулере. Тех, кто не оказался в подвесных клетках, заберут в лабиринт заключения. Но Кальпурния хотела увидеть их перед тем, как все их признаки растворятся в матрицах Серой Тюрьмы, откуда их можно будет извлечь лишь через несколько месяцев.

Каратели и дознаватели уже провели с ними день и ночь и рассказали ей, что извлекли из них информацию, которую сочли полной, применив ровно столько давления, сколько каждый из обвиняемых физически способен был вынести. Это было именно то, чего ожидала Кальпурния, но ей

было все равно. Она по-прежнему хотела увидеть их лично. Может, это в ней говорил упорствующий, по-прежнему топающий по улицам арбитратор, но она хотела запомнить каждого из них как пару глаз, в которые она смотрела, а не как имя на дисплее инфопланшета. Это придавало ей некоторую легкость, ощущение, что все движется верным курсом. Сейчас она сидела и читала стенограммы вчерашних допросов, пока каратели подготавливали помещение.

В Башне Карателей было множество камер, отличающихся в зависимости от того, какая обстановка, по мнению допрашивающих, больше способствовала признанию. Для тех, кто был состоятелен, привычен к уважению и личному пространству, имелись крошечные каморки, где следователь нависал над ними, затмевая свет и занимая весь доступный простор. Для обывателей, привыкших к толпам и тесноте густо застроенного города, предназначались помещения величиной с бальный зал, где огромные пространства давили на

сжавшегося узника еще сильнее, чем взгляд арбитра из-под визора или вопросы, грохочущие над вокс-передатчиком.

Кальпурния не ударялась в такие крайности. Ей было достаточно комнаты среднего размера, стен из голого камня и единственного яркого электросветильника за решеткой в потолке. Для нее установили судейское кресло с высокой спинкой и широкую каменную кафедру, которую пришлось затаскивать и ставить троим широкоплечим карателям. На сети перемычек под потолком размещались ряды светильников, но горели только те, что были позади нее.

Кальпурния присутствовала на многих подобных допросах, но первый раз руководила таковым. Она уже успела ощутить несколько мимолетных приступов нервозности, которые, как ни парадоксально, становились только хуже от безмолвной покорности дюжих карателей. Наконец, она мысленно раздавила сомнения под каблуком и кивнула, чтобы ввели первого из

заключенных.

— Галпен Телль-Керлиган. Преступник, обвиненный пред ликом Адептус Арбитрес и осужденный нашей рукой! — прогремел ведущий каратель Зимний, и в центр комнаты провели худого человека с грубо остриженной головой и приковали его к кольцу. Его запястья были низко скованы, но, когда он попытался сесть, в спину ткнулась шоковая дубинка, поэтому ему пришлось стоять в болезненной, сгорбленной позе на полусогнутых ногах и смотреть прямо на свет. По выражению лица Телль-Керлигана Кальпурния поняла, что тщательно просчитанная ситуация, в которую они его поместили, была идеальна.

— Я невиновен! — его голос был высоким и срывающимся. — Меня оклеветали! Я благочестивый человек! Могу поклясться в этом! Только принесите святую аквилу, и я поклянусь-уфх... — стражник за спиной снова ткнул его, чтобы он замолчал.

— Благочестивый? — Кальпурния

бросила взгляд на бумаги, разложенные на кафедре. — Ты признался, что руководил складом, который использовался для хранения яда, предназначенного для того, чтобы отравить людей, присутствующих на ритуалах Вигилии. Ты совершил покушение на мою собственную жизнь, из-за которого погибли многие другие. Будь уверен, я пришла сюда лишь для того, чтобы самолично убедиться, что за богохульного убийцу ты осуждаем.

— Нет! — его тон стал страдальческим. — Мое благочестие использовали против меня!

Кальпурния бросила взгляд на Зимнего и произнесла театральным шепотом: «О чем это он говорит?» Стенограмма допроса уже лежала перед ней, но она хотела, чтобы Галпен услышал ее и продолжал цепляться за чистоту своего доброго имени.

— Я получил тайные инструкции, каюсь, я уже сказал вам! — выкрикнул тот, не разочаровав ее. — Я получил письмо из Министорума, из курии епарха! Я не мог отказаться! Я благочестивый человек!

— Священник из кабинета епарха хотел, чтобы ты отравил участников Вигилии? — сухо спросила она. — О да, конечно, ты зачистим весь Собор, просто потому, что ты нам так сказал.

— Нет, нет! Масло, я даже не знал о масле, я даже не знаю об этой отраве!

— Он противоречит сам себе, — объявила Кальпурния. — Думаю, хватит.

— Нет! Вы должны меня выслушать! Я не такой, как вы думаете! — Галпен уже плакал. — Я только хотел восстановить свою семью в глазах Императора. Я хотел вернуть милость, которой мы когда-то обладали! Я не сделал ничего дурного, я благочестив!

— Пожалуй, задержимся, — сказала Кальпурния Зимнему, который, конечно же, не двигался с места. — Пусть он расскажет мне, что считает нужным рассказать.

Следующие десять минут Галпен Телль-Керлиган говорил.

Действительно, семейство Телль-Керлиган занималось грузовыми перевозками из Священного Квартала на

орбиту, но сейчас они возили лишь тексты и предметы религиозного искусства. Были времена, когда семья занималась и другими вещами и вела дела со старым епархом, выполняя всевозможные обязанности. Они снабжали проповедников и миссионеров Экклезиархии, принимали важных пилигримов, были людьми с положением. А потом все это было утрачено из-за беспорядков в Министоруме, междоусобицы среди священнослужителей и крушения какого-то Ордена Конуса, к которому было привязано богатство Телль-Керлиганов. Семья опустилась — не до полного забвения, но достаточно низко, чтобы Галпен чувствовал себя уязвленным, вспоминая ее историю и наследие.

— Значит, это ваше отделение от Экклезиархии сделало вас привлекательной целью, — вслух размышляла Кальпурния. — Епарх хотел, чтобы некоторые высокопоставленные члены Адептус Министорум могли покинуть систему без ведома Флота. На орбите находится экклезиархальный

покаянный корабль, который может вывезти их отсюда, но все транспорты, которые могли бы поднять этих людей к Кольцу, известны и находятся под наблюдением. Кого же использовать, как не семью с доступом к орбитальным подъемникам, ранее обладавшую связями с Министорумом и отчаянно жаждущую заново обрести благоволение Церкви?

На слове «использовать» Галпен побледнел и больше ничего не говорил — что-то в тоне Кальпурнии заставило его замолчать. Она сделала жест, чтобы его убрали, на сей раз по-настоящему, а не просто ради того, чтоб он продолжил болтать. Кандалы на запястьях заключенного отцепили от кольца и сковали с кандалами на лодыжках, после чего все так же ссутуленного и шаркающего ногами Галпена увели. Прошло лишь одно мгновение после того, как дверь в правой стене захлопнулась за Галпеном, и дверь слева с лязгом распахнулась для следующего заключенного.

— Хлинден Фохс. Преступница,

обвиненная пред ликом Адептус Арбитрес и осужденная нашей рукой!

Хлинден Фохс была крупной женщиной, чьи глубоко посаженные глаза мерцали на свету. Ее подвели к кольцу и приковали, и все это время она оставалась безмолвна. Пальцы у Фохс были толстые и мозолистые из-за работы с веревками на повозках, а ее щеки и плечи пересекали клейма и электротатуировки младшего чиновника гильдии.

Молчание. И этот далекий блеск в глубине ее глаз.

— Есть ли причина, чтобы я сидела здесь и смотрела на эту женщину? — спросила Кальпурния у Зимнего. — Кто она именно?

— Одна из главных заговорщиков, мадам арбитр-сеньорис, — ответил тот. — Фохс была распорядительницей повозок, которым было дано задание перевезти отравленное масло с отгрузочный склад.

Один из младших арбитров переложил бумаги на кафедре так, чтобы записи с допроса Фохс оказались наверху. Выражение на лице женщины не

изменилось.

— Самое интересное, арбитр Зимний, состоит в том, что эта преступная отщепенка все потеряла из-за покушения на мою жизнь, но при этом не пыталась сама меня убить.

Не дернулось ли при этом лицо фохс? Кальпурния наклонилась вперед и оперлась локтями на колени, вглядываясь в эти темные глаза.

— Масло было отравлено не для того, чтобы убить меня. Любой, кому хватило ума добавить яд и подложить бомбу, не стал бы потом использовать столь ненадежный метод убийства, как взрыв той повозки. Уверена, моя смерть стала бы дополнительным поводом для ликования, но нет, целью она не была. Некоторое время я думала, что они хотели застопорить движение на Телепинской дороге, создав крупнейшую из возможных проблем в это напряженное время, но и это не было главным.

Фохс не реагировала на наживку. Она не собиралась ни злорадствовать, ни беснова

— Целью были хранилища, высеченные под фундаментом Собора на краю Квартала Ремесленников, так ведь, Фохс? — спросила Кальпурния. — Именно туда предназначался этот груз масла, чтобы его разместили на складах самого Собора и раздали тем, кто собирается посетить службы при свете лампад. К тому времени, как та последняя повозка подъехала к Вратам Аквилы, склады были переполнены, и на рассвете уже должны были распахнуть двери, чтобы впустить первых верующих. Это была самая последняя партия, которую следовало добавить к запасам, чтобы их хватило. Я еще не знаю, была ли эта партия подлинной или же ты, Фохс, направила ее специально ради этого саботажа. Я вскоре узнаю.

Лицо Фохс выглядело как неподвижная маска.

— Вылет «Аурум Санктус» пришелся на самое неудачное время. Из-за него на складах Телль-Керлиганов воцарились секретность и смятение, под прикрытием которых ты смогла отравить

практически все бочки с лампадным маслом. Я также узнаю детали того, как тебе это удалось. Это прекрасно сработало. Не правда ли, жаль, что у твоих людей сдали нервы? Преступить Имперский закон значит преступить веру в Императора, Фохс, и то и другое — признаки дегенерации. Разум, который способен на это, по определению ущербен и необратимо порождает ущербное мышление и поведение, которые являются признаками фундаментальной неполноценности человеческого существа, способного восстать против своего Императора. Преступники ошибаются. А когда они ошибаются, они попадают к нам. Разве не такова истина, ведущий каратель Зимний?

— Хвала Императору! Слово Императора — Закон, и Арбитрес — голос, что изрекает это слово!

Голос Зимнего наполнил помещение, но Фохс не дернула и мускулом.

— Я полагаю, что тебе следует услышать это, прежде чем покинуть эту комнату. Ты выбрала слабых, ущербных

людей, чтобы они вели повозку. Они увидели моих верных Арбитрес во Вратах Аквилы. Они не знали о приказе усилить бдительность и не были готовы к проверке арбитрами. Они запаниковали. Эта бомба должна была сработать в складах Собора, чтобы поджечь их запасы масла, не так ли? Должна была уничтожить их так, чтобы это выглядело несчастным случаем, так что прокураторат Собора пришлось бы спешно заменять масло, и они бы не успели тщательно проверить поставки от Телль-Керлиганов, которые по счастливому совпадению имели под рукой свежую партию. И тогда они бы раздали отравленное масло сотням, тысячам праведных верующих. Телль-Керлиганы были бы виновной стороной и унизили бы Министорум еще больше из-за своих связей. Им бы пришлось сохранять в тайне личности пассажиров «Аурум Санктус», или, по крайней мере, попытаться это сделать. Ты знаешь, что один из рабочих на той повозке, тот, кого ты раскололи первым, практически ничего не знал и даже подумал, что ты на самом

деле преследует «Санктус»? Он, должно быть, случайно услышал что-то на складах, пока занимался твоим грязным дельцем.

Где-то в башне кто-то застонал — далекий, слабый звук прошел по воздуховодам и проник сквозь вентиляционные решетки вверху стены. Никто в помещении не подал виду, что услышал.

— Я думала, что имею дело с тонким и грандиозным планом моего убийства, но обнаружила, что истинной причиной взрыва во Вратах в ту ночь была всего лишь парочка слабовольных преступников, которые испугались, подорвали свой груз и сбежали, как только увидели кордон Арбитрес. Ощутила ли ты такое же разочарование, как я? Надеялась ли ты, что вам всем удастся протянуть чуть дольше, прежде чем ваша ущербная, преступная натура вас погубит?

Ответа не было. Кальпурния подумала, не нанесли ли фохс какой-либо вред, пока та была в камере. Она не одобряла причинение травм головы во

время допросов — это влияло на достоверность полученных показаний.

— И еще одна вещь, которую тебе будет полезно узнать, Фохс. Мы собираемся разыскать в трущобах остатки этой шайки, к которой ты принадлежала. Как она называлась? — Кальпурния бросила взгляд на бумаги. — Общество Пятьдесят восьмого прохода. После того, как мы закончим, дознаватели Экклезиархии возьмутся за работу. Адептус Министорум не очень терпимо относится к посягательствам на свои священные церемонии, и когда они просят, чтобы Адептус Арбитрес позволили принять им участие в правосудии, мы не склонны им отказывать. Мы вели себя с вами, как Закон предписывает вести себя с преступниками, но они разберутся с вами так, как вера предписывает разбираться с еретиками. В лучшем случае этому вашему обществу осталось жить считанные дни, — она безразлично глянула на бумаги и кивнула. — Это все.

И именно тогда Фохс заговорила. Это было сухое кваканье, в котором

удалось распознать голос лишь после того, как она помедлила и прокашлялась.

— Поклонение Императору — благословение, церковь Императора — проклятие. Император пребывает во всем сущем, Его истина не терпит, чтобы ее несли люди, это могут лишь благословенные Иные. Общество Пятьдесят восьмого прохода увидит, как мертвая оболочка ложной церкви падет, чтобы...

Когда силовая дубинка попала ей по почкам, Фохс с треском захлопнула рот и молча скорчилась. Каратели уволокли ее прочь.

— Она жила практически в тени великого Собора, среди всего вдохновения, которое он источает, и посмотри, как она сама себя отравила, — сказала Кальпурния Зимнему.

— Нужно ли вам время, чтобы собраться с силами, арбитр-сеньорис? — спросил он, подступив к креслу, но она покачала головой и взмахнула рукой, отсылая его обратно.

— Куллос Склэй. Преступник,

обвиненный пред ликом Адептус Арбитрес и осужденный нашей рукой!

Тоже высокомерный, подумала Кальпурния, глядя на пленника, которого втащили внутрь и приковали. Он выглядел неуклюжим, с бледными глазами и щетиной на щеках.

Его взгляд поднялся на Кальпурнию, остановился на ее лице и остался прикован к нему, хотя из-за теней он вряд ли мог различить ее выражение оттуда, где стоял.

— Наведи на меня свет, — тихо приказала она Зимнему. Вспыхнули еще два светильника. Кальпурния с трудом старалась не моргать в свете, льющемся на ее лицо, и, когда она приспособилась к новому освещению, то увидела, что презрительное выражение на лице Склэя ни на йоту не изменилось. Она подняла руку и прикоснулась к линиям шрамов над своим глазом.

— Помнишь меня? — он не ответил. — Я — арбитр, которого вы должны были убить. Женщина-арбитр со шрамом на лице, которую вам приказали

уничтожить. Ты и твои собратья-преступники убили не ту женщину, и это вас напугало. Я видела страх на ваших лицах, когда вас отправляли по камерам.

— Часть меня страшится боли и боится за мою жизнь, как и часть любого другого человека. Но я не боюсь за свою душу, — спокойный взгляд Склэя по-прежнему был направлен на Кальпурнию.

— У тебя неплохая история. Ты был тирским практикующим химиком, смешивал краски. Этим ты занимался в своей рабочей бригаде, разве не так? Ты должен был помогать художникам, обновляющим фреску... — она бросила взгляд на кафедру.

— фреску с Тесейскими мучениками, — закончил Склэй. — Отважные мужи и жены Имперского Флота, не преклонившие колен перед Отступником. Я объявлю их своими покровителями и заступниками, когда предстану перед судьями из Экклезиархии.

— Покровителями и заступниками? Ты явно не из того же теста, что те жалкие типы, которые только что тут

были. Мне кажется, Склэй, тебя явно ждет Калькулус, а в конце концов — казнь, но есть еще ныне действующий договор с флотом, по которому мы поставляем заключенных для их рабочих бригад. Использовать свои умения для подготовки города к святому ритуалу — это, по-моему, благородный труд. Но Империум еще может получить от твоей службы пользу, прежде чем ты умрешь.

— Если даже я ничего больше не сделаю до того, как отправиться в могилу, я уже сделал достаточно. Я был готов сражаться с тобой. И я бы сразился с тобой.

Фохс было сложно расколоть, она ничего не выдавала, сколько бы Кальпурния не насмехалась над ее компетентностью. Телль-Керлигана — легко, он был убежден в своей невинности и горячо протестовал, стоило вслух объявить его преступником. Но этого она не совсем ожидала.

— Верно, — сказала она, — на краулере тебя не было. Тебя арестовали за улицу оттуда, так ведь? Ты не участвовал в убийстве.

— Ты не можешь сказать того же, женщина.

Вокруг изумленно ахнули, и стражники ткнули дубинками ему в спину. Он со стоном забился в кандалах, но Кальпурния жестом остановила карателей. Они сидели в молчании, пока Склэй дергался на полу. Наконец спазмы прекратились, глаза открылись, дыхание выровнялось. Взгляд Склэя снова поднялся на нее, то и дело уплывая в сторону.

— Склэй, ты не говорил этого на первоначальном допросе. Ты берег это до того момента, когда встретишься со мной лицом к лицу?

Он слабо кивнул.

— Хорошо, — продолжила Кальпурния, — я выслушаю твои обвинения.

Снова заахали, и ей опять пришлось призвать их жестом к молчанию.

— Вы все можете их выслушать. «Стоять на фундаменте закона — наш великий долг...» Зимний, закончи цитату.

— «....считать, что стоишь выше него — наша худшая ересь», — ответил Зимний. — Но, арбитр-сеньорис, как можно

позволить ему обвинять вас такими словами!

— Ты меня слышал, — холодно сказала Кальпурния. — И теперь и ты, и все арбитры в этой комнате смогут убедиться, что мы — верные и скромные слуги Закона, и мы не прячемся от обвинений за высокомерием. Итак, Склэй? У тебя есть шанс выдвинуть обвинение против арбитра-сеньорис перед полной комнатой Арбитрес. Это происходит нечасто, так что я рекомендую воспользоваться случаем как можно эффективнее.

Выжидающее молчание других арбитров казалось осязаемым. Где-то на другом конце лабиринта воздуховодов снова застенал неведомый узник.

— Из-за тебя погибло два невинных человека.

— Я не чураюсь этого факта, — парировала Кальпурния. — «Чтобы быть справедливым, наш закон должен быть жесток». Ни один арбитр не отступит от того, что необходимо для сохранения Закона. Когда я предстану перед

Императором, души, посланные мной до того, уже будут там, и я встречу их с чистой совестью. Итак, эти люди погибли во Вратах Аквилы?

В глазах Склэя впервые мелькнуло сомнение.

— Там, где Арбитрес сожгли людей, знавших об их преступлениях?

— Это место, — поправила его Кальпурния, — где невинные слуги Императора заплатили жизнями за преступления банды убийц и богохульников, называемых Обществом Пятьдесят восьмого прохода.

— Нет, — сказал Склэй. — Они умерли не там. Они были убиты в своих постелях в нашем барачном лагере на площади под обелиском Биальтеса. Ты знаешь, арбитр.

— Нет, Склэй, на самом деле, не знаю. Зимний?

Каратель быстро пошептался со своим подчиненным, прежде чем повернуться к ней.

— Это площадь на окраине улья, мэм, ниже по склону со стороны Врат Кафизмы. Там разбито много временных барачных

лагерей для бригад, которые работают по ночам. Все они были свернуты после нападений.

— Так ты скрыла свидетельства о своем преступлении, — сказал Склэй, — как уже пыталась скрыть их, убив людей, с которыми работали Робика и Джананд.

— Правда? Вы напали на меня, и при том посредством довольно-таки продуманных, хорошо вооруженных и многочисленных засад. Это, значит, я вас пыталась убить?

— Мы знали, что ты будешь ехать через наш город, и мы твердо решили отомстить за себя, — в голос Склэя начал возвращаться прежний огонь. — Те, кто пришли к нам, потеряли своих близких из-за твоих убийств, и они дали нам оружие. Нам рассказали, что есть люди, пытающиеся сорвать священную Вигилию Балронаса убийствами и саботажем, и что мы сами можем стать их целями, и что женщина-арбитр с другого мира, со шрамом на лице, которая прибыла сюда полной презрения к нашим обычаям, стоит за ними. И, разумеется, через несколько

часов после этих новостей Робика и Джананд, наши начальник и казначей, были оба убиты.

— Как?

— Их сожгли. Сожгли этих добрых людей, как крыс, хотя они были невинны и праведны. Бросили бомбу с горючим в хижину, где они спали. Потом пришли другие, с оружием, и сказали, что они знают, когда женщина, устроившая все это, будет проезжать недалеко оттуда, и тогда мы взяли свои рабочие машины и поехали, чтобы остановить тебя и расплатиться по счетам.

— Кто именно рассказал вам все это? — спросила она. — И как они убедили вас поднять оружие против блюстителя Закона, кому вы обязаны подчиняться?

— Адептус, прячущий грех за имперской печатью — не Адептус. Я помню свои уроки. Разве не провозгласил сам могучий Долан: «Я украду с блюда роскоши, чтобы накормить бессильных»?

— Это был Тор, а не Долан, — поправила его Кальпурния. — И поскольку ты вот-вот отправишься обратно в

камеру, я предложу тебе подумать о том, как, к примеру, дешева твоя вера и с какой готовностью ты извратил ее. Взрыв во Вратах был саботажем, а вашему нападению на меня предшествовала атака мутанта, колдуна-убийцы, всего несколько дней назад. Я опровергаю и отрицаю твои обвинения, Склэй. Если бы ты вовремя доложил об

этом случае, то мог бы оказать услугу Империуму. Однако, приняв неубедительную ложь как истину, ты убил больше невинных, чем было тех, за кого ты желал отомстить, и ослабил то, что, по твоему мнению, ты защищал. Ты преступник, Склэй, и за это ты умрешь.

Он продолжал смотреть на нее, даже через плечо, когда его уводили, но Кальпурния не могла ничего прочесть в его глазах. Может быть, Склэй поразмыслит над ее словами и раскается, может быть, нет. Это, решила она, уже не ее проблема.

Залы для аудиенций и «Носороги». Кальпурния начинала воспринимать Гидрафур как сплошные залы для

аудиенций и «Носороги». Сейчас она стояла во втором тамбуре за дверями Собора. Во время первого визита сюда они с Леандро слишком быстро миновали эти помещения, чтобы она успела осмотреться, но теперь у нее было время, чтоб попытаться понять устройство и структуру этого строения. Она уже знала, что снаружи здание куда больше, чем сам великий зал Собора. Между ними находились огромные пчелиные соты из палат и кабинетов, откуда велось управление делами епарха и Министорума, лабиринты клуатров и комнат, которые наполняли собой стены, сплетались над сводчатым потолком Собора и громоздились все выше, этаж за этажом, в шпиле, поднимающемся в небо.

Ее привезли с эскортом, механизированным аналогом той охраны, которую они с Леандро взяли с собой во время первого визита сюда. Это был громыхающий квадрат из блестящих черных бронетранспортеров — «Носороги» спереди и сзади, зловещие «Репрессоры» по бокам, огнеметы на башнях, готовые при

первом же признаке нападения смести любого врага. И все же Кальпурния, сидя в кабине, размышляла о всех способах, какими можно остановить и уничтожить конвой при достаточной целеустремленности. Видимо, таковой никому не хватило, потому что машины сейчас стояли у подножия покрытой резьбой рампы, окруженные своими экипажами и полукругом из Арбитрес в черной броне и Сороритас в белой, который отрезали рампу от толп на Высокой Мессе.

Эти толпы состояли не из тех элегантных аристократов, мимо которых она проходила пять дней назад. Теперь, когда всех объял религиозный пыл Вигилии, улицы вокруг Собора заполнились замотанными в мешковину богомольцами с растрепанными волосами, посыпанными пеплом. Они выкрикивали молитвы и просьбы. Самых ярых из них тянуло к Собору, словно магнитом, поэтому отрядам арбитраторов пришлось создать проход для транспортов и сформировать кордон вокруг них.

Верующие, оказавшиеся за оцеплением, выли от негодования, что их оттесняют от Собора, и изредка одному из них удавалось перебросить себя через стену щитов, чтобы попытаться потрогать сверкающие белые доспехи Сороритас ради удачи, благословения или прощения.

Кальпурния повернулась спиной к шумной толпе и подняла взгляд на стену. Ее окружала мозаика, сплошь покрывающая стены и слепящая своим многоцветьем. На стенах возвышались церемониальные троны, установленные в высоких нишах, куда на первый взгляд никак нельзя было подняться — Кальпурния решила, что там должны были быть потайные ходы, так что кюре могли восседать на своих престолах, глядя вниз на тех, кто пришел вымаливать благосклонность, и не умалять свое величие лестницами или ступеньками.

Потолки на Гидрафуре имели форму заостренных сводов, а не плоских поверхностей, как обычно бывало в зданиях Адептус сегментума Ультима. Это значило, что художникам приходилось

располагать свои работы иначе, что имело свои последствия для тематики и композиции. Кальпурния запрокинула голову и рассматривала мозаику на потолке, когда снаружи остановился эскорт Дворова, и они стали вместе любоваться фризом, изображающим страсти Долана, пока не приехал Леандро, последний член делегации. В комнате, должно быть, имелись потайные устройства наблюдения, потому что, как только все трое оказались вместе, двери в дальнем конце тамбура открылись, и внутрь вошел Барагрий, в паре шагов за которым следовал лорд Халлиан Кальфус-Меделл. Все пятеро стояли небольшой тесной группой в центре помещения и разговаривали негромкими голосами, из-за чего огромное пространство казалось убежищем заговорщиков, несмотря на теплый дневной свет, сочащийся вниз сквозь световые колодцы.

Кальпурния почувствовала, что это как-то странно — излагать им информацию в таком, казалось бы, публичном месте, но, тем не менее, со всей

возможной краткостью она рассказала им обо всем: о том, что она знала о плане Экклезиархии тайком провезти своих эмиссаров на борту «Аурум Санктус» к другим церковным центрам (Халлиан при этом раздувал ноздри и дергано посматривал по сторонам, Барагрий просто глядел на нее без всякого выражения); о роли Телль-Керлиганов в этой операции и о том, какую сумятицу она внесла в их деятельность; о том, как эта неразбериха дала группе еретиков-саботеров, называющих себя Обществом Пятьдесят восьмого прохода, возможность подложить бомбу, чтобы сжечь масло Собора и тому пришлось пустить в оборот отравленные запасы («И что же все-таки такое этот Пятьдесят восьмой проход?» — спросил Халлиан. «Кто знает? — ответил Дворов. — Тайные общества на Гидрафуре предпочитают малопонятные имена. Это, вероятно, имеет смысл только для самих заговорщиков. Я уверен, что он станет известен на допросах».); как запаниковавшие рабочие на повозке испортили всю эту схему; и что на

картине всего произошедшего по-прежнему есть два белых пятна в жизненно важных местах.

— Связь с убийцей, который стрелял в вас тогда в Квартале Адептус, — поразмыслив, сказал Барагрий, — и связь с засадами, которые организовали против вас, когда вы прибыли из космоса.

— Попытки замести следы в обоих случаях были довольно-таки хитроумны, — ответила Кальпурния. — Первый убийца подвергся серьезной обработке для того, чтобы в случае поимки или смерти невозможно было вычислить его личность и происхождение. Бригады, устроившие засады, были дезинформированы своим начальством, а оно, в свою очередь, было убито таким образом, который на первый взгляд подтверждал эту ложную информацию, и при этом гарантировал, что бригады не узнают, кто на самом деле стоял за ними. Это ловкий план, и такая ловкость не стыкуется с деятельностью Пятьдесят восьмого прохода.

— Мне кажется, это не так, — заявил Халлиан, глядя на нее. — Инфильтрация в

дом Телль-Керлиганов, на мой взгляд, была провернута весьма умело.

— Один случай — попытка саботажа, нацеленная на Экклезиархию, — сказал Дворов, — а другие два — покушения на командующего Адептус Арбитрес. Они достаточно непохожи друг на друга, чтобы мы считали их несвязанными друг с другом.

— Мы это, конечно, еще подтвердим, лорд Халлиан, — вставила Кальпурния. — Я отдала приказы нашим следователям и вериспексам, чтобы они удвоили усилия в розыске тех, кто все это подстроил. Вскоре мы узнаем, кто они такие.

— Именно так, — после паузы согласился Халлиан, по-прежнему глядя на Кальпурнию.

— Закат нас не ждет, — сказал Барагрий, как раз когда она начала чувствовать себя неловко. — Перейдем к следующей причине вашего визита, Арбитрес. Следуйте за мной.

Чем дальше Кальпурния продвигалась по Собору, тем более спокойно и уверенно себя чувствовала. Во многом он сильно

отличался от строгих крепостей арбитров: стены покрывали созданные за сотни лет мозаики, фрески, ниши для урн и икон, изображающих жрецов и Сороритас прошлого. Но, когда они покинули тамбур и начали идти по клуатрам, она осознала, что в официальной, значительной атмосфере Собора чувствует себя как дома.

Еще через три тамбура ей удалось ненадолго узреть основное пространство Собора через огромные двойные двери, которые стояли открытыми. Делегация подошла к дверям, чтобы поклониться алтарям и отдать дань уважения, прежде чем начать восхождение к вершине Собора, и этого было достаточно, чтобы Кальпурния преисполнилась благоговения. Здесь не было тесно наставленных скамей или приделов — Собор представлял собой единый огромный простор, чей потолок возносился высоко над перекрестьями желтых лучей, отражающихся вниз из гигантских световых колодцев, снабженных зеркалами.

Два ряда колонн, толщиною больше,

чем «Носорог» в длину, тянулись вдоль гигантского помещения, разделяя обширный пол из полированного камня на три части, каждая из которых была достаточно широка, чтоб по ней могла маршировать дивизия арбитров. Концентрические круги ступеней охватывали подножие каждой колонны, будто амфитеатр наоборот. Каменные святые и примархи, стоящие вдоль стен, были столь высоки, что Кальпурнии понадобились бы «кошка» и веревка, чтобы забраться хотя бы на их стопы.

В дальнем конце этого простора, под громадным изображением Императора, выложенным золотым листом на стене, находились четыре алтаря Собора, возвышающиеся точно так же, как их описывал Галимет. Каждый стоял на вершине зиккурата, превосходящего по размерам некоторые часовни, которые доводилось посещать Кальпурнии: Доланитский, Сангвинальный и Торианский алтари бок о бок, и Императорский алтарь, возвышающийся над ними позади. Над каждым алтарем

завис траморный ангел, беззвучно парящий в гравитационном столбе, склонив голову и сложив руки в молитве. Кальпурния поклонилась каждому из них и пробормотала старое ультрамарское благословение на низком готике, после чего шагнула назад и отвернулась. Им предстояло еще несколько часов подниматься по зданию, в то время как дневной свет снаружи начал меркнуть, переходя в густые гидрафурские сумерки.

Это путешествие было отчасти данью вежливости, отчасти консультацией: ни Церковь, ни Арбитрес не могли рисковать безопасностью Вигилии, поэтому Кальпурния и Дворов были намерены удостовериться, что обе организации будут работать в идеальном тандеме. Вместе с Барагриет и Халлианом они миновали один уровень гигантского здания за другим, сопровождаемые сменяющими друг друга Сороритас.

Орден Священной Розы стоял гарнизоном во всех частях Собора, на углу и в конце каждого коридора имелась ниша,

где стояла на страже одна из сестер, облаченная в белые доспехи, словно статуя, омытая мягким белым светом и вооруженная болтером. Кальпурнию и Дворова эскортировали через широкие, наполненные эхом клуатры и лабиринты узких коридоров, в которых приходилось идти колонной по одному, мимо огромных витражных стен и крошечных смотровых щелей в толстых крепостных стенах. Кальпурния сняла с пояса минипланшет и стала записывать на него одно имя за другим, стараясь вбить в память имена на случай, если она встретится с ними снова. У каждой из сестер они спрашивали о состоянии гарнизона и безопасности в этой части Собора, а также получали список требований к Арбитрес, которые должны были укомплектовать гарнизон на время мессы. Когда они вышли на террасы, Кальпурния то и дело смотрела вниз, на Месу. Ряды арбитров и сестер, а с ними и толпы верующих, становились все более размытыми и маленькими по мере того, как делегация поднималась к шпилю Собора, а усыпанные искрами света склоны

Босфорского улья, уходящие вниз, утопали в густеющих оранжево-черных сумерках. Сестры несли стражу на террасах, стоя на бронестеклянных кругах над гигантскими прожекторами, от которых в небо поднимались колонны бело-голубого сияния, и от этого Сороритас сияли в надвигающейся мгле, словно звезды. Белые и алые знамена, закрепленные на их церемониальных жезлах, развевались и хлопали на вечернем ветру. Наконец, поднявшись через столько этажей, что Кальпурния сбилась со счета, они прошли по узкому зигзагообразному коридору на балкон, откуда уходила единственная перегороженная цепью лестница. Здесь, наверху, дул холодный ветер, а от высоты кружилась голова. Кальпурния отвернулась от края, скорчив гримасу. Ее детство прошло на Цаксе, где высоких зданий было немного, поэтому она не привыкла к высоте.

Сопровождавшая их Сороритас, сестра Цустина, раздала всем небольшие проволочные дужки, борзоча при этом благословения. Кальпурния посмотрела на

свой кусок проволоки с маленькими филигранными сферами на концах, а потом увидела, что остальные обматывают их вокруг головы, и последовала их примеру. На мгновение ей стало неприятно, когда эти шарики зашевелились и сами собой попали ей в уши. Окружающие звуки приобрели металлический оттенок, но не утратили ясности.

— Технотаинство от наших соратников из Адептус Механикус, — пояснил Леандро, когда сестра Цустина убрала цепь на лестнице и жестом позвала их за собой. — Они отфильтровывают некоторые звуки, а некоторые пропускают. Скоро увидите, зачем это надо.

И с этими словами они вышли с лестницы на высочайшую платформу на шпиле Собора. Они находились в огромной галерее длиной в двести метров, вдоль которой тянулись гигантские открытые арки, и сквозь них пламенел гидрафурский закат. Отсюда Кальпурния могла разглядеть даже вершину дворца Монократа и усыпанную огнями равнину,

простирающуюся за ним. Она повернулась и увидела ряды безмолвных гор, расходящиеся клином и исчезающие в наступающей ночи. Высота внезапно перестала беспокоить ее, и она почувствовала себя почти невесомой.

— Мои Арбитрес, — голос Халлиана Кальфус-Меделла вернул ее обратно на землю. Она повернулась к нему лицом. Лорд казался черным силуэтом на фоне огненно-опалового неба в арке, выходящей на запад. Стражник-сервитор, должно быть, ждал его здесь, и теперь он возвышался рядом, как громадное чудовищное пятно.

— Мы идеально рассчитали время, и ваше присутствие здесь, уважаемая арбитр Кальпурния, большая честь и радость для меня. Есть одна вещь, что я с нетерпением ждал показать вам, в некоем роде представить вам великолепие моего родного мира. Я думаю, вы этого заслуживаете. Очень рад вашему присутствию здесь.

Голос у него был мягче, чем когда он говорил с Кальпурнией раньше. Он взял ее

под локоть, чтобы провести к арке за их спинами — она напряглась от такой фамильярности, но увидела краем глаза, что Дворов быстро помотал головой, как бы говоря «не возражайте».

Она стерпела, чтобы Халлиан отвел ее в восточный конец галереи, к арке, которая выходила на Месу; с этой стороны шпиля не было никаких ярусов, только практически отвесная стена. Ночь окончательно вступала в свои права, и яркое освещенная площадь уже превратилась в отдаленное размытое световое пятно. Кальпурния осознала, что людей стало куда больше, чем было в тех толпах, стоявших у ворот во время ее прибытия.

Вся Меса была забита людьми, стоящими плечом к плечу. Как будто, пока они шли по собору, сюда стеклась половина населения Августеума.

Она почувствовала еще одно прикосновение к руке, но на сей раз это был не Халлиан. Сестра Цустина проверила, хорошо ли закреплены ушные бусины, и шагнула в сторону. Она сверилась с часами

на тыльной стороне латной перчатки, сделала жест, и Кальпурния, увидев, что все открыли рты, последовала их примеру. Халлиан сказал своему сервитору какое-то короткое слово на стрекочущем кодовом жаргоне, а потом поджал открытые губы, словно выдувая кольцо из дыма.

Бусины довольно сильно приглушили звук, поэтому Кальпурния почувствовала удар колокола скорее как физическое воздействие. На нее как будто налетела утяжеленная груша для битья, причем со всех сторон одновременно. Диафрагма задрожала, как при кашле, а панцирь загудел и завибрировал на теле. Ей понадобились все ее рефлексы, чтобы не пошатнуться вперед, и полный контроль над собой, чтобы не развернуться и не закричать предупреждение, когда она увидела, что остальные члены группы не встревожились.

И тогда внизу погасли все огни улья.

Мгновение единственным освещением были слабые и приглушенные огни жилых комплексов города далеко на равнине, а потом на склоны, заросшие джунглями из

башен и крыш, снова начал медленно проникать свет. Приглушенное, скромное сияние начало литься из окон дворца и стен Собора, и Сороритас озарились их отблесками, словно весь бок Собора усыпали бриллианты.

Через миг на площади начали загораться светильники горожан. Сначала это были всего лишь разбросанные там и сям искорки, но их становилось все больше и больше, пока вся площадь не засияла, словно усеянная светлячками, а потом, будто река вырвалась из берегов, новые светильники загорелись на темных улицах Кафизмы и внизу, на всех дорогах и переулках улья. Отзвуки единственного удара колокола угасли, и в тишине эта мерцающая паутина казалась волшебной, завораживающей.

— Видите, арбитр Кальпурния, почему я так волнуюсь за вас? Посмотрите на этот улей, посмотрите на множество людей под нами. Представьте, как это будет выглядеть, когда колокола прозвонят к началу фестиваля Сангвиналы! Вообразите это:

люди толпами сбрасывают траурные плащи, открывая алые праздничные одежды, красные знамена развеваются на всех шпилях и башнях, багряные лепестки наполняют воздух, — лорд Халлиан почти шептал. — Эта месса будет великолепна, моя леди арбитр. Я так много и так долго трудился, чтобы этот святой праздник помнили и обсуждали еще много лет. Тот, кто осмелится навредить вам, или любому из великих Адептус, или мне, или даже самому низкому слуге на мессе, осквернит честь, дарованную мне епархом Гидрафурским, честь устроителя всего этого. Я хочу, чтоб вы поняли.

— Думаю, мой лорд Кальфус-Меделл, что я понимаю.

Они еще долго стояли и смотрели на огни в тишине.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Четырнадцатый день Септисты

Четыре дня до Мессы святого Балронаса. Первый день Вигилии Балронаса. Поминовение Цирзы Полусвятой (Адепта Сороритас).

В этот день все движение транспорта в Августеуме запрещено, так же как и в нижней части города, исключение составляют лишь Адептус, едущие по своим делам. За исполнением этих законов проследят Арбитрес и Сороритас, коим следует докладывать о любых нарушениях. С наступлением ночи начинается комендантский час, когда ни одному гражданину не дозволено выходить из дома, кроме как по

религиозному долгу. Все участвующие в церковных службах прибывают на них и уходят с них как часть экклезиархальной процессии, каковые будут двигаться на протяжении всей ночи, по несколько десятков на каждый храм и часовню. Дома разрешается освещать только свечами определенного размера, установленного Экклезиархией, или ароматическими лампадами, которые зажигаются перед Тихой Конгрегацией. На протяжении всего этого периода хозяева должны впускать в свои дома должностных лиц Экклезиархии или Министорума, по закону имеющих право входить в любое время и в любое жилище, чтобы проследить за выполнением данного правила и благословить дом, если в нем все в порядке.

Обе эклиптики Гидрафура кишели флотскими укреплениями, начиная от самого Кольца: каждый мир в системе носил ожерелье из орбитальных крепостей, дрейфующие станции плавали по изменчивым гравитационным волнам между эклиптиками, огромные боевые соединения Гидрафурской эскадры рыскали по системе, словно пантеры в клетке, крошечные наблюдательные станции и свободно парящие пусковые шахты прятались в закрученных астероидных поясах, на задворках системы покоились облака-ловушки из торпед, а бункеры и цитадели простирались по всем мирам и были вырублены в поверхности каждого спутника. Но основная часть тыловых баз флота, контролируемые или ленные планеты, кузни и кораблестроительные заводы, навигаторские станции и матрицы телепатики, четыре гигантских флотских академии и роскошные космические поместья офицеров-аристократов были сконцентрированы в Круговороте

Мартареа, большей эклиптике, которая склонялась в сторону границ сегментума Обскура.

В 09.57 четырнадцатого дня Септисты, пока Шира Кальпурния листала доклады об инцидентах, пытаясь найти связи с покушениями на свою жизнь, некий код авторизации был ошибочно отправлен на «Авентис Сапфир-7», скоростной корабль-дромон, перевозивший со станции Лиги Черных Кораблей в Круговороте Мартареа несколько должностных лиц для участия в Вигилии. Когда астропаты и логистеры корабля попытались проассоциировать соответствующие половины кода с флотскими патрулями над Кольцом, сначала код отразился как верный, и дромону дали разрешение подойти. На середине сближения кодовые передачи, несмотря на многослойную защиту и сложные проверки на устойчивость к сбоям, внезапно начали смешиваться и противоречить друг другу. Скоростной корабль описал грациозную дугу, завершившуюся на пути «Высоколета»,

грузовой баржи, что набирала скорость, двигаясь от кольца к уходящему в дальнее плавание крейсеру Флота.

Дромоны создавались с расчетом на то, чтоб в экстренной ситуации их можно было использовать и для защиты системы. Корабль обладал достаточной маневренностью, чтобы уклониться и проскользнуть вдоль баржи, и достаточной прочностью, чтобы не разлететься при этом на части. Со сплошь изборожденным правым бортом, истекая кислородом из палуб и плазмой из двигателей, дромон медленно уплывал прочь, вращаясь по спирали, а в это время по всему Кольцу выли сирены, и сквозь шлюзы протаскивали аварийные шлюпки и буксиры. Барже повезло меньше, при столкновении ей переломило хребет и отшвырнуло прямо на Кольцо. Начальник управления артиллерией проревел приказы батареям крепости, которые дали трети экипажа время добраться до спасительных капсул, но остальные, сколько их осталось в живых после удара, были испепелены вместе с кораблем, когда расчеты Кольца решили,

что у них больше нет времени.

Через пятнадцать минут после того, как закончилась агония «Высоколета», трансмехаников и астропатов вытащили из их башенок связи. Через двадцать минут после этого капитан караула орал на них, требуя ответов, в собственных покоях в одном из куполов управления Кольца. На протяжении следующего получаса этот купол осаждался Флотом, директорами транспортной линии, к которой принадлежал «Высоколет», разъяренными представителями Адептус Астропатика, желающими знать, каким образом их почтенную братию могли подвергнуть такому обращению, и куда более сдержанными посланниками из дворца Монократа.

Через два часа после столкновения прибыли посмертные показания отказоустойчивых систем. Хорошая новость состояла в том, что проблема, вызвавшая столкновение, была локализована, и отказоустойчивые системы ее изолировали. Была и плохая новость — все стало указывать на нечто

похуже простой ошибки. Саботаж.

Официальный представитель кабинета Мастера Орбит прибыл в три часа. Он вошел в купол управления практически в тот же момент, что и два члена Флотского Суда, прибывшие с бригадой Флотской службы безопасности, чтобы составить собственный официальный рапорт. Первое, что они обнаружили, когда потребовали представить им участников событий, было известие о самоубийстве астропата, который первым транслировал обмен приветствиями «Авентис Сапфир 7» и Кольца. Он покончил с собой с помощью шприца-трубки, который он извлек из подкладки своей мантии. Слухи о саботаже укрепились.

В 14.04, всего через четыре часа с того момента, как первые неверные коды проникли в разумы астропатов «Авентиса», Шира Кальпурния поднялась на корабль в крепости Арбитрес Крест-Семь, и ее снова повезли на Кольцо. К тому времени, как она вошла в люк стыковочного узла, воздух был настолько

густо пропитан паранойей, что его можно было взять в руки и выжать. И все астропаты и персонал связи находились под арестом у Флота.

— Они что? — рявкнула Кальпурния, борясь с желанием шагнуть вперед и ударить кулаком по столу.

— Под арестом у Флота, — сказал Хадре Гутамо, капитан караула двадцать восьмого сегмента Гидрафурского Кольца.

Стоя за огромной плитой из полированной древесины в маленьком офисе в центре своих покоев, окруженный роскошными гобеленами и вставленными в рамки имперскими свитками почета, Гутамо выглядел как человек, твердо намеренный храбро претерпеть боль и унижение. Серьезный, с прямой спиной, словно на церемониальном параде, он все равно каким-то образом казался осевшим, словно его тело обмякло и поддерживается лишь благодаря ремням и проволоке. Один его глаз был зеленый, другой, желтовато-оранжевый, окружали шрамы — Кальпурния решила, что это было результатом

пересадки тканей — и оба разных глаза отрешенно глядели на руки, сложенные на груди. Едва заметная скорбная дрожь в его голосе и мельчайшее подрагивание навощенных усов выдавали фальшь в его кажущемся спокойствии.

— Ясно. Это пограничная зона между территорией планеты — то есть, полной юрисдикцией Адептус — и открытым космосом, где действует юрисдикция Флота, верно?

Из того, что она услышала по пути наверх, Кальпурния уже поняла, что людей, связанных с ошибочной передачей данных, забрали со станции, но сдерживала гнев до тех пор, пока их командование не даст отмашку на продолжение полета. Теперь, когда полет утвердили, ее самообладание начинало трещать по швам.

— Да. Мастер Орбит подчиняется Монократу и Адептус, и одновременно — внутрисистемному командованию Флота.

— А вы подчиняетесь Мастеру Орбит.

— Да.

— Выяснили ли вы у него, или

сообщил ли он вам, что это вполне может быть связано с серией саботажей и покушений на убийство в сердце Босфорского улья, что внизу, на Гидрафуре, нацеленных против самой Вигилии святого Балронаса, и что вам чертовски не помешало бы дать Адептус Арбитрес доступ к этим людям?

Он сглотнул.

— Цепочка обмена сообщениями, которая привела к... инциденту... к столкновению, она на самом деле началась с флотской станции на дальней орбите. Внутренние Харисийские Врата, в лице капитана-привратника Самбена де Жонси, немедленно запросили, чтобы всех виновных выдали им для военного трибунала, где также будут судить членов его собственного экипажа, в соответствии с протоколом Флота.

Гутамо поднял взгляд, когда закончил говорить, и его передернуло. Один из братьев Кальпурнии как-то описал цвет ее глаз в момент гнева как «зеленые, будто лед Макраггских глетчеров». Взгляд начальника караула снова вернулся к его

затянутым в перчатки рукам. Одна из них теперь слегка подергивалась под стать его усам.

— Кто будет заниматься трибуналом, капитан Гутамо? — голос Кальпурнии стал тише, но сталь из него никуда не делась.

— По протоколам флотского закона это может делать ряд руководящих органов, — Гутамо тоже понизил голос. — То, какой вес будет иметь каждая заявка на рассмотрение этого дела, будет решаться с учетом соответствующих судебных заключений и прецедентов. Вероятно, потребуется, чтоб над этим подумали специалисты-саванты и архивариусы, потому что большая часть случаев датируется временами до Отступничества...

— Я уверена, что их вклад будет невероятно полезен, — перебила Кальпурния. — Капитан, я предлагаю вам угадать, что произойдет дальше. Не сомневаюсь, что Арбитрес захочется тщательно исследовать роль каждого члена экипажа Кольца, замешанного в

этом инциденте, и, несомненно, ожидаю, что у нас завяжутся хорошие рабочие отношения. Я надеюсь, что ваши собственные рабочие взаимоотношения не повлияют на это исследование среди ваших коллег.

Гутамо воспринял не слишком завуалированную угрозу с видом тонущего человека, который почувствовал, что начался дождь. Он прикрыл глаза, а потом снова медленно поднял взгляд на лицо Кальпурнии. Ей доводилось смотреть в глаза многим приговоренным, но все же тяжесть двуцветного взгляда Гутамо едва не заставила ее сделать шаг назад.

— Из того, что я увидел в комлюнике из Врат, — сказал он, — следует, что капитан де Жонси предлагает самому возглавить слушания и немедленно привести приговоры в исполнение. Ходят разговоры о казнях без следствия, которые, возможно, уже состоялись. Это все, что я могу открыть вам, арбитр-сеньорис Кальпурния, не подвергая себя еще большему риску из-за возможных неточностей. При текущем положении

моя семья будет получать обеспечение после того, как я понесу наказание за то, что случилось во время моего дежурства. Если же я сделаю это положение хуже, они могут остаться без него. Думаю, вы понимаете.

Она понимала, но отмела это в сторону как не имеющее отношения к делу. Ее внезапно обуяло желание добраться до Внутренних Харисийских Врат, прежде чем след саботеров, кто бы они ни были, не остыл. Она отдала кратчайший из формальных салютов арбитратора, на что Гутамо отсалютовал согнутой ладонью, как принято в Линейном флоте Пацификус, а затем дернула головой, приказывая Баннону следовать за собой.

— Мы не собираемся его арестовывать? — прошептал тот, когда они маршировали обратно через покои Гутамо под взглядами сотрудников купола. Она не отвечала ему, пока они не отошли достаточно далеко к своему катеру, грохоча сапогами по коридорам из тусклого, казавшегося необработанным железа, чьи стены были пронизаны

тяжелыми балками и усеяны огромными заклепками с головками вдвое больше кулака Кальпурнии.

Когда они выходили в очередной коридор или на лестничную площадку, то видели, как небольшие группы работников станции поспешно рассыпаются и торопливо скрываются из виду, не желая попадаться на глаза высокопоставленному арбитратору после столь ужасного недавнего преступления.

— Гутамо никуда не денется. Он понимает свой долг, и я уверена, что он его выполнит. И мы достаточно близко к Гидрафуру, чтобы его можно было арестовать, если это окажется нужным. Но тебя разве не волнует, что внутренние врата — это же так вы называете это кольцо крепостей, которое находится сразу за максимальной орбитой, внутренние врата, да? Ну вот. Внутренние врата, которые могут быть в этом замешаны, — это ядро эскадры, которая дала дромону разрешение на пролет, и в считанные часы после этого командующий станции арестовал всех связанных с этим делом

членов экипажа, так что он может вышвырнуть их из шлюза с болтом в затылке, если захочет, и больше никто не в состоянии ни допросить их, ни опровергнуть любые его слова? Тебя ничего из этого не беспокоит?

— Может быть, нам следует скооперироваться с флотскими властями во время процесса? Возможно, мы бы могли отправить своего представителя...

— Это было бы хорошим решением, если этот де Жонси просто проявляет энтузиазм, — ответила Кальпурния, шагая вниз по уже движущемуся эскалатору, — но абсолютно бесполезным, если он делает то, что подозревает мой неприглядный арбитраторский разум. Какой план действий мы записали до вылета с Крест-Семь? Я, кажется, дала тебе его сформулировать, не так ли?

— Э, хм. Мы сообщили, что, эм, немедленно произведем допрос капитана караула, затем приступим к тем действиям, которые сочтем необходимым, на борту Кольца, в то же время дожидаясь, пока не прибудет более крупная целевая

группа судей и правовых савантов, чтобы начать переговоры касательно перекрывающих друг друга юрисдикций, — голос Баннона становился увереннее по мере того, как он постепенно вспоминал то, что написал.

— Верно. Хорошо. И сейчас я это отменяю. Нет, — добавила она, увидев выражение его лица, — ты все правильно сделал, ты сделал именно то, что от тебя требовалось. Просто это «действие, которое ты сочтет необходимым» только что стало немного более срочным.

— Мы отправимся на эту станцию прямо сейчас, не дожидаясь целевой группы?

— Я знаю, что это такое, набирать целевую группу. Пройдут часы, прежде чем они будут готовы выдвигаться, а мне надо быть на станции сейчас. Одному Трону известно, что де Жонси успеет сделать, если он что-то скрывает.

— Проблемы с юрисдикцией...

— На орбите Дон-Круа, — холодно сказала Кальпурния, перепрыгивая через ступени крутой решетчатой лестницы,

ведущей на уровни доков, — мы по-настоящему взяли на абордаж крейсер флота, потому что у нас была причина считать, что он заражен ксеносами, скрываемыми экипажем. Не пытайся убедить меня, что когда-либо жил и дышал хотя бы один-единственный офицер флота, который был за пределами власти Закона. Что тебя заставляли распевать на плацу каждое утро во время введения в должность, Баннон?

— Мы определяем виновных. Мы назначаем наказание.

— И это, черт возьми, правда. И мне приятно слышать, что есть вещи, которые неизменны в любом уголке галактики. Так или иначе, мы, кажется, ненамеренно добились расположения флота, когда остановили «Санктус», так что, может быть, это поможет, когда мы явимся к ним и протолкнемся на борт.

«Я говорю как Дворов», — уныло подумала она, потом снова гаркнула на Баннона:

— Пойдешь впереди нас. Прикажи, чтоб наш катер готовили к отлету.

Пусть пилот проложит курс к вратам, а операторы Кольца расчистят нам путь. Действуй от моего лица, это делегация четвертого уровня. Беги!

Он умчался от нее как ошпаренный.

На какое-то время она оказалась одна на вершине причального колодца и взяла паузу, чтобы перевести дух. Она осознала, что даже не понимала, на какое путешествие подписалась. Может быть, она может затребовать дромон для личного пользования... но нет. Лучше послать сообщение во врата, как только они полетят, и не рисковать, а то можно тут увязнуть в пререканиях с капитаном, если не найдется готового к вылету корабля. Если бы только «Горн Правосудия» все еще оставался на Кольце... но после перехвата «Аурум Санктус» маленький транспортник отозвали на операцию подавления на краю Круговорота Аурукон, и он мог вернуться на Гидрафур только через несколько недель.

На миг Кальпурнии захотелось, чтобы она чувствовала себя так же уверенно, как вела себя с Баннионом, потом

она сказала себе, что думает слишком пессимистично. Она — Адептус Арбитрес, на ее стороне благоволение Флота, и это все, что она знает. Нападение на Кольцо было нападением на обе организации. Когда она начала спускаться по ступеням и услышала, как от шума подготовки корабля начинают дрожать стены, то сказала себе, что это будет несложно.

— Не думайте, что вам позволят здесь остаться, — рыкнул голос по вокс-каналу Харисийских Врат, как только по корпусу снаружи громыхнули захваты. — Мы принимаем вас лишь из милости. Ваш транспорт будет заправлен, а его анима сможет отдохнуть, после чего вы продолжите свой путь под вооруженным эскортом, пока не достигнете Кольца. Так гласят особые инструкции капитана-привратника.

Слишком оторопев, чтобы ответить сразу, Кальпурния откинулась на защитное кресло, когда катер бесцеремонно рванул в сторону дока Внутренних Харисийских Врат. Трескучий голос из вокс-решетки

грубо окатил ее прежний оптимизм ведром ледяной воды.

Вдруг ей стало неудобно и неловко, и словно по сигналу, узел шрамовой ткани на ее правом бедре как будто напрягся и отвердел.

В системах юго-восточной окраины, где служила Кальпурния, крепости, занимавшие жизненно важные позиции в эклиптике системы, назывались пунктами, на Гидрафуре же они именовались вратами. Они парили в гравитационном колодце в тех местах, где, как правило, концентрировалось основное движение транспорта, где проще всего было перескочить с одного Круговорота на другой, или обойти крупнейшие газовые гиганты, или проскользнуть мимо густых астероидных поясов, которые изгибались и скручивались в петли по всей системе. Это и делало станции настоящими вратами — практически каждый корабль, который хотел проникнуть в систему по безопасному и стабильному пути, должен был рано или поздно пройти через участок

космоса, который контролировался станцией-вратами.

Внутренние Харисийские Врата были небольшими — не самостоятельная крепость, но лишь часть ряда платформ и станций, которые висели над орбитой, формируя второе, несплошное Кольцо из пушек и доков малых боевых кораблей. Может быть, по стандартам более далеких станций-гигантов она и была маленькой, но все же она заполнила собой окно кабины, когда Кальпурния проскользнула вперед, чтобы посмотреть, как их корабль приближается. Станция качалась и вращалась перед ними, пока пилот прокладывал путь между громоздящимися вокруг минными полями и огневыми линиями турелей на аутриггерах. Почти невидимые силуэты дремлющих мин и голодные пасти орудийных амбразур сами по себе были знаком того, что они вошли в чужие владения. Вскоре врата заполнили собой все углы иллюминатора — толстое, покрытое выбоинами яйцо астероида, поблескивающее окнами, окольцованное

рядами причалов и шипов, поддерживающих пустотные щиты, покрытое огромными многоярусными шпилями из укрепленного адамантия, что выдавались вверх и вниз.

Еще на Кольце она отдала приказы, чтобы астропатов врат предупредили об их прибытии, и, когда они приблизились, обмен приветствиями прошел гладко и коротко. Только когда из вокс-решетки на нее внезапно рявкнул голос диспетчера, ее ощущения насчет этого визита внезапно ухудшились. Она оглянулась на свою команду, сидящую в катере: Баннон и два арбитра, которых она прихватила из Крест-Семь, когда поняла, что ей стоило бы обзавестись эскортом. Катер содрогнулся и зазвенел, когда его туго прижал к себе причальный захват станции, и Кальпурния подумала об огромном пустом пространстве, разделяющем ее и ближайшие подкрепления Арбитрес.

Ничего не оставалось, кроме как расправить плечи, понизить температуру взгляда, придав ему подобающую

властность, поправить знаки отличия и подняться по лестничному колодцу. Наблюдателю снаружи могло бы показаться, что длинный металлический плавник, тянущийся от станции, схватил катер и прижался к его верхней поверхности, изнутри же этот полый «плавник» выглядел высокой башней, полом которой оказалась верхняя часть катера. Теперь Кальпурния стояла на заиндевевшем металле его корпуса и смотрела вверх.

Доковый уровень атаковал все органы чувств. Металл вокруг был столь же холодным, как корпус под ее ногами, и она видела, как дыхание клубами срывается с губ, а роса превращается в изморозь на стенах, помостах и гигантских цепях, которые выскользнули из пасти причала и закрепились на корпусе катера. Сощурившись от прожекторов наверху, Кальпурния смогла разглядеть громадные цилиндры, на которые, как она поняла, наматывались цепи. Грохот механизмов бил подобно молоту.

Пилоты остались в кабине, так что в

башне рядом с ней стояли только Баннон и импровизированный эскорт из двух арбитров. Кальпурния улыбнулась про себя, глядя, как они пыхтят, переминаются с ноги на ногу и похлопывают себя по коже от холода: они все привыкли к климатам Гидрафура, в то время как ей прохлада приятно напомнила об океанских утесах Талассара и единственном визите — наполовину паломничестве — на полюса Макрагга. Потом она тихо приказала им прекратить и взять себя в руки. Несомненно, за ними наблюдали, и надо было вести себя соответствующе.

Это, в свою очередь, навело ее на мысль, что они уже долго здесь стоят. Она запрокинула голову и прокричала:

— Я Шира Кальпурния, арбитр-сеньорис Адептус Арбитрес. Я желаю, чтобы меня официально встретил офицер этой базы, чтобы я могла приступить к своим делам в этом месте. Вы заставляете меня ждать.

Ее голос был чистым и сильным и перекрыл грохот и лязг механизмов. Либо ее тон заставил встречающих

подскочить, либо они и так уже собирались спуститься, но через миг стало видно решетчатую кабину, которая, дребезжа, опускалась по покрытой изморозью стене. Она ровно снижалась, пока не оказалась на уровне в два-три человеческих роста, потом со скрежетом понизила скорость и преодолела остаток пути с мучительной медлительностью. Над дверью кабины со звоном загорелись огни, озарив арбитров ярким светом, и Кальпурнии пришлось забрать у Баннона свой шлем и надеть его. Теперь, сквозь поляризующие линзы, она смогла как следует разглядеть группу внутри подъемника.

Это было негостеприимное зрелище. В середине кабины, занимая большую часть пространства, несмотря на сдержанную, компактную позу, обычную для тех, кто все время путешествует в космосе, стоял офицер Флота в зеленой униформе до колен, украшенной красными полосками наград за заслуги в корабельных сражениях. По бокам висели сабля и тяжелый флотский пистолет, правая

сторона его нижней челюсти состояла из ауглетической стали, которая блестела на свету. По сторонам от него стояли двое рядовых, скрытых под тяжелыми прорезиненными рабочими накидками и капюшонами, и держали в руках массивные древки, увенчанные мощными цепными клинками, предназначенными для того, чтоб с одинаковой легкостью прорубаться сквозь стятые переборки, перепутанные кабели и плоть врагов. Боец флотской службы безопасности в униформе, которая почти зеркально отражала форму арбитраторов, замыкал группу, держа наготове огнемет с горящим запалом. Было очевидно, какое впечатление они пытаются произвести — и какое пренебрежительное отношение за этим стоит. Кальпурния скрипнула зубами. Она — арбитр-сеньорис, четвертый по статусу блюститель Имперского Закона в этой треклятой системе, она будет вести себя соответствующе званию, и никому ее не запугать. Она широкими шагами подошла к дверям кабины и глядела на младшего офицера сквозь прутья решетки, пока те

со скрежетом не разошлись.

— Я и мои спутники прибыли сюда, чтобы произвести арест виновных в саботаже и гибели людей на Гидрафурском Кольце. Будьте любезны сопроводить нас на борт станции. Капитан-привратник де Жонси должен быть оповещен о нашем прибытии и ожидать нас

— Если вы здесь, мадам, то вы знаете, что люди, стоящие за этим деянием, уже арестованы. Арестованы и привезены сюда. Вам больше не о чем беспокоиться. Мы даже казни произведем за вас.

Речь человека звучала странно — синтетическая губа на искусственной части его нижней челюсти не очень хорошо играла свою роль в формировании слов. Его выражение лица напоминало презрительную усмешку.

— Виновники происшествия, арест которых вы взяли на себя, нужны не только флоту, — ответила она. — Они замешаны... — она сделала паузу, достаточно долгую, чтобы задать себе вопрос, не слишком ли сильное это слово, «замешаны», чтобы быть правдивым, а

затем решила, что не собирается оправдываться перед младшим офицером, -- ...в планетарных делах, которые я собираюсь обсудить с капитаном-привратником. Если вы -- не он, то я попрошу вас организовать мне встречу с ним.

-- Вы -- не офицер Флота. За пределами Гидрафурского Кольца вся система -- и миры, и луны, и космическое пространство -- это вотчина Флота.

Его выражение лица стало угрюмым, и это Кальпурнии понравилось. Это указывало на то, что у него не было полномочий, чтобы приказать ей убираться со станции, несмотря на все его желание и действия, говорящие об обратном. Не забывая про сохранение достоинства, она просто пристально смотрела на него, пока он не начал беспокойно переминаться с ноги на ногу в морозном воздухе, и махнула рукой своим сопровождающим, чтобы они проследовали в кабину, когда он нехотя отступил в сторону. Теперь, когда от флотского отряда ее отделяли другие Арбитрес, она

смотрела между решетками, ни к чему особо не приглядываясь, пока клетка не проползала вверх, к вершине башни, и они смогли, преодолев ряд воздушных шлюзов, войти на саму станцию.

Несмотря на то, как их приняли, Кальпурния расслабилась, пока они шли через станцию. Внешне она казалась ей такой же экзотической, как большая часть Гидрафура, с этими заостренными аркаи дверей и проходами, больше похожими на вереницы комнат со сводчатыми потолками, чем на простые коридоры. Но, как и галереи Собора или рабочие уровни Стены, это было рабочее место, не из тех, что существуют ради одного лишь своего величия. Она была полна офицеров в изумрудно-зеленой униформе, рядовых и сержантов в грубой серо-зеленой одежде, которые спешили куда-то, подчиняясь крикам вышестоящих чинов, закабаленных рабочих с клеймами на лицах и ртами, закрытыми пересаженной тканью. Раз или два она мельком увидела других Адептус — магосов Механикус, которые обслуживали тайные системы станции, и ряды

шаркающих ногами, опустивших головы астропатов в капюшонах или пси-притупляющих металлических клетках на головах. На станции попросту не было достаточно пространства, чтобы выделить место под бесполезные церемониальные нужды, и во вратах царил комфортный бедлам места, занятого работой.

Когда они поднялись из центральной скалы в один из шпилей, и стены вокруг перешли из камня в сталь, толпы тоже изменились. Здесь было больше офицеров, а матросы носили лучшие униформы, и их осанка была более гордой. Это были не массово и насильно загнанные на флот рабочие низшего уровня, которые трудились до тех пор, пока их не раздавливало в механизмах, не зажаривало или убивало током неисправное оборудование, после чего их заменяли в обычном порядке. Это был опытный экипаж, те, кто распоряжался работой двигателей или нацеливал оборонительные орудия, кто следил за бормотанием астропатов или

потрескивающими генераторами пустотных щитов.

Кальпурния думала, что их ведут на мостик, но их недовольный проводник вместо этого направился к двойным закрытым дверям, по бокам от которых стояли еще два бойца службы корабельной безопасности, держа в руках хеллганы, направленные толстыми стволами в коридор. Провожатый кивнул им, распахнул двери, без церемоний провел Арбитрес внутрь и снова захлопнул двери, не произнеся и слова.

Они оказались в планетарии. Сферическое помещение было настолько большим, что галерея, в которую они вошли, висела в нескольких метрах над полом, или, по крайней мере, над нижним полюсом сферы. Стены были выкрашены в полночно-синий цвет, а в середине висело солнце — шарообразный светильник из затемненного дымчато-оранжевого стекла. Вокруг него пересекались серебряные кольца, изображающие двойную эклиптику Гидрафура, а вдоль них с тихим шипением скользили

металлические шары планет и лун. Пылевые облака стали тонкими сетями из проволоки, растянутыми между маленькими серебряными полукругами, астероидные пояса — нитками хрустальных бус. Кальпурния разглядывала их, искренне восхищаясь сдержанной элегантностью и сложностью дизайна. Капитан-привратник Самбен де Жонси облокотился на перила, стоя к ним спиной. Это был худощавый и невысокий человек, но его горделивая осанка создавала впечатление большого роста. У него были короткие шелковистые черные волосы, смуглая кожа, по-кошачьи грациозные движения, и, когда он повернулся лицом, стало видно столь же по-кошачьи внимательные глаза. Он не носил церемониальной сабли, только узкий кинжал на плетеном золотом шнурке на шее. На высоком воротнике его униформы виднелась богато украшенная вышитая эмблема — как предположила Кальпурния, семейный герб.

— Вы испытываете мое терпение, мадам арбитр, — начал он без преамбул, —

запас которого, между тем, сегодня не так уж и велик. Итак, поведайте мне, что я должен сделать, чтобы вы покинули мою станцию и ушли своей дорогой?

— Я прибыла сюда, чтобы найти тех, кто устроил на Кольце саботаж, уничтожив два корабля, погубив множество жизней и подвергнув опасности еще больше.

Кальпурния подумала, что его тон звучит пренебрежительно, и постаралась говорить холодно и ровно.

— Эти люди были на борту Кольца, но флот забрал их сюда и поместил под стражу, очевидно, по вашим приказам. На самом Гидрафуре имели место столь же грубые и разрушительные случаи саботажа, и я предполагаю, что за всем этим может стоять один и тот же заговор. Если вы будете с нами сотрудничать, то мы сможем устранить преступную угрозу, направленную против Арбитрес, флота и священной Вигилии на Гидрафуре, и уничтожить врага Империума и его народа.

— Вы, определенно, амбициозны, но не

очень внимательны. Вы не ответили на мой вопрос.

Он шагнул к ней с горящими темными глазами, и Кальпурния осознала, что де Жонси был не просто груб. Он был в ярости.

— Мой вопрос, и я для вас повторю, был таков: что я должен сделать, чтобы избавиться от вашего присутствия?

— Ваш вопрос, капитан-привратник, был «поведайте мне, что я должен сделать, чтобы вы покинули мою станцию и ушли своей дорогой?» Очевидно, ваша память примерно в таком же состоянии, как, по вашему мнению, моя внимательность. А что касается ответа, вы можете сделать следующее: разместить меня и моих спутников на станции, пока не прибудет дополнительный персонал Арбитрес. Потом вы можете присоединиться ко мне на допросе заключенных, которые, можно с уверенностью сказать, виновны согласно Имперскому закону и, следовательно, должны отвечать перед основными законодателями Империума. В качестве

жеста доброй воли я готова позволить вам также выступать в качестве обвинителя, когда будет покончено с допросами, а вериспексы соберут улики. Потом вы можете разрешить осуществление всех назначенных приговоров и наказаний, принимая участие там, где вы понадобитесь, и после этого, капитан-привратник, вы от меня освободитесь.

— Неприемлемо, — он отвернулся и снова оперся на перила. Серебряный шар, обозначающий один из внешних миров, прошелестел мимо, на расстоянии руки от его лица, вместе с парой самоцветных лун, вращающихся вокруг него. — Это военная система, арбитратор, и до тех пор, пока нас не вытеснила отсюда политика, Гидрафур был военным миром. Были атакованы космические перевозки, что является делом, относящимся к прерогативе Флота. Подчиниться приказам планетарного органа власти, передать своих заключенных, которых держат на моей станции, по моим приказам... Я спрашиваю себя, понимаете ли вы до конца, чего просите. То, что вы

смеете требовать...

— Мой титул, капитан-привратник де Жонси, — арбитр. Арбитр-сеньорис. Вы можете обращаться ко мне «арбитр-сеньорис» или «арбитр Кальпурния», как пожелаете.

— Если все, на что вы способны, это поправлять меня касательно какого-то официального обращения...

— Я также могу поправить вас касательно официального закона. Мы — Адептус Арбитрес. Корабль, что на протяжении эпох несет на себе имперские законы. Мы разжигаем и поддерживаем огонь в маяке Закона Императора, чтобы все в Его Империума могли направлять по нему свою жизнь, и мы следим, чтобы те, кто отвернулся от этого маяка, сбив и себя и других с пути, поплатились за это. Мы определяем виновных, мы назначаем наказание. Я наблюдала за судами над офицерами флота и Имперской Гвардии, над планетарными и системными губернаторами. Я дважды помогала вынести приговор людям из обеих этих организаций, и некоторые из них были

выше рангом, чем вы, капитан-привратник. Если вы хотите избавиться от меня, то, я полагаю, вам придется приказать меня убить, до того, как на станцию прибудет корабль, полный Арбитрес, а потом каким-то образом сделать так, чтобы эти Арбитрес не заподозрили достаточно, чтобы объявить вас отступником и наложили подобающее наказание и на вас, и на всех тех несчастных, что находятся на вашем корабле.

Де Жонси стискивал перила, на которые опирался. Его руки скрывали мягкие перчатки, но поза говорила, что костяшки пальцев под стеганым зеленым шелком уже побелели.

— Или же, — продолжала Кальпурния, — вы можете присоединиться ко мне в том деле, которое мы оба, мой уважаемый капитан-привратник, должны делать всю свою жизнь. Сражаться с угрозами Империуму и его народу. Разве так сложно увидеть, что у нас есть общее дело?

— И сколько же у нас общего, как вы думаете? Сколько общего у меня с какой-

то женщиной, которая вламывается на мою собственную станцию, станцию, капитаном которой я по праву назначен, и требует, чтобы я плясал под ее дудку? Все члены экипажа до последнего готовы выйти из шлюзов в вакуум, если я прикажу, ибо капитан на своем корабле — а эта станция, арбитр, является моим кораблем — воплощает собой высшую власть.

— Де Жонси, если вы чувствуете, что не отвечаете перед Арбитрес, тогда ладно. Вы можете оспорить точное значение закона с савантами и локуторами, которые прибудут вскоре за мной. Мы все можем снова встретиться в этом помещении и объяснить вам ваше положение. Если вы по-прежнему будете настаивать на том, чтобы противостоять воле закона, что ж, я, кажется, уже упоминала, что вы будете не первым офицером-отступником, которого я помогла низвергнуть.

Он снова резко развернулся, до хруста стиснув кулаки, со вспыхнувшими глазами.

— Это была угроза, арбитр Кальпурния. Вы угрожаете мне. Вы

прибыли к моим вратам, и пришли сюда, и теперь угрожаете мне.

— Да, капитан-привратник, именно это я и делаю. Мне надоело плясать и бормотать замысловатые словечки, чтобы добиться того, что я ожидаю получить по праву. Я обладаю полномочиями и причиной, чтобы угрожать вам, и я их использую.

— Вы об этом пожалеете, — сказал де Жонси, тяжело дыша. — Через шесть часов к этим вратам должен пришвартоваться «Восходящий крестоносец». Это, чтобы вы знали, флагман коммодора Хейла Оменти, командующего Четвертой Гидрафурской эскадры и Хранителя внутренних врат. Несомненно, ему будет что сказать по поводу того, — он сделал пренебрежительный жест, — что какая-то маленькая арбитресса прилетела к нам на орбитальной посудине, чтобы поставить под вопрос полномочия капитана-привратника.

— В этом, капитан-привратник, есть изящная симметрия, потому что, хоть я и не могу назвать вам чье-нибудь пышное

имя, сюда также направляется корабль, полный судей. Итак. Вы предоставите размещение для меня и остальных Арбитрес. Когда прибудут мои коллеги, мы сядем вместе с вами и с любыми заинтересованными подчиненными коммодора и разъясним вопрос касательно того, какие конкретные полномочия вы имеете в этом деле. А когда это будет закончено, мы перейдем к судам и приговорам, — она шагнула к двери. — Пожалуйста, пусть кто-нибудь сопроводит нас к нашим помещениям. Сейчас же.

Им отвели одну каюту с аблюторием, которая была бы просторна для одного человека, а для четверых тесна. Кальпурния постаралась немного поговорить с обоими Арбитрес, которых привезла из Крест-Семь. Это были Гомри, молодой человек с лоснящимися мускулами и миндалевидными глазами, происходящий с архипелагов Гидрафура, и Сильдати, женщина, чьи волосы и кожа были столь же белы, сколь темны были ее глаза и губы; она обладала странным акцентом,

который, как она сказала, происходил из системы ДиМаттина, что находится на расстоянии двух секторов к краю галактики. Оба были относительно молоды и чувствовали себя так же неуютно, как Баннон, угодив в такой переплет между собственным руководством и Флотом. Кальпурния продолжала периодически завязывать разговоры, чтобы помочь и им, и себе расслабиться, так что неловкое молчание постепенно потеплело, став дружелюбным молчанием. Они сидели бок о бок, разбирали и чистили оружие и снаряжение и время от времени обменивались анекдотом или шуткой.

Кальпурния не была точно уверена, сколько прошло времени, прежде чем прозвучал сигнал смены караула. Они все подпрыгнули, когда по коридорам снаружи заревели гудки; это был резкий, заглушающий все остальное звук, который странно наслаивался по мере того, как к хору присоединялись гудки в более дальних проходах. Почти на полчаса пространство снаружи заполнилось окриками и грохотом

сапог, прежде чем гвалт стены затих. Кальпурния начала размышлять о том, как организовать посменный сон, когда все снова подскочили от стука в дверь. Это был один из работников станции, который топтался на месте, нервничая от непривычного задания. Коридор за его спиной был затенен — светильники, и так приглушенные в согласии с Вигилией, стали еще тусклее на время ночи.

— Мэм, капитан-привратник де Жонси приказал сообщить вам, что скоростной дромон «Люмен Геодесс» вошел во внешние пределы наших оборонительных сооружений и пришвартуется в течение часа. «Восходящий крестоносец» уже приветствовал нас и вскоре тоже прибудет.

Кальпурния кивнула, щелкнула ему пальцами, чтоб он чуть подождал, и подозвала Баннона и Сильдати.

— Пожалуйста, сопроводите двух моих людей к тому причалу, где встанет «Геодесс». Вы двое, отрапортуйтесь лидеру целевой группы Арбитрес, когда она прибудет. Кратко доложите обо всем, что

произошло до настоящего момента — вы оба были со мной все время. Потом проведите их сюда. У вас делегация второго уровня, вы подчиняетесь лидеру группы, пока не вернетесь ко мне.

Работник станции от этих слов занервничал, что подбодрило двоих Арбитрес, которые переглянулись, надели шлемы и потопали следом за ним тяжелым и уверенным шагом. Гомри посмотрел им вслед, а потом вопросительно перевел взгляд на Кальпурнию.

— Будем ждать здесь, — сказала она ему, — на случай, если придет новое сообщение о капитана-привратника. И еще потому, что меня достало самой делать все до последней мелочи. Я буду здесь, неподалеку, погуляю и переведу дух. Тебе везет, Гомри, ты останешься здесь и тоже сможешь поразмять ноги.

Постоянное движение и шум дневных смен исчезли, и прохладный полумрак коридора рядом с их каютой казался просторным и безмятежным. Прогулочным шагом Кальпурния немного удалилась от

двери, глубоко дыша. Она не знала, правда ли так было или ей просто казалось, но воздух казался более холодным. Она рискнула потянуться, стоя на носках и запрокинув голову назад, и начала перебирать в голове все, что ей и ее группе надо сделать, а потом сдалась. Еще будет время, чтобы...

Позади послышался какой-то тихий звук, а потом ее с силой обхватили чьи-то руки, стиснув на уровне бицепсов, так что ее собственные руки оказались плотно прижаты к телу, и приподняли на цепочки. Это были тяжелые руки, с сильной и уверенной хваткой.

— Ага, попалась наконец-то? — злобно прошептал в ухо чей-то голос, и в воздухе поплыл щекочущий ноздри запах алкогольных испарений. Голос был сиплый, мужской, молодой и приглушенный. Ее развернули лицом к двери в ее комнату, откуда в коридор лился свет. Там стояло еще трое мужчин в форменных флотских брюках и свободных рубашках, без идентификационных значков. Их лица прикрывали куски темной ткани, в руках

они сжимали тяжелые дубинки. Насколько она могла разглядеть, они выглядели раскрасневшимися. Тот, кто ее держал, похоже, был не единственным, кто укрепил свою отвагу при помощи бутылки.

Через миг в дверь шагнул Гомри, без шлема и явно не готовый к такой ситуации. Его глаза расширились, а затем собственные инстинкты предали его — первое, что пришло в голову Гомри, стало не прыгнуть обратно в комнату, чтобы схватить огнестрельное оружие, но произнести:

— Отпустите арбитра-сень...

Потом мощный удар дубинки с хрустом обрушился на его лоб, и он беззвучно повалился обратно в каюту.

— Вы за это заплатите, — сказала Кальпурния через плечо тому, кто ее держал. — Еще миг назад я могла списать это со счетов как выходку чрезмерно ретивых кадетов, но теперь у нас есть арбитр, которому понадобится либо койка в госпитале, либо похороны. Не думайте, что я за это с вами лично не расправлюсь. С вами всеми. И с де Жонси тоже, если я

хотя бы заподозрю, что он за этим стоит.

— А ты хвастливая, да, мелкая назойливая сучка? — снова завоняло алкоголем, но схватившему ее удавалось удерживать голос под контролем, тихо шипя. — Думала, ты можешь прийти туда, где тебе не место? Думала, можно просто вот так сюда приперетьься, помыкать нами и унижать нас? У нас появилась отличная идея для маленького подарочка твоим друзьям. Мы собираемся оставить им сообщение касательно мелких сучек, которые суют свои мелкие носики туда, где не имеют никакого права находиться.

Его товарищи хихикали, и тот, который свалил Гомри, похлопывал палкой по ладони, затянутой в перчатку.

Кальпурния оценивала ситуацию. Они были пьяные, но, скорее всего, не до такой степени, чтобы рассчитывать на заторможенность и проблемы со зрением. Они были крупнее и сильнее, чем она. Их дубинки выглядели увесистыми орудиями, она не могла понять, из дерева или пластика, но действовали за счет массы, а не энергии, как ее оружие. Или двигал

адреналин, выделяемый от ощущения собственной дерзости. Они неправильно разместились, слишком долго злорадствовали и не снимали с нее оружие.

Ее снова дернули в сторону каюты. Как только они ее туда затащат, шансы станут значительно меньше. Экспериментируя, она перенесла тяжесть тела на другую сторону. Захват по-прежнему был силен, но мужчина не попытался изменить равновесие или центр тяжести.

Она повернула бедра в правую сторону. Плечи при этом не шевелились, и человек, который держал ее, не почувствовал движение из-за своего роста, отсутствия контроля за равновесием и брони на груди и плечах Кальпурнии. Она сдвинула рукоять своей дубинки вперед, повернула ее и нацелила ее конец вверх и назад. Мужчина крякнул от толчка, а потом беззвучно закричал от дикой боли, когда движение большого пальца наполнило дубинку энергией. Хватка на руках исчезла, Кальпурния нырнула в сторону. Тот, что держал ее, согнулся

пополам с такой скоростью, что его ноги оторвались от пола, и он рухнул наземь, свернувшись в позе эмбриона.

Трое сообщников, ошеломленные, в свою очередь замерли, и Кальпурния, воспользовавшись этим, как могла принялась сокращать их численное преимущество. Она сделала два быстрых ловких шага вперед и вбок и нанесла удар, наклонившись под правильным углом, так что, когда дубинка воткнулась в брюхо второго противника в классическом выпаде фехтовальщика, силовой разряд отшвырнул его, согнувшегося в приступе рвоты, прямо на того, кто стоял за ним.

Спутавшись в ком, эти двое врезались в стену коридора, и Кальпурния вовремя развернулась, чтобы пригнуться и ускользнуть вбок из-под удара, который мог бы расколоть ей череп. Инстинкт не дал ей сразу же контратаковать, благодаря чему она избежала обратного движения палки, промелькнувшей прямо перед носом. После этого другой мужчина слишком сильно размахнулся и потерял равновесие, открывшись на мгновение.

Кальпурния воспользовалась этим и врезала ему сапогом в колено. Потом, оказавшись рядом с ним, она поймала его за руку, поддела коленом под бедро и позволила его собственному замаху по инерции сбить его с ног. Сломанное колено согнулось, и противник неуклюже упал, воя от боли и шока и пытаясь свалить ее на пол вместе с собой.

Она припечатала его ногой в лицо и еще сильнее пнула по ребрам и голове, потом повернулась, пригнулась и поймала удар, нанесенный сзади, на наплечник брони. Парень, которому удалось выбраться из-под своего полубессознательного товарища, перехватил свою дубину двумя руками и размахнулся, чтобы снести ей голову.

Кальпурния, которая все еще чувствовала отдачу от удара и была неописуемо рада тому, что не сняла панцирь, не дала ему такой возможности. Теперь ее дубинка гудела и плевалась искрами, и ей не нужно было сильно замахиваться, чтобы нанести большой урон. Кальпурния сделала низкий выпад, а

потом, когда противник попытался заблокировать удар, шлепнула его по рукам. Она повысила мощность на одно деление, и разряд энергии вышиб дубину из рук мужчины, оторвав заодно кончики шести его пальцев. Тот взвыл и отшатнулся, но Кальпурния, будучи не в том настроении, чтоб проявлять милосердие, наклонила плечо и нанесла резкий рубящий удар сверху вниз, который раздробил ему ключицу и оставил глубокий обожженный след от плеча до живота. Дубинка выгнулась в руке от силы столкновения, мужчина рухнул назад, сполз по стене и мелко задрожал на полу.

Она воткнула дубинку обратно в зажим и подбежала к Гомри. Глаза того закатились, пульс трепетал, на лбу расползся жуткий темный кровоподтек. Кальпурния тихо зарычала и хотела было плюнуть на тела, распростертые в коридоре, но тратить на это силы не было никакого смысла. Она проверяла его пульс, говорила с ним, помогала ему дышать, когда приходилось, требовала у него, приказывала ему не умирать. Она по-

прежнему сидела, сгорбившись над Гомри и упорно пытаясь поддержать в нем жизнь, насколько могла, когда прибыли сотрудники службы безопасности Флота.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Пятнадцатый день Септисты

Три дня до Мессы святого Балронаса. Второй день Вигилии Балронаса. Процессия Тесейских мучеников. Поминовение Картигана и Лукулла Трафа.

К этому дню вся пища, оставшаяся от пира накануне Вигилии, должна быть съедена. Все, что осталось, к рассвету должно быть выброшено, в идеале — сожжено на жаровнях перед ближайшей часовней после того, как пищу благословит проповедник. Если еда сжигается в домашнем святилище, то главе семьи подобает прочитать четвертый Офелийский псалом или первые десять строф из

послания Триора к даннитам. Также приемлемо оставить еду на ступенях у уличной кафедры.

Те, кто присутствует на Процессии Тесейских мучеников, должны поститься с восхода солнца и до тех пор, пока гробы не пронесут перед ними во время третьего и последнего прохода вокруг Собора. Когда гробы несут мимо, традиционно положено размышлять о своем поведении перед вышестоящими и Императором за прошедший год. Традиционное облачение для этого дня — темная головная повязка или платок на лбу для мужчин и то же самое либо темная вуаль для женщин. Особенно истовые верующие во время религиозных церемоний могут закрыть глаза повязкой или лентой. К концу дня гражданам следует решить, какой пост они будут держать, чтобы подготовиться к

окончанию Вигилии. Весьма благочестиво и достойно поощрения начать пост на закате и ранее. В ранние часы поста мысли постящегося должны быть обращены на его грехи и проступки и необходимость покаяния и искупления. Соблюдение вигилии без сна вплоть до Служб Перьев в это время считается знаком ревностной веры.

— Нет, — громко заявила Кальпурния, — мне не пришло в голову предоставить вам медицинскую помощь. Ни одному из вас. Могу назвать по меньшей мере одного человека, которому медицинские ресурсы врат были куда нужнее — и сейчас остаются нужнее — чем любому из вас.

Она стояла на одном конце двухуровневого центрального вестибюля Внутренних Харисийских Врат, не обращая внимания на любопытные или

приглушенно-враждебные взгляды членов экипажа станции вокруг. По обе стороны от нее вились лестницы, одна из которых вела в зал трибунала, а другая — в покои Астропатики, а по обе стороны от лестниц находились тяжелые пластиковые колодки, привинченные к пластине в полу.

Левее всех находился станционный кадет Джинтис, один из напавших на нее вчерашней ночью, которого она вырубила вторым. Как и все остальные, он был закован в колодки и одет в полную униформу, с которой содрали все знаки отличия и ранга. Он выглядел слабым звеном: самый молодой, меньше всех принимавший участие в преступлении, а сейчас — самый напуганный и жалкий. По другую сторону лестницы от него находился старший кадет Бурдье, павший последним. Он был сильно сгорблен, искалеченные кисти рук замотаны марлей. Маршалам пришлось импровизировать для него металлический каркас, чтобы он не обмяк и задохнулся, потому что Кальпурния

настолько повредила его торс, что он не мог стоять прямо.

У правого лестничного колодца находился младший энсин Цикурел, которому она разбила колено. Последовавшие за этим пинки также сломали его нос, скулу и два ребра, но, определенно, не дерзкий дух — взгляд, которым он одарил ее, опираясь на здоровую ногу и сопя сквозь бинты на разбитом вмятку носу, был полон ненависти.

— Если у вас осталась хоть крупица чести, — сказала Кальпурния в ответ на этот жгучий взгляд, — если вам удастся стать достойными той униформы, что с вас сняли, тогда вы сможете извлечь из этого урок.

Она подошла к четвертому из них, энсину Талгаарду. Это был тот, что схватил ее, главный зачинщик, тот, который позволил алкоголю затуманить свой разум и наплодить там фантазии о том, как поставить эту маленькую планетницу-арбитра на место и отомстить за оскорбление своего

капитана.

— Не сомневаюсь, ваш капитан-привратник был бы не прочь увидеть меня в бинтах в медицинском отсеке станции, на волоске от смерти, как арбитр Гомри. Но когда вам четверым взбрело в голову, что надо действовать, что он сделал? На чью сторону он встал? Посмотрите, где вы теперь. Ваш капитан-привратник встал на сторону Закона.

— Ты... не понимаешь... оскорбление... чести... должно...

Это говорил Талгаард. Голос у него был придушенный, но она не была уверена, была ли тому причиной боль от ран или давление колодок на шею. Но его слов и искривленных губ было достаточно, чтобы убедить, что стоять здесь и тратить на него время бесполезно. Некоторые люди просто не желают исправляться.

Кальпурния прошла мимо него и поднялась по лестнице к дверям зала судебных заседаний. Она бы, возможно, могла войти внутрь и послушать, как пререкаются люди коммодора Оменти и Арбитрес, и даже поучаствовать в спорах,

но правила хорошего тона диктовали, чтобы она не присутствовала при обсуждении своего дела.

Коммодор и Арбитрес прибыли на станцию практически одновременно. Нестор Леандро возглавил делегацию Арбитрес, как только услышал, что Кальпурния улетела на Внутренние Харисийские Врата, а сам Оменти прибыл на борт, когда узнал, что банда младших офицеров напала на арбитра-сеньорис.

К тому времени, как они встретились в покоях де Жонси, Гомри лежал в коме в медицинском отсеке станции, и за ним ухаживало четверо врачей Флота. Кальпурния в конце концов согласилась поесть и немного поспала на свободной койке, но, когда ее разбудил юнга, посыльный из офиса де Жонси, Гомри все еще оставался в коме. Она не стала торопиться, вернулась в свою маленькую каюту, умылась и привела себя в порядок, прежде чем отправиться в кабинет капитана-привратника.

Коммодор Оменти, с выбритой

головой, висячими усами и такой же смуглой кожей, как у де Жонси, выглядел как само воплощение прохладной вежливости, когда разливал крепкий черный кофеин с добавлением бренди в маленькие латунные чашки-сферы вроде тех, что использовал Дворов. Де Жонси хранил молчание, Леандро был непривычно сдержан, то есть говорил лишь чуточку больше, чем все остальные в комнате, вместе взятые. Оменти благожелательно вел светскую беседу о попытках саботажа в Босфорском улье и «испытании», как он выразился, которому подверглась Кальпурния на борту Внутренних Харисийских Врат. Кажется, из этого нападения вышло хоть что-то полезное: тот факт, что младшие офицеры, подчиненные де Жонси, атаковали высокопоставленную гостью, лишило его всякой опоры для жалоб, и Леандро использовал все свои дипломатические умения, чтобы убеждать коммодора, в то время как капитан-привратник никак не мог за ним угнаться.

С Оменти Кальпурния чувствовала

себя в своей тарелке: его манера поведения была твердой, но миролюбивой. Хоть ей и не очень нравилось, что его взгляд то и дело падал на ее бедро под обтягивающей черной униформой арбитратора, она начинала проникаться осторожным оптимизмом насчет сотрудничества с де Жонси и доступа к заключенным.

Осторожный оптимизм, как она подумала позже, был проклятьем всей ее жизни.

— Вы вовремя, мэм, — сказал флотский сотрудник станции, который открыл дверь, когда Кальпурния достигла верха лестничного колодца. — Коммодор и арбитр-сеньорис желают вас видеть. Другой арбитр-сеньорис, я имею в виду, мэм, — дипломатично добавил он.

Зал трибунала выглядел на удивление незамысловато: простые скамьи и стол в виде подковы. Леандро и Оменти сидели на дальнем конце, где тот изгибался, достаточно далеко друг от друга, чтобы подчеркнуть свое различие, но достаточно близко, чтобы вести

дискуссию, а не вступать в противостояние. У плеча Оменти стоял человек с широкой талией, одетый в зловещую черную униформу Имперского Комиссариата. Его красное лицо и шея выпирали из жесткого воротника, словно их оттуда выдавило, как пасту из тюбика. Не считая комиссара, с каждой стороны присутствовала свита из савантов-законников и клерков, которые держались по углам помещения.

Де Жонси вошел в боковую дверь. Его черные глаза смотрели подозрительно. Ни Леандро, ни Оменти не поднялись, оба только жестом подозвали своих коллег. Комиссар пристально оглядел Кальпурнию, потом де Жонси, но по его лицу невозможно было прочесть, что он думал.

— Итак, давайте сразу к делу, — начал Оменти. Голос у него был мягкий, дикция говорила о хорошем образовании, но при всем этом он выглядел как человек, который никогда не опускал голос ниже рева. — Мы рассматриваем проблему, состоящую в конфликте интересов, или, скорее, в вопросе наличия такового

конфликта, между Адептус Арбитрес и Имперским Линейным флотом Пацификус в деле, касающегося ареста и судебного преследования тех, кто ответственен за то, что выглядит как намеренный акт саботажа против наших братьев по службе из Лиги Черных Кораблей.

— Вопрос, разрешение которого, по нашему предварительному и неопределенному мнению, сведет проблему к тому, на кого эти атаки — поскольку таковыми мы их считаем — были направлены, — продолжил Леандро. — Оба наших ордена, как и, несомненно, любой слуга Бога-Императора, возрадовались бы тому, что подобный акт агрессии был бы компенсирован соразмерными актами правосудия. Однако в обсуждении прецедентов и соглашений, накопившихся за сотни лет взаимодействия между нашими организациями — которых едва хватило б, чтобы отдать должное всей сложности этой темы, но на настоящий момент этим количеством вполне можно обойтись — мы пришли к тому выводу, что наилучшим подходом будет позволить

подчиненным почтенного коммодора и достойного капитана-привратника Самбена де Жонси расследовать любое преступление, направленное конкретно против высокочтимой Лиги Черных Кораблей, в то время как работа уважаемой арбитр-сеньорис Кальпурнии, состоящая в преследовании преступников, которые стремятся сорвать Вигилию и Мессу святого Балронаса, в случае, если данная работа окажется связана с атакой на Кольце, должна продолжаться.

Де Жонси хмурился, Оменти приподнял бровь, лицо комиссара по-прежнему ничего не выражало. На миг повисла тишина.

— Вы хотите сказать, сэр, — вспыхнул де Жонси, — что эти люди останутся на моей станции и будут допрашивать заключенных, насчет которых я уже отдал приказы?

— Он хочет сказать, что если эта атака была направлена на военное командование Черных Кораблей и просто по совпадению произошла над Гидрафуром, тогда она вся ваша, де Жонси, и Арбитрес

должны отступить, — голос у комиссара был невыразительный и скрипучий, что говорило об аугметическом восстановлении горла. — Если же это еще одна из тех попыток подорвать мессу, которая, по совпадению, оказалась нацелена на Черные Корабли, тогда это дело Арбитрес, и вы должны предоставить им любую помощь, которая понадобится.

— И как мы это определим? Вы же не думаете, что я бы не доложил обо всем, что выведал бы сам? Я законопослушный и богобоязненный человек, вне зависимости от того, что вам могла наговорить эта... эта женщина.

— Ваше поведение выдает ложь в этих словах, капитан-привратник. Человек, которого вы описали, оказал бы Адептус Императора чуть больше уважения, чем вы оказали мне.

— Достаточно, де Жонси, — прервал Оменти. — Арбитр Кальпурния проведет собственные допросы вместе со специалистами Арбитрес, которых, как я понимаю, арбитр Леандро привез с собой с Гидрафура. Арбитрес больше известно о

ранних стадиях этого заговора, и они лучше знают, какие вопросы задавать. Нет сомнений, что это больше относится к их сфере, чем к нашей.

Де Жонси поднялся.

— Коммодор Оменти, со всем уважением, я официально протестую. Эти Арбитрес уверяют, что мы все на одной стороне в борьбе против преступников и врагов Императора, но если бы это было правдой, они бы приняли слово офицера Имперского Флота и после этого удалились. Я, как офицер, дал им формальное торжественное обещание, что будет свершено правосудие...

Кальпурния, которая не могла припомнить эту деталь, поймала взгляд Леандро и едва заметно покачала головой. Тот так же слабо кивнул в знак понимания.

— ...и саботаж, уничтоживший «Авентис Сапфир 7», будет наказан. Подразумевать что-то иное — это не только сомнение в моей власти, но и оскорбление моей чести. Может быть, у Арбитрес концепция таковой и

отличается от моей, но это взывает к сатисфакции, не меньше, с моей стороны.

— Сатисфакции? — переспросил комодор. — Вы, кажется, упорно стремитесь создавать мне проблемы, де Жонси. Но если вы собираетесь сказать то, что, как я думаю, вы скажете, тогда давайте это услышим, чтобы можно было перейти к следующему этапу.

— Есть, сэр. Арбитр-сеньорис Шира Кальпурния из Адептус Арбитрес оскорбила мою честь. Она отвергла мое слово офицера и своими словами и действиями явственно подразумевала подозрение в том, что я замешан в этих прискорбных событиях. Ожидание, что я буду сотрудничать с ней после этого возмутительного поступка, только отягчает оскорбление, и от лица самого себя и всей семьи де Жонси я требую сатисфакции.

— Ясно, — Оменти повернулся к Кальпурнии. — Вы, наверное, и сами все слышали, арбитр Кальпурния, но, в любом случае, я обязан проинформировать вас, что капитан-привратник Самбен де

Жонси из Гидрафурской эскадры Имперского Линейного флота Пацификус заявил, что был вами оскорблен, и требует сатисфакции. В соответствии с традициями, существующими в этом флоте касательно дел офицерской чести, он может постановить, что перед тем, как вести с вами какие-либо дела в дальнейшем, его требование должно быть удовлетворено.

— Вы говорите о дуэли, я так понимаю? — спросила она. Оменти кивнул. Выражение лица де Жонси было триумфальным. — Распространяется ли эта традиция офицеров Пацификус на членов Адептус, не относящихся к Флоту?

— Поединки чести между соперничающими представителями Адептус имеют прецеденты, при условии, что были выполнены определенные формальные предпосылки, — начал Леандро. — Два недавних примера — диспут между Кджином Бассонелем из Администратума и кюре Варенго из Адептус Министорум, которые обменялись оскорблениями, споря о

правильной интерпретации степеней десятины в 942.M41, и...

— Я уверен, что арбитр Леандро верно цитирует прецеденты среди планетарных Адептус, — плавно вклинился Оменти. — Мои извинения, арбитр Леандро, я не хочу проявить неуважение, — Леандро милостиво кивнул, — но дело не в прецедентах. Не только традиция, но и официальный декрет, отменить который не в моей власти, запрещает поединки чести между офицером Флота и каким-либо человеком, не входящим во Флот. Невозможно устроить официальную дуэль, и невозможно предоставить сатисфакцию.

Оменти явно намеревался сказать что-то еще, но де Жонси выпрямился, щелкнул каблуками и отдал салют, сияя улыбкой, словно ярким светильником. Комиссар наклонился над плечом Оменти и что-то прошептал.

— Кальпурния и де Жонси должны покинуть нас и дать нам некоторое время поразмыслить, — объявил Оменти. Капитан-привратник профланировал в двойные двери следом за Кальпурнией

вместо того, чтоб удалиться сквозь свой личный выход.

— Так вы, де Жонси, действительно чувствуете себя оскорбленным, или вы просто думаете, что нашли способ избежать сотрудничества?

Голос Кальпурнии был столь же холодным, насколько тепла была улыбка капитана, и хотя она знала, что вопрос мог заново начать все эти споры по поводу чести, она слишком сердилась, чтобы быть дипломатичной.

— Что я думаю, так это то, что нашел способ избавить себя и свою станцию, полную храбрых и верных воинов, от дерзкой угрозы нашему авторитету, нашей целостности и нашей способности исполнять свой долг, который заключается в охране врат Гидрафурской системы и всех жителей этой системы, что полагаются на нас и нашу бдительность. Вы удовлетворены?

— Вы что, думаете, что я позволю вам эксплуатировать лазейку в традициях, чтобы вам не пришлось со мной сотрудничать, из-за какого-то

вымышленного оскорбления?

— Вымышленного?

— Вы сказали коммодору, что дали мне слово офицера, что правосудие будет свершено. Вы ничего такого не делали.

— Он мне поверит на...

— И вы обвинили меня в том, что я обвинила вас в связи с атаками и саботажем, де Жонси. И я знаю, что не делала этого.

Его лицо стало неуверенным.

— Вы явно... я имею в виду, весь путь, который вы проделали на мою станцию, с этими обвинениями...

— Какими такими обвинениями? Я прибыла на вашу станцию с намерением допросить заключенных, которых вы арестовали на Кольце и привезли прямиком сюда, — она вспомнила, что сказала Баннону насчет своих подозрений, и поняла, что ее слова неприятно близки ко лжи. — Покажите мне, в каком месте я оскорбила вашу честь необоснованными обвинениями в ваш адрес.

Вот так, это было более приемлемо. Де Жонси просто стоял и пристально

смотрел на нее.

— Ну что же, капитан-привратник, что такое еще одно оскорбление среди кучи тех, которые вы уже взвалили на меня? У меня не было причин подозревать вас в чем-либо до того, как я сюда прибыла, кроме обычного, фонового подозрения арбитра, — она прокляла правдивость, которая заставила ее добавить эту фразу в конце, и все равно продолжила наступать. — Теперь же есть. Я думаю, вам есть что скрывать, и от этого вы нервничаете и переигрываете в попытках убрать нас со станции. Это вызывает у меня чертовски сильные подозрения, де Жонси.

— Подозревайте что хотите. Теперь вы дважды подумаете, прежде чем сцепиться с Флотом Пацификус. Вы должны радоваться, что я такой, как я есть — был бы я на уровне большинства вас, планетников, я бы мог дать этим парням еще раз попытать на вас силы.

Она готовила ответ, когда двери распахнулись, открывая две облаченные в черное фигуры: Леандро, в мантии и с

судейским головным убором под рукой, лучезарно улыбался рядом с комиссаром.

— Капитан-привратник де Жонси, арбитр Кальпурния, я могу объявить, что для решения нашего безвыходного положения понадобилась лишь кратчайшая дискуссия. Нужно было лишь предоставить конкретные детали нашей проблемы — скорее, концепции, даже не факты — для внимательного изучения судебными специалистами с обеих сторон дебатов. И мне приятно сообщить, так же, как и вам обоим наверняка приятно будет узнать, — его глаза блеснули, — что мы выяснили: принимая во внимание любые интерпретации, мы решили, что выход из этой ситуации можно найти из заключения по обвинению в военных преступлениях против определенной части последователей адмирала-отступника Крайла, которое было сделано в предыдущем столетии.

— Военные преступления? — в кои-то веки Кальпурния почувствовала, что согласна с де Жонси, в голосе которого звучало изумление. — Вы что, серьезно уже

заявляете о военных преступлениях?

— Успокойтесь, де Жонси, ничего подобного, — резко оборвал комиссар.

— Благодарю почтенного комиссара Моджеску за то, что тот со свойственной ему прямотой поправил меня, и признаю свою ошибку, — с поклоном сказал Леандро. — Новость, которая у меня для вас есть, капитан-привратник, связана не с обвинениями или преследованием. Новость в том, что это не тупик, как мы ранее считали. Прецеденты, о которых идет речь, связаны с механизмами Имперского правосудия внутри организационно замкнутого образования, такого, как Линейный флот сегментума, и ролью Флотского Комиссариата.

— Он имеет в виду, — вставил Моджеска, — коммодор Оменти установил, что этот закон позволяет заменить себя иным лицом в случае, если иначе поединок чести невозможен, в том числе, если один из участников не принадлежит к Флоту.

Глаза де Жонси расширились, и Кальпурния поняла, почему Леандро

улыбался. Сторона, которой бросили вызов, не могла участвовать в дуэли, и это значило, что у нее нет возможности назначить себе замену из Флота, но прецедент гласил, что в таком случае замену предоставляет член Флотского Комиссариата.

— Следовательно, капитан-привратник, сражаться ради сатисфакции вы будете со мной, как с заменой арбитра-сеньорис Кальпурнии. Коммодор Оменти предложил использовать для этого дуэльную арену на борту «Восходящего крестоносца», как нейтральную территорию, и будет осуществлять контроль за поединком. Как руководящий офицер, он назначил дуэль на час третьей вахты, через два часа после окончания службы в память Тесейских мучеников, — он отсалютовал де Жонси. — Благодарю вас, капитан-привратник. Увидимся на арене.

С этими словами комиссар развернулся на каблуках, вихрем взметнув черный плащ, и с прямой, как таран, спиной промаршировал обратно в двери,

лязгая сапогами по палубе. Леандро и Кальпурния обратили на де Жонси спокойные, уравновешенные взгляды, но тот тоже повернулся и ушел прочь, сквозь толпу станционного персонала. Все они внезапно деловито занялись своими обязанностями, которые, по странному совпадению, еще миг назад требовали от них стоять в пределах слышимости от лестницы.

— Шира, дромон, на котором я прибыл сюда, специально выделен для Арбитрес, — сказал Леандро, когда они стояли, безмолвно созерцаемые четырьмя молодыми людьми в колодках. — Я приказал вашему эскорту переместиться туда, чтобы они немного отдохнули и поели — не стоит ли и нам заняться тем же самым? Может быть, даже угоститься кое-чем необычным и изысканным. Несмотря на то, что это время года положено сопровождать аскетизмом, я не могу избавиться от чувства, что мы, пожалуй, заслужили немного отдыха и можем себя вознаградить.

— Опять этот кофеин с бренди? Я

заметила, что вам он очень нравится.

— О нет, никакого алкоголя. Вчера мне удалось завладеть двумя кувшинами сиропов с архипелага Шикваг, каждый из которых подходит под немного иначе заваренный кофеин. Каюсь, я настолько потакаю своим желаниям, что взял их с собой.

— Думаю, Нестор, вы на меня их только зря растратите. У меня по гидрафурским стандартам очень непритязательный вкус.

— Сиропы — это что-то вроде фирменной особенности гидрафурской кухни, — сказал Леандро. — Так, конечно, было не всегда. Был продолжительный период, который кончился примерно во время экклезиарха Тора, когда определенным видам сваренных напитков позволяли кристаллизоваться и подавали в виде порошка или смолы. Из-за этого возникло предпочтение к определенным техникам готовки, но переход к приправам, основанным на сиропах, можно отследить к переселенцам из внешних миров сектора Колонна, с прибытием

которых появились... я опять ушел в разглагольствования?

Кальпурния улыбнулась.

— Да, немного. И у меня есть другие дела на этой станции. Но в один день, арбитр Леандро, я постараюсь найти аспект гидрафурской культуры, о котором вы не сможете с ходу прочитать мне лекцию.

— Задача, которую многие стремились решить, но никто так и не одолел, — весело ответил Леандро. — Ну что ж. Нас не пригласили на богослужение в часовню Флота, поэтому сегодня мы почтим память Тесейских мучеников короткой службой на борту «Геодесс». Предлагаю и вам подняться на корабль и присоединиться, если получится — боюсь, что стремительная смена событий не дает вам следовать религиозному долгу. Но если не вмешаются обстоятельства, я еще увижу вас в дуэльном зале «Восходящего крестоносца».

Они отдали честь друг другу, и Кальпурния не смогла устоять перед тем, чтобы бросить последний удовлетворенный

взгляд на людей в колодках, прежде чем удалиться к медицинским покоям.

В галерее стояли деревянные скамьи, настолько узкие и часто наставленные, что голова человека в одном ряду торчала практически между коленями того, что сидел за ним, а головы сидящих в верхнем ряду задевали низкий потолок. Перед первым рядом проходили перила, за ними был глубокий ров — примерно метр пустого пространства, а дальше шла дуэльная арена «Восходящего крестоносца», полоса пористого пластика, мягкого и шершавого, чтобы ноги не скользили. Она была в четыре метра шириной и примерно в десять длиной, в обоих ее концах находились небольшие дверные проемы. Ее заливал густой желтый свет прожекторов, которые, как предположила Кальпурния, воспроизводили природное освещение Гидрафура. За полосой она видела отблески позументов и медалей на такой же галерее, которая была полна офицеров.

По пути сюда она была слишком

занята мыслями, чтобы нервничать. В Ультрамаре она не имела дела с дуэлями, так как столь бессмысленные распри там считались достойными презрения, а внутренние законы самих Арбитрес касательно поединков были очень суровы. Но она знала, что во многих других местах церемониальные поединки находятся в большом почете, и что это было серьезное событие, даже если бы на кону не стояла помощь же Жонси, поэтому волновалась, что может совершить какой-нибудь промах, который запятнает честь Моджески или нарушит ход дуэли. Все, что ей пока что удалось выведать у хозяев станции, так это то, что Моджеске дадут «раннее преимущество», что бы это ни значило, и что оба дуэлянта будут использовать смертельное оружие, несмотря на то, что официально поединок шел до первой крови или до сдачи. Теперь она оглядывалась, стараясь отметить, что делают окружающие, и убедиться, что ее поведение вписывается.

Ей не стоило беспокоиться. Первым же, что она почувствовала, когда дверь

открылась, была волна разговоров, едкий дым сигар и звон стаканов. Ряды офицеров глубоко ушли в изобилующую шутками болтовню, говорили, нисколько не понижая голос, поворачивались, чтобы окликать друг друга через всю галерею, передавали маленькие серебряные блюда со сладостями, сигарами и нюхательным табаком, и разливали из графинов ликеры, от одного аромата которых у Кальпурнии закружилась голова. К Леандро ей пришлось проталкиваться сквозь толпу в зеленых униформах, все члены которой просто весело игнорировали ее, но, сев, она решила, что это было лучше, чем враждебность, к которой она себя готовила.

— И как ваш раненый? — спросил Леандро.

— Его зовут арбитр Гомри, и ему лучше, чем раньше, хотя это ни о чем не говорит. Он в глубоком беспамятстве, но медики станции хорошо выполняют свою работу.

— Вполне разумно питать веру относительно того, что медики на борту

военной станции способны справиться с боевыми ранениями.

— Именно так. Что ж, следующий шаг — добиться, чтоб он достаточно окреп для путешествия. Если они с этим справятся, и если на вашем дромоне есть апотекарион...

— Он там есть.

— Отлично, ну что ж, тогда мы, возможно, заберем его с собой в Босфорский улей. Ему будет полезно вернуться в Стену, чтоб быть среди друзей. Интересно, если Моджеска победит, сможет ли мы настоять, чтоб этих четверых ублюдков...

Леандро жестом попросил ее прерваться и кивнул в сторону толпы офицеров, которые уже практически заполнили скамьи позади них.

На одном конце дуэльной арены появился капитан-привратник де Жонси, рядом с ним стояли двое, которые, как решила Кальпурния, были секундантами. Он тихо разговаривал с ними и временами попивал из латунного шарика. Капитан избавился от длинного форменного кителя и был одет в тесно прилегающую белую

нижнюю рубашку, которая подчеркивала его стройное телосложение. Он не подавал виду, что вообще замечает шутные толпы офицеров по обеим сторонам, и реакция была взаимной: звон столовых приборов и дым сигар стали только гуще. Разговоры в целом свелись к сложным каламбурам касательно дуэлянтов и других персон из флота. Кальпурния предположила, что они бы не имели для нее значения, даже если бы она знала эту систему — она знала, что с чувством юмора у нее было неважно, и несколько подозрительно относилась к людям, у которых оно было развито. Она полагала, что это указывает на некий ужасный недостаток, но беспокоиться по этому поводу ей пока не приходилось.

Светильники над зрительскими местами затемнились, как будто они были на каком-то представлении. Кальпурния увидела, что секунданты де Жонси удалились обратно в свою дверь, а сам капитан теперь был вооружен. Через миг дальняя дверь скользнула в сторону, в нее вошел Моджеска, и поединок начался.

После всех этих разговоров о традициях и обычаях Кальпурния ожидала сложных формальностей перед началом дуэли, но они даже не отсалютовали друг другу. Моджеска просто промаршировал к де Жонси и начало описывать своим оружием короткие резкие дуги. Раздетый до сапог, бриджей и нижней рубашки, как его оппонент, он был вооружен заточенным с одной стороны, приспособленным для рубки клинком — частично фальшионом, частично секирой, с расширенным и утяжеленным к концу лезвием, что позволяло наносить мощные удары, способные отсечь конечности. В другой руке он держал тяжелый жезл, который, судя по тому, как он им орудовал, служил скорее для парирования и защиты, чем для использования в качестве оружия.

Де Жонси отбивался от него более длинным и довольно нелепым оружием, которое напоминало Кальпурнии двуручный топор со странным пучком каких-то волос, вроде как у комика-акробата в цирке. Лишь после того, как она по меньшей мере минуту наблюдала за

обменом выпадами, в памяти всплыли давнишние учебные курсы. Это было корабельное оружие, и эти хлесткие стержни на его конце оканчивались иглами, в которые поступал заряд из блока питания, находящегося в противовесе на другом конце древка. Оно было приспособлено для условий абордажа, когда близость к обшивке корабля не позволяет использовать огнестрельное оружие или огнеметы. Им можно было рубить врага с размаху или наносить колющие удары, чтобы по крайней мере одна-две иглы нашли слабое место в тяжелых укрепленных костюмах и капюшонах, которые абордажные бойцы носили для защиты. Глядя, как де Жонси использует свое оружие, умело выставляя пучок острых как копья стержней между собой и Моджеской всякий раз, как тот пытался сблизиться, Кальпурния поняла, что оно уже должно быть заряжено. Один из этих двоих, а может быть, и оба, в конце концов может запросто угодить в госпиталь или морг.

Дуэль представляла собой резкий

контраст различных техник: изящные, танцевальные позы де Жонси, чьи выпады стремительно мелькали, словно язык ящерицы, и агрессивный, брутальный стиль Моджески, который скрывал хитроумные атаки под фасадом грубого напора. Де Жонси сражался в технике классического фехтования аристократии, делающего упор на равновесие, искусность и тонкие приемы, Моджеска — в классическом стиле Комиссариата, созданном не только для побед в боях, но и для политической пропаганды, для того, чтобы провозглашать непререкаемое право комиссара поддерживать дисциплину любыми необходимыми средствами.

Де Жонси сдавал позиции. Когда вошел Моджеска, капитан стоял где-то на расстоянии трети арены от своей двери, но теперь, если бы он сделал шаг назад, то уперся бы в стену позади себя. Ему нужно было больше пространства, и он отвоевывал его, сплетая в сложный узор выпады и замахи, отчего Моджеске пришлось отступить вправо, отбивая электризованные иглы в сторону жезлом,

зажатым в левой руке. Эта штука, видимо, из керамита или пластика, подумала Кальпурния, глядя, как искры сверкают между иглами, но не проходят сквозь жезл к руке комиссара. Потом де Жонси закрутил древко в руках и быстро, как кошка, отступил вправо, пытаясь обойти Моджеску и удалиться от двери. Ему почти удалось, но ему пришлось скорректировать движение, чтобы не приближаться ко рву вокруг арены, и Моджеска, который явно предвидел это, воспользовался тем, что противник на миг отвлекся, и наотмашь ударил по древку длинного топора. Пальцы де Жонси захрустели, и оружие едва не вылетело из его рук.

С искаженным от боли лицом де Жонси отчаянно попятился, в то время как Моджеска, продолжая разворот, сделал еще один режущий удар, нацеленный на другую руку противника. Перехватив рукоять пониже, капитан-привратник попытался увеличить расстояние между ними. Лезвие топора со свистом описывало длинные дуги, для чего ему не нужно было

прочно сжимать оружие. Но Моджеска, тщательно рассчитывая время, наступал чуть дальше после каждого взмаха, заставляя де Жонси пятиться назад, так как тому нужно было пространство для этих широких ударов. Наконец он сдался и попытался отогнать комиссара серией низких глубоких выпадов, которые вынуждали Моджеску либо отступать, либо наклоняться, чтобы перехватить их, и открывать для удара голову.

Теперь в зале повисла полная тишина, не считая шороха сапог дуэлянтов и звука их дыхания. Оба вспотели: гладкая темная кожа де Жонси блестела от влаги, в то время как с грубой шкуры Моджески, чьи плечи и руки заросли жесткими рыжими волосами, текло и капало.

И снова нервы изменили де Жонси. Он слишком увлекся низкими выпадами и стал делать одно и то же снова и снова, не замечая, что защита Моджески с каждым разом становилась все увереннее, и что его шаги стали короче, говоря о том, что комиссар напрягся перед ответным броском. Офицеры тоже это поняли, и

Кальпурния услышала, как где-то пробормотали «Здесь он ошибся».

Через миг Моджеска перешел в наступление. Де Жонси ясно сигнализировал о своих намерениях: определенная постановка ног, небольшое отклонение назад. Моджеска наблюдал за тем, как он переступает, как отводит оружие назад для удара, а затем сделал шаг навстречу, крутанувшись, чтобы уклониться от пучка острых стержней. Внезапно он очутился там, где де Жонси его не видел — за плечом, и пока противник лихорадочно пытался совладать со своей инерцией и завладеть контролем над разделяющим их пространством, острие тесака Моджески вгрызлось в бицепс его здоровой руки, а через секунду жезл врезался ему в лоб. Де Жонси пошатнулся и обмяк, Моджеска прижал лезвие его топора обухом своего клинка и пинком вышиб оружие из рук капитана, потом схватил де Жонси за руку, пока тот не свалился, и вытащил его в центр.

На долгий миг они застыли в немой

сцене: стройный офицер, распростертый на полу, и тяжеловесный комиссар, стоящий над ним, упершись сапогом в грудь поверженного противника. Затем де Жонси поднял дрожащую руку. Лязгнули распахнувшиеся двери, на арену хлынули служители, и, когда Кальпурния и Леандро отсалютовали комиссару Моджеске и начали продвигаться к выходу, офицеры Линейного флота Пацификус поднялись на ноги и зааплодировали.

Де Жонси пошел им навстречу. Ему пришлось это сделать. Дуэль выбила ему весь порох из пороховниц, как не слишком элегантно выразилась Кальпурния, когда они с Леандро шли по тонкому, дрожащему и вообще довольно опасному доковому мостику. По крайней мере, там имелась гравитация, это была не просто связь с «Геодесс». Леандро сопроводил ее в медицинское отделение, как подозревала Кальпурния, скорее всего, для того, чтобы облегчить последствия смены гравитации и ориентации в пространстве. Оказалось, Леандро терпеть не может эти переходы,

даже больше, чем она сама.

— Он согласен, чтобы его допросили? — спросила Кальпурния, когда они шли к верхнему медицинскому отсеку Харисийских Врат.

— Он согласится. Я думаю, мне удалось достичь определенного взаимопонимания с коммодором, так что я могу считать себя информированным и сообщить вам, что Оменти утвердил свою позицию по этому поводу. Вы, вероятно, заметили, что многоуважаемый коммодор имеет несколько иное мнение по поводу сотрудничества с Арбитрес, чем известный нам капитан-привратник под его командованием. Оный капитан, как он считает, довольно-таки сильно подмочил репутацию его линейного флота, не говоря уже о том, что привлек неблагоприятное внимание со стороны ордена Адептус, который, как вы успели указать капитану-привратнику, способен совершенно законным образом налагать наказания на представителей Флота, если сочтет нужным. Он продемонстрировал неспособность контролировать свою

станцию, дошедшую вплоть до того, что представителю того самого ордена Адептус пришлось отбиваться от яростного нападения целых четверых его подчиненных. И теперь это дело чести, по поводу которого он настоял на сатисфакции, вместо этого только унизило его...

— Он проиграл поединок, Оменти сказал ему, что у него нет выбора, и он должен рассказать нам то, что знает.

— Ах, моя арбитр-сеньорис Кальпурния, ваши слова взрезают саму суть вещей, словно быстрый меч самого Махария.

— Разве Махарий использовал меч?

— Припоминаю, что он изображался с таковым в большей части исторических рукописей моей библиотеки. Чистосердечно признаюсь, я всегда принимал этот нюанс на веру.

— У моего отца была обширная коллекция книг о военной истории. С их помощью я учила своих братьев чтению и ораторству. У меня сложилось впечатление, что он больше предпочитал

огнестрельное оружие и некую разновидность силового.

— Меч, который я видел на иллюстрациях, вполне мог быть силовым оружием. Мне стоит еще раз взглянуть на эти цветные вставки. В конце концов, мы гораздо ближе к местам реальных завоеваний Махария, чем Макрагг.

— Однако, Нестор, книги, которые я читала, когда была моложе, использовали источники из этого сегментума.

Так, довольно дружески, они препирались в вестибюле у медиков, пока вокруг них приходили и уходили доктора. Они по-прежнему спорили о Махарие, когда пришли новости о том, что Гомри дрейфует между комой и полубессознательным, оторванным от реальности бодрствованием. Кальпурния не хотела уходить, не повидавшись с ним, но он опять потерял сознание.

— Должно быть, это был ужасный удар, — тихо сказал Леандро, когда они ушли.

— Да, ужасный, — ответила Кальпурния, — и его ударили из-за меня.

Она почти ничего не говорила, пока они шли к покоям де Жонси.

К тому времени, как они добрались, капитан-привратник уже начал говорить. Бледный и усталый, он сидел в мягком кресле у окна из бронестекла полуметровой толщины, из которого был виден блок лэнсовых стволов и темные силуэты двух стоящих на приколе дромонов.

В кресле напротив капитана сидел комиссар Моджеска. Второй комиссар, более молодой и худой, чем-то напоминающий самого де Жонси, кивнул Арбитрес, когда его представили как комиссара-привратника Чалса. Через полкомнаты от них на табуретке сидел клерк с аугметикой на голове, от которой тянулись заплетенные в косы провода, ведущие к лежащему на коленях инфопланшету. Там же стояла женщина-офицер в зеленой форме, чьи знаки отличия с аквилой и весами означали принадлежность к судебной службе Флота. Она представилась просто как лейтенант Рибелл и снова стала пристально

наблюдать за де Жонси. Вся сцена выглядела довольно обыденно. Глядя на забинтованную руку де Жонси и внимательность остальных присутствующих, можно было подумать, что они пришли пожелать выздоровления раненому капитану. Но довольно скоро стало ясно, что это на самом деле допрос.

— Лайзе-Хагган, — сказал капитан-привратник, и Леандро сразу же оживился.

— Что вы сказали?

— Дом Лайзе-Хагган. Я рассказал комиссару, что я знаю о том, как подстроили саботаж. Я не принимал в нем участия. Мое... мое упущение состоит в том, что я не попытался остановить его, когда знал, что он планируется. Я думал, что это ударит по Кальфус-Меделлам. Семейство Кальфус и род де Жонси...

— Я знаю вашу историю и понимаю ее, — прервал Леандро. Кальпурния сделала кислое лицо, что заметила только Рибелл и удивленно на нее посмотрела.

— Тогда не буду в нее углубляться, — продолжил де Жонси, — только скажу, что наследственные посты командования в

Круговороте Аурукон, те самые, из-за которых начался наш конфликт с семейством Кальфус, также дали нам причину отслеживать передвижения и занятия членов Адептус Астропатика. Что делает этот народ, когда собирается в Башне Слепцов, остается только догадываться, но, когда они на постах, им приходится проводить время среди офицерского состава, поэтому нам было несложно установить за ними наблюдение.

Он начинал увлекаться повествованием, и Кальпурния поборола желание похлопать его по раненой руке, чтобы напомнить, что он не анекдот в столовой рассказывает. Но она знала о допросах достаточно, чтобы не прерывать человека, пока тот набирает обороты. Этот допрос был из тех, которые она начала про себя называть «Гидрафурский особый» — сплошь лайковые перчатки и этикет.

— Синдикат Хагган теперь влияет на большое количество внутрисистемных гражданских маршрутов. Семья Лайзе, как я понимаю, главная в синдикате, богатая,

но простецкая, ее едва ли можно считать частью аристократии, — Леандро уклончиво кивнул. — Но на протяжении последних двух лет они побывали на всем Кольце и погостили на всех флотских станциях, какие только позволили им нанести визит. И поскольку они стали представлять интерес для семьи де Жонси, мы стали наблюдать за ними между тем, как они проводили дипломатические связи к полудюжине ведущих клик астропатов.

— Факт, который, судя по всему, не слишком заинтересовал ни одного из вас, — вставил Моджеска. Он сменил положение так, что де Жонси приходилось смотреть то назад, то вперед, переводя взгляд между самим Моджеской, Кальпурнией и Леандро — базовая тактика при ведении допроса.

— Нашей целью было обойти с фланга интересы Меделлов в гражданских доках, что главным образом навредило бы семейству Кальфус.

— Вы говорите, что ваша вражда с Кальфусами позволяла вам просто сидеть и смотреть, как эти люди цепляют на

свои крючки неведомо сколько астропатов, — закончила Кальпурния, не в силах полностью скрыть презрение в своем тоне.

— Астропаты — не младенцы, какими бы лысыми и пухлыми они не были, — ответил де Жонси. — Они и сами прекрасно понимали мотивы Лайзе-Хагганов. Насколько я знаю, у Адептус Астропатика были прекрасные и честные официальные отношения с семьей Лайзе-Хагган.

— Прекрасные и честные? — голос Моджески звучал так, словно он скрипел зубами. — Доходили ли они до...

— До того, чтобы исказить трансляции и устроить кораблекрушение? — взгляд капитана-привратника был спокойным и серьезным. — Нет, сэр, это не так. Операция, которую они произвели для того, чтобы создать эту катастрофу, была настолько тонка, что проскользнула сквозь сети всех агентов моей семьи.

Де Жонси сделал легкое ударение на слова «моей семьи», и Кальпурния

пришлось нехотя признать: такой заговор должен был быть раскрыт не благодаря личным усилиям единственного флотского рода.

— Мои родичи занимали командные посты в Имперском Флоте столько поколений, что я даже не помню их число. Мысль о том, чтобы смириться с актом, подобным тому, что произошло на Кольце, для меня отвратительна. Я признаюсь, что мое поведение относительно Арбитрес мотивировалось желанием сохранить честь своего имени, но не сомневайтесь: я желал наказать виновных так же, как и они. Именно поэтому я и применил свою власть, чтобы этих людей вывезли с Кольца, иной причины тому не было.

— И что вам удалось у них выведать, де Жонси? — спросила Кальпурния. — Вы их допросили, когда они прибыли?

— Я стоял и наблюдал, как их выводят с дромона, который я послал, — ответил капитан, и это, наверное, прозвучало глуповато даже для него, потому что он тут же ушел в оборону. —

Если вы помните, арбитр Кальпурния, ваш внезапный визит произошел довольно вскоре после того, как приехали они, и как только я получил известие, что вы летите к нам, я почувствовал, что мне нужно заняться определенными иными делами. Мне пришлось просто поразмыслить над тем, что я узнал, глядя на то, как их ведут вверх по доку.

Его защитное поведение усилилось, и Кальпурнии пришлось напомнить себе, что он сотрудничает с ней только потому, что его заставил комиссар.

— И что же вы смогли вывести из этих наблюдений? — более мягким голосом поинтересовался Леандро. Смена тона сработала, как почти всегда и бывало. Де Жонси повернулся к Леандро и заговорил быстрее:

— Я узнал нескольких астропатов, привезенных на борт. Думаю, именно с них все и началось, с самих астропатов, не с техноадептов или трансмехаников. Мои офицеры доложили, что некоторые из них пытались покончить с собой по дороге на станцию, и один успешно убил себя после

того, как прибыл. Они странно себя ведут — да, я понимаю, но это странно даже для астропатов — дергаются, страдают тиком, начинают разговоры невпопад и говорят в пустоту. Я приказал собственным представителям Астропатики наблюдать за ними по пикт-связи, и они сразу распознали симптомы. Они потребовали, чтобы им дали возможность снова войти в транс и немедля отослать сообщение в Башню Слепцов.

Оба Арбитрес и оба комиссара с пристальным вниманием наклонились вперед.

— Они сказали мне, что это симптомы псайкерского вмешательства, — продолжал де Жонси, — мысленной команды, въевшейся так глубоко в мозг, что жертва даже не знает о ней. Опытный псайкер может незаметно внедрить такую команду, чтобы его живое орудие было практически невозможно засечь, или же со всей силы вогнать ее в разум, который будет никак иначе не затронут. Она будет эхом отдаваться в сознании

жертвы и вскоре выжжет ее изнутри, но до тех пор, пока это не случилось, противостоять приказу невозможно.

Псайкеры. Перед глазами Кальпурнии на миг возник четкий образ: клубы дыма, паникующая, орущая толпа и шатающийся, готовый рухнуть силуэт, который как будто возник из воздуха...

— Чтобы ввести приказ в разум, настолько усиленный, как у астропата, нужна мощная воля, — говорил де Жонси, — какой не найти среди низших уровней Адептус. Я не допрашивал пленных, арбитр Кальпурния, однако мои астропаты дали мне представление о том, какой ранг нужен для достижения подобного, после чего я изучил логи трансляций и записи о перемещениях, к которым я имею доступ как капитан-привратник, — при этих словах он слегка вздернул подбородок. — Может быть, я и не агент Арбитрес, но я нашел имя. Хотите знать, кто это и где он сейчас?

Кальпурния промолчала, позволяя ему хотя бы миг погордиться собой и спасти лицо.

— Мастер-астропат Яннод Дуэрр был лидером группы Астропатики в том сегменте Кольца. Все трое моих старших астропатов подтверждают, что Дуэрр достаточно силен, чтобы с легкостью внедрить команду в крепкий разум — такую команду, которая могла бы заставить человека устроить крушение и после этого покончить с собой. Они рассказали мне, что доклады, полученные от их собратьев на Кольце, указывают на то, что Дуэрр этим утром какое-то время находился один с тем несчастным, который послал искаженные передачи. Мои астропаты также подтверждают, пусть и нехотя, что Дуэрр также замешан в некие междоусобные интриги среди членов Лиги Черных Кораблей. И, как говорят мои трансмеханики и саванты-логистеры, есть записи, что мастер-астропат Яннод Дуэрр покинул свой пост на Кольце за три часа до столкновения и отправился вниз на Гидрафур. Пункт назначения был отмечен как окраина Босфорского улья. Цитадель семьи Лайзе-Хагган.

Вот так, Арбитрес, — де Жонси снова посмотрел на Кальпурнию, и в его голос снова в полной мере вернулось пламя надменности. — Я полагаю, что моя помощь стоила всех ваших хлопот?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Шестнадцатый день Септисты

Два дня до Мессы святого Балронаса. Третий день Вигилии Балронаса. Служба Перьев. Освящение Плетей.

В три часа пополуночи священники и дьяконы отправятся на улицы, призывая благочестивых подготовить свои покаяния. В это время следует зажечь лампаду, оставшуюся с Тихой Конгрегации, и при ее свете все жители каждого дома или барака должны написать список всех вещей, от бремени которых они желают избавиться и в которых хотят раскаяться в течение Вигилии. Для этого

требуется пергамент установленного Министорумом типа, ароматизированный соответствующими благовониями и после запечатанный куском пласвоска, которые раздают священники. Священнослужители, которые ходят по улицам и распространяют весть о том, что надо начать писать, имеют при себе эту бумагу и воск, но не стоит легкомысленно относиться к этому: неподготовленность, которая заставляет просить материалы у священников, постыдна. Писцам и клеркам подобает помогать неграмотным, но только если последние свершили клятвы пред своим проповедником и имеют подтверждающие это печати. Во время Службы и после нее стоит перечитывать свой список проступков, что

способствует размышлению о покаянии и искуплении. Вечером, когда все исповеди уже записаны, следует произвести коллективное чтение Гирского Кредо. Исповеди должны быть занесены на бумагу к рассвету, после чего запечатаны и прикреплены к внешней стороне дома, либо к кафедре проповедника, либо к святилищу. С рассвета горожанам следует, ходя по улицам, обращать взгляд на исповеди и размышлять о вине и спасении. Духовные лица должны продолжать странствовать по улицам, и любой, кто пожелает, может следовать за ними или присоединяться к ним в молитве. Через час после заката все граждане должны явиться в часовни с лезвиями для своих плетей, подготовленных на завтрашний день, где те будут

благословлены и ритуально отточены членом Министорума или Сороритас. Детям, слишком маленьким, чтобы принять участие в бичевании, следует помочь родителям, затачивая их лезвия, что подготовит их к возрасту, в котором они сами будут участвовать. Те, кто не начал поститься, обязаны начать это после того, как их лезвия будут благословлены. В этот день очень важно соблюдать сдержанное поведение и не повышать голос, особенно за пределами дома. Весь этот день и до самой Мессы подобает носить простую одежду или мешковину.

Мчаться на перехват «Санктуса»,
тчаться на расследование
астропатического саботажа, а теперь —
тчаться, преследуя Дуэрра на Гидрафуре.

Кальпурния подозревала, что весь остаток своей карьеры будет ассоциировать стонущие залы и изгибы черного железа на Гидрафурском Кольце с отчаянной спешкой.

Они пулей вернулись обратно с Внутренних Харисийских Врат, разогнав двигатель «Геодесс» на полную мощность, так что из-за шума нельзя было даже разговаривать по воксу. Магос, пристатривающий за плазменным ядром, объявил, что сейчас неудачное время для того, чтобы настраивать двигатель на высокую скорость и производительность, и его конгрегация техножрецов проигрывала свои песнопения на весь корабль, чтобы ублаготворить его напряженную аниму. Гудение и шелест машинных гимнов прорезалось сквозь хорал органических адептов и снова исчезало. Кальпурния нашла эту смесь звуков вызывающей тревогу.

Они старались, чтобы все их астропатические передачи звучали как можно более рутинно, но замаскировать сигналы красного кода, которые разгоняли

с их пути обычный транспорт, было невозможно. Если на Кольце еще были астропаты с внедренными Дуэрром командами, командами, о которых они и сами не знали, им нельзя было позволить понять, что что-то пошло не так.

Как только они оказались на борту посадочного модуля, все стало проще. Кальпурния наклонилась над узколучевой вокс-станцией и, крича, чтобы ее было слышно поверх двигателей и ветра, терзающего обшивку, приказывала патрулям поменять курс, штурмовым бригадам — мобилизоваться, карателям — подготовить оружие и камеры. Ее приказы направились в Стену, потом в крепости-участки в трущобах, и постепенно вокруг огромной родовой цитадели Лайзе-Хагган начала стягиваться сеть.

К тому времени, как они оказались в нижних слоях атмосферы, ей начали поступать рассортированные известия от инспекторов из разных участков. Как всегда, ее преследовала усталость, и от того, что приходилось концентрироваться среди шума, болела голова, но даже если

она просила повторить рапорты, в них не было никакого смысла. Две патрульные бригады, забаррикадировавшие улицы возле цитадели, подверглись яростной атаке с ее стен, но нападения прекратились так же быстро, как начались, и ополчение семьи Лайзе организованно вышло из крепости, чтобы сдаться. С другой стороны штурмовые бригады услышали оружейный огонь и поспешно бросились взламывать одни из ворот крепости, но нашли их открытыми, а баррикады за ними — уже уничтоженными взрывчаткой. Что-то вроде автожира попыталось улететь с взлетно-посадочной площадки на середине северной стены цитадели, но его сбил поток реактивных гранат с той же самой площадки, после чего машина развернулась, пошла на таран и врезалась в собственную стартовую платформу вместо того, чтобы упасть.

Примерно через сорок пять минут всего этого Кальпурния сдалась, стряхнула в бронеперчатке записки, которые пыталась вести, и начала проверять оружие и совершать благословения перед битвой.

Какое бы безумие там внизу не творилось, она знала, где должна находиться с силовой дубинкой и стабпистолетом.

С первого взгляда крепость Лайзе выглядела устрашающе. Она находилась далеко от Босфорского улья, на берегах загрязненных лагун, которые отмечали северную и восточную границы городской застройки. Три толстые башни, покрытые наростами тянущихся наружу эстакад, жилых выступов и козырьков, которые могли бы удерживать на себе целые дома, возвышались над пятидесяти- и шестидесятиэтажной мелочью вокруг. В прошлом высокие мосты между башнями становились все толще и тяжелее, пока, наконец, все три шпиля не стали просто углами огромной треугольной махины, между несущими стенами которой остался странный пятидесятиметровый промежуток, тянущийся до самой земли.

Домашняя стража Лайзе занимала выгодные позиции, обладала хорошим оружием и, по крайней мере поначалу, была полна решимости. Оружие арбитраторов скорее предназначалось для подавления

толп и штурмовых операций, это была не сравнивающая здания с землей артиллерия Имперской Гвардии, поэтому кордон отступил от стен. Кроме того, архивы участков продемонстрировали, что по данным последней инспекции в промежутке между стенами имелось два слоя минных полей, а в нижние стороны самих стен были встроены ловушки с гранатами. Командующие окопались и стали ждать осадных орудий.

Но это было до того, как обороняющимися овладело безумие. К тому времени, как над их головами заревел посадочный модуль с Кальпурнией и Леандро на борту, некоторые из верных защитников распахнули двери и удаленно взорвали некоторую часть минных полей, чтобы позволить Арбитрес войти. Сначала преисполнившись подозрения, затем с радостью схватившись за возможность, арбитраторы толпами ломанулись в двери, и к тому времени, как модуль удалось посадить неподалеку, в нижние этажи уже проникли не менее дюжины групп.

Бои были быстрые, жестокие и фрагментарные. В одном месте Арбитрес сражались с кучками домашней прислуги, размахивающей кусками мебели и столовыми ножами, в другом прижимались к полу под огнем умелых и стойких стрелков из ополчения Лайзе, еще где-то оказывались в сбивающих с толку стычках, где участвовало три-четыре разных стороны. По всей крепости шли сражения между Арбитрес и соперничающими группами владельцев дома.

К тому времени, как Кальпурния и ее эскорт прошли сквозь разбитые двери в юго-восточную башню, сообщения, поступающие в ее вокс, сквозили такими описаниями, как «безумные», «сумасшедшие», «безмозглые» и «странные», смешанными с бранными гидрафурскими междометиями, которые она не знала и знать не хотела. К тому времени они полностью оккупировали нижние уровни и подавили на них все сопротивление. Этажи после них оставались усыпаны разбитой мебелью и обмякшими телами

обитателей, мертвых или слишком тяжело раненных, чтобы двигаться. Их бесцеремонно сметали в сторону бригадами зачистки. Бои с захватчиками-Арбитрес велись в основном вокруг кухонь, машинных отделений и мастерских. Кальпурния пришла к выводу, что арбитраторы сразу, как данность, сочли эти места своими главными целями и стали искать их первыми, что и привело к концентрации сопротивления именно там. Что касается внутренних раздоров, то сильнее всего они проявлялись в спальных помещениях и столовых и распространялись все больше по мере того, как бои становились все более яростными.

Она была на восемнадцатом этаже, когда пришло известие, что штурмовые команды вступили в бой, и скрипнула зубами от желания быть наверху, плечом к плечу с ними. Она подумала об арбитре Гомри, который лежал в коме, на койке у медиков флота, из-за четырех человек, которым она позволила к себе подкрасться, и рядом с его лицом перед ее внутренним взглядом возник Дворов, говорящий, что

она не должна слепо бежать прямо в ловушку. Кальпурния осознала, что ее готовность не отступать от сложной задачи была направлена не в ту сторону. Она никогда не боялась самой оказаться в ситуации, где ей могли навредить, но вот оставаться в тылу, пока другие сражаются по ее приказу, оказалось невыносимо тяжело.

Она остановилась, сморгнула и повернулась обратно к куче трупов, лежавших у двери грузового лифта. Баннон и Сильдати едва не врезались ей в спину, подняли дробовики и огляделись. Двое инженеров Арбитрес, которые под наблюдением проктора срезали оплавленные заглки с дверей лифта, удвоили усилия, подумав, что она остановилась посмотреть на них.

— Посмотрите на эти тела, — указала она. На другой стороне кучи трупов проктор рявкнул на своих подчиненных, чтобы они продолжали работу. — Вон тот. И эта женщина. И тот мужчина с белыми волосами и с обвалочным ножом.

Перед тонких туник у всех троих был пропитан кровью, и Кальпурния изучала силуэт одного из кровавых пятен. Оно было странно правильной формы, со странно чистым участком в центре, странно похожее на пятна у других двоих. Она поддела кончиком своего оружия рубашку старика и отдернула ее вниз, отрывая пуговицы. Остальные двое смотрели из-за ее плеч. На груди человека неглубоко, как будто маленьким поясным ножом или кухонным инструментом, был вырезан неровный силуэт аквилы. Как будто тонкий материал одежды специально плотно прижали к телу, чтобы кровь его пропитала и вырисовала то же изображение на рубашке.

— Кто-нибудь из вас помнит, чтоб на других телах были кровавые пятна странной формы? Или на ком-то из тех, кто сдался?

— Я такой тенденции не припомню, тэм, — сказала Сильдати. — Может, мне сообщить на командный пост и выяснить, насколько широко они распространены?

— Хорошая мысль, арбитр. Давайте

двигаться дальше.

Они снова отправились в путь, Сильдати забормотала в свой передатчик. Кальпурния заметила, что Баннон чувствует себя не в своей тарелке из-за того, что не додумался до этого первым.

В центральной башне, где между этажами с лязгом и скрежетом двигалась механическая винтовая лестница, Арбитрес установили перевалочный пункт: апотекарион для оказания первой помощи, точку сбора, схрон боеприпасов и запас скованных с цепями наручников, чтобы собирать пленных длинными рядами и уводить.

Среди черной брони, грохота сапог и запахов битвы — дыма огнестрельного оружия и озона от разрядов силовых дубинок — Кальпурния чувствовала себя в родной стихии. Она бесстрастно наблюдала, как с лестницы спускаются две понукаемые арбитрами вереницы пленников, запинаясь на движущихся под ногами металлических ступенях. С первого взгляда обе колонны казались просто случайным сборищем обитателей

крепости, но Кальпурния присмотрелась внимательнее и увидела, что у всех членов второй колонны были кровавые пятна спереди на одежде. У большинства пятно расплылось и стало неузнаваемым, но когда она приказала арбитратору сорвать с них ткань, стали ясно видны очертания вырезанной на коже аквилы.

— Нам пришлось разделить их, мэм, — сказал один из тех, кто их охранял. — Даже после того, как их заковали, они по-прежнему пытались нападать друг на друга. Не знаю, что случилось с этими людьми, но они просто озверели.

— Насколько сильно распространена эта вражда? — спросила она, разглядывая ряды пленных. Можно было заметить все еще проскакивающие между ними вспышки — то кто-нибудь метал ядовитый взгляд, то плевал в сторону другой колонны.

— Насколько? Если я вас правильно понимаю, мэм, то она, похоже, по всей крепости. Не думаю, что мы нашли хотя бы один очаг организованного сопротивления, который не был бы разбит внутренними боями. Императ

позаботился о нас, тэм, и заставил их биться друг с другом.

— Думаю, ты действительно не так уж далек от истины, — сказала Кальпурния наполовину самой себе и снова взглянула на порезы ближайшего пленника. — Ладно, так что они говорят? Вам и друг другу?

— Говорят? — арбитр на миг замешкался. — Не могу сказать, что уделял этому так уж много внимания, тэм. Надо было слушать на предмет чего-то конкретного?

— Сейчас-то уже не скажешь, да? — ответила Кальпурния чуть резче, чем намеревалась. Она взвесила вариант остаться здесь и допросить некоторых пленных, но, скорее всего, понадобилось бы слишком много времени, чтобы расколоть кого-то из них здесь. Она подозвала Баннона и Сильдати. Внезапно у нее появилась идея, куда нужно направиться.

На пятьдесят пятом уровне винтовая лестница заканчивалась еще одним фойе, почти неотличимым от того, которое

она покинула. Однако здесь было меньше пленных и раненых, больше боевых бригад и подносчиков боеприпасов, а также присутствовал арбитр с красным значком тирского техноадепта, который взломал часть вокс-системы цитадели. Кальпурния с некоторой осторожностью взяла у него жезл-микрофон. С одной стороны, ее учили верить, что Бог-Машина Адептус Механикус в лучшем случае подчинен Богу-Императору, и с большей вероятностью просто является одним из его аспектов, поэтому ритуалы, проведенные посвященным представителем Адептус Императора, должны были подчинить систему. Однако она не могла до конца избавиться от прочных поверий о восставших духах машин, о которых шептались на Хазиме и Мачиуне. Что если силы, управляющие коммуникаторами, сохранили некую богохульную верность Лайзе? Как тогда доверять им свой голос?

У механика, похоже, были те же мысли, потому что он снова начал проверку системы при помощи

собственного устройства, изучая настройки, борясь с клятвы отрицания и переключая частоты. Через минуту ответил вокс-офицер на командном посту снаружи, а через миг Кальпурния уже говорила с Леандро сквозь шипение и треск негодующего передатчика.

— Пленные у нас? — он, кажется, слегка удивился ее вопросу. — Я не удостоверился самолично, но могу догадываться, что они ведут себя, как положено пленным — остаются в своих цепях и ждут приговора — поскольку не слышал никаких известий о противоположном. По большей части я уделял время отслеживанию боев в цитадели и инструктажу командиров касательно целей Арбитрес в этой операции, что нам изначально не позволило сделать спешное приземление.

— Отлично. Как идут бои? Я в — эй, вы там, где мы? — в верхнем фойе механической лестницы на сорок пятом уровне неподалеку от второго ядра.

Она ждала ответ Леандро минуту. Сначала раздался резкий звук помех,

затем вдали зазвучали голоса и четкое пощелкивание и жужжание обновляющегося дисплея командного голопроектора.

— Бои идут выше вас и перед вами, — сказал он, вернувшись на связь. На сей раз Леандро говорил коротко и по-деловому. — Третье ядро, начиная от восьмидесятого уровня и выше, — место сосредоточения большинства наших боевых и штурмовых бригад. Передовые бригады сообщают о больших толпах и значительной агрессии начиная с восемьдесят пятого уровня. Обстановка на девяностом и уровнях выше третьего ядра для нас на данный момент неизвестна.

— Это все? Никакой иной активности?

— Пока нет, хотя зачистка на уровне комнат еще не начиналась. Должны прибыть два отделения операторов кибермастифов, чтобы помочь в поиске отдельных очагов, но их не будет еще где-то полчаса, насколько они прикидывают.

Она отодвинулась от консоли и бросила еще один взгляд на вереницы пленных, впервые заметив одну деталь. Те,

у кого не было вырезанной аквилы, кто выглядел сильнее побитым — видимо, потому, что активнее сопротивлялся Арбитрес — у них всех по-прежнему красовался герб семьи Лайзе, у кого на плечах, у кого на груди, у некоторых на головных повязках, у других на пряжках ремней. У тех, что с аквилой, гербов не было, но зато виднелись следы того, что их срывали с одежды. Она снова заговорила в микрофон.

— Где в цитадели главная часовня?

Снова шипение, снова разговоры, щелчки, гудение и звук, судя по всему, означавший подключение и чтение инфопланшета.

— Арбитр Кальпурния, вы здесь? — голос Леандро пробился сквозь внезапное жужжание на линии.

— Здесь. Часовня?

— На третьем сверху уровне ядра, в котором вы находитесь. Ко всем ее боковым входам тянется по галерее, они идут вдоль сто восемнадцатого этажа каждого крыла. Если поднимитесь по винтовой лестнице, то окажетесь на

расстоянии десяти этажей от нее. К главным воротам часовни ведет спиральная рампа, нечто вроде церемониальной дороги. В ее районе не было практически никаких боев... подождите, — позади него раздались едва различимые голоса, — и боевые группы не встретили никакого сопротивления в той части здания. Они приступили к более актуальным задачам, присоединившись к боям, идущим ниже, в дальнем крыле. Прочесали ли саму часовню? — вопрос был адресован кому-то рядом. Потом Леандро снова обратился к ней: — Нет. Произошел прискорбный недосмотр, и часовня еще не зачищена.

— Мы этим позже займемся, — ответила Кальпурния. — Пока что пусть оперативное командование передаст приказы всем боевым бригадам в этом районе башни. Все подходы к часовне следует взять под контроль и наблюдение. Сколько поблизости ударных бригад?

Снова пауза, голоса. Еще одно резкое шипение с треском и дребезгом, от которого у нее едва не заслезились глаза.

— Ни одной, — снова послышался голос Леандро. — Они все переместились в самое северное крыло для прорыва баррикад в лестничных колодцах девяносто второго уровня. Есть два отделения, которым пришлось остановиться, чтобы дождаться боеприпасов и новых гранат, они должны быть где-то в десяти минутах ходьбы от главного лестничного колодца. Мне их вызвать?

— Да, спасибо, арбитр-сеньорис. Пусть идут к подножию рампы, о которой вы говорили, и переместите туда столько боевых бригад, сколько можно беспроблемно отозвать. Поручите... — она собиралась начать уточнять номера и порядок расположения кордона вокруг часовни, но спохватилась. У Леандро на командном посту были карты, а Арбитрес, уже находящиеся на верхних этажах, все и сами видели. — Поручите эдилу, руководящему той секцией, определить, кто и где должен разместиться. До моего прибытия, пожалуйста, передайте им делегацию четвертого уровня.

Чтить и хранить имя семьи — да, помнить и питать уважение к семейным достижениям — да, посвящать библиотеки и галереи трудам и мемуарам почитаемых предков — да. Кальпурния могла понять все это, будучи сама из семьи, которая гордилась своей службой Ультрамару и Империуму и не видела ничего плохого в том, чтобы учить молодое поколение своим традициям. Раз или два Шира даже осмеливалась вообразить свое собственное изображение в граворе или краске, хранящееся на верхнем этаже родового дома на Цаксе, и потом, как обычно, долго беспокоилась насчет того, были ли такие мечты тщеславными и недостойными или же просто говорили о желании хорошо нести службу, что делало их благородными и справедливыми.

Она решила, что пандус, ведущий к часовне, служил полезным напоминанием о том, что происходит, когда такие мысли перетекают в самовосхваление. Место, через которое идут к святилищу, должно вдохновлять веру и преданность или

предупреждать о последствиях падения пред ликом Бога-Императора, но все это огромное пространство внутри спиральной рампы было заполнено бюстами и масками выдающихся членов семейства Лайзе, которые свисали с высокого купола на позолоченных цепях, а на внешней стене красовались безвкусно вычурные фрески, отделанные листовым серебром, синим и зеленым бархатом и опалами. С первого взгляда признать их религиозными не получалось. Лайзе-Хагганы на паломничестве к Диттамару, Хиросу и Офелии, Лайзе-Хагганы приносят щедрые дары Экклезиархии, члены которой все время изображались преисполненными экстатической радости от этакого благодеяния, богатые Лайзе-Хагганы помогают финансировать полки Имперской Гвардии или вооружать крестовые походы Миссионарии Галаксиа. Их воины затем изображались стоящими на кучах мертвых еретиков или чужих, обратив на своих покровителей полные обожания взгляды.

Еще будет время, чтобы подвергнуть

это место очищению, но Кальпурния чувствовала, как ей хочется опалить эту дорогу тщеславия из огнемета или дать по ней несколько залпов дробью, просто чтобы выразить свое отношение к ней. Но она обнаружила, что кто-то ее уже опередил. Утонченные украшения были ритуально изуродованы, лица грандов Лайзе обожжены или выскоблены ножами. Чем выше они поднимались, тем сильнее были повреждения. Подозрения Кальпурнии насчет того, что стояло за всем этим, крепчали с каждым шагом.

Она дошла до конца рампы. Позади нее шли два ударных отделения, а за ними еще три боевых отделения. Здесь, на вершине, мозаика на стенах была пронизана золотом и нитями из крошечных бриллиантов, а изваяния, свисающие в центральном колодце, инкрустированы сапфирами. Двери часовни в форме заостренной арки изображали Золотой Трон, который окружали ангелы со щитами и свитками, украшенными гербом семьи Лайзе, хотя его отовсюду грубо стерли. Кальпурнии

показалось, что Император на этом Троне как будто хмурится, но, скорее всего, это не входило в замысел скульптора. Еще два боевых отделения стояли поперек рампы, блокируя двери двойной стеной из щитов. Коренастая женщина-арбитратор, панцирь которой украшал знак арбитра-эдила в виде венка и пистолета, отдала честь Кальпурнии, в то время как остальные Арбитрес собирались за линией.

— Мы проверили двери, насколько возможно, чтобы не оповестить о нашем присутствии тех, кто находится внутри, мэм. Больше мы ничего не делали, ждали ваших приказов. Насколько можно сказать, двери незаперты и ничем не защищены. Нет признаков сопротивления, но мы считаем, что внутри часовни находится много людей.

— Почему вы так считаете?

— Можно услышать пение, мэм. Э... молитвы, катехизисы и так далее.

— Вы узнаете какие-либо из них? — спросила Кальпурния. Другая женщина на миг задумалась.

— Кое-что из «Санкта Менторум», —

ответила она, — в основном из второй книги. Некоторые общепринятые гимны, по крайней мере, общепринятые на Гидрафуре, тэт, прошу прощения. И пара старых военных псалмов, которые я не слышала с самого обучения.

По ее тону, звучавшему несколько удивленно, Кальпурния могла сказать, что эдил ждала не таких вопросов. Неважно. Пора сделать ставку на инстинкт, который подсказывал ей, что тут произошло, и она была уверена, что это сейчас — выигрышная карта. Она вытащила пистолет, заняла место во втором ряду за ударными отделениями, потратила немного времени на раздачу кратких приказов, убедилась, что их правильно поняли, а затем приказала толкнуть двери.

О да, приятно быть правой. Часовня представляла собой небольшой амфитеатр — полукруг из позолоченных мягких сидений, где могло бы рассесться примерно пятьдесят человек, вокруг алтаря, когда-то украшенного гербом Лайзе. Теперь же его разбили, выжгли и водрузили на его

место священную золотую аквилу. Оглядываясь вокруг, Кальпурния видела, что то же самое повторилось на всех стенах и боковых дверях. Сменившие гербы аквилы зачастую были лишь силуэтами, начертанными сажей или выжженными ручным огнеметом на низкой мощности. Стены снизу, от пола до уровня глаз, были покрыты торопливо налепленными листами с неровными надписями от руки.

Перед алтарем горели погребальные костры, на которые пустили передние, самые богато украшенные кресла. Пространство часовни заполнял дым, начавший есть глаза Кальпурнии, как только она вошла. Помимо него, можно было почувствовать запах газа из огнемета и более густое и жирное зловоние паленого мяса. Вокруг костров столпилась паства. Их было не более тридцати, и все были оборваны — причем оборваны специально, они разодрали на себе и одежду, и кожу. В их руках были осколки разбитых символов Лайзе, которыми они скребли и царапали собственную плоть в ритм песнопений и гимнов. Люди едва

заметили, как Арбитрес заполнили проход между креслами и вышли на площадку перед алтарем, и не прекратили петь — более того, если кому-то из них и удавалось мельком, краем глаза увидеть арбитратора, то он только удваивал рвение.

Кальпурния осторожно двигалась сквозь толпу, то и дело пригибаясь и уклоняясь от раскачивающихся тел и взмахов рук. Она начала различать кающихся меж собой: среди них были люди всех возрастов и обоих полов. Все были оборваны, но у некоторых одежда имела куда более изысканный покрой и изготовлена из более дорогой ткани, чем у других. На некоторых, наряду с травмами, нанесенными самим себе, виднелись боевые ранения, ожоги от пороха и лазера.

Молча, с пистолетом в кобуре, она прошла через полукруг, чтобы взглянуть на костры. Оба ярко пылали и были достаточно велики, чтобы пламя каждого из них могло полностью охватить один труп. На одном костре лежало жирное тело, чьи кожа и одежда уже сгорели, но

сквозь языки пламени еще можно было разглядеть дорогие украшения, раскалившиеся и выжигающие плоть под собой. На другом, тоже наполовину сгоревшая, лежала длинная тощая фигура с высоким лбом астропата, и на ее почерневшей плоти по-прежнему виднелись блестящие металлические разъемы и нейроцеребральная аугметика. От тел шла густая вонь горелого жира.

По мановению фигур, стоящих перед кострами, пение затихло. Хором руководили две женщины, обе с жесткими взглядами и царственными осанками, которые пели чистыми, сильными, натренированными голосами. Теперь они смотрели на Кальпурнию, и слышен был только треск пламени, перемежающийся звоном металла, которым их паства наказывала свою плоть. У обеих на шее висели святые аквилы, и обе носили флер-де-лис — символ Адепта Сороритас. Это были не облаченные в силовые доспехи воинствующие сестры из ордена Священной Розы, которые охраняли Собор; вместо брони они носили вычурные платья,

мантии и вуали ордена Священной Монеты, одного из орденов Фамулус, назначенных Экклезиархией в качестве учительниц, смотрительниц и духовных наставниц высокородных семей Империума по всей галактике. Кальпурния кивнула, и, когда сестры восприняли это как приветствие, они обе сделали глубокие книксены ей и ничего не понимающим Арбитрес позади нее. Кальпурния ответила на это четким, как на параде, салютом Адептус. Да, приятно быть правой.

Их звали сестра Миметас и старшая сестра Галланс, и, в то время как собрание снова принялось петь гимны, они тихо и кратко объяснили все Кальпурнии, стоя у дверей часовни. В душе она ожидала еще одну ритуализованную речь вроде тех, что слышала на «Санктусе», но двое Сороритас изложили информацию подробно и быстро, что, как подумала Кальпурния, могло бы сделать честь любому из ее подчиненных.

Они рассказали, что синдикат Хагган навлек на себя подозрения

Сороритас еще сто пятьдесят лет назад, когда Инквизиция нашла причину для зачистки одного из семейных поместий близ южного полюса Гидрафура. И даже среди самого синдиката семья Лайзе выделялась безжалостностью и уменьшающимся благочестием, что привело к незаметным, но все более активным попыткам ордена Священной Монеты сдержать их. На протяжении двух поколений сестры фамулус видели, что попытки внушить им Имперскую веру и идеалы становятся все менее и менее успешны. Двадцать лет назад Галланс и ее наставница начали вести собственные тонкие маневры. Они прилежно работали, чтобы не дать Лайзе распространить свое влияние в космос, поддерживая отношения с планетарными семьями, чьи религиозные характеристики были безупречны, и потихоньку переводили экономические ресурсы Лайзе, насколько это было возможно, в предприятия, которые имели контакт с официальными лицами Министорума. Когда Лайзе начали активно привлекать астропатов в

качестве союзников и связных, подозрительные сестры, осторожно сотрудничая со своими сородичами в других частях города, начали организовывать пятую колонну, устраивая браки вассалов пониже статусом с набожными священнослужителями и бывшими миссионерами, которые перебирались в крепость Лайзе и начинали прививать ее населению верность Золотому Трону и Святому Императору, что крепче, чем верность их хозяев самим себе и своим сундукам.

Потом из Собора пришло известие, что им следует быть осторожнее: по улью разнеслись слухи о хорошо продуманном покушении на высокопоставленного арбитра. Они старались проявлять как можно большую бдительность, но, несмотря на вспышку активности Лайзе вокруг орбитальных доков, сестры не могли найти ничего, что точно можно было бы связать с нападениями на Кальпурнию или гибелью людей во Вратах Аквилы.

Это изменилось после саботажа на

Кольце. Им вскоре пришла информация о том, что мастером-астропатом, ответственным за тот сегмент, был Яннод Дуэрр, и сразу после этой новости он самолично и в секрете прибыл в крепость Лайзе.

Старшая сестра Галланс вежливо спросила главу дома Териона Лайзе, следует ли ей доложить о визите Дуэрра Администратуму и Адептус Арбитрес, как полагалось на Гидрафуре, но ей ответили, что этим уже занялся личный персонал Териона, несмотря на то, что информаторы доложили Галланс противоположное. В то же самое время Миметас получила известие, что семейство готовит для Дуэрра какой-то способ тайно сбежать. Тогда Галланс начала организовывать незаметные кражи оружия из арсеналов цитадели, которое затем прятали в ее собственных покоях. Сестры использовали расписание религиозных церемоний, установленное Вигилией, чтобы собирать и вооружать своих партизан, готовых начать действовать по их сигналу.

Когда БТРы арбитров появились на улицах возле крепости, они услышали этот сигнал. Это был голос Териона Лайзе, который транслировался по всей цитадели. Он призывал вассалов семьи восстать против слуг коррумпированного закона (Кальпурния побелела, когда Галланс повторила его слова), даже ценой собственных жизней, в то время как несправедливо обвиненная семья Лайзе спасается бегством. Тогда люди, верные сестрам, начали дезертировать со своих постов, саботировать попытки сопротивления Арбитрес, забирать оружие из часовни и получать символы аквилы (сестра Миметас приподняла ножик длиной с палец, которым вырезала на груди каждого из них эти отметки) как знаки благословения, по которым они могли бы отличать друг друга.

Прислужники Лайзе были ошеломлены внезапными атаками со стороны своих, но семейному ополчению удалось сохранить дисциплину, оправиться от смятения и начать яростную зачистку собственных рядов. Они не понимали, кто именно

предал их и почему, и это достаточно замедлило их, чтобы сестрам удалось лично перехватить Териона Лайзе и Яннода Дуэрра, пытавшихся сбежать. Двое партизан погибло мученической смертью, устроив диверсию в ангаре автожиров, откуда они пытались улететь. Потянутую и напуганную пару быстро отволокли в часовню.

— Мы запланировали краткий обряд отлучения и определенные ритуальные наказания, возможно также, покаяния, учитывая значение этого дня, — сказала старшая сестра, — но псайкер вдруг начал атаковать своим разумом, и трое из моей паствы ушли к Императору, прежде чем мы успели произвести импровизированную экзекуцию.

Она кивнула на носилки возле стены, на которых под белыми траурными покрывалами лежали три тела. Ткань пропитывали темно-красные пятна крови, вытекшей из глаз и ртов от воздействия убившей их психической силы. Итак, значит, Териону и Дуэрру прострелили головы и бросили их в огонь.

— И таким образом все вернулось на праведный путь пред ликом бессмертного Императора и его Адептус, — закончила Галланс, и Кальпурния следом за ними повторила знак аквилы.

— Сестры, вы действовали храбро и решительно, и от лица Адептус Арбитрес я выражаю вам уважение.

Обе слегка поклонились.

— Однако, — продолжала Кальпурния, — возможно, нашим орденам Адептус следовало бы в дальнейшем сотрудничать в подобных делах, чтобы в случае иной подобной угрозы мы могли бы действовать более согласно. Если бы Арбитрес знали, что происходит в этом здании, мы пришли бы вам на помощь, и эти два преступника умерли бы по полному приговору суда.

— Мы решили, что приговора, оглашенного посвященным членом Адептус Министорум, будет достаточно, — слегка напряженно ответила Галланс, — и мы можем сослаться на то, каким образом преступники нарушили закон Экклезиархии, если понадобится.

— Я не подразумевала оскорбления, старшая сестра, просто я исполняю свой долг относительно собственного ордена, — сказала Кальпурния, стараясь не слишком торопиться. Но она не могла остановить себя. — Меня сопровождает арбитр-сеньорис Нестор Леандро, который куда лучше меня разбирается в писаниях и догмах закона. Я училась на арбитратора, не на судью. Арбитр Леандро сможет поддержать произведенные вами казни, задним числом подтвердив ваш приговор, так что Дуэрр и Лайзе будут считаться осужденными по Лекс Империа, равно как и по закону церкви. Этот исход удовлетворит все стороны, не так ли?

Они согласились, хотя и с прохладцей. Кальпурния позволила себе на миг подумать «Ну что ж, простите, что я тут пытаюсь выполнять свой долг» и оставила часовню на попечение лидеров отделений, удалившись, чтобы проследить за захватом оставшихся частей цитадели Лайзе. Впрочем, частично она сердилась на себя же: рассказ двоих сестер о том, чем они занимались среди Лайзе-Хагганов,

навел ее на одну идею, и теперь она корила себя за то, что не подумала об этом раньше.

Как только распространилась весть о том, кому на самом деле верны те, на ком вырезана аквила, очищение цитадели пошло быстрее.

Надо бы привыкнуть к делегации своих полномочий, решила Кальпурния. Она проследовала за быстро продвигающимися друг за другом ударными отрядами и бригадами прочесывающих помещения арбитров с кандалами, понаблюдала за тем, как быстро и умело они работают, удовлетворилась этим и оставила командующих продолжать зачистку. Затем Кальпурния спустилась сквозь всю цитадель к подножию, где ее ждал Леандро. Она нашла его стоящим у подножия металлического складного трапа командного «Носорога» модели «Легат» с удлиненным шасси и лесом антенн-передатчиков. Леандро довольно созерцал переполненный, суматошный лагерь Арбитрес, в который превратились

главные ворота Лайзе.

— Мы слышали, арбитр-сеньорис, какие указания вы передавали по вокс-системам цитадели, когда наши адепты смогли ее укротить. — Леандро на всякий случай облачился в накидку из тяжелой баллистической ткани поверх судейской мантии, хотя последняя перестрелка у главных ворот затихла уже несколько часов назад. — Захват этого места можно назвать образцом тщательного подхода и эффективных действий. И, как я понял из сообщений, поступивших от вас на командный пост из часовни этой крепости, следует думать, что вы можете поделиться хорошими новостями с теми из нас, кто остался за линией фронта?

— Новостей несколько, — ответила она, — и некоторые из них могут подождать, пока мы не вернемся в Стену. Думаю, с помощью Адепта Сороритас мы закрыли это дело со столкновением кораблей, но из того, что они мне рассказали — а они неплохо знают изнутри то, что происходило с семьей Лайзе — следует, что Лайзе не были связаны с

нападениями на меня.

— Что ж, печально, что они непричастны, — сказал Леандро, глядя на то, как у первых из отмеченных аквилой арестантов снимают отпечатки пальцев, сканируют глаза и берут образцы крови. — Не то что бы я желал вам чьей-либо враждебности, конечно, я лишь сожалею, что вся эта цепочка событий не привела нас ни на йоту ближе к раскрытию самого главного — покушения, направленного на вашу персону.

— Кстати говоря, я думаю, для нас тут открылась очень полезная лазейка, которую надо исследовать. Когда появится время поговорить в чуть менее сумбурной обстановке, — они отступили назад к корпусу командного поста, когда мимо пробежала колонна арбитраторов, ведя с собой шипящих и лязгающих кибермастифов, — я вам объясню. Понадобятся переговоры с Адептус Министорум или, по крайней мере, с Адепта Сороритас.

— Ясно. Что ж, обитель Священной Розы подчиняется Собору, а

следовательно, кабинету епарха, но, хотя по протоколу первоначально следует обратиться к епарху, решение после этого будет принимать канонисса Феоктиста. В этом она обладает независимостью, вы понимаете.

— Я доверюсь вашим навыкам, Нестор. Не думаю, что возникнут проблемы с сотрудничеством.

— Хорошо. Я уверен, нам в любом случае понадобится помощь Экклезиархии в том, что касается...

— Трон единственный, как сюда попали эти двое?

Между рядами толкущихся Арбитрес, толпами арестантов и грохочущими бронетранспортерами к ним шагали лорд Халлиан Кальфус-Меделл и инквизитор Стефанос Жоу.

— Не то что бы мне не нравится ваша компания, милорд, — сказала Кальпурния, — но я сомневаюсь в мудрости решения приехать сюда из Босфорского улья в этой машине.

Они сидели в паланкине лорда —

изысканной карете, парящей на гравитационной подушке в метре над землей, с водителем спереди и сиденьем для гигантского охранника Халлиана сзади. Основную часть паланкина окружала клетка из серебряно-голубых ребер, которые, изгибаясь, поднимались из шасси под ними и поддерживали занавеси из густо-синего бархата и цепочки с крошечными голубоватыми фонариками, а теперь, по жесту Халлиана, еще и создали мерцающее приватное поле, которое скрывало их от всех, кто был снаружи. Халлиан приказал водителю начать медленное движение по кругу внутри периметра, созданного Арбитрес перед цитаделью, и Кальпурния ощутила легкое покачивание сиденья под своей подушкой, когда команда изящных сервиторов на тонких, как ходули, ногах, начала толкать карету.

Жоу с ними не было. Он протолкнулся мимо Кальпурнии и Леандро, поговорил с одним из маршалов в командном «Носороге», а потом исчез в цитадели. Его подручные, видимо, должны были скоро

приехать, вероятно, чтобы изучить то, что погребальный костер оставил от Яннода Дуэрра. Кальпурнии было все равно. Пусть инквизитор игнорирует его и гоняется за собственными идеями, раз уж он на этом настаивает, но она была уверена, что Дуэрр никак не был связан с псайкером-стрелком или засадами на дорогах.

Может, паланкин и был окутан приватным полем, но брони и щитов на нем не было. Сидя в нем, Кальпурния ощущала себя как будто голой.

— Мы начинаем понимать, какого масштаба ресурсы задействует против нас враг, — продолжила она, — и я хочу, чтобы вы имели это в виду на будущее. Если их цель — нанести ущерб Вигилии, то вы сейчас ужасающе открыты для атаки. Пелена приватности — не защита. Что, если наш враг решит просто выпалить зажигательным снарядом по вашему паланкину?

Халлиан, который собирался что-то сказать как раз, когда Кальпурния начала говорить, теперь просто наблюдал за ней

из-под капюшона. Когда она закончила, он коротко, одеревенело кивнул.

— Хорошо подобранные слова и достойная похвалы осторожность, леди арбитр, однако я могу сказать в свою защиту, что при наличии столь выдающегося оппонента, как тот, что стоит за покушениями на вашу персону... что ж, будь я тоже целью, не думаете ли вы, что я бы узнал, если бы против меня что-то готовилось? Последние несколько дней я разъезжал по всему Августеуму, наблюдая за ходом Вигилии, и ничто не помешало мне. Ничто.

Его голос становился все резче и резче, но тут Халлиан спохватился, и выражение его лица смягчилось.

— ...Приношу извинения, арбитр Кальпурния. Две вещи, пожалуй, заставляют меня немного забываться. Мне стало известно, что Арбитрес с достохвальной предусмотрительностью размещают свои отряды по всему верхнему улью. Я встречался с арбитром Накаямой и его старшими адъютантами и обсуждал с ними эти строгие меры безопасности.

Теперь, когда их поддерживают Адепта Сороритас, которые также охраняют святыни улья, как велит им долг, защита стала вдвое сильнее.

Паланкин покачнулся, сделав крутой поворот обратно туда, откуда они пришли. Кальпурния не совсем понимала, почему Халлиан не оставил его на месте, если ему нужно было только защитное поле.

— Вы также должны помнить, что мы находимся на завершающих стадиях Вигилии, — продолжал Халлиан, — в это время, когда населению улья предписывается не заниматься бессмысленными или отвлекающими делами. Действует комендантский час Экклезиархии, равно как и ваш, судейский, введены запреты на посещение ресторанов и питейных, игры, театральные представления и любые публичные сборища, кроме определенных религиозных церемоний. Вы стояли рядом со мной, арбитр Кальпурния, и видели, как погасли огни улья в знак того, что началась Вигилия. Любая деятельность, связанная с

очередной попыткой убийства, сейчас будет слишком очевидна и заметна, и ваши Арбитрес, как и гарнизон сестер Собора, слишком внимательны, чтобы позволить такой попытке осуществиться.

— Арбитрес одинаковы по всему Империуму, — сказала Кальпурния, глядя на него в ответ, — и я готова доверить жизнь их бдительности. Но ситуация сейчас исключительная, и я считаю, что мой совет верен.

Халлиан сделал движение, как будто хотел выглянуть из двери кареты, хотя смотреть там было не на что, кроме колышущегося, плоского, серого покрова приватного поля. От него у Кальпурнии шли по коже мурашки: она понимала, почему аристократы любят подобные вещи, но у нее оно вызывало ощущение коварства, неискренности. Кроме того, ей совсем не нравилось, что она не может видеть то, чем занимаются остальные Арбитрес, и что там происходит. Она провела кончиками пальцев по шрамам на лбу.

— Вы говорили о двух вещах,

многоуважаемый Кальфус из Меделлов, — сказал Леандро, и Халлиан ответил с видом человека, который терпеливо ждал, чтобы его спросили.

— Вторая вещь, мои Арбитрес, это новость, которая, как я решил, должна была как можно быстрее достигнуть вас после визита к досточтимым Тудела.

Он дернул за тонкую косицу бело-голубого шелка, и одна из панелей пола приподнялась на ножках, превратившись в стол. Халлиан положил на него шелковый сверток, обмотанный шнурами из аквамаринового бархата.

— В высших кругах стало хорошо известно, что вы пытаетесь определить происхождение оружия, которое использовалось при нападении на благородную Кальпурнию, — голос Халлиана теперь звучал живее — Кальпурния была по-прежнему почти уверена, что поначалу оскорбила его, но он это, похоже, проглотил. — Я бы описал вам одну прискорбную войну наемных убийц, что велась между семьями среди Меделлов и определенными

аристократами из... впрочем, детали, мои Арбитрес, лишь нагоняют скуку. Взгляните лучше на это.

Он развязал шнур и развернул ткань, и во второй раз Кальпурния обнаружила, что пристально разглядывает тусклые металлические устройства, лежащие на яркой подкладке. Аугметические пластины с расположенными в определенном порядке креплениями для плоти и проводами, половина головной ленты, усеянной тонкими сенсорными шипами. И длинноствольный пистолет убийцы с загнутой назад рукоятью.

Понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать детали, но когда они сложились вместе, ее вдруг захлестнуло ощущение многообещающей возможности, которое она испытала тогда, в начале встречи с Тудела.

Леандро уже крутил одну из частей в руках. Они были не идентичны, определенно не идентичны, но столько сходства...

— У меня никогда не было особых способностей к военному делу, — говорил

Халлиан. — Но я помню, как мне показывали эти вещи в трофейных залах Кальфусов и говорили, что мы сохранили их как редкость. Я вспоминаю, мои Арбитрес, что контр-ассассины моей семьи так и не смогли точно вычислить создателей этих вещей. Когда я узнал, что для вашего расследования важно выяснить происхождение оружия убийцы, я, естественно, подумал, что могу предложить вам кое-что ценное.

— И каково же их происхождение?

Кальпурния взяла рукоять с механизмом подачи снарядов, которая выглядела очень похоже на то, что они показывали кузнецам Тудела. Леандро держал разобранный пистолет и разглядывал ствольную коробку. Халлиан покачал головой.

— Все это было захвачено у некоторых вассалов наших соперников, и создатель этого оружия так и не был найден. В подобных делах есть традиции, которые вы, арбитр Кальпурния, скорее всего, не знаете, но в конфликтах такого рода существует устоявшаяся практика...

— Нет, не существует.

Улыбка слегка сползла с лица Халлиана при словах Кальпурнии.

— Может, я и новичок на Гидрафуре, лорд Халлиан, — сказала она, — но я уже знаю достаточно, чтобы понимать, что это не так. И я знаю, какую политику ведут аристократы.

— Действительно? — ровно произнес Халлиан.

— Действительно, — ответила Кальпурния. — У уличных бойцов с Дрейд-73 тоже были свои традиции, когда я служила там арбитратором. Они называли их «честь траншейника». Никогда не наноси удар противнику, когда тот не видит, никогда не дерись ножом против голых рук и еще с дюжину разных правил. И никогда это никому не мешало прыгнуть тебе на спину с «розочкой» или напасть впятером на одного, если они считали, что никто не видит. Так что извините мой цинизм, лорд Халлиан, но я не верю, что в таком месте, с такими вещами на кону, люди ведут свои междоусобицы так, словно учтиво играют

в шахматы, кроме разве тех случаев, когда это подходит под их истинные цели. Если вы собираетесь сказать мне, что Кальфус-Меделлы намеренно не искали того, кто поставлял это оружие, то мне придется предположить, что просто никто не делал это открыто.

Лицо Халлиана было лишено выражения и бледнее, чем обычно. Кальпурния смотрела ему в глаза, пока Леандро не прервал их самым гладким и мягким из своих голосов.

— Ну что же, мои уважаемые спутники, не следует ли нам подождать, пока у нас не появится больше информации, пока новый свет не прольется на путь, лежащий перед нами, прежде чем мы начнем спорить, насколько он надежен? Милорд Кальфус из Меделлов, я полагаю, что вы принесли эти вещи, чтобы передать их в наше распоряжение? — глаза Халлиана сузились в ответ, но он вряд ли мог возразить. — Тогда пусть наши вериспексы проявят на них свои замечательные умения. Я уверен, если эти вещи того же происхождения, что и орудия

убийства, которые использовала та тварь, что атаковала Кальпурнию, это очень вскоре выяснится. Ведь мы обладаем не только ресурсами Адептус Арбитрес, но и, без сомнения, теми, коими распоряжается доблестный инквизитор Жоу.

— Может быть, мы даже снова отвезем их к Тудела, — подхватила Кальпурния, — я бы хотела поговорить с ними насчет дизайна и отделки этих вещей. А к вам, сэр, направятся детективы, чтобы обсудить конфликт, в котором вы их добыли.

— Прошу прощения, арбитр, но я должен уточнить, — Халлиан подчеркнуто обращался только к Леандро. — Вы собираетесь подтвердить, что они были изготовлены для некоего благородного семейства?

— Именно так, — ответила Кальпурния, — и мы может воспользоваться вашими сведениями, чтобы выяснить, какие семьи снаряжали своих агентов подобным оружием, и посмотреть, можно ли вывести на чистую

воду что-либо, что свяжет их с первым нападением. Не говоря уже о том, что мы также чуток усилим наблюдение за представителями этих семей в Босфорском улье.

Тут она хлопнула руками в бронеперчатках — ей пришла в голову мысль, которая показалась невероятно амбициозной, но чувство потенциала, разгадки, которая уже почти рядом, заставило ее озвучить идею.

— Я была бы рада получить от вас список тех, кого вы считаете наиболее вероятными кандидатами, Халлиан. Тогда я начну подтягивать кордоны и поисковые группы, даже если мы не сможем мобилизоваться до завтрашнего утра. Ха, то, что всем приходится жить исключительно при свете лампад, определенно, добавляет Вигилии атмосферы, но, пожалуй, немного затруднит наши перемещения.

У Халлиана отвалилась челюсть.

— Я не могу это позволить! Я — руководящее лицо, я назначен Распорядителем Вигилии по приказу

самого епарха гидрафурского! Вы вообще представляете себе, каковы будут последствия для Вигилии, если это, если вы... — он на миг зажмурился, собрался, а затем пронзил Кальпурнию пристальным бледно-голубым взглядом. — Вам бы пригодилось хоть немного узнать о том, как люди ведут себя здесь, а не в трущобах Дрейда. Несмотря на то, что вы можете о нас думать, Вигилия святого Балронаса — не пустая причуда. Ограничивающие эдикты в улье — настоящие, и такие же ограничения наложены на все остальные города этого мира. Никто не может заниматься торговлей. Дела, не относящиеся к базовым потребностям и религиозному долгу, не выходят за пределы домов. И это не все, Вигилия также требует поклонения и церемоний! Посмотрите на улицы вокруг себя, отсюда и вплоть до Босфорского улья и до самого Августеума! Посмотрите на свитки со списками грехов, прикрепленные к стенам, на верующих в Императора, что готовятся к бичеванию Страсти Искупительной! Должен ли я напомнить

вам, что ограничения относятся и к Адептус, неважно, насколько вам нравится думать, что вы превыше благочестия? Если в вас нет уважения к моему званию, можете ли вы с той же готовностью усомниться в верховном экклезиархальном владыке этого субсектора?

— Ваше знание религиозных деталей достойно восхищения, лорд Халлиан, — вставил Леандро, пока Кальпурния прикладывала усилия, чтобы заставить свои кулаки разжаться. — Так что мне не нужно припоминать Вигилию 198.М41, когда перегрузка газоочистительной станции в нижнем Босфорском улье грозила крупным пожаром и утечкой токсинов, а законы Вигилии воспрещали бригадам Механикус ее чинить. Я уверен, что вы знаете, что тогдашний епарх отпустил грех и даровал прощение магосам-инженерам, которые взяли на себя эту операцию, и канониссе-настоятельнице Священной Розы, которая пропустила Мессу и провела весь день у станции. Вы должны знать, что я и арбитр-майоре сегодня отправили епарху

письмо, где изложили доводы, что настолько громкое покушение подразумевает потенциально равную по силе угрозу и столь же экстренные обстоятельства. Завтра арбитр Кальпурния явится в Собор, чтобы принести обет и получить печать отпущения грехов, чтобы она и ее подчиненные могли продолжать заниматься богоугодным делом в самый строгий период Вигилии.

— И будьте уверены, сэр, делать богоугодное дело — это для меня самое важное, — Кальпурния ничего не знала ни про какое отпущение грехов, но схватилась за то, что сказал Леандро, и ориентировалась на это. — У вас есть еще какие-то вопросы?

Халлиан нехотя опустил глаза и не поднимал их, пока Кальпурния устраивала его сверток у себя под мышкой, потом махнул рукой. Приватное поле растаяло, внутрь хлынул звук, и двое Арбитрес толча выбрались из паланкина и пошли к командному посту. Кальпурния не оборачивалась, пока не услышала лязг

длинных аугметических ног сервиторов по мостовой, и повернулась, глядя, как паланкин уносят прочь. Либо эти сервиторы умели чертовски сильно менять темп хода, либо у кареты был какой-то двигатель — при нынешней скорости им понадобился бы целый день, чтобы пересечь город.

Халлиан снова включил приватное поле, и серебряная клетка кабины заполнилась серым. В задней части по-прежнему восседал сервитор, опустив могучие плечи и склонив голову. Кальпурния показала вслед уплывающей карете и сказала «Ага», и Леандро бросил на нее вопросительный взгляд.

— Этот сервитор, — ответила она, — этот громадный искусственный телохранитель. Вы его видели? Он был в чем-то вроде колыбели сзади паланкина. Это значит, у него должен быть более сложный триггер, чем те фразы, которые использует Халлиан. Я так и знала.

— Интерес побуждает меня, как бы невежливо это не было, спросить, на чем вы основали такие выводы.

— Я еще не видела, чтобы Халлиан где-то появлялся, не таская с собой этого монстра. Очевидно, в случае нападения он будет полагаться в основном на него. И при этом Халлиана и сервитора разделяет приватное поле, то есть он не может активировать эту штуку вербально. Значит, должен быть более технологичный способ управления, который действует сквозь поле. Не думаю, что кто-то может быть настолько непрактичным, чтобы обзавестись настолько мощным охранником, которому можно отдавать только голосовые команды.

— Да, пожалуй, это довольно точное наблюдение. Действительно, это было бы логично и практично, подойти таким образом к проблеме.

Лицо Кальпурнии стало мрачным.

— Не говорите, дайте мне самой догадаться. Это еще одна из треклятых местных особенностей, да? Чудесно. Опять я споткнулась о собственные ноги. Что я на этот раз пропустила?

— Ах, не стоит себя корить, арбитр Кальпурния. Гидрафур настолько

своеобразен, что прижиться в нем сложнее, чем в большинстве иных мест.

— Я-то думала, что привыкла к тяжелой работе, — она все еще выглядела сердито. — Ну ладно, что я пропустила?

— Просто обычай аристократов, подобные которому можно увидеть по всему сектору и, несомненно, за его пределами, в той или иной форме. Обычай намеренно неэффективно подходить к задаче, какой бы та ни была, причем с целью как раз-таки продемонстрировать и подчеркнуть символизм этой неэффективности.

— Понимаю, — сказала Кальпурния. Они пробирались между двумя отделениями арбитраторов, марширующих от командного поста к дверям цитадели. — Это когда всех вокруг тычут носом в факт, что ты слишком привилегирован, чтобы задумываться о практичности. Вы правы, это есть везде. Владельцы хазимских литеен в глубоком космосе носили просторные робы, в которых невозможно работать при нулевой гравитации. Так они

демонстрировали, что выше ручного труда.

— Именно так, — Леандро кивнул в том направлении, где исчез паланкин Халлиана, за внешними шеренгами Арбитрес и среди толп, бродящих по увешанным бумагой улицам. — И вот вы увидели, как тот же самый принцип работает на Гидрафуре. По большей части, предположительно существующая честь и учтивость в вооруженных конфликтах среди аристократии — просто видимость, как вы уже поняли. Что на самом деле реально, так это то, что определенные фракции — и я могу сказать, что Кальфус-Меделлы являются ярким примером таковых — добились такого могущества, что их лучшим оружием является чистый ужас перед тем, что они могут сделать в отместку. Можете считать это чем-то вроде демонстрации силы наоборот. Тщательно просчитанное сообщение, которое звучит так: «Моя власть и положение таковы, что могучий сервитор, которого вы видите перед собой, запрограммирован на активацию по

примитивному вербальному сигналу... и все равно я наслаждаюсь безопасностью, которой вы можете только позавидовать». Знаете, истинные сливки элитного общества даже не внедряют в них команды автореакции. Можно к ним подойти и дать кулаком в зубы, и охранник будет просто стоять и смотреть, пока они не прикажут ему убить. Мы можем предполагать, что именно такова конфигурация стражника лорда Халлиана. Вы еще увидите иные версии этого жеста, когда будете в дальнейшем работать с местной элитой.

Кальпурния вздохнула, на миг подняла взгляд на массив цитадели Лайзе, а затем последовала за ним по последним нескольким ступеням к командному посту.

— Вас что-нибудь из этого беспокоит? — спросила она, поднимаясь по металлической лестнице.

— Беспокоит меня? Эта глупость с управлением сервиторами? — Леандро изящно пожал плечами под черной мантией. — Я думаю, это бессмысленно, вы и сами видите. И я мог бы день и неделю

ораторствовать о том, как исторический закон соотносится с правами и обязанностями, и о том, чего судья должен ожидать от гражданина любого статуса касательно использования данным гражданином оружия. Противоречащих друг другу постановлений, прецедентов и суждений и так столько, что их могла бы взвешивать и обсуждать целая армия консульт-савантов, и каждое поступление новых томов Книги Закона с Терры только добавляет их все больше. На чем мы остановились?

— Вы говорили про глупость с управлением сервиторами, — ответила Кальпурния, подавив ухмылку.

— У них так принято, — просто сказал Леандро. — Они ведут себя так, как им подходит, а мы исполняем данный Императором долг, как только можем, и верно служим Адептус и Закону. Что тут еще спрашивать?

Они вошли в командный пост, и люк захлопнулся за ними.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Семнадцатый день Септисты

Канун Мессы. Четвертый день Вигилии Балронаса. Служба Шпиля. Страсть Искупительная. Поминовение мастера Рейнарда и святого Кая Балронаса.

Через час после рассвета все горожане обязаны быть на улицах, хотя в идеале следует стараться провести всю ночь вне дома, следуя за процессиями священников. В назначенный час священнослужители на улицах отдадут приказ, и тогда каждый гражданин должен поджечь факелом свиток с покаянием, который он прежде повесил на стену своего дома.

Священники, дьяконы и главы семей или начальники бараков первыми начинают молитву, когда покаяния уже горят. Члены паствы Императора должны помнить, что, пока сгорают признания, их души освобождаются от бремени греха. К концу каждой плети уже должен быть привязан пучок маленьких лезвий, благословленных в предыдущий день, саму же плеть следует держать на ремешке, готовую к окончанию молитвы. К тому времени, как признания в грехах окончательно сгорят, бичевание должно уже привести к падению от изнеможения, и если кто-то слишком слаб физически или духовно, чтобы вовремя достичь такого состояния, он может попросить о помощи членов духовенства, которые будут патрулировать улицы для этой цели. Гражданам следует

попытаться вернуться домой, как только они будут в состоянии это сделать; все двери и ставни должны быть уже закрыты. В течение ночи нельзя зажигать никакого света. Теперь очищенная душа может оплакать слабость и падение Гидрафура многие годы назад и те честные души, что погибли под властью Вероотступника и безбожника.

Впервые более чем за неделю Кальпурнии удалось урвать нормальный отдых. Она проспала одиннадцать часов и проснулась с тяжестью и скованностью в теле, как бывает после долгого неподвижного сна, вызванного усталостью. Зато отдых заново пробудил аппетит, который прежде приходилось удовлетворять в основном перекусами на ходу, и ей была совсем не по душе ирония того факта, что время, когда можно было как следует поесть, пришлось на строгий

пост Вигилии. Она ощущала себя раздраженной и напряженной, пока полировала свои знаки ранга и почета и чистила оружие, готовясь к очередной поездке к Собору.

Леандро не блефовал насчет отпущения грехов Министорумом, а если и блефовал, то решил претворить это в жизнь. Сегодня Кальпурнии и небольшой, тщательно отобранной команде должны были дать индульгенцию, чтобы они могли работать без препятствий, налагаемых эдиктами Вигилии: ездить на транспорте, свободно говорить, входить в дома, сражаться. И теперь ей нужно было начать целую новую линию расследования. Так как Ультрамар был вотчиной Адептус Астартес, ее собственная семья никогда не испытывала на себе особое внимание сестер Фамулус, но после разговора с двумя сестрами в цитадели Лайзе и улик Халлиана, говорящих о том, что за первым покушением стояли аристократы, она едва не подпрыгивала от возбуждения. Оба эти источника указывали на богатую жилу

информации, которую она пока что просто не додумалась раскопать. И она была рада, что Леандро согласился с этим подходом.

С Жоу все было иначе. Через час тщетных попыток связаться с ним по воксу в цитадели Лайзе она сдалась и удалилась по улицам, заполненным людьми, которые молча рассматривали трепещущие на ветру свитки с покаяниями, покрывающие каждую стену, или бежали за паланкинами священников, выкрикивая мольбы о благословении, вырывая себе волосы и раздирая одежду. Потом ей доложили, что Жоу явился на командный пост и приказал всем арбитрам до единого покинуть это место, затем установил на каждом входе пост ополчения Инквизиции, все отделения которого держали посохи с прибитыми к ним свитками замысловато сформулированных интердиктов и были готовы стрелять на поражение во всякого, кто пытался войти в крепость. Наконец, он посетил ближайшие участки и приказал сервиторам забрать все

инфопланшеты, пикты и записи об этом рейде. Крепость Лайзе и недавняя деятельность усопшего Яннода Дуэрра теперь оказались непосредственно под эгидой Инквизиции. Кальпурния приняла это как данность, но в то же время, как представитель всех Арбитрес, она чувствовала, что ими просто воспользовались. В качестве завершающего, победного штриха сообщение гласило, что персонал Жоу упомянул официальные предупреждения и выговоры, которые должны быть сделаны всем четверым командующим Арбитрес за то, что они заранее не предупредили Жоу об атаке.

Не лучше был и Барагрий, которому было плевать на детали рейда, но зато он прислал сообщение, выражающее неодобрение тем, что Кальпурния не принимала участия в Страсти Искупительной. Арбитрес не были обязаны участвовать в грандиозном самобичевании, которому в то утро предавались толпы, заполонившие улицы, но у Кальпурнии создалось впечатление,

что от нее ожидалось по такому случаю сделать хотя бы что-нибудь символическое. Она знала, что не поспевает за всеми необходимыми обрядами — и даже не была уверена, хорошо ли на ней сидит церемониальная униформа для Сангвиналы, в чем по идее надо было удостовериться еще несколько дней назад — но она задавила раздражение на себя раздражением на Варагрия, который довольно-таки выборочно следовал своей предположительной роли наставника.

В ее голове крутилась последняя фраза, сказанная Сильдати, прежде чем та вернулась в собственный участок, через час после новости о том, что арбитр Гомри умер в медицинском отсеке Внутренних Харисийских Врат. Сильдати задержалась после того, как Кальпурния ее отпустила, и стояла, пока она не спросила, что ей надо.

«Я просто хотела сказать, с вашего позволения, мэм, что мы... ну, мы не забудем то, что вы сделали».

«Я сделала? Не понимаю».

«Что вы сделали для Гомри, мэм. Вы были рядом с ним в медотсеке, не отходили от него».

«Разумеется. Он же был моим подчиненным».

«Есть командиры, которые бы не стали этого делать, мэм. Этот поступок... по всем казармам про это говорят. Мы не забудем».

И с этими словами она отдала честь и ушла, оставив Кальпурнию удивленной, но смутно довольной.

Кальпурния добавила к «Носорогам» и залам аудиенций еще одну вещь, которая определяла для нее Гидрафур. Это был дым. Разноцветные ароматизированные дымки того ужасного маскарада на площади Адептус, неподвижная болезненная мгла, которая заполнила Врата Аквилы, зловоние погребальных костров в часовне Лайзе. Каждый раз, когда она размышляла о прошедших двух неделях, ее воспоминания все время окутывались дымом.

И вот теперь она опять шла сквозь

него. В то утро жители Августеума, и остального улья, и города под ним, и всего Гидрафура скакали, плакали, кричали и хлестали себя по спинам связками серебряных лезвий, а длинные, хлопающие на ветру листы пергамента, покрывающие каждое здание, горели — горели медленно, так как их обработали специально для этого. Так сгорали списки грехов каждого из кающихся, в то время как боль бичевания выжигала сами грехи из их душ.

Пламя уже давно угасло, только эхо отдавалось в серой дымке, висящей в неподвижном воздухе, хлопья пепла разлетались возле ног, будто странный снег, обрывки бумаги и потеки расплавленного пласвоска все еще льнули к обожженным стенам зданий. Как кто-то сказал ей, они останутся до тех пор, пока через месяц их не смоют прочь первые дожди влажного сезона.

Кроме мусора, на улицах остались и люди — распростертые, стонущие, со спинами, превратившимися в кровавое месиво. Среди них были и мужчины, и женщины, вложившие всю душу в

епитимью и слишком ослабевшие, чтобы подняться. Кальпурния не знала, как на них реагировать, пока не увидела призрачные силуэты сестер-госпитальерок, которые двигались по улицам и направляли санитаров, чтобы те уносили раненых прочь. Кроме них, она видела только отряды Арбитрес или Сороритас, которые медленно, с достоинством двигались по улицам, выполняя свой долг: арбитры в черной броне выстатривали противозаконные акты, сестры в белых доспехах — святотатственные деяния, и обе стороны обменивались кивками, когда их совместно спланированные патрульные маршруты пересекались. Не было слышно ни голосов, ни звука двигателей.

Кальпурния маршировала во главе формации величиной в двадцать человек, и эти пустые, жутковатые улицы вселяли в нее тревогу. Она оглядывалась на закрытые ставнями окна и вспоминала, что сама говорила Халлиану об осторожности, о перемещениях по городу, настойчивых убийцах, пулях и бомбах. Она едва не проклинала планету, чьи

запутанные правила и обычаи настолько сильно мешали ей делать все по-своему, но потом выбросила из головы эту мысль. Законы создала Экклезиархия, такая же часть священных Адептус, как и она сама, а не какой-нибудь надутый планетарный аристократ. И кроме того, сказала она себе, пока они маршировали по длинной Месе к вратам Собора, Адептус Арбитрес не прячутся. Не будет прятаться и Кальпурния. Громадный шпиль, возвышающийся над концом Месы, заставил ее почувствовать смирение, приподнял дух и внушил храбрость.

У некоторых горожан достало силы, чтобы приползти или приковылять к рампе перед Собором, и их там лежало больше сотни. Они гладили руками барельефы на рампе или лежали на окровавленных спинах, глядя вверх на шпиль, и слабо протестовали, когда их уносили госпитальерки. Когда по Месе поднялись Арбитрес, двое сестер отделились от стражи у входа и повели их по улице, которая сужалась и переходила в переулок с высокими

стенами, идущий вдоль стены Собора к укрепленным покоям Гидрафурской обители ордена Священной Розы.

Обитель ничем не походила на богато украшенный храм Механикус или внушительный лабиринт самого Собора, она имела больше сходства с простыми и функциональными казармами Стены. Но ритуал вскоре вызвал в памяти визит к Сандже: он был быстрый, он был странный, он был явно не тем, чего она ожидала. Сороритас в белых одеяниях встретили их, как только они вошли в ворота, тщательно и невозмутимо проверили их служебные значки и сетчатки глаз, а затем облаченные в доспехи Воинствующие сестры забрали у них оружие. Затем их провели в глубины здания, где Кальпурнию быстро отделили от остальных и провели по длинному, наполненному эхом залу, а затем вниз по узкой лестнице, которая, в противоположность ее ожиданиям, закончилась садом.

— Добро пожаловать.

Волосы канониссы-настоятельницы

феоктисты были такими же белыми, как ее одеяние и капюшон, морщинистая кожа имела цвет меди, а голос был мягок.

— Пожалуйста, преклоните колени.

Опустившись на колени на подстриженную траву и опустив глаза, Кальпурния почувствовала, как рука канониссы прикоснулась к ее темени. Она, в свою очередь, приложила правую руку к нагруднику и стала повторять строки клятвы за настоятельницей.

— Я — Шира Кальпурния Люцина из Адептус Арбитрес, и я даю обет преданности и долга Богу-Императору Земли. Я молю Его о прощении за мои действия и желания и клянусь, что это прощение станет оружием в моих руках для службы всемогущему Императору и никому иному. Таков мой обет преданности и долга.

— Поднимитесь.

Она встала. Канонисса наклонилась и прижала к ее броне знак отпущения грехов. Это была традиционная печать Экклезиархии из алого пласвоска, со свисающими лентами белого шелка,

покрытыми цветным текстом на высоком готике.

— Когда Вигилия закончится, вернитесь сюда, и я заберу печать. До тех пор все вы должны носить их постоянно. Сороритас знают, что должны помогать и подчиняться вам, если на вас эта печать, и... примут меры, если ее не будет.

— Почтенная канонисса, мои люди, те, что прибыли сюда со мной...

— Их обеты и отпущения грехов происходят в другом месте. Не беспокойтесь, их благословят иными печатями, но они дают такую же власть. Вас отделили по моему приказу. Есть одно дело, которое я должна с вами обсудить.

Канонисса медленно поднялась, опираясь на трость из светлого дерева. Двое неофиток, чьи лица скрывали белые вуали, унесли ее кресло и маленькую кафедру, где находилась ее печатка и разогретый горшочек пласвоска. Кальпурния подумала, не была ли одна из них внучкой вольного торговца Квана.

Маленький сад имел форму круга, со

всех сторон ограниченного каменной стеной, которая заканчивалась на высоте двух этажей, и состоял из концентрических дуг газона и дорожек. На простых клумбах, окруженных камнями, росли белые розы, геральдический символ ордена, и солнечный свет придавал им легкий желтоватый оттенок. В самом центре сада возвышался еще один символический объект: эмблема ордена, рука в бронированной перчатке, держащая розу, изваянная из того же простого камня, что и стены сада. Они начали медленно ходить вокруг нее.

— Вы преследуете убийц, могущественных и неизвестных, во власти у которых и нечисть и мутант.

— Псайкер-стрелок, да, — Кальпурния заметила, что при слове «псайкер» канонисса прикоснулась к аквиле из белого золота у горла. — Однако мы, скорее всего, уничтожили того, кто натравил его на меня. Леди канонисса, теперь мы полагаем, что псайкер-астропат, — и снова этот жест, — возглавлял некий заговор среди других членов Адептус и Лиги

Черных Кораблей, и я сама...

— У вас нет уверенности, просто вера?

— Просто вера, леди канонисса, — ответила Кальпурния, удивившись тому, как неуместно звучало из уст канониссы-настоятельницы выражение «просто вера».

— Хм, — произнесла та, и они наполовину обошли скульптуру. Наконец, феоктиста снова заговорила.

— Пока вы преследовали тех, кто напал на вас, вы имели дело с неким Халлианом из семьи Кальфус и дома-синдиката Меделл.

— Да.

— Вы должны знать, что сегодня ночью сестра Арлани Лейка из Священной Монеты, назначенная орденом Фамулус на должность смотрительницы поместья лорда Халлиана, была убита.

Они прошли еще несколько шагов в молчании. Кальпурнии вдруг показалось, что воздух, который она вдыхала, стал холодным как лед.

— Вчера вечером сестра Лейка связалась со мной посредством

запечатанного сообщения, — продолжила канонисса. — Она передавала, что ей нужно поговорить со мной, но только наедине, в одном из наших тайных покоев. Она сказала, что тогда сможет предоставить мне больше информации. Я решила, что вас нужно оповестить.

В голове Кальпурнии заметались мысли. Атака на нее, атака на Халлиана. Или дом Халлиана. Погибла женщина, и, судя по словам канониссы, убили только ее, значит, это не был крупномасштабный налет, не битва. Она бы узнала, если б что-то такое случилось, верно? Что это означало, изменение стратегии союзников Дуэрра или что-то иное? Еще одно нападение Общества Пятьдесят восьмого прохода? Это вполне подходило под их желание подорвать Вигилию.

— Арбитр? — феоктиста смотрела ей в глаза. Кальпурния поняла, что уже с десяток секунд как молчала.

— Прошу прощения, почтенная канонисса, я пыталась сопоставить это с собственным расследованием. Очевидно, они взаимосвязаны. Нам надо выяснить,

каким образом. В зависимости от результатов проверки кое-какого оружия, которое нам предоставил Халлиан, я думаю, мы сможем сузить круг подозреваемых до определенных благородных семейств Гидрафура. Поэтому я хотела начать посылать запросы всем сестрам фамулус, но если эти события связаны, то все опять становится неопределенным, и мы... — она собралась с мыслями. — И снова приношу извинения, я мыслю как-то сумбурно. Последние несколько дней были... неспокойны.

— Соберитесь, арбитр, — твердо сказала канонисса. — Я буду молиться, чтобы вас направляла рука Императора.

Кальпурния сделала глубокий вдох.

— Я должна увидеть то сообщение, которое вам вчера прислала сестра Лейка. И тело тоже. Может быть, я смогу...

— Невозможно. Дела Сороритас, и в особенности орденов фамулус — священная тайна.

Голос феоктисты был настолько тихим, что Кальпурнии хотелось

придвинуться поближе, чтобы лучше слышать, но в ее словах было столько власти, что возникало ощущение, будто она должна стоять по стойке «смирно», слушая их. Где-то в здании ударили в гонг, и, когда его звук затих, где-то в верхних галереях над садом высокий чистый голос запел призыв к полуденным молитвам.

— Оставайтесь здесь или идите молиться с нами, арбитр, — предложила канонисса, — и я помогу вам, чем смогу, когда вернусь.

Феоктиста повернулась, и снова явились двое неофиток, чтобы помочь ей. Кальпурния смотрела, как они величаво идут к арке, за которой была лестница, и в это время она наконец осознала, что слышит звук, который пробивался сквозь последние ноты призыва к молитве. Это был странный звук, похожий на хруст, доносящийся откуда-то сверху и сзади. Она огляделась, но в саду поначалу ничего не двигалось. Потом изваяние пошатнулось на пьедестале, и снова раздался этот звук — не из основания, но из самой вершины — и из резной руки с цветком брызнули

осколки. Наконец, камень раскололся на куски, наружу излилась жужжащая черная масса и потекла навстречу им.

Не единая масса, поняла Кальпурния. Это был рой — рой жирных, металлически-черных насекомых, которые сползали по статуе, как личинки, бежали, как муравьи, прыгали, как тяжеловесные сверчки. Они издавали гудение, которое началось, как стрекот цикад, и переросло в звук цепного меча, вгрызающегося в камень.

На миг рой завозился на одном месте у основания статуи, и Кальпурния услышала странное, почти механическое пощелкивание, с которым маленькие черные силуэты прыгали и переползали друг через друга. Она начала осторожно пятиться, а они поползли вперед по ее следам на траве.

Кальпурния на мгновение застыла, потом схватила камешек с одной из клумб и бросила его в рой. С легким шипением тот прошел сквозь облако и упал на траву по другую сторону. Рой как будто бы отступил, накрыв его, словно по камню

провели куском ткани. На миг Кальпурния отчетливо увидела, что личинки, ползущие по его поверхности, бороздят за собой следы. Потом они снова поползли вперед.

— Спасайте каноницу! — крикнула она через плечо, но неофитки ее уже опередили: оглянувшись, она увидела только, как на лестнице мелькнула и исчезла белая ткань. Она подумала, что надо последовать за ними, но подавила эту мысль: она не знала, что сможет сделать с этой штукой, но точно не собиралась оставлять ее здесь без присмотра.

Маленькие насекомые наступали на нее со скрежетом и стрекотом. Кальпурния быстро отошла на два шага вбок, ожидая, что они двинутся навстречу, но вместо этого рой быстро переместился туда, где она стояла до этого, и потом повернул. Глядя на те места, где он уже прошел, она увидела, что трава там превратилась в рваное и давленое месиво. Почему-то это ее не удивило. Кроме того, существа слегка ускорились и... да, рой определенно становился больше. Он стал

шире и плотнее, чем был, когда появился на свет из изваяния. Кальпурния поняла, на что пошло вещество, содранное ими с травы и земли, но как они могли так быстро размножаться? Страх начал въедаться в ее душу, и она затоптала, задавила его, пытаясь что-то придумать.

За ее спиной был ряд розовых кустов, и, пятясь, она протолкнулась сквозь него под скрип шипов о панцирь. Через миг рой добрался до них, и на долю секунды Кальпурния увидела, как сотни челюстей-дробилок истирают и измельчают ветки и стволы, а затем кусты повалились и исчезли среди насекомых. Рой еще немного увеличил скорость и пополз по ее следам.

И снова она вытеснила из головы мысль о побеге. Рой следовал за ней, она не могла увести его в галереи, где он мог напасть на канониссу, на невинную неофитку, на Императора знает кого еще. Сейчас уже должна была подняться тревога, кто-нибудь придет сюда до того, как весь сад по колено заполнится ползучей стрекочущей черной массой.

Она оступилась, ей пришлось

выравнивать равновесие, и, прежде чем она успела отскочить, авангард роя бросился вперед и добрался до ее ступни. Кальпурния запрыгнула на каменную скалью и ударила ногой по ней и по другому сапогу, молясь, чтобы услышать хруст панцирей. Остальные твари скопились вокруг ножек скамейки, и толстые бронированные тельца начали громоздиться друг на друга, чтобы добраться до нее. Верхнюю часть ее сапога как будто поскребывало ногтем, и она чувствовала схожую вибрацию, исходящую от каменных опор скальи, которые подгрызали эти создания. Кальпурния отчаянно потрясла ногой, личинки, которые заползли на нее, свалились, но оставили после себя головы, которые продолжали бурить и глодать бронированный подъем сапога. Она поборола панику и подождала еще секунду, пока не была уверена, что рой настолько тесно сгрудился вокруг подножия скальи, насколько было возможно. Потом она присела на корточки, напряглась, перепрыгнула кучу насекомых и, перекатившись, поднялась на ноги на

газоне.

От ступни доносилось гудение, подъем сапога трещал по швам, она чувствовала, что он вот-вот поддастся. Нужно было время, чтоб расстегнуть его и скинуть сапог, но скатья уже рухнула под черной массой, и жующие муравьи и личинки начали покачиваться в воздухе, как будто вынюхивая ее. Кровь Кальпурнии похолодела при виде того, как куча насекомых изогнулась, следуя за дугой, которую она описала в воздухе. Теперь в черноте панцирей прорезались полоски серого и серебряного цвета, и она смогла различить разные формы существ — червей, личинок, муравьев, мух — которые снова ринулись за ней, уже близкие к скорости бегущего человека. Она пролетилась сквозь еще один ряд роз, когда один отросток роя нашел ее след.

Материал сапога разделился, челюсти насекомых начали щипать и кусать ткань под ним. По спине пошли мурашки, когда она представила их у себя на коже, но останавливаться, чтобы снять сапог, было нельзя. Кальпурния попыталась

собраться с мыслями. Они слепые, это точно, они не видели ее движений, но шли по следу. (Кожа на ноге начала чесаться и покалывать). Им сложно подняться в воздух. Можно ли это использовать? Могут ли они карабкаться вверх? Она посмотрела на стены сада: камень был неровный, но недостаточно неровный, чтобы можно было по нему взобраться, и к тому же эти твари сожрали основание каменной скамьи. (Зуд в ноге превратился в жжение, еще секунда, и рой разойдется достаточно широко, чтобы начать окружать ее. Надо двигаться).

— Почему ты еще здесь? — резко окликнул голос с другой стороны сада, и Кальпурния попыталась, хромая, отбежать, срезав угол, к высокой сестре в силовых доспехах, стоявшей у подножия лестницы.

— Их надо как-то удержать, не оставлять тут одних, — прокричала она в ответ. — Они каким-то образом меня выслеживают. Нельзя давать им прикасаться к себе! Я могу быть заражена!

Сестра на миг поглядела на нее,

потом подняла болтпистолет и аккуратно всадила снаряд в центр роя. Болт исчез в черноте, и они обе услышали звук, с которым он разорвался, уйдя в почву. Существа заметались, когда взрыв взметнул грязь. Сестра прицелилась и сделала еще три быстрых выстрела, но рой проигнорировал ее, снова сгустился и двинулся на Кальпурнию.

— Он слишком плотный, не могу пробить путь.

Рой направил одну колонну прямо к ее раненой ноге. Сестра осторожно подняла пистолет, на сей раз целясь ей в голову. Кальпурния поняла ее намерение, сглотнула, закрыла глаза и начала, запинаясь, читать молитву, которой ее научили еще ребенком, научили на случай, если ей когда-либо понадобится милость Императора, чтобы избавить...

Болт-снаряд с воем пролетел над головой и врезался в стену позади нее. Сестра снова окрикнула ее:

— Открой глаза, женщина. Я сделала выбоину, хватайся за нее, купишь немного времени.

Боль в ноге стала обжигающей. Она повернулась, пробежала два шага и подпрыгнула, ухватившись за край маленького кратера в стене кончиками пальцев. Рой нахлынул на подножие стены под ногами, Кальпурния уперлась носками в камень и собралась с силами, не зная, сколько ей удастся продержаться.

Голос сестры позади нее произнес: «Нука, передайте его мне. Так-то лучше», а затем под рев огнемета ползучая масса внизу окуталась желто-белым пламенем, и воздух пронизал густой запах горящего металла.

— Арбитр! Арбитр Кальпурния!

Верх лестницы, ведущей в сад, был окружен Арбитрес и Сороритас: сестры были с мрачными лицами и вооружены, а арбитры всматривались вниз, пытаясь разглядеть ее. Ей уже оказали помощь: высокая сестра схватила ее за ногу и прижала к ступне горячий ствол огнемета, чтобы жар обездвижил крошечных металлических клещей под кожей, а потом протянула боевой нож,

чтобы она выковыряла их наружу. Извлечь их оказалось нетрудно, но теперь Кальпурния прихрамывала на эту ногу, и сквозь ожог на подъеме стопы сочилась кровь. Она секунду постояла, покачиваясь, среди гула голосов, потом попыталась им ответить.

— Нет, я не знаю, что это было. Сестра, вы их узнали? Я сказала, не знаю. Вы их видели, это какие-то искусственные хищные создания, самовоспроизводящиеся. Живые? Нет, не думаю. Потому что вот, посмотрите, что я из себя вытащила. Это металл. Эти твари были сконструированы. Какие-то машины убийства. Они двигались тем быстрее, чем дольше они были... снаружи, или здесь, или где-то еще. Они выслеживали меня, но игнорировали сестру. Нет, я не знаю, почему, — она потрясла головой. — Хватит, перестаньте вы все.

Она оглядела их лица.

— Давайте я вам скажу, что мы будем делать дальше. Канонисса Феоктиста, вы говорите, что не можете раскрыть мне детали сообщения сестры

Лейки. Подожди, Баннон, — отмахнулась она, — потом объясню. Можете ли вы подтвердить, канонисса, что это было нечто связанное с Вигилией?

Глаза феоктисты расширились.

— Я не говорила ничего об этом.

— Нет, но сестра Лейка была из ордена Священной Монеты, ордена фамулус. Вы из ордена Священной Розы, Воинствующего ордена. Я знаю, Сороритас строго соблюдают иерархию своих орденов, и поэтому Лейка не пошла бы к вам вместо своей собственной канониссы, если бы на то не было особой причины. И особая причина заключается в том, что ваши сестры на данный момент заняты тем, что поддерживают порядок во время Вигилии, и должны охранять Мессу. Так?

Настоятельница неохотно кивнула.

— Она сказала, что завладела некоторыми вещами. Какой-то информацией, чем-то, что, как я думаю, она хотела мне показать. Она хотела посоветоваться со мной, как это может повлиять на Мессу. Я была удивлена: сестра Лейка не относилась к моим

подчиненным, но я слышала, что она умна и изобретательна. Я решила, что если нечто заставило ее отойти от обыденной практики, то мне стоит выяснить, что это было.

— Но вы этого не сделали.

— Нет. Следующая весть, которую я получила из того поместья, пришла с неким мастером Номикросом, тажордомом лорда Кальфуса-Меделла. Он пришел, чтобы сообщить мне о ее смерти. Судя по всему, он знал, что она планировала навестить меня во второй половине дня. Я встретила его незадолго до того, как принять вас, арбитр Кальпурния. Он сидел передо мной в том же самом саду, он попросил, чтобы мы говорили в спокойном месте, потому что он принес столь скорбную новость, — она взмахнула рукой, указывая на дымящуюся массу внизу. — И он действительно выглядел скорбящим. Он принес с собой подушку из паланкина лорда и настоял на том, чтобы сидеть в саду с ней. И постоянно мял ее в руках. Я подумала, это говорит о том, что ему недостает

самообладания.

— Благодарю вас, канонисса. Баннон и все остальные, мы получили свои разрешения, теперь наша цель — поместье Кальфуса, — она поглядела вниз, на свою стопу. — Не буду пытаться дойти туда пешком. Пусть один из вас отправит сообщение во Врата Справедливости и запросит «Носорог», хотя нет, подождите, только нам разрешено водить транспорт. Тогда пусть вся команда... — она нахмурилась, пытаясь сконцентрироваться, не обращая внимание на боль в ноге, и придумать план.

— Один момент, арбитр, — вперед выступила высокая темноволосая сестра, которая спасла Кальпурнии жизнь в саду. — Что касается этого, то, с разрешения канониссы, я могу предложить идею получше.

Внутреннее пространство сестринского «Носорога» выглядело копией транспортов Арбитрес, в которых Кальпурния ездила уже почти двадцать лет, но и отличалось от них. Оно казалось

необычно просторным, ведь в нем не было ни ящиков и стоек со стабберами, дубинками, гранатометами и пускателями сетей, ловчими ястребами, дробовиками и щитами, ни защитного снаряжения, уложенного вдоль стен и под потолком. Оно оборудовалось в расчете на сестер в силовой броне: узкие скамьи, покрытые прорезиненными лентами, чтобы бронированные тела не скользили по металлу, спинки с вмонтированными соединениями для доспехов. Из-за этого сидеть на скамьях было невыносимо, так что Кальпурния вскоре сдалась и устроилась в стоячем положении возле задней двери транспорта. Размер и форма сидений подгонялись под фигуры в широких наплечниках, поэтому остальные Арбитрес елозили и подпрыгивали, когда транспорт объезжал углы, набирал скорость и замедлялся на перекрестках. Экипаж «Носорога» вел машину быстрее и жестче, чем любые водители Арбитрес.

Глядя сквозь смотровую щель возле своего плеча, Кальпурния видела второй «Носорог», который мчался за ними,

идеально соблюдая порядок строя. Орден Священной Розы обладал своими привилегиями во время Вигилии, и феоктиста, не сомневаясь, приказала своим сестрам отвезти Кальпурнию прямо к особняку Кальфуса.

На скамьях сидели пять Сороритас, опустив головы и углубившись в молитвы над каждым снарядом, который они вставляли в магазины болтеров. В передней части сидела темноволосая сестра, что была в саду. Она представилась как старшая целестианка Ауреан Ромилль. Ромилль уже зарядила свой болтер, украшенный серебряной филигранью, и приделала к стволу сариссу, короткий тяжелый силовой шип с острым как бритва кончиком.

Теперь это острие, скрытое ножнами, было уперто в пол, а Ромилль сидела, опустив голову на приклад и закрыв глаза. У нее было круглое бледное лицо и почти такой же длинный и острый нос, как у Халлиана, и Кальпурнии пришла в голову непочтительная ассоциация с тарелками аспиков, торчащими вокруг

посадочной площадки «Крест-Четыре».

Звук двигателей «Носорогов» изменился, когда они поехали по террасе с отвесной скалой слева и стометровой пропастью справа. Кальпурния собралась с духом, когда «Носорог» повернул на девяносто градусов, остановился, и рампа со скрежетом опустилась наземь. Они быстро и тихо выбрались из бронетранспортера, и Кальпурния без слов повела их сквозь ворота, прихрамывая на раненую ногу в изъеденном сапоге, но с ничего не выражающим лицом.

Поместье Кальфуса перегораживало конец съезда, как лавина, сползшая на горную дорогу. Это была не башня или дворец, как ожидала Кальпурния, в нем не было ничего подобного грубой мощи цитадели Лайзе — скорее это было скопление громоздких серо-бурых коробок и куполов, тянущееся каскадом на один-два километра склона ущья, почти столь же крутого, как отвесный утес. Тяжелые стальные заслонки, которые отделяли двор от дороги, были убраны в стороны. Увидев это, Кальпурния повернулась к

Баннону и Ромилль.

— Ворота открыты. Могут быть проблемы. Будьте осторожны.

— Это местный закон, мэм, — поправил Баннон, и Ромилль кивнула.

— Это часть Вигилии, — сказала она. — Распорядитель Вигилии представляет всех верующих системы и обязан не ставить перед ними какие-либо препятствия. Обычай восходит к...

— Спасибо, сестра-целестианка, я поняла.

Кальпурния прохромала в ворота, и позади нее захрустел гравий под ногами следующих за ней арбитров и сестер. Ромилль широкими шагами догнала ее.

— Я хотела сказать, что согласна с вашим предупреждением. Погибла сестра, и этот закон об открытых воротах уже раньше использовался.

Она подкрепила слова делом и зарядила сариссу. Кончик копья окутала голубоватая дымка силового поля, и Кальпурния нажала большим пальцем на собственную дубинку, так что та затрещала и заплевалась искрами

энергии.

— Готовы к бою, арбитр?

— Даже надеюсь на него, сестра. Я готова убивать. Так достало носиться по всему улью, как движущаяся мишень, гоняться за тенями и бояться опасностей на каждом углу. Каждый след, который мы отыскали, оказался никчемным и сам по себе заглох, и я сейчас так же далеко от того, кто хочет меня убить, как десять дней назад. Дух Жиллимана, я просто хочу увидеть что-то, во что можно стрелять!

— Арбитр, простите, но не подобает поднимать голос на публике во время Вигилии.

Кальпурния пыталась придумать ответ, когда они добрались до лестницы самого дома и поднялись по ним к открытым дверям, где стояла фигура в темно-синей одежде.

Кальпурния усвоила достаточно гидрафурских обычаев, чтобы знать, что этот цвет считался традиционным для старших слуг аристократического дома, но не самой знати. Однако одеяние этого человека было роскошного покроя и из

дорогой ткани, куда более пышное, чем, предположительно, позволяли строгие законы Вигилии. Она решила действовать наугад.

— Мажордом Номикрос? — он моргнул и кивнул. — Я — арбитр-сеньорис Шира Кальпурния из Адептус Арбитрес. Это — сестра-целестианка Ауреан Ромилль из ордена Священной Розы. Мы прибыли с подчиненными из наших орденов. Хорошо, что вы решили встретить нас лично.

— Я... что ж, со всей откровенностью, это было случайно, арбитр, так как большая часть обитателей дома ушла в храм у Арки Восхождения, чтобы оплакать прискорбную кончину, э...

— Убийство.

— — Убийство дорогой нам сестры Лейки. Я молился вместе с ней еще вчера вечером, мадам, и она говорила об ужасных событиях последних дней и о том, как потрясающе Арбитрес отреагировали на угрозу. А потом произошло это!

— Так значит, она направлялась в обитель Священной Розы?

— Разве вы не знаете, арбитр? Она

никого с собой не взяла, кроме служанки, которую я сам к ней приставил, и та доложила мне, что нападение произошло, когда она шла вдоль Второй Имперской дороги, ниже Зала Савантов.

— Значит, она успела преодолеть треть пути, — сказала Ромилль. — Но по одной из более узких и извилистых улиц.

Кальпурния почувствовала, как ее лицо каменеет.

— У нас патрули на каждом углу. Кто-то должен был нам сообщить.

— Законы...

— Я знаю про законы! Никакой вокс-связи, общаться в публичном месте можно только приглушенным голосом. Я знала про них, когда планировала, как установить контроль за всем треклятым Августеумом, когда мы думали, что не сможем поймать убийц вовремя. Каждому патрулю было приказано держать зрительный контакт по меньшей мере с одним другим, чтобы мы могли передавать информацию, не нарушая Вигилии. Кто-то должен был нам сообщить, — она взяла себя в руки. — Ладно.

Все равно мы уже здесь. Номикрос, я так понимаю, что у Лейки в этом поместье были собственные покои? Хорошо, там и начнем. Проводите нас туда, пожалуйста.

Мажордом подобрался.

— Невозможно! Где ваш здравый смысл, арбитр? Неужели святая Вигилия для вас ничего не значит? Вы хотите обыскать дом самого Распорядителя и потревожить покой Вигилии, когда остался всего день до самой Мессы? Лорда Халлиана известят об этом!

— И чем раньше, тем лучше. Где он?

— Он... если вы хотите поговорить с ним, то вам придется дождаться, когда он вернется из храма. Мой лорд — благочестивый человек, арбитр, и именно он повел всех жителей поместья на оплакивание ужасной смерти сестры Лейки. Хотя я думаю, что он будет более заинтересован рассмотреть это дело с вашим начальством. Я полагаю, у вас есть формальная делегация от лорда-маршала, чтобы вести себя таким образом?

Кальпурния указала на печать у себя на груди и кивнула на Ромилль.

— У меня есть все полномочия, которые мне нужны, Номикрос, и уже в который раз я нахожу, что меня утомляют разговоры с местным выскочкой, который не знает своего места.

И с этими словами она протолкнулась мимо мажордома и прошла в атриум дома, а остальные последовали за ней.

Снаружи это место не походило на дворец, но внутри соответствовало положению своего владельца. Они оказались в сводчатом помещении из пронизанного зелеными жилками мрамора, освещенном мягким светом свободно парящих в воздухе светильников и окутанном изысканным кружевом лоз, рост которых направлялся невидимым узором из микропроволоки. Плеск воды доносился от скрытых за занавесями из лоз фонтанов, которые выстроились двумя рядами, образуя проход в центральный зал поместья, и квартет сервиторов у дальней стены, почуяв приближение посетителей, начал играть веселую мелодию на арфах и колокольчиках. Поверх музыки донесся

топот чьих-то сапог, и из-за зелени появилось полдюжины слуг Кальфусов в блестящих темно-синих мундирах. У них не было униформы, но повадки были знакомые — Кальпурния сразу могла узнать домашнюю стражу. Каждый из них как будто без умысла держал руку возле кармана или на поясе, и она не сомневалась, что их оружие такое же дорогое, как и обстановка.

— Это совершенно недопустимо! — захлебывался слюной Номикрос позади нее. — Что дальше, вы отмените саму святую Мессу? Обыщете реликварии Собора? — отреагировав на его тон, сервиторы стали играть более быструю и грубую мелодию, полную минорных нот и перкуссии, пока Номикрос не замахал на них руками, чтобы они перестали. — Вы жестоко оскорбляете власть и добропорядочность лорда Халлиана!

Мышцы внизу груди и в верхней части живота важны для дыхания. На малой мощности силовая дубинка Арбитрес, если ей прикоснуться к солнечному сплетению сквозь один-другой

слой одежды, выдает как раз достаточный заряд, чтобы эти мышцы на несколько секунд свело болезненным спазмом. Номикрос согнулся пополам и отшатнулся, хватая ртом воздух. Не опуская дубинку, Кальпурния повернулась, обводя взглядом ближайших охранников поместья. Все уже держали в руках пистолеты и целились из них, и она услышала быстрые движения позади себя — ее отряд также занимал позиции для стрельбы.

— Уж поверьте, мне надоело играть в игры. Если вы все настолько верны своему хозяину, как я ожидаю, подумайте, насколько хуже ему будет, если Арбитрес и Сороритас придется силой пробиваться в его дом, пытаясь защитить Вигилию, которой он сам руководит.

На мгновение повисла тишина, потом оружие начало осторожно опускаться. Кальпурния сделала жест своим, чтобы они сделали тоже.

— Вольно, — сказала она им, — в доме Халлиана Кальфус-Меделла еще есть люди, которые знают, каков их долг.

Это не относилось к Номикросу,

который стоял перед ней на четвереньках, пуская слюни и хватая ртом воздух. Она обошла его и ткнула пальцем в одного из охранников.

— Ты. Проводи меня к комнатам сестры Лейки. Назначь еще кого-нибудь, чтоб он сопроводил ведущего арбитра Куланна к комнатам служанки, которая ее сопровождала.

Она указала на двух лидеров отделений ее эскорта, Баннона и молодого человека из командования Врат Справедливости.

— Куланн, твоя цель — найти все, что сестра Лейка брала с собой и что служанка принесла обратно после убийства. Это делегация второго уровня. Сестра-целестианка, возможно, вы захотите послать с ним кого-то из своих сестер.

Она рассудила верно: то, как быстро и тихо выбранный ей охранник пробормотал приказы остальным, указывало на то, что он является офицером стражи. Покои сестры и ее служанки находились друг рядом с другом на длинной террасе, которая торчала из стены главного

здания, как перевернутый акулий плавник, и обе партии пошли бок о бок по длинным залам поместья. Номикрос остался в атриуме, сидел на полу и тихо стонал. Они прошли к комнатам через оранжерею, чьи стены из витражного стекла раскрасили белые доспехи сестер калейдоскопической палитрой. Кальпурния резко обернулась на двойной треск болтера позади нее, но это была всего лишь одна из сестер, которая выбила замки на двери служанки.

Мрачный охранник поместья открыл дверь в покои сестры, и Ромилль настояла на том, чтобы войти первой, держа в руке какой-то замысловатый амулет Экклезиархии.

— К чему вы прикоснулись? — спросила Кальпурния, когда сестра через минуту открыла дверь. Ромилль не ответила, но жестом пригласила их внутрь.

Сестре Лейке были выделены три комнаты, и каждую из них она содержала в строгом порядке и невероятной чистоте. Стены были покрыты схемами и списками,

некоторые явно относились к генеалогии семейства Кальфус и его владениям, а другие Кальпурния вообще не могла понять. Возле маленького жесткого футона располагался стеллаж с книгами и планшетами очевидно религиозного предназначения, который венчали две курильницы с благовониями и подставка с серебряной аквилой. Остальные комнаты были битком набиты шкафами с подшивками документов и планшетами, а на письменном столе громоздились записки и памятки, сделанные аккуратным, довольно безликим почерком сестры. Кальпурния вздохнула.

— Надо было взять собой одну-другую сестру Фамулус и детективов Арбитрес.

— Нам есть с чего начать, — отозвалась Ромилль. — Отвечая на ваш вопрос, арбитр, это единственная вещь, к которой я прикоснулась, потому что иначе бы вы ее не нашли. Вас не учили нашим методам маскировки.

Ромилль протянула небольшую папку, потом встала у плеча Кальпурнии, пока та ее открывала, и пристально смотрела

на стражника поместья, пока он не ушел обратно в оранжерею.

За аркой, ведущей в спальню Лейки, слышался звук двигаемой мебели. Под кроватью ничего не нашлось, но возле футона по-прежнему стояли личные религиозные книги, и между Баннономом и сестрой Реей Манкелой разгорелся тихий, но горячий спор о том, правильно ли рыться в лекционарии мертвой женщины.

Через несколько минут они согласились, что надо вернуться обратно в кабинет, и пусть это решают сестра-целестианка и арбитр-сеньорис, но к тому времени вопрос изжил себя: Шира Кальпурния сидела с круглыми глазами, вчитываясь в дневник сестры Лейки, а Ауреан Ромилль снаружи собирала своих сестер и кричала, чтобы они вызвали подкрепления и заблокировали каждый выход из поместья Кальфусов, какой только смогут найти.

Тетради были из простой плотной бумаги, вверху каждой страницы была аккуратно выведена аквила и надпись

«Номине Императора». Кальпурния пробежалась через краткое описание того, как внутри синдиката Меделл велись попытки отнять титул Распорядителя Вигилии у семейства Кальфус, и как потом уже среди Кальфусов пытались отвоевать его у Халлиана. Лейка прокомментировала, что в стремлении сохранить свое положение Халлиан действовал, «выходя за рамки даже своей обычной безжалостности», и то, что подразумевали под собой эти сухие строки, тревожило Кальпурнию тем сильнее, чем дальше она читала. Лейка описала его всепоглощающий перфекционизм в выполнении каждого ритуала и обязанности, как и роль, которую она играла в его первоначальных усилиях, и добавила замечания по поводу его растущей паранойи.

Теперь никто в семье не мог ему помешать, так как дошло до того, что богатства всех Меделлов оказались привязаны к тому, чего должен был добиться Халлиан, и они обязаны были поддерживать его, иначе, пойди что-то не

так, бесчестье пало бы и на них.

«Но Х. хорошо знает, что те, у кого другие интересы, будут стремиться подставить его, воспрепятствовать ему и покрыть позором, подорвав Вигилию. Он боится Хагганов, особенно Лайзе-Хагганов, и определенных флотских династий, которые прибудут в улей на мессу, но также...» Снова имена, но уже ничего не значащие для Кальпурнии. Она перелистнула страницу.

«В систему прибыла новая командующая Арбитрес, и сегодня на ее жизнь было совершено покушение. Пока я выяснила немногое, но отмечу, что утром Х. был напряжен и мрачен, как бывает, когда зарождаются какие-то угрозы или риски, и когда он услышал новости о покушении, то впал в ярость и заперся у себя. Я послала весть об этом в общину, но ответа пока нет».

Но первое сообщение, которое получил Халлиан, гласило, что она по-прежнему жива. Он так сам сказал. Она снова пробежалась вперед.

«Х. приказал тайно доставить ему

что-то из своей личной оружейной галереи — курьерам было запрещено говорить мне об этом, но водитель часто исповедовался мне в неблагочестивых мыслях, и я смогла воспользоваться этим, чтобы добыть информацию. Контейнер был заперт, но он сказал, что точно знает — внутри оружие, нечто, что два поколения назад использовал дед Х., тоже Кальфус, в междоусобной войне. Я думаю, Х. подготовил его, чтобы взять с собой, когда он отправится на встречу с Арбитрес. Он весьма доволен строгими мерами, которые они предприняли, чтобы в улье и Августеуме все было спокойно, но что-то в их действиях вызвало у него беспокойство. Он не сознается мне, и мне нужно быть осторожной, чтобы скрыть то, что я знаю и подозреваю».

Компоненты, которые, как сказал Халлиан, были сделаны врагом. Нет. Они принадлежали его семье, его собственному деду. Они принадлежали ему.

Еще одна страница.

«У Х. больше нет того, что, как я теперь знаю, является частями оружия.

Должно быть, они у арбитров. Он вернулся в ярости, домашние охранники вооружены, и затки мне не подчиняются. Х., верно, готовит духовные преступления, равно как и светские, если скрывает свои планы от меня и Сестринства. Я не знаю, наблюдал ли он за мной каким-то незаметным образом, или же меня ему кто-то выдал, но я уверена, он знает, что должен мне противодействовать. Он использовал законы Вигилии как повод отключить вокс-траффик, и стражники следят за моими передвижениями. Он принес подушку из паланкина и поговорил насчет нее с Номикросом, они обсуждали что-то, что хотят сделать с новой командующей Арбитрес, но я не смогла подобраться достаточно близко, чтобы услышать, что они говорили».

Последняя запись.

«Номикрос планирует отнести подушку в капитул. Он говорил с одним из оружейников дома о чем-то вроде запаховой сигнатуры. Император защити меня, судя по их словам, этот злокозненный дом смог распространить

свое влияние даже в наши собственные священные покои, говорили, что там разместили какую-то ловушку, которая сработает на арбитра. Я не знаю, что это может быть. Х. передавал всем орденам десятину в виде сервиторов, оружия и произведений искусства, вероятно, ловушка в одной из этих вещей.

Я не могу медлить. Мне нужно добраться до капитула раньше Номикроса. Канонисса Священной Розы знает, что я должна с ней встретиться. Меня будет сопровождать Нори, и я иду спешно и при оружии. Номине Императора».

Споры снаружи становились все более и более разгоряченными. Номикрос, видимо, уже пришел в себя, потому что она слышала, как он кричит, что его лорду направили известия. Кальпурния увидела, что Баннон выглядывает из-за двери, и обратилась к нему тихим и абсолютно серьезным голосом:

— Иди переговори с сестрой Ромилль, потом возьми один из «Носорогов», на которых мы приехали, и гони что есть мочи во Врата Справедливости. Приведи

полную группу подавления со всем необходимым для массового ареста. Если они пойдут пешком прямиком сюда, то не нарушат законы Вигилии, но распоряжайся ими, как понадобится, главное, чтобы они добрались сюда без проблем с Министорумом. Пусть Ромилль и Куланн заблокируют выходы из дома, насколько это возможно. Вы прикажете охранникам поместья, чтобы они сотрудничали, и казните всех, кто будет сопротивляться. У тебя и Куланна делегации четвертого уровня.

Баннон спешно удалился, за ним последовала сестра Манкела. Оставшись в комнате одна, Кальпурния сделала несколько осторожных глубоких вдохов и снова уставилась на дневники.

Затем она произнесла имя вслух — имя того человека, который послал их всех против нее: псайкера-стрелка, превращающегося в призрак, напавшие из засады бригады, скрытый рой машин-пожирателей.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Восемнадцатый день Септисты
Месса святого Балронаса. Сангвинала.

На утро Мессы святого Балронаса, за час до рассвета, трое из четверых наиболее высокопоставленных Адептус Арбитрес Гидрафура встретились во Вратах Правосудия. Шира Кальпурния была на ногах уже полтора часа, так как слишком чувствовала слишком сильное возбуждение и смятение, чтобы спать. Она знала, что Дворова, Леандро и любых других высших Арбитрес с самого момента пробуждения обихаживают лакеи, но не соглашалась на это вплоть до сегодняшнего дня, когда двое слуг принесли церемониальное одеяние, и она облачилась в него, пока они суетились вокруг. Теперь

она была одета в копию своей парадной униформы великолепного алого цвета, знаки отличия и позументы на которой были выполнены из золотой парчи вместо обычной серебристо-серой ткани на черном фоне.

Кальпурнию по-прежнему застава врасплох их блеск, когда она двигалась — она не могла припомнить, когда последний раз надевала нечто настолько вычурное. Слуги дали ей одежду для того, чтоб носить поверх этой формы на протяжении последних нескольких часов Вигилии: тускло-серую тунику с юбкой, которая опускалась до щиколоток, и плащ с капюшоном из бурой, как грязь, мешковины. Едва не забыв о печати отпущения грехов, она все-таки прикрепила ее на шею под застежкой плаща. Она вышла из ворот в предрассветную мглу неосвещенного Августеума. Леандро шел впереди во главе процессии судей, а дюжина вооруженных арбитраторов и Дворов — рядом с Кальпурнией.

— Вы все еще нервничаете, арбитр Кальпурния.

— Видно, да? Я знаю, что мы идем пешком, потому что закон Министорума предписывает ходить пешком во время мессы, но я получила освобождение от этого закона и уверена, что и вы, сэр, могли бы его получить. Мы бы могли выехать на одном из своих «Носорогов» или уговорить Ромилль еще раз подвезти нас. Так было бы безопаснее и можно было бы проверить по дороге часть патрулей.

— Уличный контингент справляется, Шира. Здесь полно отличных командиров, которые следят за тем, чтобы никто не смог повторить то, что произошло с сестрой Лейкой, — Дворов сделал жест в сторону облаченных в черную броню арбитраторов, которые стояли длинными рядами по центру каждой улицы, глядя через одного то влево, то вправо и держа дробовики наготове.

Они прошли по авеню Защитников и повстречали других Адептус, которые также шли пешком в плащах и со скрытыми лицами. К тому времени, как они миновали Арку Скариев и поднялись по дороге Сборщика Десятины, их процессия

слилась со скромным потоком других идущих на мессу, что поднимались от Врат Кафизмы, а затем растущую толпу поглотила река людей из Квартала Аристократов, так что в конце концов они вошли на Высокую Мессу в огромном медлительном море людей в темных одеяниях, которое заполнило дорогу от края до края. Все шли с опущенными головами и молчали. Время от времени кто-то из них поднимал взгляд на Собор, возвышающийся вдалеке, и Кальпурния замечала, как мелькает алая ткань под их траурными одеждами. Безмолвное величавое шествие казалось ей похожим на сон. Пышная ткань новой униформы непривычно мягко и тяжело лежала на коже, и она подумала, как странно, что она не наденет ее еще целый год.

Укол боли в еще толком незажившей ступне вернул ее обратно на землю. Она покривилась и попыталась идти с большей осторожностью. С болью она еще могла смириться, это, в конце концов, было частью положенного в это время ритуала, но ей не нравилось, что раны могут ее

замедлить, если вдруг что случится. Одетый в парадное, с регалиями судьи под траурной мантией, Дворов тоже был вынужден идти осторожно. С мантиями, которые на них надели утром, вообще нужно было вести себя аккуратно: их застежки были устроены таким образом, что их легко было расстегнуть и скинуть в тот же миг, как только в полдень прозвонят к Сангвинале. Но сбросить накидки до этого и оказаться среди толпы в багряном праздничном облачении было бы большим позором.

— Вас что-то терзает, — сказал Дворов через миг. — Я это вижу.

— Новый сапог? Нет, он отлично сидит.

Это прозвучало плоско и натянуто. У нее никогда не получалось шутить. Она подвинулась ближе к нему и заговорила чуть тише:

— Быть здесь, пока Накаяма и Жоу разоряют владения Кальфус-Меделлов на другой стороне планеты? Если честно, сэр, да, терзает. Два покушения были направлены на меня. Скользкие якобы

заботливые речи Халлиана о моей безопасности были нацелены на меня. Его попытки нам приказывать и это лицемерие насчет неприкосновенности Вигилии тоже были обращены на меня. Так что да, мне бы хотелось быть там. Я чувствую, что должна быть там. Я хотела бы перевернуть камень, под который он забился, вытащить его на свет перед всеми членами его надменной семейки и его проклятого синдиката, и чтобы они все сидели вокруг него в цепях и слышали, как во время его казни зачитывают дневник Лейки. С самого своего прибытия я только и делаю, что бегаю туда-сюда, гоняясь за тенями, и я хочу наконец заняться тем, чем положено заниматься Арбитрес.

— У вас еще появится шанс, Шира. Накаяма хорош в своем деле, у него целевая группа почти в тысячу человек и делегация пятого уровня. Его поддерживает Жоу с инквизиторской печатью и собственным персоналом и ополчением. Семья Кальфус была сокрушена в тот же миг, как вы нашли

записи Лейки, союзники оставили их, они никак не способны продолжать укрывать Халлиана, даже если счесть, что они собираются это делать. Они дошли до точки, когда им куда проще списать все убытки и выдать его нам. Мы отыщем Халлиана, куда бы он ни пропал.

— Это... — Кальпурния вздохнула, пытаясь подобрать слова. — Это чувство, как будто я нахожусь не на своем месте. Будто я взрослая в мире детей, играющих в непонятные игры, вот только играют они с жизнями друг друга. Они погребают себя в запутанных интрижках и так потакают сами себе, что Император и сам Империум просто пропадают из их памяти. По-моему, это иронично. Я из Ультрамара, мира, которым даже не управляет Администратум, а теперь я на планете, известной как одна из величайших цитаделей, обороняющих Империум, и говорю об уважении Адептус, а эти самодовольные, легкомысленные недоумки вокруг почему-то убеждены, что по праву рождения находятся выше их.

— Какой-нибудь гидрафурец мог бы

процитировать местную поговорку о том, что статус дает свои привилегии.

— Привилегия статуса — это служба. Так нас учат дома, и я думала, что так учат везде. Если ты хорошо служишь, тебя награждают статусом и привилегией служить Империуму еще больше. Этой службой ты доказываешь, что эти привилегии тебе достались не зря.

Она покосилась на Дворова. Под капюшоном тот улыбался.

— Скажите мне, что хоть немного сочувствуете мне, сэр. Я считала вас человеком, который насквозь видит всю эту муть голубых кровей.

— Не беспокойтесь, Шира. Я улыбался иной иронии, которую вы, скорее всего, не заметили.

— Да?

— Я достаточно много о вас знаю, Шира Кальпурния. Я сам отобрал вас и проследил за вашим назначением, иначе и быть не могло. Тот самый завиток империума — по-моему, он называется течение Шодама — который так быстро принес вас в этот сегментум, позволяет

также доставлять сюда сообщения из того же направления, а среди Арбитрес определенного ранга существует обычай делиться донесениями. Ваше происхождение, определенно, не избежало моего внимания. Кальпурнии здесь не слишком известны, но ведь мы почти на другом конце галактики. Ваша семья весьма примечательна: с самого начала ведения архивов можно проследить ее присутствие в органах власти Ультрамара и в любой элите, какую только можно назвать — в торговой, научной, военной. Как только я начал искать за пределами Ультрамара, я нашел выдающихся Кальпурниев в каждом ответвлении Адептус. Командующие Имперской Гвардии, офицеры Линейного флота Ультима, такие же Арбитрес, служители Министорума и Сороритас, высокие посты в Администратуме, один обладатель патента вольного торговца. Я даже заглядывал в списки Адептус Астартес, и оказалось, что во второй роте Ультрадесанта служит Сцерон Кальпурний...

— Брат моего прапрадеда.

— ...а Федр Кальпурний значится в перечне погибших в первой роте во время Первой тиранидской войны.

— Со стороны одного двоюродного брата. Не прямая родня.

— Однако, вот вам и ирония. Я улыбался, потому что вы говорили о благородстве и аристократии, идя рядом со мной с такой родословной, за которую половина знати Августеума, пожалуй, пожертвовала бы глазом. Но вы ведь на самом деле не думаете о себе как о высокородной, не правда ли? Вы видите свое наследие как ответственность, как то, чему надо стараться соответствовать, а не как признак превосходства. Это многое говорит о вас, арбитр. Поэтому я и улыбался.

Кальпурния шагала рядом с ним, стараясь не напрягать больную ногу и не зная, что сказать. Толпа вокруг них становилась все гуще по мере того, как к ней присоединялись люди с Алебастрового Колодца, авеню Святых, железных мостов Врат Кузни. Когда стало тесно, двое

Арбитрес перестали разговаривать, и воображение Кальпурнии нарисовало кинжал в каждой руке и пистолет под каждым плащом. Она молча возблагодарила печать отпущения грехов на шее, которая позволила ей держать при себе оружие.

Она читала, что, как правило, стены Собора перед Мессой окружало множество кающихся и просителей, чей экстаз граничил с бешенством. Они сбивались в кучи по пятьдесят человек в глубину, выли имя Императора и молили о видениях и божественных благословениях. В этом году Арбитрес не желали рисковать и разогнали их, так что весь конец Мессы был пуст и оцеплен до тех пор, пока все официальные лица не прошли в Собор. Кальпурния услышала, как один-два человека неподалеку пробормотали что-то про то, как тихо, а затем они с Дворовым поднялись по рампе, миновали двери и вошли в темноту.

Дым курильниц был горьким, почти химическим; его сделали таким

специально, чтобы он напоминал зловоние огнеметов. Скелетоподобные, напоминающие ангелов сервиторы парили над головами, волоча за собой потрепанные свитки темных писаний и транслируя по вокс-динамикам горестные вздохи. Собор был погружен в полумрак, вершины колонн и гигантских статуй терялись в тенях. Хор, выстроившийся словно армия в галереях, что тянулись по сторонам от алтарных ступеней и над дверями, тихо и нестройно пел о скорби и отчаянии. Статуи ангелов, висящие над алтарями, были закрыты черной тешковиной.

Кальпурния снова и снова прогоняла в мозгу одну и ту же мысль. Она хотела быть уверенной, что ничего не пропустила, но каждый раз, когда она пыталась убедить себя в этом, ничего не выходило. В часовне Халлиана не было. Он ушел, когда все остальные обитатели его дома молились за душу Лейки, и сказал прислужникам у дверей, что отправляется домой, чтобы поговорить с арбитром. А потом он исчез, просто спустился по одной из улиц, расходящихся от Врат, и, судя по

отсутствию показаний, просто растаял в воздухе.

Прихожане собрались на полу, выложенном каменными плитами, и служители Министорума разделили их на четыре плотные толпы, разделенные тремя пустыми рядами. Теперь по каждому ряду, шаркая ногами, пошла процессия дьяконов в черных рясах с разодранными в лохмотья знаменами всех домов, кораблей флота, гильдий, полков и орденов, которые преклонили колени перед Бухарисом. Первая из них уже дошла до ступеней небольшого зиккурата, на котором стоял главный алтарь, но концы процессий все еще терялись в тенях позади. Верховный командующий Гидрафурского флотского комиссариата стоял на ступенях подле Сангвинального алтаря и зачитывал со свитка каждое покрытое позором имя, как только на растущую груду рядом с ним бросали соответствующее знамя.

Патрули Арбитрес по всему Августеуму сообщали, что видели Халлиана, с разных улиц пришли доклады,

что он движется в противоположных направлениях, но когда вышел приказ поймать и привести его... ничего. Единственным транспортом, который весь день проездил по улицам, был «Носорог» Ромилль. Дозорные у ворот отслеживали все движение из Августеума в другие части улья и сообщали, что Халлиан не попытался покинуть район. Арбитрес на взлетных площадках и посадочных полосах в городе докладывали, что никто не поднимал воздушный транспорт, даже не пытался взлететь. Как же ему удалось сбежать?

Среди хора поднялась высокая песня в быстром темпе — резкие, острые ноты сопрано, полные ярости слова, боль и жертва, епитимья и раскаяние. Вдоль стен вспыхнули огни — стражницы-Сороритас зажгли священные жаровни, и в озарившемся пламенем Соборе канонисса Касия из ордена Лексикона подошла к подножию Доланитского алтаря и начала читать отрывки из «Диалогов Исповедника».

Кальпурния была на уровне пола,

ближе к передним рядам паствы, среди более высокопоставленных прихожан, но могла себе представить, как должны выглядеть эти ряды огней для тех, кто находится позади, на более высоких местах. Она снова подумала о том, как стояла рядом с Халлианом на вершине шпиля Собора, как перед ними угас свет, и мягкое, призрачное пламя лампад Вигилии озарило площадь внизу. Она вспомнила описания площади, как рассказывал он и как читала она сама, как будет выглядеть все это в тот миг, когда толпа у врат Собора сбросит траурные одежды, вспомнила, как тщательно он подготавливал этот главный момент празднества. Жаль только, он этого не увидит.

И это было так просто, что она спросила себя, как можно было об этом не подумать раньше.

Шира Кальпурния отступила в сторону и бочком вышла из шеренги Арбитрес. Дворов и Леандро пристально поглядели ей вслед, но не стали вмешиваться. Она отошла на свободное

место, на всякий случай отсалютовала в направлении алтаря, а потом, настолько быстро, насколько позволяло достоинство, удалилась в глубины Собора, к коридорам, ведущим к ризницам. Она гнала перед собой волну приглушенных звуков возмущения, которые едва можно было расслышать поверх шагов: никто не осмеливался громко говорить, поэтому все это аханье, вопросы и восклицания звучали как шелест, перемежающийся шорохом ткани, когда люди торопливо отворачивались обратно, чтобы наблюдать за церемониями у алтарей. Два дьякона вышли из ступенчатого основания одной из колонн, чтобы загородить ей путь, но переглянулись и отступили, когда она указала на печать у себя на шее.

Прозвучал барабанный бой, и светильники погасли. Кальпурния сжала губы, подавив ругательство, и боком выскользнула из прохода, попав прямо в толпу удивленных офицеров Флота. Во тьме появились три процессии, каждую из которых освещала единственная лампада, несомая одним из парящих ангелов-

скелетов, и во главе их шли священники в черных мантиях, со скалящимися масками, означающими предателей Отступничества: Бухариса, Сехаллы и Гасто. За каждым священником следовала колонна сестер-репентий, что причитали и царапали ногтями свои грубо выбритые головы и истощенные лица. Кальпурния переступала с ноги на ногу, пока они не удалились на почтительное расстояние, потом снова начала идти. Она была уверена, что чувствует взгляды людей вокруг, ложащиеся словно груз на плечи. Она дошла до ризниц в то же время, как процессии достигли Торианского алтаря, и оглушительная скорбная песнь хора проводила ее в двери.

Войдя, она едва не попала на церемониальные клинки сестер, стоявших у дверей, но они увидели печать и убрали оружие. Шокированный старший понтифик в одеянии из ослепительно белой ткани и золотой парчи уставился на нее поверх маски Долана, которую он собирался надеть, чтобы вывести следующую процессию. Кальпурния

пошарила в памяти в поисках имен тех людей, которые были ответственны за безопасность этой зоны.

— Мне нужно поговорить со старшей сестрой Зафири и проктором Эсскером.

Понтифик все еще пялился на нее круглыми глазами, когда прибежал дьякон и торопливо повел ее через ризницу в соседние покои.

— Арбитр-сеньорис! — Эсскер выглядел таким же изумленным, как понтифик. Он стремительно отвернулся от дальнего окна и так быстро встал в стойку «смирно», что Кальпурнии показалось, что у него хрустнул позвоночник. Ее уже достала эта ткань, сковывающая движения, поэтому Кальпурния расстегнула застежки, и плащ с туникой упали на пол, как и положено. Младший арбитр сглотнул.

— Мэм, вам нельзя ходить в костюме для Сангвиналы, пока...

— У нас нет времени следить за церемониями, Эсскер. Где дежурит сестра Ромилль? Старшая целестианка Ауреан Ромилль. Ведущий арбитр Баннон должен

быть снаружи, приведи и его.

— Я не знаю. Ага, я найду, — Эсскер постепенно приходил в себя.

— Сделаешь это, пришли мне любое отделение, которое сейчас на патруле. И пусть кто-нибудь даст мне журналы безопасности гарнизонов Собора — как наших, так и сестринских. Но сначала покажи, где у вас тут экипировка, я хочу надеть поверх этого панцирь.

Она была рада узнать, что они решили оставить здесь склад снаряжения, и еще больше обрадовалась тому, что там был панцирь, который ей подходил. К тому времени, как она его застегнула, перед ней стояли и смотрели на нее Ромилль, Эсскер, Баннон и еще полдюжины арбитров. Наверняка она выглядела немного странно в потертой черной боевой броне поверх великолепной красно-золотой униформы.

— Я даю вам возможность объясниться, мадам арбитр, потому что питаю к вам некоторое уважение, — холодно сказала Ромилль, пока Кальпурния пристегивала кобуру. —

Выйти с любой церемонии Экклезиархии, не говоря уже о самой Мессе святого Балронаса, это серьезный проступок как для моего ордена, так и для всех, кто находится в Соборе, вне зависимости от того, как принято себя вести там, откуда вы прибыли.

— Я полностью осознаю, что только что сделала, сестра. Один момент, и я покажу вам, почему.

Она взяла планшеты с записями журналов, не глядя, кто их подал, и начала просматривать информацию, быстро и аккуратно постукивая по ним указательным пальцем.

Если я ошибаюсь, подумала она, тогда мне абсолютно и несомненно...

Но это было не так. Она подавила триумфальную улыбку, прежде чем та проявилась на лице, и протянула планшет сестре. Ромилль понадобилось мгновение, чтобы увидеть, на что она указывает, и еще одно мгновение, чтобы понять это и снять болтер с предохранителя. Еще через миг на ее лице возникла ухмылка.

— Ну, — спросила она Кальпурнию, — и

чего мы ждем?

— Зачем мы все время останавливаемся? Я хочу поскорее подняться и посмотреть, верна ли ваша догадка.

Они снова встали, чтобы Кальпурния могла передать часовым, стоящим в галереях, инструкции на случай непредвиденных обстоятельств. Это была уже пятая остановка на пути к вершине здания. Они поднялись на такую высоту, что уже должны были почти сравняться с потолком основного пространства Собора. Два этажа назад они прошли мимо окна, которое выходило в центральный зал, где проходила месса, и увидели, что с траморных ангелов уже сняли ткань, и они сияют в белом свете прожекторов, в то время как верховный воинствующий исповедник запевает с прихожанами Второй псалм мучеников.

— Колокола прозвенят через пятьдесят три минуты, — сказала Кальпурния, сверившись с часами. — Я уверена, что у нас есть по меньшей мере

столько времени, чтобы добраться до позиции, и хочу потратить с пользой большую его часть. Но если это сделает вас немного счастливее... — она запустила обратный отсчет таймера. — Сверим часы. Вы можете сказать с точностью до минуты, когда колокол зазвонит в конце мессы?

— До микросекунды. Это записано в законах самой мессы.

— Глупо было спрашивать.

Ромилль просто буркнула что-то в ответ, снова проверила, правилен ли отсчет таймера, и повела их дальше. Они забрали с одного из балконов еще двоих Арбитрес, а Ромилль приказала следовать за собой троим сестрам. Кальпурния останавливала отряд на каждом уровне, методично удостоверялась, что в каждой зоне знают, что происходит, слушала, как Ромилль раздает приказы Сороритас, и собирала арбитров с постов. Теперь за Ромилль шло восемь сестер в белых доспехах, а импровизированное отделение арбитраторов, следующих за Кальпурнией и Баннором, выросло до

дюжины. Она старалась оставлять за собой достаточно большие посты охраны и требовала, чтобы проходы между уровнями запирались за отрядом по мере того, как он поднимался. Сбежать вниз по лестницам Собора будет невозможно. Не то что бы, конечно, дойдет до этого, трачно поправила она себя. Не дойдет.

Еще одна пятисекундная поездка на лифте. Сорок второй уровень, церковные библиотеки, пустые комнаты для занятий, девотории. Двое нервных Арбитрес в фойе у лифта и еще двадцать сестер, патрулирующие этаж. Женщины отдали приказы и двинулись дальше вверх. К шестидесятому уровню у них было по пятнадцать человек на каждую, и Кальпурния начала растягивать их в длинную колонну вдоль коридоров, опасаясь, что они будут мешать друг другу, если возникнут проблемы. К девяносто восьмому уровню осталось лишь двадцать две минуты, Ромилль скрипела зубами, а Кальпурния начала отдавать приказы и поглядывать на таймер. В тот миг, когда она вышла из маленького коридора к

подножию лестницы, ведущей к колоколу, и сделала жест, чтобы ее отряд снова собрался, отсчет достиг отметки ровно в пятнадцать минут.

За тринадцать минут сорок секунд до конца отсчета по ступеням, ведущим к залу с колоколом, с текучей скоростью бесшумно приближающейся акулы сбежал сервитор Халлиана. Его сокрушительная клешня описала дугу, словно шар для сноса зданий, и проктора Эсскера отшвырнуло мимо Кальпурнии. Сила удара убила его еще до того, как он вылетел за перила балкона и начал падать. Машина из плоти использовала инерцию замаха, чтобы повернуться, выдвинула другую руку вперед и вогнала свой набор высокоскоростных дрелей в нагрудник сестры Иустины. Вращающиеся зубцы с жужжанием вгрызлись в керамит, в то время как маленькие толстые стабберы, установленные на его плечах, с воем закрутились, выплевывая пули из стволов не длиннее мизинца Кальпурнии. Сервитор, казалось, визжал, но она поняла,

что звук на самом деле исходит из ее вокс-обруча. Что-то глушило ее сигнал помехами.

Ромилль прокричала боевое благословение, и потрескивающее копье-сарисса на ее болтере без усилий пронизало броню существа, но с таким же успехом она могла бы колоть штыком воздух. Это был идеальный убийственный удар, точно в то место, где должно было находиться сердце, однако сервитор просто взмахнул рукой, отшвыривая тело Цустины на Ромилль, и она растянулась на полу, а ее оружие с лязгом упало на пол.

К этому времени Кальпурния достала пистолет и осыпала его аккуратными выстрелами, целясь в основание шеи, где заканчивался визор шлема. Снаряды чертили борозды на плечах твари. Сервитор сделал выпад, стиснул одного из арбитров клешней и разделил его надвое.

Арбитру и сестре, находившимся позади него, удалось выстрелить по два раза, прежде чем шипы-дрели в правой руке твари втянулись, вместо них выдвинулся

набор из трех цепных клинков, и ужасный двойной взмах располосовал обеих пополам. Золотой визор заляпало красным, и его непроницаемость была еще страшнее, чем могло быть живое, скалящееся лицо.

Теперь Кальпурния сменила цель, пятясь и стреляя в ноги твари, в то время как Баннон, стоя рядом с ней, осыпал лицо противника снарядами, пытаясь его ослепить. Выстрелы Кальпурнии попали в колени, но существо едва ли замедлилось. Оно извернулось и вогнало по пуле из каждого наплечного стаббера в лица двоим арбитраторам. Болт-снаряды двух сестер проделали алые кратеры у него в боку, прежде чем оно свалило одну выстрелом в голову, а вторую достало дрелями, третью же сокрушило клешней. Ромилль стояла на четвереньках, тряся головой и с трудом пытаясь подняться, но сервитор ударом отправил ее в полет. Она врезалась в стену на другом конце балкона с такой силой, что камень треснул под ее телом, упала и затихла. Баннон нырнул в сторону, пытаясь попасть в бок твари между пластинами брони, но шипы-дрели

оказались быстрее. Они пронзили грудь Баннона и подняли его в воздух, затем убрались, и он упал на выставленные цепные клинки. Взмах руки, и растерзанный труп с влажным звуком скатился по ступеням.

Кальпурния, которая теперь осталась одна, взмахнула перед собой силовой дубинкой, но клешня вырвала оружие из ее рук быстрее, чем она могла уследить, и расколола его пополам. Она повернулась, чтобы отбежать и успеть перезарядить пистолет, когда клешня обрушилась на нее сверху вниз, разбив левое плечо и руку, словно фарфор, и заставив ее упасть на колени. Она увидела, как пистолет выпал из рук, а затем все перед глазами покраснело, и она закричала. Второго удара не было. Она попыталась подняться, пошарить вокруг в поисках оружия, но второй, более слабый толчок отбросил ее к стене, а третий швырнул к последней ведущей наверх лестнице.

Какое-то время она лежала там, хватая ртом воздух от боли, которая бушевала во всем левом боку, словно

разъедая его, прежде чем где-то в глубине ее разума появилось осознание, чего от нее ждут. Побелев от боли, едва ковыляя, Шира Кальпурния вскарабкалась по ступеням к галерее под колоколом Собора, чтобы последний раз в жизни встретиться с лордом Халлианом Кальфус-Меделлом.

Халлиан стоял вполоборота к ней в северо-восточном конце галереи, глядя на Месу, как тогда, в канун Вигилии. На нем была такая же грязно-серая траурная накидка, как та, что она скинула, хотя у воротника и лодыжек можно было разглядеть алую ткань, не до конца прикрытую одеждой. Халлиан был одет, как полагалось для мессы. Кальпурния нетвердо остановилась, и ее левая нога подогнулась. Услышав, как она упала на одно колено, Халлиан заговорил.

— Ты думала, я не узнаю.

— Не узнаешь что? — собственный голос показался ей тонким и готовым сорваться.

— Не узнаю, маленькая ты дрянь, что ты идешь сюда за мной. У меня есть уши и

глаза поострее твоих, и ты это знаешь, — он повернулся и сделал жест сервитору, который, мягко ступая, подошел к нему. Урон, который тот понес в схватке, похоже, нисколько не замедлил его. — Я оказался на шаг впереди тебя, маленькая Шира. Я всегда был на шаг впереди тебя. На шаг... Маленькая сучка Шира.

На миг она снова очутилась в темном коридоре на борту Внутренних Харисийских Врат. Она снова чуяла пахнущее алкоголем дыхание энсина Талгаарда.

«Нет. Нельзя отрываться от реальности... нельзя терять связь...» Она попыталась подняться на ноги и не смогла. Поза Халлиана была горделива, его одежда — опрятна, но вот глаза...

Она заставила себя выдавить:

— Но ты не смог опередить сестру Лейку, а, Халлиан? Ты едва успел догнать ее, пока она не успела рассказать, что ты делал.

— Она... допрашивала меня. Точно так же, как ты. Она пыталась меня осудить. Она пыталась меня осудить. Я... ты

знаешь, кто я такой. А вы, вы... вы думаете, что я должен... оправдываться... — его рука дернулась раз, другой, и даже сквозь туман Кальпурния осознала, какого усилия железной воли стоило ему держать себя в руках. Его глаза выглядели почти безумными. — Слова ничего не значат. Гнев... с гневом покончено. У тебя нет того, что нужно, чтобы меня понять.

Взгляд Халлиана снова уплыл в сторону, и Кальпурния воспользовалась моментом, подобравшись, подтянув под себя левую ногу и шагнув к нему. Он уловил движение и выплюнул кодовую фразу. Сервитор подступил к ней, поднял руку с дрелями и опустил, только когда она снова шагнула назад. «Император, помоги мне, Император, помоги мне».

— И ты никогда не поймешь, — сказал он, как будто и не прерывался. — Все остальные будут говорить о том, как я ужасен, и моя семья расскажет этому неотесанному крестьянину Накаяме, что я действовал один, что я отступник, что они никак не связаны со мной... — его голос затих, и на миг он как будто задрожал.

Плечо и рука Кальпурнии были от боли, мир вокруг то обесцвечивался, то снова становился ярким, но при всем этом мысли постепенно набирали странную ясность.

— Вот... вот почему ты показал нам детали оружия, — сказала она. — Я недоумевала, почему ты дал нам то, что только приблизило поиски к тебе самому. Но ты же думал не так, верно? Ты не осознавал, что мы... — она тяжело вдохнула, и это было как вдыхать раскаленный металл, — ...относимся к аристократам не так же, как ты. Ты показал, что у истоков всего этого находится благородное семейство, чтобы я вспомнила свое положение и отозвала расследование, чтобы не беспокоить тех, кто выше меня, — она заставила себя стоять прямо, хотя и продолжала покачиваться, а расколотые кости по-прежнему стенали. — Чего бы это теперь не стоило, это и близко не сработало.

Она не знала, спровоцирует ли это Халлиана. Не вышло. Внезапно в дымке боли всплыла другая мысль. Нет, она не

может его спровоцировать. Пока что. Надо тянуть время.

— Нет, не сработало. Ты продолжала цепляться ко мне, как ульевая грязь. Ха! Ты и есть ульевая грязь. Грязь и болезнь! — он плюнул на нее, на ее сломанное плечо. Она посмотрела вниз, неясно различая, как его слюна смешивается с ее кровью. — Не сомневаюсь, ты невероятно гордилась тем, что спаслась от устройства, на создание которого я потратил столько времени и ресурсов?

— Рой в саду, — она медленно моргнула, осознавая еще одну связь. — Подушка из паланкина. Это была...

— Номикрос взял подушку, на которой ты сидела в моем паланкине, чтобы получить твой феромонный след, который должен был взять рой машин. Технотаинство, которое мы уже не сможем воспроизвести, и ты это знаешь. Одно из немногих оставшихся в целом секторе, единственное, которое имела в распоряжении моя семья, ты понимаешь? Нет, конечно. Что ты способна понять? Ты даже не понимаешь, что такое

послушание! — руки Халлиана мяли ткань робы. Он начинал терять самообладание. — Я разместил там этот рой, чтобы использовать его для кое-кого гораздо важнее тебя, жалкое ты создание. Я и так уже потратил на тебя своего ценнейшего псайкера-стрелка.

Веки Кальпурнии отяжелели. Шок. Она впадает в состояние шока. Нельзя. Ей нельзя впадать в шок, нельзя, нельзя. Ее мысли носились по сводящему с ума крысиному лабиринту боли. «Святой Император, возлюбленный Защитник, со светом Твоим я без страха вхожу в земли мрака...» Она взяла сломанную левую руку правой, стиснула зубы и дернула. От боли она застонала и зашипела, но чувство головокружения отступило. Халлиан не обратил внимания. Кальпурния посмотрела на сервитора, сделала шаг вперед. Она вспомнила, что говорил Леандро. Дай Император, чтоб он был прав, Император...

«Продолжай с ним говорить».

— Ты ничего больше не предпринимал против меня, пока не понял, что мы

подбирается именно к тебе. Мы несколько дней потратили, чтобы обезопасить Августеум и весь улей, но тебе было наплевать.

Она снова шагнула вперед. Она не чувствовала губ, слова на слух казались смазанными.

— Но я думаю, что знаю, почему. Твоими противниками были не мы, а твои конкуренты. Лайзе-Хагганы, люди из твоего же дома и синдиката, аристократия. Я понимаю, чего они могли добиться, сорвав фестиваль, которым ты должен был руководить. Если бы они смогли тебя унизить, то уничтожили бы тебя.

Он пристально глядел на нее. Она хотела опустить взгляд на таймер, но заставила себя смотреть прямо.

— Вот с чего все началось. Убийство одного из главных офицеров Арбитрес системы... заставило бы всех Адептус занервничать. Встряхнуло бы нас. С убийством какого-нибудь другого местного аристократа так бы не вышло. Я недавно приехала издалека, поэтому была легкой

целью. Моя смерть заставила бы Арбитрес так плотно обезопасить весь город, что ни один из твоих соперников не смог бы ничего сделать, а ты мог бы не беспокоиться, потому что ну кто бы мог подумать, что ты нанес такой удар своей собственной Вигилии?

— И это сработало. Вы сделали именно то, что я хотел. Вы взяли улей под контроль, так что никто не мог ничего мне противопоставить. А теперь отойди назад, пожалуйста, пока я не приказал стражнику снова вмешаться. Он всадит тебе пулю меж глаз, если я ему скажу.

Поборов отчаяние, она, шаркая, отошла на шаг. Из руки безостановочно текла кровь, и пол как будто мягко покачивался под ногами.

— Итак, ты получил, что хотел, Халлиан. Ты заставил Арбитрес плясать под твою дудку, ты добился того, чтобы стоять на вершине Собора и смотреть, как звонят к Сангвинале, — она мысленно обругала себя за то, чтобы использовала это слово, и поспешила продолжить, пока

он не успел за него зацепиться. — Однако ты и не думал, что мы продолжим преследовать тебя, что мои товарищи-Арбитрес будут так... верны мне. Ты и не понимаешь, почему люди так думают, да... Халлиан? Кроме этой мелочи, в которой ты недооценил... Арбитрес Императора, ты все это... очень хорошо продумал.

Ей удалось бросить взгляд на таймер.

— Недооценил, — Халлиан стиснул кулаки. — Я идеалист. Я думал, что живу на планете, где люди ведут себя, как положено, где уличной дряни вроде тебя хватает уважения, чтобы не трогать тех, кто выше по праву рождения... Ты улыбаешься!

Она улыбалась. Она спросила себя, не бредит ли она. Ее левый глаз видел только размытые пятна красного и серого цвета.

— Ты мне напоминаешь кое о чем, что сказал лорд-маршал. Неважно.

Халлиан сделал глубокий вдох, и она снова глянула на таймер. «Еще немного, совсем немного. Император, пожалуйста, о, святой Жиллиман, дай мне своей силы...»

— Но моя воля сильна, и я — человек

слова. Я поклялся, что увижу тебя мертвой, и увижу, как закончится Вигилия и начнется Сангвинала. Я поклялся.

— И я поняла это, — Кальпурния почувствовала, что ее голос становится сильнее. «Уже недолго. Продолжай говорить». — Там, внизу Собора. Ты бы ни за что и ничему не позволил бы встать между тобой и триумфом. Ты должен был быть здесь, чтобы узреть окончание Вигилии собственными глазами. И я знала, что журналы системы безопасности, что отслеживает посещения Собора, это подтверждают. Ты не сбежал, когда мы захватили твой дом. Ты зигзагами пересек улей, чтобы твои движения было сложнее предугадать, добрался сюда быстрей, чем весть о твоих преступлениях, прошел мимо стражи и спрятался. Верно? Ты действительно так смел и безжалостен, как говорит твоя репутация. Из тебя мог бы получиться хороший арбитр, если бы кто-то вовремя прибрал тебя к рукам.

Этот укол попал в цель, и Халлиан

на миг закрыл глаза. Она заметила, что его мантия испещрена засохшими брызгами крови, крови, которая принадлежала не ему. Он перехватил ее взгляд.

— Что? Думаешь, мне это понравилось? Думаешь, мне приятно было сидеть здесь, в одной из этих крысиных нор, и всю ночь смотреть на труп старикашки? Мне не подобает... такому, как я... человеку моего... моего положения... Даже после того, как я его убил, его глаза насмехались надо мной, и он меня не слушал.

Вот, значит, где он прятался. Он убил одного из анахоретов, сидевших в кельях для медитации в шпиле Собора, и просидел в его келье всю ночь в компании трупа и безмолвного сервитора. Разговаривая с телом. Трон Земной, этот человек просто распадается по швам. Она спросила себя, как долго он скрывал эту сторону своей личности, улыбаясь, ведя вежливые разговоры и высиживая интриги, в то время как напряжение пожирало его заживо. Она должна была остановить его,

должна была увидеть...

Кальпурния застонала от боли и уронила взгляд. Дисплей таймера размылся перед глазами, и она снова едва не запаниковала. Она зажмурилась и заставила себя сфокусироваться. Халлиан захихикал.

— В отличие от тебя, мне не надо марать руки трудом. Я убью тебя. Убью вот этим оружием рядом с собой, и, следовательно, убью тебя сам. Еще одна концепция, которую способны понять только мне подобные. Но я пока не буду убивать тебя, женщина, я заставлю тебя увидеть, как эта площадь озарится... — он резко прервался. Он увидел, как она смотрит на таймер на запястье, и оскалился. — Что ты делаешь, сучка, что ты задумала? Ну что ж, к чертям все это, я убью тебя сейчас и умру счастливым, когда месса закончится.

Он повернулся к сервитору, указал на нее и проговорил слова, от которых тот должен был ринуться на нее и прервать ее жизнь.

Отсчет Кальпурнии дошел до нуля.

Она едва расслышала свист воздуха, рассекаемого молотом, но гром соборного колокола нахлынул на них с такой силой, как будто сам колокол врезался им в спины. Кальпурния почувствовала, как он давит на череп, ощущала, как он гудит в расколотых костях. Звук был чудовищен, звук охватил весь мир. Она видела, как двигаются губы Халлиана, знала, что он проговорил фразу-триггер. Но его слова были поглощены, погребены, подавлены богоподобным голосом колокола Собора.

Кальпурния заставила себя сдвинуться с места, почувствовала, что кренится вперед, и с трудом удержалась, чтобы не рухнуть лицом в пол. Она побежала вперед, бросила левую руку, чтобы освободить правую, и бессловесно закричала от боли. Она была уверена, что сервитор может прыгнуть на нее в любой момент, но второй окрик Халлиана едва выделялся на фоне затихающего грома колокола. С расширившимися глазами он развернулся к ней лицом, и Кальпурния врезала ему кулаком снизу вверх, сокрушив гортань. Лорд, шатаясь и хватая ртом

воздух, привалился к парапету.

Она могла бы убить его прямо сейчас, хорошенько подтолкнув. Он был ошеломлен, хрипел и не мог сопротивляться. Долгое мгновение она раздумывала над этим.

Нет. Есть только один правильный способ это сделать.

Она оставила Халлиана булькать и задыхаться возле арки и неровным шагом спустилась по лестнице. Пистолет лежал там, где упал, среди разбросанных тел. Она подобрала его, смутно спросила себя, как она собирается его перезаряжать, каким-то образом умудрилась неуклюже открыть механизм. Она вставила зарядник и застонала, почувствовав, как боль словно тянет сквозь тело невидимую проволоку — вниз в ноги, вверх в голову. Щелчок затвора помог ей сконцентрироваться, стиснуть рукоять и снова подняться. Она снова поднялась, рука с оружием казалась такой же тяжелой и безвольной, как сломанная. Голова готова была упасть на грудь, тело — рухнуть в обморок. «Нет. Надо сделать все

правильно».

Халлиан по-прежнему стоял у парапета над Месой. Он держался за сервитора, уголяющие глядя в его визор и пытаясь пробулькать приказы. Существо неподвижно стояло, глядя куда-то вдаль, и не обращало внимания на хватающие его пальцы, ожидая команды. Траурная накидка сползла с Халлиана, и его красные праздничные шелка пятнала кровь из ран сервитора и кровь сестер и арбитраторов, увлажнившая его оружие. Кальпурния увидела, что уши лорда кровоточат, и осознала, что и с ней должно быть то же самое. Она слышала только шипение и гул, едва различала свои шаги — тихие, скрипучие звуки — и, когда она обратилась к нему, то почти не ощущала собственный голос.

— Лорд Халлиан Кальфус-Меделл с Гидрафура. По свидетельству своих глаз и доказательству в моих руках я приговариваю тебя по праву арбитра-сеньорис Адептус Арбитрес на службе закона Бога-Императора Земли. Я осуждаю тебя за убийство и за нечестивый

заговор против Бога-Императора человечества. Благословен будь Бог-Император, во имя Его я привожу приговор в исполнение.

Халлиан уставился на нее, парализованный и почти ничего не понимающий. Она тщательно прицелилась и выстрелила ему между глаз.

Колокол прозвучал в тот миг, как рассвет озарил горизонт, и внизу, на Месе, по всем улицам Августеума, и Босфорского улья, и огромного города вокруг него, и во всех иных местах по всему Гидрафуру толпы людей сбросили траурные робы, прыгали и кричали в алых праздничных одеждах: Вигилия завершилась, началась Сангвинала. На каждой башне развернулись красные знамена, из каждого окна выплеснулись красные ленты, и ярко-красные брызги пиротехники еще ярче украсили и без того густой утренний свет.

Кальпурния смотрела, как тело лорда Халлиана, выше нижней губы которого ничего не осталось, рухнуло с

галереи и, вращаясь, полетело вниз, исчезнув из вида в воздухе, насыщенном конфетти, фейерверками, криками и торжествующими гимнами. Она пошатнулась и неуклюже отступила на шаг и другой назад. Ей смутно казалось, что это неправильно, что уже был какой-то праздник. Она знала следующую часть: был праздник, а потом кто-то, кого она не видит, будет стрелять в нее, а потом она будет встречаться с аристократами, и летать в космос, и убегать от преследования в саду. Она не должна делать все это снова...

Наконец, раны наверстали свое, и Кальпурния медленно повалилась на пол галереи, а ее сознание ускользнуло в темноту.

ЭПИЛОГ

Сразу после полудня на двадцать четвертый день Септисты Шира Кальпурния, в парадной униформе и пыльно-черной траурной мантии, ждала у внешних дверей Собора Восходящего

Императора. Остальные участники похорон ушли наружу, в яркий день. В отдалении внутри Собора она видела людей в желто-коричневых одеждах кающихся — граждан, которые слишком увлеклись во время празднеств Сангвиналы и совершили какие-то мелкие проступки, которые они теперь искупляли. Они суетились вокруг подножий колонн и алтарей, подметая, полируя поверхности и выгоняя запах погребальных благовоний. Кальпурния знала, что во второй половине дня тут будет религиозная процессия, и воздух во время нее должен быть сладким, но ей все равно хотелось бы, чтоб она этого не видела. Это отдавало безразличием и вселяло в нее печаль.

Погребальную службу у Торианского алтаря провел сам епарх Базле. На похороны явились представители всех благородных семейств, потому что ни одно из них не осмелилось не проявить участие. Никто из них, судя по виду, не был доволен тем, что те, кого они считали просто низкопоставленными служащими, удостоились столь пышной

церемонии. Кардинал завершил надгробную речь словами о величайшем благородстве, заключающемся в смирении и долге, о героических смертях и подлинном достоинстве, и Кальпурния понимала, что это то же вряд ли понравилось собравшимся сливкам общества. Единственным человеком, который подошел к ней после службы, был инквизитор Жоу, который принес свои соболезнования и сухо, но, судя по всему, искренне поздравил ее с «победой». Она любезно приняла и то и другое, и Жоу без дальнейших церемоний удалился. Кальпурния больше ничего не слышала о выговорах, которыми он грозился после атаки на поместье Лайзе-Хагганов, и подозревала, что он собирается об этом забыть.

Позади нее раздалось отчетливое покашливание. Там стоял Барагрий, одетый в простую черно-красную рясу священника, и протягивал ей черный полотняный свиток. Неуклюже развернув его одной рукой — та рука, что сломал сервитор своей клешней, была

восстановлена на нарощенной кости, но пока что она все еще была прибинтована к телу и заживала — Кальпурния посмотрела на аккуратный список имен, выведенных белыми чернилами. Имена, которые епарх зачитывал с этого свитка во время похорон, Арбитрес и сестры, погибшие в схватке под залом колокола. Арбитр Эсскер, сестра Цустина, другие. Имя Баннона было предпоследним, и она на миг прикрыла глаза и склонила голову, когда дошла до него.

— Епарх шлет вам свои личные благословения, моя леди арбитр, — сказал Барагрий, когда она снова скатала свиток и заткнула его за ремень, — и надеется, что сможет вскоре встретиться с вами на аудиенции. Однако ему интересно — и, скажу вам, мне тоже — для чего вам список имен. Мы рады отдать его вам, но как вы намерены его использовать?

— Молитвенник, который мне выдали при вступлении в должность, поучает, что мы должны размышлять над долгом и самопожертвованием, почтенный Барагрий. Я помещу этот свиток на

алтарь в своей комнате и буду читать его вместе со священными писаниями. Думаю, немногие писания будут лучше, чем имена этих людей, что погибли рядом со мной, потому что таков был их долг перед Императором.

Барагрий кивнул, сразу поняв, и благословил ее знамением аквилы. Кальпурния воспроизвела его, насколько могла, и вышла из Собора. Она отпустила свою охрану, когда служба закончилась, и теперь шла одна вниз по рампе, разглядывая барельефы под ногами. Она решила, что должна узнать истории всех святых сегментума Пацификус, которые здесь изображены. Может быть, Леандро или кто-то из капелланов участка сможет их рассказать.

С гор доносился чистый прохладный ветерок — говорили, приближается влажный сезон — который овевал шпили Собора и ворошил ее волосы, и впервые за три дня микрометбраны, которыми восстановили ее барабанные перепонки, как будто стали меньше чесаться, заживая.

Она поправила свиток за поясом и

положила ладонь на рукоять дубинки. Это было ее новое оружие, выделенное Дворовым из собственного арсенала, чтобы заменить дубинку, сломанную сервитором, которую ей выдали еще на Мачиуне. Та была классической моделью «Ультима», короткой, тяжелой, без всяких украшений, больше всего подходящей для рубящих ударов. Новая была сделана в гидрафурском стиле — более длинная, легкая и тонкая, с шипованной гардой, что не позволяло проводить маневры с обратным хватом, как ее тренировали. Старая дубинка была грубая и мощная, и даже без силового поля могла эффективно ломать кости, если резко ударить. Новая же сама по себе имела меньший вес, и для ее применения требовалась большая сноровка, почти фехтовальный стиль — легонько ткни кончиком и дай силовому полю сделать остальную работу. Кальпурния полагала, что сможет к ней приспособиться.

У подножия рампы ее ждал «Носорог» с работающим вхолостую мотором, готовый увезти ее назад по Месе, обратно в Стену. Она видела свою охрану вокруг

машины, по одному человеку на каждом углу, и поймала себя на том, что искала взглядом Баннона. Она подавила эту мысль и пошла дальше.

Внизу склона стояла группа людей в одежде приглушенных цветов — кучка аристократов, пришедших на похороны. Они остановились поговорить, прежде чем разойтись, но, когда ее заметили, разговоры тут же утихли. Арбитр и гражданские на миг поглядели друг на друга, потом группа неуверенно раздалась в стороны, чтобы дать ей пройти.

Она знала, что они никогда ее не простят. Она знала так же хорошо, как и они, что Халлиан Кальфус-Меделл умер отлученным от церкви преступником и не был официально оплакан. И она знала так же хорошо, как они, что это не имело значения — она была неотесанной чужеземкой, а он был одним из их числа.

Одной из последних в сторону отошла молодая девушка в фиолетово-черном наряде со странной темной маской — но это была совсем не маска, поняла Кальпурния, но чудовищный синяк, пятно

опухшей черной плоти, выпирающее поперек ее переносицы и переходящее в густой желтый цвет на щеках и лбу, где кровоподтек уже начал заживать. Только через несколько секунд Кальпурния осознала, кто это.

— Леди Кета, — сказала она и приподняла новую дубинку в символическом салюте. Девушка отшатнулась, и Кальпурния взглянула в ее водянисто-серые глаза.

Она не знала, сможет ли она когда-либо все ей объяснить. Сомнительно. Она даже могла увидеть себя их глазами — как она жестоко улыбается, помахивая оружием перед их лицами, наслаждается их покорностью, новая сила, что уничтожила своего врага и теперь устраивается на его месте. Так уж работали их мозги.

Однажды, пообещала она себе, она сядет рядом с Кетой, или Атианом Таймон-Пером, или еще кем-то из них, кого она сможет убедить ее выслушать, и постарается сделать так, чтобы они поняли. Она прочитает им максимы,

которые выучила на Ультрамаре, достанет свои старые детские учебники, если понадобится. Она будет говорить с ними о своем долге, о Законе и чести. О том, что Закон может быть холоден, и может быть жесток, но он — их защитник, проводник, хранитель мира и заступник. Она попытается рассказать им о том, что значит делать правильные вещи.

Все это промелькнуло в ее голове в тот длинный, безмолвный миг перед Собором. Но прямо сейчас, в этот момент, у нее была работа, и ее следовало сделать. Молча, с текущими ручьем слезами, девушка отступила в сторону, и Шира Кальпурния, арбитр-сеньорис Гидрафура, гордо прошла мимо нее, туда, где ждали ее Арбитрес.